

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИЗАЙНА И ТЕХНОЛОГИИ»**

Международная научно-практическая конференция

**ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОГРЕССА:
РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(25-27 апреля 2016 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЧАСТЬ 1

Москва – 2016

УДК 008+009+159.9+330

М 82

Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. – 325 с.

В сборник включены статьи участников конференции: профессорско-преподавательского и научного состава, аспирантов российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских учреждений. Статьи отражают широкий спектр основных направлений исследований в современной гуманитарной и общественной сфере.

Ответственные редакторы:

В.С. Белгородский (Москва, Россия), О.В. Кашеев (Москва, Россия), В.В. Зотов (Москва, Россия), И.В. Антоненко (Москва, Россия).

Редакционный совет: Г.В. Акопов (Самара, Россия), А.А. Аникин (Москва, Россия), Н.Г. Артемцева (Москва, Россия), О.А. Артемьева (Иркутск, Россия), Г.А. Горбань (Запорожье, Украина), Д.Д. Дуйсенбеков (Алматы, Казахстан), О.А. Запека (Москва, Россия), А. Ишикава (Токио, Япония), И.Н. Карицкий (Москва, Россия), М.М. Кашапов (Ярославль, Россия), Л. Кеверески (Битола, Македония), О.В. Ковалева (Москва, Россия), А.Ф. Корниенко (Казань, Россия), А.А. Костригин (Нижний Новгород, Россия), О.М. Краснорядцева (Томск, Россия), Т.Ю. Нечаева (Москва, Россия), М.Д. Няголова (Велико Тырново, Болгария), В.Н. Панферов (Санкт-Петербург, Россия), Е.Г. Страчкова (Москва, Россия), И.А. Сусоколова (Бремен, Германия), П.Т. Тюрин (Рига, Латвия), А.А. Федоров (Новосибирск, Россия), Н.П. Фетискин (Кострома, Россия), М.Д. Чабаркапа (Белград, Сербия), В.А. Янчук (Минск, Беларусь).

ISBN 978-5-87055-352-8

ISBN 978-5-87055-355-9

© Московский государственный университет
дизайна и технологии», 2016

© Коллектив авторов, 2016

© Обложка. Дизайн. Николаева Н.А., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СЕКЦИЯ «МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»	
<i>Акопов Г.В.</i> Многомерность сознания: типологизация исследовательских подходов.....	16
<i>Акопян Л.С.</i> Многомерный подход в изучении эмоциональных явлений.....	24
<i>Балин В.Д.</i> Дифференциация психологического знания и проблема его классификации.....	28
<i>Балл Г.А.</i> Категория гармонии в разработке человековедческих проблем.....	34
<i>Балл Г.А., Мединцев В.А.</i> Формализованное описание культурных процессов как инструмент психологии.....	38
<i>Бастун Н.А.</i> Психология в историко-культурном контексте: переход от периода модерна к постмодерну.....	44
<i>Безгодова С.А.</i> Методологические проблемы психологии: историко-психологический анализ.....	50
<i>Беспалов Б.И.</i> Проблемы разработки понятий в культурно-деятельностной психологии.....	55
<i>Богданчиков С.А.</i> О многозначности понятия «советская психология».....	61
<i>Богданчиков С.А.</i> Дискуссия между К.Н. Корниловым и В.Я. Струминским в отечественной психологии 1920 гг.....	68
<i>Бондаренко А.Ф.</i> Соблазн унитарности в современной методологии наук о психике и пути его преодоления.....	73
<i>Бреусенко-Кузнецов А.А.</i> Отечественные традиции теоретизации личности досоветского периода.....	80
<i>Васильев И.А.</i> Классический этап в развитии психологии мышления.....	87
<i>Васюкова Е.Е.</i> Центральный исполнитель рабочей памяти: свойства и стратегии функционирования (к вопросу методологии).....	93
<i>Вачков И.В., Колтачук Е.В.</i> Существование Я в эпоху постмодернизма: иллюзия или реальность?.....	99
<i>Ждан А.Н.</i> Единство психологического научного знания как историко-методологическая проблема.....	104
<i>Зеленкова Т.В.</i> Интеграция психологической теории и практики как условие социального прогресса.....	109
<i>Златанович Л.Д.</i> Понятие смысла жизни: некоторые замечания о теории и исследованиях.....	114
<i>Карицкий И.Н.</i> Интроспекция как метод психологии.....	120

<i>Клочко В.Е.</i> О понятийном аппарате постнеклассической психологии.....	128
<i>Корниенко А.Ф.</i> Системно-уровневая классификация психических процессов.....	133
<i>Корниенко А.Ф.</i> Смысловая система понятий общей психологии....	141
<i>Костригин А.А.</i> О критике статьи М.М. Троицкого «немецкая психология в текущем столетии» (1867).....	149
<i>Костригин А.А.</i> О методологии психологии на рубеже XIX-XX веков: У. Джеймс, В. Дильтей и В.А. Снегирев.....	155
<i>Купцов И.И. , Аксенова Г.И.</i> Воля: ее значимость в психическом и духовном мире человека.....	161
<i>Леньков С.Л.</i> Методология субъектно-информационного подхода к психологическим исследованиям деятельности.....	164
<i>Логинова Н.А.</i> Антропологический подход в российской психологии XX и XXI века.....	169
<i>Мазилев В.А.</i> «Концептуальная путаница»: о некоторых методологических проблемах современной психологии.....	173
<i>Маланов С.В.</i> К вопросу о детерминации и локализации психических функций.....	181
<i>Меньшикова Л.В.</i> О содержательной неопределенности понятия «толерантность».....	187
<i>Мироненко И.А.</i> К вопросу о возможности и пределах психофизиологического монизма в психологии.....	192
<i>Морогин В.Г.</i> Палеопсихологические основания видовой неоднородности современного человека.....	200
<i>Няголова М.Д.</i> Фихтеанство и гербартианство в методологии психологии: Йенская педагогическая школа в Болгарии.....	210
<i>Панферов В.Н.</i> Интегральный синтез в психологическом познании...	215
<i>Петренко В.Ф.</i> Конструктивизм как методология множественности модельного описания и конструирования в познании.....	221
<i>Пископнель А.А.</i> Проблема сознания в СМД-подходе и современная психология.....	229
<i>Попов Л.М., Ибрагимова Е.Н.</i> Предмет психологии личности.....	236
<i>Семенов И.Н.</i> Методологические аспекты взаимодействия психологии и философии в российском человекознании.....	242
<i>Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю.</i> Всеволод Басов (1892-1937 (?)) – новое имя в истории российской психологии и педологии.....	248
<i>Стоюхина Н.Ю.</i> Из истории психологии советской рекламы.....	254
<i>Сусоколова И.А.</i> Два подхода к пониманию высшей формы психики.....	260
<i>Тодорович Е. , Чабаркана М.Д.</i> Из истории психологии в Сербии: обзор развития до Второй мировой войны.....	267
<i>Толочек В.А.</i> Семь «измерений» профессиональной пригодности	

(постановка вопроса).....	273
Тулчинский Г.Л. Историческая память: гордость, скорбь и забвение.....	278
Турчин А.С. Акмеологический и деятельностный подходы в психологии.....	283
Федоров А.А. Развитие взглядов В. Вундта на место психологии в системе наук.....	289
Шадрин Н.С. Структура и характер детерминант психического: к изложению вводных тем курса общей психологии.....	294
Шановаленко З.И. Борьба идей как главная движущая сила развития истории психологии.....	301
Шрагина Л.И. Метакогнитивные процессы в контексте системной методологии.....	305
Юров И.А. Две парадигмы отечественной психологии.....	311
Янчук В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса.....	317

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ГУМАНИТАРНЫХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Настоящий сборник представлен статьями авторов – участников Международной научно-практической конференции «Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность», МГУДТ, 25-27 апреля 2016 г. Тематика конференции представляется остро актуальной в эпоху назревшей модернизации России, действительной основой которой может выступать только человеческий потенциал. Различные аспекты социального прогресса России – философские, культурные, социологические, психологические, языковые, политологические, исторические, правовые, экономические, управленческие, этнические, международные – рассмотрены в публикациях и дискуссиях конференции.

Конференция собрала ученых-исследователей из 19 стран мира, в том числе из России, Армении, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Германии, Индонезии, Казахстана, Китая, Латвии, Македонии, Сербии, Сирии, Словении, США, Узбекистана, Украины, Чехии и Японии. Также различными регионами широко представлена Россия: от Хабаровска, Иркутска и Кызыла на востоке до Калининграда и Санкт-Петербурга на Западе, от Ярославля и Твери на севере до Краснодара и Ставрополя на юге, всего 41 регион России.

Конференция работает по 14 основным направлениям. Это – «Методология и история психологии» (рук. И.Н.Карицкий, В.Ф.Петренко, В.А.Мазиллов), «Социальная психология» (рук. И.В.Антоненко, Т.П.Скрипкина, В.А.Янчук), «Педагогическая психология» (рук. О.А.Прилуцкая, Г.И.Медведева), «Практическая психология» (рук. Г.В.Залевский, В.И.Юртаев), «Психология искусства, дизайна, моды и творчества» (рук. Н.Г.Артемцева, Д.Б.Богоявленская, Т.Н.Грекова), «Философские проблемы социального развития: история, теория, методология» (рук. О.В.Ковалева, Л.Е.Яковлева), «Инновации: социально-экономические предпосылки» (рук. А.А. Одинцов, Н.Н.Губачев), «Языковые и литературные аспекты социального развития» (рук. А.А.Аникин), «Гражданское общество в России: становление и перспективы развития» (рук. Т.Ю.Нечаева, В.П.Грызлова), «Искусство в современном мире: Россия и славяне» (рук. А.К. Коненкова), «Социальные функции культуры: опыт славянских народов» (рук. М.Н.Громов, Г.П.Мельников), «Психология конфликта и мышление субъекта» (рук. М.М.Кашапов, З.Х. Кайтукова, Н.И.Леонов), «Социальная экономика и современный менеджмент» (рук. Е.Г.Страчкова, И.А.Дружинина, В.А.Пурыскина) и семинар «Методология отечественной психологии: история и современность» (рук. Г.В.Акопов, Д.Б.Богоявленская, И.Н.Карицкий, Н.Л.Карпова, В.Г.Кузнецов, В.А.Лекторский, В.А.Мазиллов, В.Ф.Петренко, Н.И.Чуприкова).

Всего в материалах конференции представлено 424 статьи, освещающих широкий круг вопросов по гуманитарным основаниям социального прогресса. Наиболее представительным оказался блок секций по направлениям психологии: «Методология и история психологии» (51 статья), «Социальная психология» (100 статей), «Педагогическая психология» (30 статей), «Практическая психология» (29 статей), «Психология искусства, дизайна, моды и творчества» (57 статей), «Психология конфликта и мышление субъекта» (22 статьи), семинар «Методология отечественной психологии: история и современность» (52 участника). Но и другие направления работы конференции также представлены на хорошем уровне: «Философские проблемы социального развития: история, теория, методология» (20 статей), «Гражданское общество в России: становление и перспективы развития» (35 статей), «Языковые и литературные аспекты социального развития» (20 статей), «Искусство в современном мире: Россия и славяне» (7 статей), «Социальные функции культуры: опыт славянских народов» (10 статей), «Инновации: социально-экономические предпосылки» (19 статей), «Социальная экономика и современный менеджмент» (24 статьи).

Основной круг вопросов, обсуждаемых в секции «Методология и история психологии» (рук. И.Н. Карицкий, В.Ф. Петренко, В.А. Мазилев), связан с исследованием многообразия методологических подходов в психологии и выяснением специфики, преимуществ и недостатков отдельных подходов (Г.В. Акопов – типологизация подходов в исследовании сознания, Б.И. Беспалов – культурно-деятельностная психология, В.Е. Ключко – понятийный аппарат постнеклассической психологии, С.Л.Леньков – субъектно-информационный подход, Н.А.Логинова – антропологический подход, И.А.Мироненко – критика психофизиологического монизма, В.Ф.Петренко – конструктивизм, А.А. Пископель – СМД-методология, А.С.Турчин – деятельностный и акмеологический подходы, Л.И.Шрагина – функционально-системный подход, И.А.Юров – диалектико-материалистическая и гуманистическая парадигмы в психологии). Близкий круг дискутируемых вопросов отражает варианты дифференциации и интеграции психологического знания (В.Д.Балин, А.Н.Ждан, В.Н.Панферов, В.А.Янчук). В ряде статей представлена и исследована основная психическая феноменология (Л.С.Акопян, А.А.Бреусенко-Кузнецов, И.А.Васильев, И.В.Вачков и Е.В.Колтачук, А.Ф.Корниенко, И.И. Купцов и Г.И.Аксенова, С.В.Маланов, Л.М.Попов и Е.Н.Ибрагимова, И.А.Сусоколова, Н.С.Шадрин). Довольно широкий круг методологических проблем психологии представлен работами Г.А.Балла и В.А.Мединцева, Н.А.Бастун, С.А.Безгодовой, А.Ф.Бондаренко, Е.Е.Васюковой, Т.В.Зеленковой, И.Н.Карицкого, В.А.Мазилова, В.Г.Морогина, И.Н.Семенова, В.А.Толочка. Проблемы истории психологии и ее методологии проанализированы в публикациях С.А.Богданчикова, А.А.Костригина, М.Д.Няголовой, М.Ю.Сорокиной, Н.Ю.Стоюхиной, Е.Тодорович и

М.Д.Чабаркапы, А.А.Федорова, З.И.Шаповаленко. Особо важный круг экзистенциальных и моральных проблем представлен работами Г.А.Балла, Л.Д.Златановича, Л.В.Меньшиковой и Г.Л.Тульчинского.

Секция «Социальная психология» (рук. И.В.Антоненко, Т.П.Скрипкина, В.А.Янчук) является наиболее представительной. Можно сказать, что здесь специалистами был произведен всесторонний анализ современного состояния российского общества и даны научные рекомендации как одно из оснований социального прогресса. Статьи В.Н.Панферова и В.А.Янчука дают представление о глубинных методологических проблемах социальной психологии. И.Н.Карицкий, Т.Мидзуками, В.А.Толочек и М.Ю.Чернышов дают обзор отдельных проблем социального развития. В работах Г.Н.Белявского, А.Ишикавы, А.С.Мельничука, Н.Петровича и М.Д.Чабаркапы, Л.В.Поповой и С.А.Смбатяна, а также М.Ю.Чернышова всесторонне исследуется важная проблема социальных представлений. Собственно, ряд социально-психологических оснований социального прогресса рассмотрен в статьях И.В.Киселевой, О.М.Красноярцевой, С.В.Марихина, О.В.Москаленко и И.В.Поляковой. Наиболее часто авторы этой секции обращались к проблематике психологии труда, профессиональной деятельности и организационной психологии, среди них: А.В.Абрамов, Е.А.Шмелева и П.А.Кисляков, А.П.Авдеева, И.В.Антоненко и И.Н.Карицкий, В.В.Белик, А.Б.Белов, И.В.Вачков и Е.В.Колтачук, В.П.Волкова и Н.Н.Глушач, О.Г.Ворошень, С.В.Данилова, В.Г.Денисова, В.В.Зотов, Т.П.Коваленок, А.С.Комбу, Т.Н.Кошелева, Л.М.Лучшева и А.В.Трапезникова, О.В.Меринова-Михаил, И.Н.Надежкин и И.Э.Исаева, Ш.Огума, Е.А.Палт, О.В.Ракитина, К.В.Речкалова, Е.В.Селезнева, Л.А.Сизова, Ш.М.Улугова, В.Д.Ушакова, С.В.Ушнев, Н.Е.Аймаутова и Ж.Б.Онзимба-Ленюнго, С.Ю.Флоровский и С.В.Шпитонков. Смежной проблематикой – психологией образования (а образование одно из оснований социального прогресса) – занимаются такие исследователи, как Н.Н.Акимова, Т.К.Комарова, И.В.Романов, В.Б.Салахова, С.Стойилькович, А.Стойнович и Г.Джигич, А.Н.Тимохович и С.С.Филенко, Е.А.Шмелева и П.А.Кисляков.

Тематику исследований, представленных в секции «Социальная психология», продолжают работы О.Л.Бегичевой, С.П.Елшанского, А.Ф.Ануфриева, З.М.Камалетдиновой, О.Е.Сапарина и Д.В.Семенова, Е.В.Жатько и Н.С.Танык, Е.Тодорович, В.Арнаутовой и И.Янкович (психология семьи), И.В.Антоненко, М.М.Басимова и С.Г.Достовалова, Т.П.Скрипкиной, Т.Ю.Фадеевой (психология доверия и надежды), А.В.Атемасова, Е.Е.Бочаровой, Э.Л.Вандановой, Г.А.Горбань, М.А.Кленовой, Н.С.Крупениной, О.В.Курышевой, А.В.Микляевой, М.И.Яновского (многообразие проблем социализации личности в обществе). Проблемы этнопсихологии и психологии религии развернуты в публикациях таких авторов, как А.С.Андреев, Т.П.Борисова и З.З.Хусаинова,

В.В.Гусев, В.И.Поручиков и Д.С.Батарчук, И.И.Дурностук, Г.С.Степанова, К.А.Темирева, О.Р.Тучина. Проблематика гендерных исследований представлена работами Н.И.Журавлевой, Е.В.Камневой, Д.М.Рамендик и Е.Ф.Ященко. Важная тема правового сознания в современной России и других странах репрезентирована работами Г.В.Довжик и Н.С.Бикен, Д.Д.Дуйсенбекова, Т.И.Мироновой и Д.Н.Фетискина, Д.В.Семенова и С.П.Елшанского, Л.В.Синицыной, Н.П.Фетискина и С.В.Шепелевой. Еще одно гуманитарное основание социального прогресса – психология нравственности – представлено работами И.В.Арендчук, Т.П.Борисовой и Т.В.Николаевой, Е.В.Головлевой, Г.В.Дьяконова. Ряд работ посвящен анализу методов и методик социально-психологического исследования (Г.И.Медведева, О.Б.Сладкова, М.Н.Усманова и Д.Б.Рахманова), а также некоторым аспектам социальной перцепции (Т.Н.Горобец и В.В.Ковалев, О.В.Филонова и М.В.Ионцева, В.А.Чумакова).

Широкий круг вопросов по дошкольному, школьному, внешкольному, вузовскому и послевузовскому образованию обсуждается в секции «Педагогическая психология» (рук. О.А.Прилуцкая, Г.И.Медведева). Так, Ю.М.Васина и О.И.Корева исследуют проблемы дошкольного развития детей, различными аспектами развития, воспитания и образования детей школьного возраста занимаются М.М.Басимов, Е.В.Дианина, Н.И.Мотолова и Г.И.Атаманова, О.Н.Овчарова, З.О.Ооржак, Л.Ф.Чупров. К традиционным формам народного образования обращаются М.О.Куулар, Н.М.Сандак-Доржу. Творческие формы обучения исследуют А.С.Хачатрян, А.И.Саргсян и Г.Ж.Лпутян. Различные аспекты образования в вузе является предметом изучения в работах Л.С.Буровой и А.С.Турчина, Н.Д.Джиги, А.С.Жуковой и А.В.Маркер, С.Н.Злобиной и Н.Н.Глушач, А.В.Мантиковой, С.В.Пазухиной, А.З.Халимбекова и А.А.Дьячкова. Особенности личности ученика, студента, учителя и педагога, профессиональные роли рассматриваются в публикациях И.С.Арон, А.А.Бакулевой и И.В.Бакуновой, Е.М.Бантюковой, И.В.Плаксиной, О.В.Ракитиной, Т.С.Стрункиной и Е.А.Шмелевой. Образование и воспитание в особых условиях и при особенностях личностного развития проанализированы в статьях Т.С.Пилишвили, Е.С.Петрухиной и С.А.М.Алиевой, К.В.Прониной, В.С.Савельевой и А.Г.Самохваловой. Ч.Абрамсон, И.В.Антоненко и И.Н.Карицкий в своих работах исследуют некоторые общие условия социокультурной среды образования.

Современное российское общество все больше приобретает черты психологического общества (М.Гросс, И.Е.Сироткина, Р.Смит), один из признаков этого – развитие психологических практик. В секции «Практическая психология» (рук. Г.В.Залевский, В.И.Юртаев) представлен весь круг основных проблем психологической практики. Вопросы философии, методологии и общей теории психологической практики рассмотрены в работах Г.В.Залевского, И.Н.Карицкого и В.А.Мазилова. И.В.Антоненко и

Н.Н.Зеленцова исследуют некоторые общие проблемы психологических практик. К проблеме саморегуляции, лежащей в основе любой психопрактики, обращаются А.К.Акименко, Е.В.Жатько, Г.А.Коноваленко и Е.Н.Конасова, Е.В.Куфтяк, А.П.Лебедев и А.А.Реунова, С.Ю.Флоровский и И.А.Шияневская. Важный аспект психологического просвещения представлен исследованиями И.А.Аликина, М.И.Аликина и Н.В.Лукьянченко. Проблема психологической профилактики затронута в работе О.И.Ефимовой. Многообразное содержание и методики психотерапии, коррекции и консультирования представлены статьями Л.И.Воробьевой, Н.В.Кисельниковой, Е.В.Лавровой, Е.А.Куминской и С.В.Марковой, В.Е.Купченко и Е.В.Устюговой, Н.Д.Линде и П.Д.Никитенко, Л.В.Синицыной и Н.А.Ведерниковой. Вопросы личностного развития и применения тренингов освещены публикациями Т.И.Аврамовой, Н.В.Ланиной и Н.Н.Шенцевой. Большой круг социальных проблем практической психологии проанализирован в статьях О.А.Артемьевой, М.Е.Зеленовой, Л.М.Лучшевой и А.В.Леушиной, И.М.Миклашевич, Е.С.Миньковой, В.Э.Пахальяна, Е.С.Рогачевой, Д.А.Сизовой и В.И.Юртаева.

Секция «Психология искусства, дизайна, моды и творчества» (рук. Н.Г. Артемцева, Д.Б. Богоявленская, Т.Н. Грекова) представлена широким спектром теоретических и эмпирических исследований, связанных с актуальными тенденциями в психологии моды и искусства, социально-психологическими факторами креативности и процессами современной проектной культуры в дизайне среды. Тематика работ по проблемам моды отражает научно-исследовательский поиск новых аспектов понимания моды как социально-психологического феномена (работы И.В.Антоненко и И.Н.Карицкого, Н.Г.Артемцевой и Д.Ю.Бурмистровой, И.Ю.Буфеевой, К.В.Вербовой, О.А.Пеньковой, Т.Н.Грековой, Г.И.Петушковой и Т.А.Петушковой, М.И.Килошенко, Н.А.Коробцевой и Е.А.Петровой, Е.А.Кругляковой, А.С.Новиковой, А.З.Ахметвалиевой и Г.З.Ахметвалиевой, Т.П.Смирновой и И.В.Кикнадзе и др.). Работы по психологии искусства отмечены обращением к ментальным и национальным истокам искусства, выделяются общие, особенные и типологические основания мировоззренческих систем и авторских стилей (работы Н.А.Архиповой, Н.В.Вараевой и Е.А.Николаевой, Е.С.Воробьевой, Е.П.Воропаева, И.В.Грекова, С.Т.Гулямовой, И.И.Ильсова, А.В.Котеневой, И.В.Лопатковой, С.Н.Лосевой, А.В.Масленниковой, Н.Л.Нагибиной, И.Е.Сироткиной, И.Е.Соколовой, П.Т.Тюрина и др.). В области психологии творчества креативность рассматривается как норма развития и как функция личности, способной к самосозиданию и самопроектированию, а также выступающей как субъект своего житнетворчества (работы Н.Г.Артемцевой, Д.Б.Богоявленской, К.Ю.Брешковской и М.И.Петуховой-Левицкой, Т.В.Галкиной, А.В.Губенко, Н.Д.Джиги и

О.В.Мисюченко, Г.П.Зарецкой, З.Х.Кайтуковой, Е.А.Карповой и А.В.Амалайна, В.О.Колесниченко, Е.В.Новиковой, А.Н.Тимохович и Ц.С.Филенко и др.). В рамках изучения психологических аспектов дизайнерского проектирования среды особое внимание уделяется художественному моделированию как форме мышления и познания, ключевым остается вопрос, связанный с нахождением контактов на психологическом уровне двух систем: дизайнера и заказчика (работы И.Б.Волкодаевой, А.А.Грашина, Э.В.Кнауб, О.Н.Куриленко, С.В.Марихина, Н.А.Медельца, Т.А.Петушковой, Т.Н.Прокофьевой и О.М.Владимирова, А.А.Рогожиной, А.В.Стрижака, И.В.Сычевой).

В секции «Психология конфликта и мышление субъекта» (рук. М.М.Кашапов, З.Х.Кайтукова, Н.И.Леонов) рассмотрен значительный круг вопросов конфликтологии. Такие авторы, как Е.В.Акимова, А.В.Суворова, А.С.Гасан, М.М.Главатских, М.М.Кашапов, А.Е.Муланурова, Н.Е.Рубцова, Ю.С.Филатова и Ю.К.Рескайя исследуют проблемы конфликтной компетентности, совладающего поведения и личностных качеств участников социальных взаимодействий. Н.С.Ежкова и Л.В.Васичева, Л.Кеверески, М.Котевска-Димовска и Я.Старц свое внимание направляют на различные аспекты конфликтов в организациях, М.В.Башкин, А.А.Волченкова, М.М.Кашапов, Т.В.Ледовская, Н.И.Леонов, Н.Г.Казарина, И.В.Серафимович и Т.В.Эксакусто – на межличностные конфликты, М.Б.Алпысбаева обращается к проблеме посредничества при конфликтах. С.А.Томчук исследует внутриличностные конфликты, Н.В. Кузьмина – социальные конфликты, А.М.Иванова занимается диагностикой конфликтов. Е.Ю.Васильева и М.М.Кашапов рассматривают важные вопросы типов разрешения конфликта и конфликтного реагирования. Общие теоретические проблемы конфликтологии стали предметом внимания М.А. Бендюкова и Н.В. Нижегородцевой.

Доклады секции «Философские проблемы социального развития: история, теория, методология» (рук. О.В.Ковалева, Л.Е.Яковлева) можно условно разделить на три блока: социальная онтология, социальная антропология и социальная гносеология. Значительное место в работах участников уделено разработке социальных проблем образования (Е.В.Зорина, Л.А.Андреева), специфике социально-гуманитарного образования (М.А.Шестакова), гуманитарным рискам и роли философии в их преодолении (О.В.Ковалева). В рамках социальной онтологии рассмотрена концепция семьи в истории философии (Н.Н.Алексейчикова), утопия как фактор социальных изменений (Т.С.Паниотова), теологические истоки гуманизма (Л.Е.Яковлева, А.Е.Коломейцев), основания социальности в различные исторические эпохи (Г.М.Пурынычева), роль традиций в историческом развитии (А.В.Соколов), критерии социального развития (Ю.А.Федотова). В рамках социальной антропологии рассмотрены: модель человека в контексте постмодернизма (Л.Г.Коржановская,

И.А.Аполлонов), многомерная модель социокультурной идентичности (Л.А.Цибизова, Е.Е.Михайлова), проблемы нравственного прогресса в современную эпоху (В.М.Пухир). Особое внимание уделено методологическим проблемам социального познания – перспективам и ограниченности конструктивистского подхода (Н.С.Ильюшенко), принципу органицизма в социальных исследованиях (Г.П.Кузьмина, И.И.Антюшев, Н.Г. Гаврилова). Спецификой представленных докладов является их аксиологическая составляющая, современная философская ориентация, прояснение философских смыслов и истории русской социальности (Н.В.Якушкина). Часть исследований носит ярко выраженный междисциплинарный характер, направленный на интеграцию научно-исследовательских программ (Н.Ю.Ташлыкова).

Материалы, представленные в секции «Инновации: социально-экономические предпосылки» (рук. А.А.Одинцов, Н.Н.Губачев) отражают широкий диапазон научных исследований по актуальным проблемам развития инноваций в экономике, управлении, образовании, обществе, сфере услуг, авторы рассматривают факторы, условия, складывающиеся тенденции и социально-экономические предпосылки инновационного развития общества. В разделе представлен блок методологических статей, рассматривающих инновации как ключевой фактор модернизации экономики (М.А.Мирошниченко, О.К.Дуплякина, Н.С.Имангалиева, О.Н.Ковалева и др.). Отдельная группа работ посвящена анализу отраслевых проблем. Среди них следует выделить, прежде всего, исследование финансовой сферы и ее отдельных институтов (А.А.Андреева, Ю.И.Федчишин, А.Б.Басс, Д.В.Бураков). При этом авторы исследуют чрезвычайно широкий круг объектов: от государственного регулятора в лице Центрального банка РФ до институтов микрофинансирования, инновационные возможности мелкого и среднего бизнеса. К данной группе примыкают статьи, посвященные методам оценки управленческой деятельности, включающие в себя исторический экскурс в вопросы социального управления и управления персоналом (М.А.Мирошниченко, М.В.Полевая, А.Е.Попел). Также ключевой проблемой исследований, отраженных в статьях, являются инновационные образовательные технологии в системе высшего профессионального образования (Н.А.Виноградская, Н.С.Огурцова).

В публикациях секции «Языковые и литературные аспекты социального развития» (рук. А.А.Аникин) прослеживается историческое развитие российского общества, отраженное в языке и литературе, от эпохи Пушкина до современности: новая интерпретация романа «Дубровский», социальные проблемы антинигилистической и документальной прозы (Н.С.Лесков, Л.А.Сулержицкий), актуальные вопросы наших дней в произведениях Д.Л.Быкова, В.О.Пелевина. Литературные произведения разобраны в культурно-историческом контексте, сделаны акценты на характере читательского восприятия, проводится анализ литературной среды, вво-

дятся в научное поле малоизученные документы и новые имена: окружение И.А.Гончарова, биография и творчество С.Н.Дурылина. Сделан акцент на идейно-нравственной стороне языкового развития. Лингвистические проблемы затрагивают язык современного общества на примерах жаргонного дискурса, взаимодействие языков в развитии нации и в образовательном процессе на примерах преподавания в вузах России и Казахстана. Проанализирован ряд явлений в западной культуре на примерах из области литературы, а также риторического сопровождения дизайна и моды. Авторами являются как известные ученые, доктора и кандидаты наук, включая ряд сотрудников МГУДТ, так и ученые молодого поколения – аспиранты.

Статьи, представленные в секции «Гражданское общество в России: становление и перспективы развития» (рук. Т.Ю.Нечаева, В.П.Грызлова), можно разделить на три группы: 1) статьи, посвященные историческим, правовым, политическим, социальным и психологическим аспектам становления и развития гражданского общества в России; 2) статьи по исторической проблематике; 3) статьи по проблемам социальной антропологии. Общие вопросы деятельности гражданского общества рассматриваются в работах А.В.Благовещенского, Л.С.Зиминой и Н.В.Калининой. Проблемы воспитания патриотизма обсуждаются у В.Н.Макарычева, социального партнерства у Л.Н.Антипина, конфликтного потенциала ксенофобских настроений у К.Д.Пипии, либерального и социального трансгуманистического движения у П.П.Мартинкуса. Правовые аспекты деятельности институтов гражданского общества исследованы Е.В.Боженовой, В.П.Грызловой, Е.С.Вайнер, Г.С.Горяевой. Авторами проанализированы проблемы реформирования избирательной системы (Н.С.Грудинин), взаимодействия органов власти и населения (Е.В.Флорова), партийного строительства (Т.Ю.Нечаева), разрешения конфликтов (Т.В.Ледовская, О.Е.Прудников), гражданской идентичности (Е.И.Горбачева), коррупции (Л.А.Жигун), предпринимательства (И.В.Антоненко, И.Н.Карицкий). Особое внимание уделено молодежи: публикации таких авторов, как Л.А. Колпина, А.Ю.Денищик, А.А.Немцов, Т.А.Джавадов, А.Ю.Топильская, В.С.Садовников, А.О.Ухалова. Значительная часть работ посвящена вопросам воспитания и образования (О.А.Москвитина, М.Г.Котовская, А.М.Архарова, И.А.Колесникова, И.Е.Лилиенталь, К.В.Ярмашова, П.А.Чирков, В.В.Кашковский). Проблемы трансформации этнокультурной и региональной составляющей современного социума проанализированы в работах Т.А.Криворотовой, Н.В.Кузьминой, Э.Ю.Майковой, О.Ю.Верпатовой, Л.Лейиня, К.Э.Мартинсоне, Е.Левиной. К.А.Назарова излагает данные по исследованию человека современного антропологического типа. Исторический блок секции представлен статьями С.В.Дроздова, Е.П.Цумаревой, И.В.Объедкова и М.В.Кукеля.

Как отмечают авторы публикаций секции «Искусство в современном мире: Россия и славяне» (рук. А.К.Коненкова), развитие искусства в со-

временном мире имеет в своей основе глубокие народные традиции: именно они являются источником творческого поиска художника. Это относится и к искусству художников-станковистов, и к творчеству дизайнеров одежды, и к прикладным видам искусства. В статьях секции нашли свое отражение все эти аспекты. Рассмотрена проблема сохранения и развития культурного наследия в ювелирном декоре верхней женской одежды, в создании новых дизайнерских коллекций русского костюма, в обработке и росписи дерева в различных регионах России. Творчество современных русских художников все больше обращается к традиционным темам, ведь в русском искусстве всегда было принято говорить о нравственном начале, о вечных духовных ценностях. То, как интерпретируются эти темы в условиях современности, рассматривается, в частности, в статье А.К.Коненковой. Кроме того, на секции рассматривается такой важный аспект сохранения духовных святынь русского народа, как восстановление разрушенных в годы советской власти православных храмов.

Во все времена существовал интерес к культуре как к социальному явлению общества. Окружающие нас предметы содержат в себе нечто, привнесенное человеком, и хранят определенную культурную традицию. Тема культуры подробно исследована в секции «Социальные функции культуры: опыт славянских народов» (рук. М.Н.Громов, Г.П.Мельников). Авторы статей отмечают, что национальная культура представляет собой единство социального человека, исторически окружающей ее природы и способов деятельности, взаимодействия человека с природой. Славянство, составляющее треть населения Европы, имеет богатые культурные традиции и большой творческий потенциал. В публикациях подчеркнуто, что единство славянского мира основано на историческом, культурном и конфессиональном родстве наших народов, на общих христианских ценностях. В статьях секции, не претендующих на всесторонний анализ всего комплекса российско-славянских отношений, рассматривается проблема интерпретации культурного наследия славянского мира в контексте современных проблем, раскрывается роль государства в сохранении объектов культурного наследия в исторической перспективе.

Секция «Социальная экономика и современный менеджмент» (рук. Е.Г.Страчкова, И.А.Дружинина, В.А.Пурьскина) представлена статьями, которые отражают широкий круг проблематики социального государства и управления. Доклады конференции раскрывают возможности развития социального государства в России (Е.Г.Страчкова, Д.О.Аннамурадова, Л.Е.Зернова). Большое внимание уделено анализу влияния национальной ментальности на экономическое поведение (О.Ю.Минченкова), затронуты вопросы сохранения памятников культурного наследия Сирии (Е.А.Джанджугазова, Ассаф Басем), рассмотрены перспективные направления в развитии теории трудового потенциала (С.Г.Радько, С.Г.Дембицкий, В.А.Пурьскина, В.Я.Сибилева, Е.А.Пришляк), исследова-

ны мотивации лидерства (О.Г.Щеглова) и роль организационной структуры в управлении персоналом организации (Ю.В.Сухарева). Особое внимание уделено теоретическим аспектам обеспечения платежеспособности предприятий на основе анализа и прогнозирования входящих и исходящих денежных потоков (А.П.Антонов, И.А.Дружинина, Е.С.Селезнева, В.А.Афанасьев, М.Р.Данелян). Развитие инструментов финансового менеджмента нашло отражение в статьях, посвященных формированию структурного многообразия текущих активов организации и хеджированию риска неплатежеспособности в организации (А.А.Антонов, И.А.Дружинина, К.Р.Данелян), а основные проблемы финансовых рынков – в анализе ликвидности и законодательной базы (Б.З.Нагоева, А.О.Носкова, Ю.Н.Локтионова). Вопросы совершенствования процедур современного менеджмента освещены в статьях, связанных с автоматизацией процесса принятия управленческих решений (О.Н.Зотикова, Р.В.Зайнулин), анализом стратегических партнеров корпорации (Н.С.Ивашенко, Е.Ю.Тимохина), маркетинговой деятельностью (Л.Н.Николаева, О.Н.Фадина, Н.С.Ивашенко), исследованием диверсификации (И.С.Юдина).

Таким образом, этот краткий обзор публикаций позволяет заключить, что участниками конференции проделана большая работа по исследованию различных гуманитарных и социальных сторон и закономерностей, лежащих в основе социального прогресса в приложении к современной российской действительности. Можно надеяться, эти труды составят весомый вклад в будущее России.

В.С. Белгородский,

Председатель Организационного комитета конференции

О.В. Кащеев,

заместитель Председателя Организационного комитета конференции

В.В. Зотов,

заместитель Председателя Организационного комитета конференции

И.В. Антоненко,

Председатель Программного комитета конференции

СЕКЦИЯ «МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»

МНОГОМЕРНОСТЬ СОЗНАНИЯ: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

Акопов Г.В.

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия
*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России № 25.1028.2014/К*

Наука сознания определяется как современная междисциплинарная область научных знаний. В психологическом плане наиболее сложной является трактовка сознания как явления субъективности (трудная проблема сознания).

В российской психологии сопоставимой проблемой может быть представлена неразрывность знания и отношения в структурном определении сознания. В широком плане сознание исследуется с позиций биоэволюционной, нейрофизиологической, нейрокогнитивной, социолингвистической, культурно-исторической и др. наук.

Сохранению целостности изучаемого явления способствует идея многомерности, многоуровневости сознания и его хромотопической организации.

Типологизация исследовательских подходов к проблеме сознания позволяет упорядочить существующие изыскания в логике детерминации. Вместе с тем представленность в рассматриваемой типологии субъектной (личностной) интенции исследователя сохраняет возможность и реальность самодетерминации в пространстве проявления сознания.

Типологический подход позволяет выделить и оформить не только пространства явлений и исследований сознания того или иного типа, но также пространство исследователей сознания со своеобразными установками, т.е. тем, что называют «личностным» или «имплицитным» знанием, ценностным отношением, субъективной уверенностью и др.

Ключевые слова: наука сознания, трудная проблема, исследовательские подходы, типология подходов, культурно-исторический контекст, дефиниции сознания, собственник сознания, экология сознания, субъект сознания, пространства сознания, множественность пространств.

MULTIDIMENSIONALITY OF CONSCIOUSNESS: CLASSIFICATION OF RESEARCH APPROACHES

Akopov G. V.

Samara State University of Social Sciences and Education, Russia

The science of consciousness is defined as an interdisciplinary field of modern scientific knowledge. In psychological terms, the most difficult is the interpretation of consciousness as the subjectivity phenomena (difficult problem of consciousness). In Russian psychology comparable problem can be represented by the inseparability of knowledge and attitude in the structural definition of consciousness. In broad terms, consciousness is researched from the point of biological evolution, neurophysiological, neurocognitive, sociolinguistic, cultural and historical and other sciences. Preservation of the integrity of the phenomenon under study contributes to the idea of multidimensional, multilevel consciousness and its chronotopic organization. Typology of research approaches to the problem of consciousness allows to organize the existing research in the logic of determination. At the same, in considered typology the representation of the researcher's subjective (personal) intentions retain the possibility and reality of self-determination in the space of consciousness manifestation. Typological approach allows to select and arrange not only space of phenomena and particular consciousness type research, but also the space of consciousness researches with peculiar settings, i.e. the so called "personal" or "implicit" knowledge, values, attitude, subjective confidence, etc.

Keywords: science of consciousness, difficult problem, research approaches, types of approaches, cultural and historical context, definition of consciousness, consciousness owner, environmental consciousness, subject of consciousness, space of consciousness, multiplicity of spaces.

Глубинная сложность проблемы сознания, обозначенная в объединяющем различные аспекты концепте «многомерное сознание» (Петренко, 2013), определила множественность современных исследовательских программ в междисциплинарной области, называемой сегодня «Наукой сознания» (Velmans, 1996; Велманс, 2009; Акопов, 2007).

В широком поле современных исследований сознания проблема соотношения объективного (объяснимого в принятой терминологии и логике рассуждений; закономерного, использующего детерминационные описания строго однозначного или вероятностного порядка) и субъективного (использующего, так называемые, знания от «первого лица») исканий, по видимому, является главной, если не самой трудной («Hard problem of consciousness»). Трудность на наш взгляд, связана с тем, что не всегда отчетливо дифференцируется семантика термина «знание» в дефинициях сознания. В одном случае оно может определяться как информация, однопо-

рядковая со структурной и функциональной организацией неживой материи и в этом плане возможна также постановка и решение задачи создания искусственного интеллекта (Дубровский, 2015). В другой трактовке человеческое знание неотрывно от человеческого отношения (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.). Если искусственно, из всей совокупности отношений имплицитно присущих любому человеческому знанию, выделить исключительно познавательное отношение, то и в этом случае весьма сложно однозначно определить процессы и результаты осознания познавательной активности человека. Так, в логике понимания, отчетливо дифференцируются знание–интерпретация, знание–постижение, знание–тайна (Знаков, 2005; 2007). Искусственное воспроизводство такого знания равносильно созданию искусственного человека, а предварительно, живого организма.

Признанная в ряде зарубежных исследований проблема «квалиа» как одна из самых трудных в науке сознания, может быть, по нашему мнению, отождествлена или уподоблена проблеме «знание–отношение», определяющей существенную характеристику человеческого знания, представляющего далее неразложимую единицу («клеточку») сознания. (Л.С. Выготский). Другое дело, что знание может быть проявлено не вполне осознанно в существенно различных языках – телесном, образном, речевом, языковом, символическом и т.д. (В.П. Зинченко); а отношение – в различных видах и типах (В.Н. Мясищев), включая явление смысловой установки (А.Г. Асмолов).

Включенность синкрета «знание – отношение» в предметное и инструментальное содержание любого научного дискурса о сознании представляет, не всегда эксплицируемую как трудную, проблему сознания: нечто, используемое для изучения другого, само является частью этого другого, с одной стороны (проекция концепта «знание» на предметную область сознания, т.е. посредством одного неизвестного исследуется другое неизвестное); с другой – частное (фиксированное отношение исследователя к предмету) «пытается» охватить, «объять» общее (совокупность или система всевозможных отношений). Известно, что в случае принципиальных затруднений подобного рода традиционно осуществляется редукция, либо «дробление» проблемы на ряд составных, более простых задач, решение которых в совокупности может облегчить или пролить свет на решение основной проблемы.

Редукционизм – наиболее распространенный прием объективизации научного знания с конца XIX в. вплоть до середины XX в. (Акопов, 2015б). Различные виды и формы редукционизма – физиологизм, нервизм, энергетизм и др. широко использовались в психологии. В прежних, а также новых формах редукционизм достаточно широко представлен также в исследованиях сознания (Ревонсуо, 2013). Отчетливая дифференциация естественно-научных (одна из форм редукционизма) и гуманитарных подходов к решению проблемы сознания, как и опыт строго логического построения

научной системы знаний о сознании, представлен в работах В.М. Аллахвердова. Вместе с тем как определенные альтернативы «психологике» сознания (Аллахвердов, 2000), можно рассматривать психосемантическую концепцию сознания (Петренко, 2013; 2015), метасистемный подход (Карпов, 2011), двухфакторную модель сознания (Акопов, 2010) и др.

Ежегодно обновляемый и расширяемый тезаурус научных знаний в науке сознания (ASSC) задает определенную сложность в научно-познавательной ориентировке и в исследовательской избирательности авторов. Представленная нами типологизация исследовательских подходов по проблеме сознания (Акопов, 2015; Акопов, 2015б) определяет некоторые предпосылки систематизации все возрастающего объема исследований в этой области.

Сложившиеся в разных странах, в тех или иных территориях, в отдельных исследовательских центрах традиции (научные школы) могут определять территориально-культурный контекст исследований сознания. Наука, как отмечают В.Ф. Петренко и А.П. Супрун, «имеет национально-этническую специфику, и можно говорить о специфике, например, отечественной, американской, французской, или, скажем буддийской психологии и философии» (Петренко, Супрун, 2015). Словосочетание «национальная наука» может вызывать возражение, в особенности у представителей естественных наук. обстоятельный анализ данного вопроса, осуществленный Ю.И. Александровым и Н.Л. Александровой, опирающихся также на исследования зарубежных авторов, позволил сформулировать тезис о «национальном своеобразии наук как принципиальной характеристике и ценности мировой науки» (Александров, Александрова, 2010). Консолидирующая позиция в решении этого вопроса (одна наука или взаимодополнение исследований в различных национальных школах) отстаивается в публикациях А.В. Юревича (Юревич, 2010).

Сравнительный или метакогнитивный анализ несовпадающих результатов и выводов, полученных разными авторами в рамках решения одной и той же или серии эквивалентных теоретико-эмпирических задач, становится достаточно широкой практикой современной психологии. Ее распространение в «пространство» национально-культурных научных достижений – как в прошлом, так и современных исследований сознания, представляет важный ресурс и развивающуюся перспективу.

К контекстному типу исследований, включающему как постановку проблемы сознания в тех или иных национально-территориальных и авторских научных школах, так и совокупность условий, причин и сложившихся практик, – достаточно близок широкий спектр сущностных определений сознания и соответствующих этим определениям изысканий. Сюда можно отнести определение сознания как разновидностей материи, в частности, нервной энергии (В.М. Бехтерев), лептонного поля, осцилляций,

волновой функции, иного типа материи (Д. Чалмерс) и др. Естественно отнести к этой категории исследований также те, в которых дефиниции сознания отнесены к идеальным явлениям (информация, коммуникативное поле, социокультурное или семиотическое пространство и др.).

Другая достаточно распространенная линия исследований сознания связана с различными атрибуциями носителя сознания или «собственника сознания» по Г.Г. Шпету, а именно: человек (тело, нервная система, мозг), общество, высшие позвоночные, все живые организмы, космос и др.

Традиционно, как тип междисциплинарного или комплексного исследований сознания, существуют граничные по отношению к самому феномену сознания исследования (внешняя и внутренняя детерминация или регуляция сознания). Наиболее часто осуществляется поиск физиологических или нейронных коррелятов сознания («внутренняя» граница сознания); широко известна гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа («внешняя» граница сознания) и др.

Достаточно распространен тип исследований, определяющих характер взаимосвязи, взаимодействия внутренней и внешней субстанций по отношению к сознанию. Процессуальным и результативным аспектом, определяющим характер взаимодействия внешнего и внутреннего в советской психологии номинировалось отражение, не потерявшее своего методологического и концептуального значения для построения целостной системы психологического знания (Чуприкова, 2015). Альтернативный подход в рамках данного типа изысканий связан с функцией порождения (А.И. Миракян, В.И. Панов и др.). Идеология конструктивизма, первоначально широко определившаяся в социологии и социальной психологии, рассматривает конструирование в качестве процесса и результата взаимосвязи, взаимодействия внешнего и внутреннего. Конкретное общепсихологическое (психология личности) воплощение «конструкционизма» осуществлено в системе личностных конструктов, предложенной Дж. Келли. В концепции многомерности сознания, предложенной В.Ф. Петренко (Петренко, 2013), осуществлен синтез идейной (конструктивизм) и инструментальной сторон исследования сознания.

Теоретически возможно независимое (параллельное) функционирование внешнего и внутреннего, по отношению к сознанию человека, «миров». В этом случае сознанию приписывается свойство эпифеноменальности. Идея консолидирующего взаимодействия в границах сознания высказана в работе автора (Акопов, 2010).

Иной, широко представленный в современной науке сознания, тип исследований связан с характеристикой психологических «инструментов», используемых как в методическом обеспечении исследования (по отношению к респондентам), так и в собственной аналитической работе исследователя. В качестве таких инструментов часто выступают когнитивные функции (внимание, память, мышление, рефлексия и др.), что вкупе с

идеологией теоретической и экспериментальной «вычислимости» сознания определило одну из доминирующих ориентаций в современной психологии – когнитивизм.

Поведенческий императив как инструмент исследователя для сознательно «очищенного» от предмета изучения сознания в пользу анализа объективно регистрируемых реакций испытуемого на определенные стимулы (бихевиоризм) все более отступает под натиском нейро-когнитивных исследований сознания. Тем не менее, пользу, как и новые версии этого инструмента (Dennett, 1991) нельзя отрицать. Значительно менее представлены в современной науке эмоционально-образные инструменты исследования сознания, в частности, интуитивизм (Бергсон, 1889).

К новым инструментальным дополнениям можно отнести, не отменяющие количественных – качественные методы, такие как нарратив, дискурс-анализ и др.

Не всегда акцентируемый как тип исследований, тот или иной аспект (модус) сознания избираемый в качестве предмета, связан с определенным проецированием объекта, т.е. феноменального поля сознания, до той или иной его разновидности: языковое (речевое) сознание, рефлексивное (интроспективное) сознание, коммуникативное, в том числе невербальное сознание, поведенческое (намеренное) сознание, особые и измененные состояния сознания, созерцание (Акопов, 2014) и др.

Разнообразие видов человеческой активности не может не отражаться в исследовательских программах, определяющих соответствующие направления (тип) исследований: экологическое сознание, политическое, правовое, управленческое и др. Сложность состоит в том, что данный тип исследований как правило не несет в себе универсальной или строго фиксируемой типологической ориентации и может основываться на любой из представленных выше типологических возможностей. Так, экологическое сознание может изучаться сопоставительно с точки зрения соответствующих исследований в тех или иных национально-культурных контекстах или в специфике релевантной научной традиции, а также с точки зрения экологических представлений, установок, намерений, поведения и т.д.

Не в последнюю очередь явные или имплицитные научные установки, особенности мышления, ценностные ориентации и др. личностные характеристики могут определять соответствующую направленность и результат научных исследований. В частности, глобальность в противоположность локальности («точности») в постановке и решении задачи определяет ту или иную программу исследований и соответствующий результат (Wilber, 1997). Сегодня весьма популярен холизм в противовес элементаризму в исследованиях сознания. Редукционизм как научная установка или тип мышления ученого периодически обновляется, варьируясь с представлением о самоидентичности объекта исследования (сознание). Рационализм – интуитивизм, реализм (практицизм) – идеализм

(ценностные отношение) и др. личностные интенции могут определять новизну в постановке и решении устоявшихся или актуальных проблем сознания. Рассматриваемая позиция отчетливо выражена в работе В.Ф. Петренко и А.П. Супруна: «Мы исходим из имплицитной включенности субъекта познания в конструируемую им картину мира и невозможности вывести его за рамки изучаемой реальности, описав ее в виде «объективной» и независимой от познающего» (Петренко, Супрун, 2015).

Таким образом, сознание, выступая одновременно объектом, предметом, контекстом, условием, инструментом, формой, содержанием и, возможно, другими модусами проявлений, определяет не однозначную многомерность, а множество различных пространств сознания, возможно в одном носителе (человек) или в групповом выражении – все человечество. Разные пространства наделены различной «метрикой», что и определяет те или иные системы детерминации. Свобода человека как исследователя человеческого или иного сознания в этом контексте, определяется произвольностью выбора, а также проектирования и конструирования новых или трансформации «старых» пространств. Если говорить об историческом прогрессе в этом плане, то на смену «подчиняющим», детерминативным механизмам, вслед за конкурентными и формально равноправными, должны прийти содержательно консолидирующие механизмы взаимодействия людей и сообществ во всех наследуемых человеком средах обитания.

Литература

Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. – Вып.3. – С.43-64.

Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: ИП РАН, 2010.

Акопов Г.В. Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты. Самара: ВЕК#21, 2014.

Акопов Г.В. В.М. Бехтерев: границы объективизма и безграничность человеческого сознания // Бехтерев и современная психология человечности: сборник статей V Международной научно-практической конференции. 10-12 сентября 2015 г. Казань: Отечество, 2015а. – С.9-17.

Акопов Г.В. Порядок детерминации и логика произвольности в многомерном поле исследований сознания // Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты: материалы международной научной конференции, 15-17 октября 2015 г. / под ред. Г.В. Акопова и др. Самара: ПГСГА, 2015б. – С.13-17.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Комплементарность культуроспецифических типов познания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. №3. 2010. – С.18-35.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психология. Т.1. СПб, ДНК, 2000.

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания (*Essai sur les données immédiates de la conscience*). Париж, 1889.

Велманс М. Как отличать концептуальные моменты от эмпирических при изучении сознания // *Методология и история психологии*. 2009. Вып.3. С.42-54.

Выготский Л.С. Проблема сознания // *Собр. соч.* В 6 т. Т.1. М.: Педагогика, 1982. – С.156-167.

Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение. М.: Канон, 2015.

Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: ИП РАН, 2005.

Знаков В.В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // *Методология и история психологии*. 2007. – Вып.3. – С.65-74.

Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011.

Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн.2. М.: ИП РАН, 2004.

Панов В.И. Сознание как предмет психологического исследования: гносеологический, онтологический и трансцендентальный аспекты // *Психология сознания: современное состояние и перспективы: Материалы II Всероссийской научной конференции 29 сентября – 1 октября 2011 г.* Самара, 2011. – С.102-108.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо. 2013.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологический манифест психосемантики: сознание, детерминизм и свобода воли // *От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 т. Т.1 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская.* М.: Когито-Центр, 2015. – С.100-103.

Ревонсуо А. Психология сознания. СПб.: Питер, 2013.

Чуприкова Н.И. Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры, 2015.

Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // *Философские этюды.* М., 1994.

Юревич А.В. Российская психология в мировом мейнстриме // *Вопросы психологии*. 2010. – №1. – С.3-14.

Akopy G. Typological approach to analysis of various consciousness research programs // *19th Annual Meeting of the Association for the Scientific Study of Consciousness.* Paris, July 7th – 10th 2015. – P.52.

Chalmers D.J. Moving forward on the problem of consciousness // *The Journal of Consciousness Studies.* 1997. 4 (1). – P.3–46.

Dennett D.C. Consciousness Explained. Boston, MA: Little, Brown & Co, 1991.

Alter T. Hard problem of consciousness. // The Oxford Companion to Consciousness / ed. T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford University Press. 2014. – P.340-343.

Velmans M. An introduction to the science of consciousness // The Science of Consciousness: Psychological, Neuropsychological and Clinical Reviews / ed M. Velmans. London: Routledge, 1996.

Wilber K. An integral theory of Consciousness // The Journal of Consciousness Studies. 1997. 4 (1). – P.71–92.

МНОГОМЕРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Акопян Л.С.

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия

В работе анализируется идея многомерности в исследовании психических явлений. Предпринята попытка осмысления разнообразных подходов к изучению природы эмоциональных явлений. Предложен многомерный подход к изучению эмоций.

Ключевые слова: многомерность, эмоции, эмоциональные состояния, количественно-качественная многомерность.

MULTIDIMENSIONAL APPROACH IN THE STUDY OF EMOTIONAL PHENOMENA

Akopian L.S.

Samara State University of Social Sciences and Education, Russia

The work analyzes the idea of multidimensionality in the study of mental phenomena. The author makes an attempt to interpret various approaches to the study of the nature of emotional phenomena. A multidimensional approach to the study of emotion is suggested.

Keywords: multidimensionality, emotions, emotional states, quantitative and qualitative multidimensionality.

Идея многомерности в изучении психических явлений в психологии развивается рядом исследователей: многомерность психических явлений по Б.Ф. Ломову (Ломов, 1984), многообразие феноменов восприятия по В.А. Барабанщикову (Барабанщиков, 2002), модель трех измерений интеллекта по Дж. Гилфорду, многомерность сознания по В.Ф. Петренко (Петренко, 2010) уровневая структура психических состояний, основанная на

пространственно-временных и информационно-энергетических измерениях по А.О. Прохорову (Прохоров, 2005) и др. О том, что любое психическое свойство – это многомерное образование, имеющее сложный состав, говорит также М.А. Холодная (2004). На «многогранность» эмоций, их сложных отношений с предметным содержанием, способности эмоций к слиянию, образованию сочетаний указывает В.К. Вилюнас (Вилюнас, 2008). В.А. Барабанщиков подчеркивает тот факт, что в методологическом отношении многомерность позволяет «не только реконструировать объемное целое через изучение его сторон, но и сделать более эффективным исследование каждой из сторон в отдельности» (Барабанщиков, 2006, с.87).

В многочисленных исследованиях эмоциональная сфера исследуется в широком многообразии ее проявлений. Попытка концептуального осмысления этого многообразия позволила нам выделить различные виды многомерности в изучении эмоциональных явлений и определить особенности собственной конструкции многомерного подхода. Так, дименсиональная многомерность предполагает построение эмоционального пространства определенной размерности, которое может выстраиваться из одного, двух, трех и т.д. измерений, основанных на качественно однородных характеристиках (атрибутах) эмоций. У В. Вундта многообразие эмоции образуется тремя двухполюсными характеристиками: удовольствие – неудовольствие, возбуждение – успокоение, напряжение – разрешение; у Р.С. Вудвортса и Г.С. Шлосберга – двумя двухполюсными характеристиками: удовольствие – неудовольствие и отталкивание (пренебрежение) – притяжение (внимание). Указанный вид многомерности не получил в психологии эмоций дальнейшего развития и широкого распространения, что, на наш взгляд связано с неразработанностью релевантного математического аппарата, исключая современные психосемантические методы (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и др.). Другим видимым несовершенством дименсионального подхода является рассмотрение эмоций в узком качественном спектре, так как все многообразие эмоциональных состояний определяется количественными соотношениями фиксированных измерений, что не позволяет представить картину эмоциональных состояний во всей их полноте.

Следующая, условно названная нами, модально-базисная многомерность основывается на стремлении авторов выделить «первичные», так называемые базовые эмоции, от которых образуются дальнейшие сочетания и разновидности эмоций. Так, уже Б. Спиноза выделяет три первичные эмоции: радость, печаль и желание, считая, что «остальные аффекты берут свое начало от этих трех»; Р. Декарт отмечает шесть основных страстей: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль, рассматривая их как важнейшую составную часть человеческого опыта; П. Экман (Экман, 1999) также выделяет шесть базовых эмоций: гнев, страх, отвращение, удивление, печаль и радость, основываясь на изучении лицевой экспрес-

сии; в работах А.Т. Злобина (Злобин, 1991, с.96-99) рассматриваются три пары базовых эмоций, состоящих из бимодальных характеристик: радость-грусть, страх-бесстрашие, гнев-стыд, на основе которых конструируются тридцать шесть сочетаний - других эмоций. Р. Плутчик (Plutchik, 1980) отмечает восемь таких эмоций, деля их на четыре пары. У К. Изарда (Изард, 1999) мы находим десять базовых эмоций, названных фундаментальными. Данный подход легко операционализируется; различные варианты шкал дифференциальных (фундаментальных) эмоций получили широкое практическое применение. Однако количество и состав базисных эмоций имеет тенденцию к изменению в зависимости от исторического, биографического (возраст) времени и иных факторов.

Комплексная многомерность обнаруживается нами в работах С. Томкинса – К. Изарда, определяющих эмоцию как сложный процесс, объединяющий такие разнокачественные составляющие как нейрофизиологические процессы, нервно-мышечная экспрессия и чувственно-переживательные аспекты.

В нашей работе определен иной состав многомерного комплекса, включающий следующий спектр измерений: количественно-качественное измерение эмоций; частота-интенсивность переживаемых эмоций; пространственная (место, территория) и временная (прошлое, настоящее, будущее) локализация эмоциональных переживаний; проекция эмоций на микро- макро социальное окружение; нравственная установка в субъективной оценке переживания эмоционального состояния; саморегуляционные возможности в социально-приемлемом оформлении негативных и позитивных эмоциональных состояний.

Развитие неклассической парадигмы в современной науке вызвано к жизни, в частности, пониманием недостаточности одномерных и даже системных описаний сложных объектов. Эмоциональная сфера, несомненно, относится к сложным, весьма динамичным объектам, поэтому для качественно новых исследований необходимо конструирование соответствующих мерностей или интервальных конфигураций реальности (Лазарев, Литтл, 2001), включающих такие параметры, как качество (модальность) эмоций и их количество, интенсивность и частота проявлений, локализация в физическом, социальном и духовном (ценностно-нравственном) «пространствах», используемые технологии (регуляционные возможности) и др.

Метод многомерных конфигураций объекта эмоции задает новый образ психологической реальности как функционирования множественности изменяющихся негомогенных дискретных образований, структурирующих эмоциональный мир. Данный подход к анализу эмоциональных состояний означает признание того, что:

– различные ситуации проявления эмоциональных состояний обуславливают специфику качественной и количественной, частотной и интенсивностной разделенности и взаимосвязанности психического объекта;

– каждая отдельная характеристика различных образующих эмоционального состояния ограничена, имеет собственную внутреннюю и внешнюю формы; телесную, образную и знаковую репрезентацию и подчиняется принципу субъективной непротиворечивости;

– ситуации функционирования эмоциональных состояний (территориальные, социальные, культурные, педагогические) множественны, и в силу этого психический объект приобретает многосвязное сочетание слоев и доменов;

– имея в своей структуре потенциал изменчивости и свободы (рефлексии), объект человеческой психики, в частности эмоциональная сфера, не обладает признаками окончательности и однозначности в силу диалектической и возрастной изменчивости ценностей и морально-нравственных оценок;

– свойства эмоциональных состояний проявляют себя лишь в соответствующих конкретных ситуациях, то есть в зависимости от ситуации одни свойства эмоциональных состояний актуализируются (выходят на первый план), другие сохраняют лишь потенциальную возможность своего проявления. В связи с этим эмоциональные состояния дифференцируются на множество актуальных и потенциальных проявлений, обнаруживая тем самым мерную, «пунктирную», «интервальную» (Леонтьев, 2011; Лазарев, Литтл, 2001) структуру, которую можно определить как количественно-качественную многомерность;

– одновременное существование и актуализация проявлений эмоционального состояния в различных ситуациях функционирования позволяет всем другим возможным аспектам проявлений сохранять свою потенциальность, что является предпосылкой для развития процессов регуляции в эмоциональной сфере.

Таким образом, множественность ситуаций проявления эмоциональных состояний и их взаимозависимая конфигурация обуславливают «частичность» проявления в данном варианте актуализации, а вся их вероятностная совокупность задает полноту целостного динамического многомерного объекта. Вариантность проявлений эмоциональных состояний как многомерных объектов психологии реализует современную методологическую идею дополнительности, позволяющую включить процессы исследования и развития (формирования), саморазвития эмоциональной сферы человека в область психолого-педагогических технологий. Возможность различных моделей описания многомерного объекта соотносится с понятием многомерности сознания как неразрывного единства объективного и субъективного, социального и индивидуального, ситуативного и глобального, свободного и закономерного (Акопов, 2010). Данные, полученные в ре-

зультате использования многомерного подхода к изучению эмоциональных состояний, были использованы в разработке комплексной программы по развитию (формированию) и амплифицированию способов регуляции эмоциональных состояний у детей младшего школьного возраста (Акопян, 2013).

Литература

Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: ИП РАН, 2010.

Акопян Л.С. Страхи современных детей, их регуляция и саморегуляция. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing (Deutschland), 2013.

Барабанищikov В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.

Барабанищikov В.А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр, 2006.

Вилюнас В.К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2008.

Злобин А.Т. К классификации эмоций // Вопросы психологии. 1991.– №4. – С.96-99.

Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.

Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек: Введение в интервальную антропологию. Симферополь: СОНАТ, 2001.

Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии // Вопросы психологии. 2011. – №1. – С.3-27.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.

Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЭ, 2005.

Холодная М.А. Психологическое тестирование и право личности на собственный вариант развития // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. – Т. 1. – № 2. – С. 66 - 75.

Экман П. Психология лжи. СПб., 1999.

Plutchik R. Emotion. New York: Harper and Row, 1980.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЕГО КЛАССИФИКАЦИИ

Балин В.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, код 14-06-00668

В работе описан разрабатываемый автором подход к классификации психологического знания. Суть его состоит в том, что любое психологическое понятие следует рассматривать в трех аспектах: как катего-

рию, как психическое явление и как атрибут, имеющий внутреннее содержание. Такое содержание имеет некоторую ценность. В итоге получается, что всю психологию можно разделить на три части: категориальная психология, психология психических явлений и содержательно-ценностная психология.

Ключевые слова: классификация, категориальная психология, психология психических явлений, содержательно-ценностная психология.

DIFFERENTIATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE AND PROBLEMS OF ITS CLASSIFICATION

Balin V.D.

Saint Petersburg State University, Russia

The paper describes approach to classification of psychological knowledge, developed by the author. Its essence lies in the fact that any psychological concept should be considered in three aspects: as a category, as a mental phenomenon and as an attribute, having an inner content. This content has a certain value. The result is that the whole psychology can be divided into three parts: the categorical psychology, psychology of psychic phenomena and content-psychology of values.

Keywords: classification, categorical psychology, psychology of psychic phenomena, content-psychology of values

Решение проблемы интеграции психологического знания перспективно только при создании классификации, охватывающей максимально возможное число явлений и условий их существования. В литературе описаны множество классификаций, в основании которых лежат разные принципы. Бытующая классификация психологического знания, к примеру, которая выделяет процессы, состояния и свойства, удобна при начальном знакомстве с психологией благодаря своей наглядности, но ее существенным недостатком является то, что она не охватывает весь имеющийся на сегодняшний день экспериментально-психологический базис. Подобное положение дел с классификацией очень мешает тем психологическим дисциплинам, которые находятся как бы «на границе двух сред», например, между психологией и физиологией, психологией и медициной и т.п.

Известны иные классификации психических явлений: Б.Г. Ананьева, В.А. Ганзена, Б.М. Кедрова и др. (Ананьев, 1968; Ганзен, 1984; Кедров, 1982). Основные недостатки существующих классификаций могут быть сведены к двум: а) они не охватывают все психические явления, в крайнем случае учитывая только уже существующие, не будучи готовыми «принять» вновь открываемые явления, как это возможно, например, в системе Д.И. Менделеева, где пустые клетки таблицы со временем заполняются

вновь открываемыми элементами; б) запутанность, сложность тех систем, авторы которых пытаются, тем не менее, охватить все известные на сегодняшний день психические явления. В сущности, это означает только, что выбраны не те основания, которые бы позволяли создать полную, но наглядную схему, учитывающую одновременно и сложность психологической реальности. Сказанное напоминает процедуру факторизации эмпирического материала, где изучается возможность сведения многочисленного (если не сказать бесконечно большого) числа эмпирических показателей к легко обозримому числу факторов.

С точки зрения предлагаемого подхода, необходимо идти от основных атрибутов (частным случаем которых является понятие), критически посмотреть на сущность любого психологического атрибута, выяснить, что он собой представляет в самой своей основе. Другими словами, нужно «расщепить» исходное понятие (атрибут) на составляющие. В этом случае выясняется, что, как минимум, можно рассматривать любое психологическое понятие как общепсихологическую категорию, с одной стороны, и как психическое явление, с другой. Помимо этого, любое психическое явление обладает содержанием, имеющим свою цену.

Категория – предельно широкое понятие, где отображены существенные свойства, связи и отношения предметов, явлений объективного мира. Существуют философские категории (материя, движение, качество, количество), общенаучные (симметрия, модель, упорядоченность) и частные, свойственные отдельной науке. К последним можно отнести категории формальной логики (суждение, умозаключение, гипотеза), математики (вектор, вычитание, равенство), психология (сознание, процесс, свойство, тип, развитие).

Психическое явление – форма проявления психического, как природного феномена. Сюда включаются процессы, состояния, свойства, функции, поведение, и т.п. Можно говорить о формах, механизмах, функциях психических явлений. Именно к ним относят такие их особенности, как эмпирические характеристики. Процессы описываются так: абсолютный и дифференциальный пороги, интенсивность, модальность, длительность и т. п. Говоря о состоянии, называют целостность, фоновость, многокомпонентность, длительность, ситуативность, обратимость, и т. п. Свойства характеризуются устойчивостью, инвариантностью, врожденностью, соотношением биологических и социальных влияний, и т.п. Имея свое содержание (которое можно измерить в виде информации), психические явления выступают продуктом обмена между людьми, и этот продукт имеет свою цену.

Таким образом, все содержание психологии можно свести к трем блокам.

Категориальная психология. Психика здесь – инструмент познания. Посредником в таком познании выступают категории. Здесь видна связь с

гносеологией и логикой. Состав категорий общей психологии имеет сложный состав и структуру. На сегодняшний день можно говорить о шести уровнях психологических категорий, связанных с общенаучными категориями:

1) общенаучные – (пространство-время, материя-энергия, информация);

2) протопсихологические (порождающие) – действие, мотив, образ;

3) метапсихологические (связывают психологию со смежными дисциплинами, изучающими человека). В данном случае каждая из категорий этого уровня есть сочетание протопсихологических категорий, расположенных каждая в своей последовательности: Личность: мотив-образ-действие; Деятельность: действие-мотив-образ; Общение: образ-действие-мотив);

4) макропсихологические – объем их значения совпадает с объемом психологической науки как целого: образ, действие, мотив, отношение, переживание;

5) базисные – являются категориями только в случае рассмотрения их в определенной совокупности, исчерпывающе совпадающей с объемом и содержанием той или иной общепсихологической категории; сюда следует отнести формы психического отражения, психические явления, сознание, личность, деятельность, психическое развитие;

б) частные – категории, в совокупности составляющие базисные; здесь также можно выделить шесть уровней, как и для слоя базисных: а) память, эмоции, ощущения, мышление, восприятия, чувства и воля; б) психические процессы, психические состояния и свойства личности; в) переживание, познание и отношение; г) направленность, опыт, особенности психических процессов, темперамент, характер и способности; д) действие, цель, мотив, психический акт; е) созревание и формирование, филогенез, антропогенез, общественно-историческое развитие, онтогенез психики.

Каждый из описанных шести уровней психологических категорий обозначает степень дифференцировки предмета исследования, отражаемого с помощью психики. Категории и явления сходятся только на уровне частных психологических категорий. Например, ощущение, восприятие и т. п. можно с одной стороны рассматривать как частные психологические категории, а с другой — как психические явления. В каждом из названных случаев надо использовать разные схемы анализа. Рассматривать понятия «категория» и «психическое явление» как синонимы нельзя. Познающий субъект пользуется ощущениями, восприятием, представлением и т. п. как данным, его не интересуют физиологические механизмы, он о них может ничего не знать.

Психология психических явлений. Психика является инструментом адаптации человека к природе (и обществу). На поведение влияет система

потребностей, проявляющая себя в мотивах. В данном аспекте все психические явления можно классифицировать по признаку принадлежности к одной из трех сфер: эндопсихике, мезопсихике и экзопсихике. Эндопсихика – ядро целостной психики. Здесь хранятся врожденные генетические программы, а также приобретенные при жизни навыки, привычки и т. п., формируются состояния, базовые эмоции, чувства и такая форма индивидуального сознания, как «Самость». Находится под преимущественным влиянием вегетативной нервной системы. Экзопсихика – внешний слой целостной психики. Управляет взаимодействием с окружающей средой, синтезируя ее образ. Сюда можно отнести ощущение, восприятие, представление, воображение, внимание и такой вид сознания, как миросознание. Находится под влиянием центральной нервной системы (точнее «психического мозга»). Мезопсихика – средний слой целостной психики. Основная функция – совмещение возможностей организма с требованиями окружающей среды. Находится под преимущественным влиянием двигательной нервной системы. Содержит мышление, волю, речь и самосознание.

Психические свойства формируются под влиянием всех трех психических сфер. В практическом плане это можно определить путем измерения трех групп физиологических явлений: корковых, двигательных и вегетативных. Поскольку каждый физиологический параметр представляется в своих единицах измерения, то для того, чтобы данные сделать сравнимыми, они переводятся в шкальные оценки. Возможны восемь типов сочетаний степени выраженности активации трех блоков мозга: вегетативного, двигательного и «психического мозга».

В границах данной схемы можно говорить и о четвертой психической сфере – метапсихике. Ее составляют социально-психологические явления.

В рассмотренном случае психическое выступает как явление, у которого имеются физиологические механизмы. Они изучаются психофизиологией. У категорий физиологических механизмов нет. С другой стороны, психологию психических явлений не интересует и содержательная сторона психики.

Содержательно-ценностная психология. Психика имеет содержательный аспект. В этом смысле можно говорить о содержательной психологии. В границах данного подхода психика (психическое) рассматривается также и как ценность. В основном данный аспект психики разрабатывается искусством и литературой. В границах психологии указанным направлением занимаются психосемантика, психоанализ, психология смыслов; многочисленные психологические практики имеют, в сущности, дело с психическим как ценностью, «обыгрывая» на разный манер содержательную сторону психического. В границах данного подхода к психоло-

гии изучаются сюжеты, роли, амплуа, игры. Многие аспекты социальной психологии также имеют содержательный компонент.

При данном подходе, судя по всему, можно говорить и о тех же психических явлениях, но только в аспекте ценности их содержания. Наглядным примером ценностного подхода является классификация эмоций, созданная Б.И. Додоновым. Им описываются альтруистические, коммуникативные, глорические, практические, пугнические, романтические, гностицистические, эстетические, гедонистические и акизитивные эмоции, (Додонов, 1978). Б.В. Овчинников предлагает различать эмоциональные процессы, состояния и свойства. В процессах выделяется эмоциональный тон ощущений, эмоциональные реакции, эмпатия. В разряд эмоциональных состояний попадают настроение, аффекты, страсти, фрустрация, экстаз, депрессия, маниакальное состояние, апатия. Эмоциональные свойства включают в себя эмоциональную возбудимость, аффективность, устойчивость, силу, темп и ритм эмоций, впечатлительность-невозмутимость, отзывчивость-черствость, страстность-холодность, сентиментальность-реалистичность (Овчинников, 1996). С таких же позиций, судя по всему, можно рассматривать и другие психические явления, каждое из которых, безусловно, имеет свою ценность. Кроме эмоций ценностью обладают ощущения, представления, мышление, воля и т. д. С ценностных позиций можно рассматривать характер, творчество, общение, знание, деятельность, а также здоровье, жизнь. Ценностью обладают и категории, которые, как мы говорили, являются инструментом познания.

Таким образом, предлагаемая классификация позволяет, как мы надеемся, некоторым образом упорядочить имеющееся психологическое знание. Здесь работает то правило, согласно которому для того, чтобы что-то объединить, это что-то надо сначала разделить, дифференцировать одно от другого, а затем собрать заново.

Литература

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984.
- Додонов Б.И.* Эмоции как ценность. М.: Политиздат, 1978.
- Кедров Б.М.* О методологических вопросах психологии. Части 1 и 2 // Психологический журнал. 1982. – №5. – С.3-12; №6. – С.14-21.
- Овчинников Б.В.* Эмоции человека // Социальная физиология / под ред. К.М. Оганесян, В.И. Шостака. СПб.: Технологический институт сервиса, 1996. – С.78-91.

КАТЕГОРИЯ ГАРМОНИИ В РАЗРАБОТКЕ ЧЕЛОВЕКОВЕДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Балл Г.А.

Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины, Киев

Характеризуется содержание категории гармонии. Выделяются главные аспекты гармоничности личности. Раскрываются пути гармонизирующей проработки противоречий в личности, в культуре, в методологической и идеологической сферах.

Ключевые слова: гармония, личность, гармонизирующая проработка противоречий, медиация.

THE CATEGORY OF HARMONY IN DEVELOPING THE PROBLEMS OF HUMAN SCIENCES

Ball G.A.

G.S. Kostiuk Institute of Psychology, NAPS of Ukraine, Kyiv

The author characterizes the content of the category of harmony and specifies main aspects of personality harmoniousness. He reveals ways of harmonizing development of contradictions in personality, in culture, in the areas of methodology and ideology.

Keywords: harmony, personality, harmonizing development of contradictions, mediation.

Рассматривая различные проблемы человековедения, широко используют термин гармония и производные от него (гармоничный, гармонизация и т.п.). Смысл, вкладываемый в эти термины, в основном можно считать интуитивно понятным. Однако, стремясь повысить теоретический уровень анализа указанных проблем (а благодаря этому – и его практическую, общественную ценность), следует уделить внимание уточнению указанного содержания.

За основу характеристики категории «гармония» уместно принять положение, согласно которому гармоничной является система, где «все элементы, аспекты и проявления... внутренне сбалансированы между собой, создавая совершенство целостности» (Можейко, 2001, с.202). Системой, к которой можно применить это определение, является, в частности, личность (предпочтительно, на мой взгляд, трактовать ее как комплексное качество социализированного человеческого индивида /лица/, определяющее социокультурные функции последнего; один из вариантов конкретизации этой трактовки предложен в (Балл, Мединцев, 2010)).

Рассмотрим теперь ряд аспектов гармоничности личности, это:

– ее разносторонность (находящая проявление, в частности, в «сочетании различных сторон и функций ее сознания, поведения и деятельности» (Гончаренко, 1997, с.63)). Идея разностороннего развития человека является ослабленным (и благодаря этому более подходящим для практического применения) вариантом весьма популярного в свое время лозунга его «всестороннего развития». Замечу, что преобладающее ныне развенчание этого лозунга как утопического, основанное на его рассмотрении в контексте принципиально достижимых психологических или педагогических целей, пренебрегает его ценностью как «гуманистического идеала воспитания» (там же, с.59), ориентирующего на возможно более полное приобщение каждого лица к целостной человеческой культуре;

– взаимное соответствие ее подсистем (в частности, описываемых В.Ф. Лазурским с помощью понятий эндопсихика и экзопсихика);

– ее целостность (упомянутая в приведенном выше общем определении гармонии), которая находит яркое проявление в «тесной, органической связи присущих данному человеку способностей, объединенных вокруг одного общего центра» – связанного, особенно у лиц «высшего психического уровня», с «главным делом, ... основной задачей жизни» этого человека (Лазурский, 1924, с.60, 59).

Следует учитывать несовпадение критериев структурной гармоничности системы («сбалансированности элементов и аспектов», согласно Можейко) и критериев ее гармоничного функционирования в определенной среде («сбалансированности проявлений»). Например, согласно К. Леонгарду, не слишком сильная демонстративная акцентуация характера (т.е. своеобразная структурная дисгармония личности) помогает успешной профессиональной деятельности в сфере сервиса, где оказывается полезным «играть ту роль, которая более всего импонирует партнеру» (Леонгард, 1981, с.45); следовательно, функционирование личности становится гармоничнее. Адекватные сферы деятельности Леонгард указывает и для ряда других акцентуаций.

Движущей силой развития системы (в частности, личности) являются присущие ей внутренние противоречия, то есть, опять-таки, структурные дисгармонии. И лишь когда некоторая мера такой дисгармонии (та, при которой сохраняется целостность системы) превышена, возможности гармоничного развития блокируются, а процесс и результаты развития приобретают дисгармоничную, извращенную форму.

Примерами здесь могут служить: различаемые А. Адлером чувство неполноценности (нормальный для детского возраста и даже необходимый для личностного развития феномен) и комплекс неполноценности; описываемая Р. Мэем (May, 1959) «дэймоническая потребность» (не путать с «демонической»! – предостерегает Мэй), которая, будучи интегрирована в личность, находит проявление в креативности, т.е. является конструктив-

ной, а, оставаясь не интегрированной, приводит к деструктивной активности.

Гармонизирующая проработка противоречий необходима для успешного функционирования и развития самых различных систем, функционирующих в составе человеческой культуры. Противоречия обусловлены здесь, прежде всего, принципиальной двойственностью главных функций культуры, состоящих в обеспечении, во-первых, социальной памяти и, во-вторых, социально значимого творчества. Соответственно, и в личности, как в индивидуальном носителе культуры, воплощаются две тенденции: «тенденция к сохранению, воспроизведению родового опыта системы (имеется в виду общественная система. – Г.Б.) и тенденция к изменению, к своего рода „расширенному воспроизводству“, обеспечивающему появление в системе различных инноваций» (Асмолов, 1986, с.27).

При этом надо учитывать и, желательно, укреплять не только сочетание, но и взаимопроникновение указанных тенденций. Заслуживает поддержки тезис, согласно которому опыт, подлежащий освоению ребенком, «необходимо рассматривать не только в его ставшей форме, но и как креативный потенциал рода...» (Давыдов, Кудрявцев, 1997, с.11).

Поскольку без определенной дисгармоничности система (в частности, личность) не способна к развитию, есть основания характеризовать развивающиеся системы степенью гармонии 2-го порядка – между гармоничностью и дисгармоничностью. Проявлениями последних можно считать, например, аполлоническое и дионисийское начала в культуре, прежде всего художественной. Справедливо указывается, что «нет смысла спорить о превосходстве *homo sapiens* над *homo ludens* или наоборот: пожалуй, человечеству нужны обе эти позиции, обе стихии» (Щукин, 2008, с.122).

Гармонизирующая проработка противоречий необходима и в методологической сфере. Односторонность многих философско-антропологических, психологических, педагогических концепций не является препятствием для их использования, если не абсолютизировать ни одну из них, отдавая предпочтение их соотнесению в пределах некоторой охватывающей системы. При этом условия указанные концепции «гармонично дополняют и обогащают друг друга, создавая целостный и многогранный образ человека...» (Зязюн, 2008, с.55).

К тому же, оценивая те или иные концепции, следует различать степени их истинности и эвристичности. Например, концепция З. Фрейда заслуживает более высокой оценки по второму критерию, чем по первому, – см. (Юревич, 2010).

Ретроспективно оценивая революционные вклады в науку (в частности, психологическую), мы в какой-то степени прощаем им характерную для них односторонность, которая была, так сказать, оборотной стороной открытия существенных аспектов исследуемой реальности, скрытых ранее от научного постижения. Вместе с тем наносит вред догматическое застре-

вание на односторонних взглядах, когда они уже утратили свою стимулирующую роль.

Установка на гармонизацию в подходе к общественно-политическим доктринам помогает преодолевать идеологические предубеждения. Интересен, в частности, выдвинутый на базе анализа исторических фактов тезис, согласно которому «конфронтация между вечевым (соборным) и либеральными общественными идеалами не является абсолютной, „естественной“ формой отношений между ними. Это результат раскола, который исторически сложился, и он может быть преодолен в процессе дальнейшего развития общества» (Ахиезер, 1997, с.31).

Подобно этому, отнюдь не является непреодолимой конфронтация национального и интернационального идеалов. Как писал еще в 1927 г. М.М. Рубинштейн, «истинное единство может создаться только..., когда все народы в идеале сочетаются не в однородность и полное совпадение, делающее ценным только один экземпляр, а в единстве своеобразного, в котором сохраняется особый характер каждого и открывается возможность живого взаимодействия и солидарности; иначе жизни и действительности у человечества быть не может» (Рубинштейн, 1927, с.184).

В обеих только что очерченных ситуациях исходные идеалы, на первый взгляд несовместимые, вполне могут быть усовершенствованы и согласованы посредством «метаидеализации» (идеализации идеалов) – см. (Бранский, 1999). Ее механизмами служат диалоги между сторонниками указанных исходных идеалов, а также т.н. медиация (опосредование). Последняя осуществляется с помощью опосредствующих звеньев (медиаторов), которые должны позволить содержаниям, отстаиваемым участниками диалога (при необходимости, так или иначе модифицированным), предстать компонентами целостной системы, приемлемой для указанных участников (хотя бы как основа для дальнейших диалогов – см. также (Балл, Мединцев, 2014)).

Литература

Асмолов А.Г. Психология индивидуальности: Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Ахиезер А.С. Нравственность в России и противостояние катастрофам // Обществ. науки и современность. 1997. – №6. – С.26-37.

Балл Г.А. Радиогуманизм как форма современного гуманизма и его значение для методологии познания человека // Мир психологии. 2013. – №3. – С.208-223.

Балл Г.А., Мединцев В.А. Личность как модус культуры и как интегративное качество лица // Мир психологии. 2010. – №4. – С.167-178.

Балл Г.А., Мединцев В.А. Медиаторы межпарадигмального взаимодействия в исследованиях культуры // «Психология третьего тысячелетия»:

I Международная научно-практическая конференция: сборник материалов. Дубна, 2014. – С.22-26.

Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Обществ. науки и современность*. 1999. – №6. – С.117-127.

Гончаренко С.У. Український педагогічний словник. Київ: Либідь, 1997.

Давыдов В.В., Кудрявцев В.Т. Развивающее образование: теоретические основания преемственности дошкольной и начальной школьной ступеней // *Вопросы психологии*. 1997. – №1. – С.3-18.

Зязюн І. Філософія педагогічної діяльності у професійній освіті // *Діалог культур: Україна у світовому контексті: Філософія освіти: Зб. наук. праць*. Львів: Сполом, 2002. – Вип.8. – С.4-14.

Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Л.: Госиздат, 1924.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Вища школа, 1981.

Можейко М.А. Гармония // *Всемирная энциклопедия: Философия* / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001. – С.201-202.

Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Ч.2. Философия человека М.: Издание автора, 1927.

Щукин В.Г. Дух карнавала и дух просвещения (Бахтин и Лотман) // *Вопросы философии*. 2008. – №11. – С.95-129.

Юревич А.В. Социология психологического знания // *Психологический журнал*. 2010. – №1. – С.3-14.

May R. Letter to K. Rogers // *American Psychologist*. 1959. –V.4. – P.196-198.

ФОРМАЛИЗОВАННОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИИ

Балл Г.А., Мединцев В.А.

Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины, Киев

Согласно предложенному методу, любой предмет исследования рассматриваем как процесс и/или как его компоненты. Для описания процессов используем отображения множеств. Предложена процедура применения метода в психологии. Посредством метода выделены семь типов процессов с психическими составляющими.

Ключевые слова: процесс, отображение множеств, психический модус, метод теоретико-множественного описания процессов.

THE FORMALIZED DESCRIPTION OF CULTURAL PROCESSES AS A TOOL OF PSYCHOLOGY

Ball G.A., V Medintsev.A.

G.S. Kostiuk Institute of Psychology, NAPS of Ukraine, Kiev

According to the proposed method, any object of research is considered as a process and/or its components. For the description of processes we use functions of sets. We propose also the procedure of application of the method in psychology. With an aid of the method we identify seven types of processes with mental components.

Keywords: process, functions of sets, mental modus, method of set-theoretic description of processes.

В методологии человековедения активно обсуждают соотношение гуманитарной и естественно-научной (сциентистской) парадигм. В этом обсуждении мы поддерживаем Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2011) и А.В. Юревича (Юревич, 2012) в отрицании несовместимости этих парадигм. Такой подход согласуется с рациогуманистической мировоззренческой ориентацией (Балл, 2013). В применении к методологии человековедения эта ориентация требует – в дополнение к взаимной толерантности представителей конкурирующих парадигм и налаживанию между ними диалогов – целенаправленно искать и применять опосредствующие инструменты (медиаторы), с тем чтобы повысить продуктивность таких диалогов. Такими медиаторами способны быть все более совершенные формализованные описания исследуемых в человековедении процессов. Критериями совершенства этих описаний как компонентов теории рассматриваемых процессов при этом должны быть (вспомним классическую формулировку А. Эйнштейна) «внутреннее совершенство» и «внешнее оправдание».

Можно выделить следующие стратегии разработки таких описаний.

Первая стратегия: исходя из закономерности, описанной «гуманитарным» языком, подбирать подходящие математические модели (Месарович, 1978; Лефевр, 1991).

Вторая стратегия: исходя из частных типов математических моделей, применяемых в физике, биологии и других естественных науках, искать возможности применения таких моделей в человековедении (Рыжов, 2010; Петренко, Супрун, 2014).

Третья стратегия: исходя из наиболее общих математических моделей, искать возможности их применения в человековедении. Эта стратегия, как представляется, пока не получила распространения. Мы используем третью стратегию. В разрабатываемом нами методе наиболее общий математический аппарат (теория множеств) применен к наиболее общему гу-

манитарному понятию «культура», при этом компоненты (модусы) культуры представлены как алгебраические структуры. При разработке формализованного описания культурных процессов мы стремимся, помимо прочего, к доступности метода для его применения специалистами в различных областях гуманитаристики.

Теория метода. Суть предлагаемого метода (Балл, Мединцев, 2014 и др.) состоит в том, что любой предмет исследования мы рассматриваем как процесс и/или как его компоненты. Для описания процессов используем математическое средство – отображения множеств (алгебраические структуры, по Бурбаки, 1963).

Отображение, в общем, является записью следующего отношения трех компонентов:

Функции : Прообразы \rightarrow Образы,

где символ «:» связывает функциональные (Функция) и предметные (Прообраз, Образ) компоненты отображения.

Компонентами отображения (функция, прообраз, образ) представлены модусы, трактуемые как структурированные множества элементов, в том числе таких, которые также рассматриваются как модусы. (См. о модусах культуры в (Балл, Мединцев, 2012); наряду с ними, в рассмотрение могут быть введены и модусы внекультурного бытия.)

Поскольку процесс – это изменение, и происходит оно во времени, то, используя отображение для описания процесса, мы подразумеваем, что прообраз предшествует образу.

Процессы можно описывать отображениями, относящимися к нескольким последовательным отрезкам времени (этапам). Подчеркнем использование одних и тех же множеств модусов в качестве наборов возможных прообразов и функций на каждом рассматриваемом отрезке времени. Математическое пространство всех теоретически возможных отображений для модусов, например, А и Б в обобщенной алгебраической записи (т.е. как сложное отображение) будет таким: $\{A; B\} : \{A; B\} \rightarrow \{A1; B1\}$.

Приведенное сложное отображение модусов А и Б является обобщенной записью восьми простых отображений, которые также можно представить алгебраическими записями (например, $A : B \rightarrow B1$ и т.д.). Эти 8 простых отображений образуют математическое пространство отображений модусов А и Б.

Применение предлагаемого метода к сфере психологии означает, что предмет любого психологического исследования должен быть представлен как компонент или характеристика выделенных для описания процессов (имеющих место в психике и вне ее), а каждый процесс – как изменение психических и других модусов. Как психические модусы можно рассматривать и психику в целом, и различные ее компоненты: ценности, смыслы, мотивы, образы, роли, стереотипы восприятия или мышления и др. При

этом, любой модус (о чем уже сказано) может быть рассмотрен состоящим из ряда модусов более глубокого уровня описания.

Процедура применения метода. Предмет любого психологического исследования, согласно методу, должен быть представлен как компонент или характеристика выделенных для описания процессов в психике. Каждый процесс должен быть представлен как изменение феноменальных и/или психических модусов.

Как психические модусы можно рассматривать:

а) компоненты содержания психики: ценности, мотивы, образы, роли, опыт и др.; стереотипы восприятия, мышления, рефлексии, двигательные и др.

б) свойства психики, в том числе ее компонентов.

Процедура состоит в следующем:

1. Выделить компоненты психики. На основе принятого исследователем психологического подхода выделить компоненты содержания или свойств психики, предположительно связанные с предметом исследования.

2. Выбрать интервал (интервалы) времени рассматриваемых процессов. Интервалы времени выбираем в зависимости от замысла и объема исследования. В частности, могут быть выделены интервалы, соответствующие этапам психического развития, периодам выполнения определенных видов деятельности, этапам развития тех или иных ситуаций и др.

3. На основе общих положений метода построить математическое пространство отображений.

4. Выбрать в этом пространстве отображения для описания предмета исследования.

Например, если исследователя интересует только изменения модуса Б и только на одном отрезке времени, то он может ограничиться описанием семейства процессов $\{A; B\} : \{A; B\} \rightarrow B_1$.

Но если необходимо рассмотреть изменения Б на двух отрезках времени, то следует описывать и изменения модуса А, так как на втором отрезке он, возможно измененный на предыдущем отрезке, является одной из функций, определяющих изменения Б.

$\{A; B\} : \{A; B\} \rightarrow \{A_1; B_1\}$

$\{A_1; B_1\} : \{A_1; B_1\} \rightarrow B_2$,

Отбор отображений, которые останутся в теоретической модели предмета исследования, может быть произведен с учетом:

– наличия/отсутствия теоретической аргументации для того или иного процесса/отображения;

– возможности экспериментальной проверки процесса;

– возможности исследователя проанализировать математическое пространство большого объема.

5. На основе полученной теоретической модели составить описание предмета исследования:

- уточнить психологическую трактовку отдельных отображений;
- сравнить с феноменологией предмета исследования;
- сформулировать критерии выделения типов этого предмета.

Например, в случае, когда предметом исследования является модус Б на двух интервалах времени

$$\{A; B\} : \{A; B\} \rightarrow \{A1; B1\}$$

$$B : B \rightarrow B1^*$$

$$A : B \rightarrow B1^{**}$$

$$B : A \rightarrow B1^{***}$$

$$A : A \rightarrow B1^{****}$$

Тогда

$$B1 = \{B1^*; B1^{**}; B1^{***}; B1^{****}\}.$$

В таком же схематизме можно представить все модусы-образы, на всех рассматриваемых отрезках времени, например

$$\{A1; B1\} : \{A1; B1\} \rightarrow B2.$$

6. Повторить предыдущие шаги с измененным составом рассматриваемых модусов. Такая необходимость может быть обусловлена, например, пониманием того, что принцип выделения модусов оказался не оптимальным для данного предмета исследования.

Процессы с психическими компонентами. Рассмотрим типы отображений для описания культурных процессов, содержащих психические компоненты. Типы выделены по критериям номенклатуры компонентов и их места в отображении. Идеальные модусы культуры (личные и особенные), представленные в психике (ниже – Пси-модусы), обозначим «Пси», все другие феномены (в том числе материальные модусы культуры, феномены внекультурного бытия) – «Ф». Теоретически возможны 8 типов отображений рассматриваемого вида ($2^3=8$), но отображение типа $\Phi : \Phi1 \rightarrow \Phi2$ мы не рассматриваем, так как оно не содержит Пси-модусов. Порядок расположения типов 1–7 в данном случае произволен, он может быть изменен в соответствии с принципами возможного в будущем мета-анализа.

1. Пси : Пси \rightarrow Пси1. Процессы, в которых и функциональный, и предметные компоненты отображения являются Пси-модусами. К ним можно отнести, в частности, процессы мышления и рефлексии.

2. Пси : Пси \rightarrow Ф1. Здесь функциональным компонентом и прообразом отображения являются Пси-модусы, а образом – иной феномен. Примером может служить влияние ценностных ориентаций и верований на психическую регуляцию практической деятельности.

3. Пси : Ф \rightarrow Ф1. Это процессы, описываемые отображениями каких-либо феноменов в соответствии с законами, определяемыми Пси-модусом. К этому типу можно отнести, в частности, процессы производственной и научной деятельности, а также художественного творчества.

4. Пси : Ф → Пси1. Отображения разнообразных феноменов в Пси-модусы в соответствии с законами других Пси-модусов. Такой тип отображения применим к описанию широкого круга когнитивных процессов, в частности восприятия.

5. Ф : Пси → Пси1. Отображения Пси-модусов в соответствии с законами непсихических феноменов. Этими законами могут быть обусловлены как изменения психических состояний лица, так и психологические воздействия, оказываемые одним лицом на другое или одной социальной группой на другую. Примерами служат: изменение психического состояния лица при изменении внешних физических условий (скажем, погоды), трансформация ценностной системы лица или социальной группы, обусловленная содержанием литературного произведения или законодательного акта, и др.

6. Ф : Ф → Пси1. Процессы, описываемые отображениями разнообразных непсихических феноменов (модусов культуры и внекультурных феноменов) в Пси-модусы в соответствии с законами непсихических феноменов. Так может быть представлено, например, осуществляемое на основе информационных технологий управление процессом учения.

7. Ф : Пси → Ф1. К этому типу мы относим процессы, описываемые отображениями Пси-модусов в непсихические феномены по законам других непсихических феноменов. Например, таковым может быть упрощенное описание материальной стимуляции научного, технического и художественного творчества.

В более детальном описании любого культурного процесса функциональными и предметными составляющими являются разнообразные сочетания модусов культуры – как материальных, так и идеальных. Приведенные типы отображений являются в нашей системе понятий простыми отображениями – составляющими сложного отображения:

$$\{\Phi; \text{Пси}\} : \{\Phi; \text{Пси}\} \rightarrow \{\Phi1; \text{Пси1}\}$$

При необходимости и возможности в конкретном исследовании компоненты отображения могут быть детализированы через составляющие их модусы, таким образом может быть получено более полное описание процессов, представляющих интерес для исследователя.

Литература

Балл Г.А. Рациогуманизм как форма современного гуманизма и его значение для методологии познания человека // Мир психологии. 2013. – №3. – С.208-223.

Балл Г.А., Мединцев В.А. Понятие «личность» в контексте модельной трактовки культуры // Мир психологии. 2012. – №3. – С.17-30.

Балл Г.А., Мединцев В.А. Системное описание культурных процессов и его психологические применения // Технології розвитку інтелекту. 2014.– №7. URL: <http://goo.gl/TKzc5r>

Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М.: ИИЛ, 1963.

Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. – №1. – С.3-27.

Лефевр В.А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии. М.: Прогресс, 1991.

Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: Математические основы. М.: Мир, 1978.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. – №6. – С. 69-86.

Рыжов Б.Н. Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. – №1. – С.5-42.

Юревич А.В. Парадигмы в психологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / А.Л. Журавлев и др. М.: ИП РАН, 2012. – С.13-33.

ПСИХОЛОГИЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ПЕРЕХОД ОТ ПЕРИОДА МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ

Бастун Н.А.

Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины, Киев

В статье анализируются двусторонние связи между историко-культурными- трансформациями и изменениями человеческого психотипа. Психология, как самостоятельная научная отрасль возникла в начале индустриального периода, и в основном стремилась следовать сайентистским принципам эпохи модерна. При переходе общества к периоду постмодерна, усилилась потребность в гуманизирующем воздействии психологической науки и практики.

Ключевые слова: культурно-цивилизационная среда, психотип, индустриальный период, постиндустриальная эпоха, модерн, постмодерн, бихевиоризм, теория деятельности, рациогуманизм

PSYCHOLOGY IN HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT: TRANSITION FROM MODERN TO POSTMODERN PERIOD

Bastun N.A.

G.S. Kostiuk Institute of Psychology, NAPS of Ukraine, Kiev

The article analyzes bilateral connections between historic and cultural transformations of human mentality. Psychology arose as an independent scientific brunch at the beginning of the industrial period, and mainly aims to follow the scientism principles of Modernity. After the transition of society to Post-

modernity period, a requirement in humanizing influence of psychological science and practice has increased.

Keywords: cultural-civilization environment, mentality, industrial period, postindustrial epoch, modernity, post-modernity, behavioral theory, activity theory, ratio-humanistic theory.

Хотя взаимосвязь культуры и психологии считается бесспорной, но между культурологами и психологами все же установилось «распределение труда». Культурологи исследуют особенности мышления и поведения людей в условиях той или иной культуры, уделяя мало внимания анализу закономерностей этих психических явлений, а психологи работают над установлением универсальных закономерностей и механизмов психической деятельности человека, традиционно уделяя мало внимания понятию культуры (Кармин, 2006). Однако, развитие психологии, при абстрагировании от культурного контекста, накопление в различных отраслях психологической науки и практики огромного массива фактов о психике человека, безотносительно к социокультурным реалиям, привело к критике психологии за ее ограниченность (Мацумото, 2003).

Культурная среда, обычаи, традиции, верования, ценности и материальные атрибуты, являются неотъемлемой частью любой человеческой общности, определяя психотип человека, – особенности его когнитивной, волевой и эмоциональной сфер. В соответствии с культурно-исторической теорией Л.С. Выготского, культурные влияния являются основополагающими для развития психики. Изъятие любого человека, особенно ребенка, из среды человеческой культуры приводит к стагнации и деформациям психики. А.Р. Лурия считал, что по мере перехода от одной исторической формации к другой, меняется не только содержание сознания, но и структура высших психических функций, лежащих в основе конкретных форм психической деятельности (Лурия, 1971).

При этом следует отметить, что культурная среда человека существует не только «здесь и теперь», она изменяется и в историческом времени, и в географическом пространстве. По теории Л.Н. Гумилева (Гумилев, 1993), на характер и динамику развития любого этноса и его культуры, оказывает решающее влияние так называемый вмещающий ландшафт, со всеми его экологическими характеристиками. От его благоприятности зависит этногенез человеческого сообщества. Известен сформулированный Гумилевым анализ причин, способствовавших бурному развитию монгольского этноса в XII-XIII веках. В лаконичной форме его можно изложить так: увлажнение степей после длительного засушливого периода привело к улучшению пищевой базы скотоводства, это дало благоприятные условия для социокультурного развития монгольского этноса, демографический взрыв, и вспышка пассионарности в нем породили военную экспансию из Монгольской степи вплоть до Ближнего Востока и Цен-

тральной Европы. В соответствии с культурно-цивилизационной ситуацией формировался и психотип монгола – воина-конника и монголки – выносливой женщины, на которой лежали все хлопоты по домашнему хозяйству, а также сохранению семьи. Признанным цивилизационным вкладом средневековых монголов являются принципы организации войска и ведения войны.

Двусторонний характер влияния культуры на психику определяется тем, что культурно-цивилизационная среда формирует психические особенности человеческого сообщества. В свою очередь человеческие индивиды и социальные группы, имея определенное миропонимание, ценности, мотивы и потребности, соответствующим образом изменяют свою социокультурную среду (Бастун, 2014).

Когда речь идет о психологии современного человека, то его культурно-цивилизационную среду можно охарактеризовать таким образом. Благодаря достижениям научно-технической революции XX века значительно ослабела зависимость человечества от негативных влияний природной среды, - стихийных катаклизмов, неурожаяев и эпидемий. Однако сама научно-техническая революция стала возможной благодаря тому, что в течение предыдущих эпох постепенно рос общий интеллектуальный потенциал общества. Осознав роль образованности для научно-технического прогресса, общество пришло к необходимости обязательного школьного обучения, начиная с детского возраста. Систематическое школьное и профессиональное образование в течение XIX-XX веков способствовало повышению общего интеллектуального уровня населения сначала в странах Европы и Северной Америки, а в дальнейшем, это стало мировой тенденцией

Интеллектуальность человека стала общественной ценностью – общественным капиталом (она теперь ценится так же высоко, как в минувшие исторические периоды, физическое развитие – сила и ловкость), а в образовании и профессиональной сфере, стали цениться, прежде всего, физико-математическая подготовка, инженерные и близкие к ним специальности.

Зарождение и развитие психологии, как самостоятельной отрасли научного познания и общественной практики пришлось как раз на время активного становления индустриального общества. На психологии этого периода отразились общественные ценности, стиль мышления и мироощущения человека индустриальной эпохи - эпохи модерна (Гэлбрейт, Наэм, 2004).

Прогресс промышленного производства и привлечение к нему большого числа рабочих в конце XIX и в начале XX веков, определенным образом отразился на психологических особенностях тогдашнего социума. Индустриализация принесла не только повышение общего интеллектуального

уровня, но и значительную эмоциональную напряженность, а также распространение физических болезней из-за эксплуататорского отношения к рабочим. За первую половину XX века условия труда рабочих и отношение к ним изменились в лучшую сторону, однако красноречивыми являются воспоминания известной советской киноактрисы Ларисы Лужиной, которая в юности работала на кондитерской фабрике: "тогда я хорошо поняла, что должен чувствовать машина, которая годами не меняет алгоритма своих действий"(Грабенко, 2014, с.8).

В ответ на запрос эпохи индустриализации, психологи создали диагностические тесты. Первая тестовая батарея была сконструирована во Франции в 1905 г. для отбора детей для школьной учебы по показателям умственного развития. Впоследствии, разнообразные тесты и процедуры тестирования, пронизали всю жизнь Западного общества, которые принесли, кроме очевидной пользы, также и определенный вред. В конструировании тестов, проведении экспериментов и создании теорий психологи старались придерживаться сциентистских критериев объективности и достоверности, наследуя в этом естественные науки и испытывая неудовлетворенность тем, что полного соответствия упомянутым критериям не всегда удается достичь (Бастун, 2014).

Бихевиоризм – поведенческая концепция Дж. Уотсона, К. Халла, Б. Скиннера и других авторов – является адекватным отражением взглядов индустриального периода на психику человека, которые и поныне не потеряли своего влияния. Члены Американской психологической ассоциации назвали Скиннера человеком, вклад которого в психологию XX века является наибольшим (при этом Фрейд занял второе место) (Гэлбрейт, 2004).

На советском пространстве ведущей теорией, объясняющей человеческую активность, стала теория деятельности (которую в настоящее время квалифицируют как утонченный необихевиоризм (Поляков, 2011). В соответствии с бихевиористской концепцией, главным двигателем прогнозируемого поведения человека являются верно подобранные стимулы.

Согласно же теории деятельности, за человеком признается определенная возможность автономности, однако, при организованном должным образом влиянии на мотивационную сферу и через нее – на целеполагание, поведение отдельного человека и целых человеческих сообществ можно сделать прогнозируемым и управляемым. Особенная роль в таких воздействиях отводилась коллективам, прежде всего трудовым и учебным. В Советском Союзе важность психологии как науки во многом определялась пользой, которую она могла принести обеспечению индустриального (прежде всего, оборонного) производства. Второе место занимали вопросы учебы и воспитания детей. На третью позицию, с определенного времени,

вышла социальная психология, в которой акцент делался на трудовых коллективах.

Ф.Н. Гоноболин в учебнике по психологии, изданном в 1973 году, писал, что материалистическая психология изучает психику объективными методами и это значит, что исследователь подвергает психическую жизнь человека такому же непредвзятому анализу, как и другие объекты природы. Идеалистическая же психология изучает психику на основании субъективных, личных впечатлений, впрочем, по его мнению, самонаблюдение в психологии может быть использовано, но как вспомогательный прием, который должен быть проверен наблюдениями или экспериментом. Автор отмечает, важность того, что самонаблюдение не должно превращаться в ничтожное, ненужное копание в собственной душе (Гоноболин, 1973).

Переход к постиндустриальному периоду обозначился рядом изменений в мировоззренческих ориентирах, в том числе, в запросах к психологической науке и практике. Благодаря предыдущим научно-техническим достижениям, взаимодействие людей с машинами сократилось и существенно трансформировалось, человек стал не столь подчиненным механическим технологиям и групповым нормам поведения. Ролло Мэй сформулировал это так: "... или человек имеет смысл в терминах механизма, или, наоборот, механизм имеет смысл в терминах человека." (Мэй, 2001, с.134). Но люди столкнулись с последствиями «информационного взрыва», подвергаясь воздействию информационных потоков, среди которых оказывается немало информационного шума (мусора). В то же время, общение между людьми стало еще более важным инструментом профессионального функционирования. Если уровень занятости людей в промышленности упал, то в сфере управления и услуг он значительно вырос.

В практической психологии и смежных с ней отраслях стал широко постулироваться принцип неприкосновенности личности. На нем делается акцент как в деловых отношениях взрослых, так и в общении с детьми, даже маленькими. В научный, а затем, и в повседневный обиход вошли понятия «личное пространство», «межличностная дистанция» и др. Упал спрос на "узкоспециализированного" человека, который является прежде всего интеллектуалом, или только мастером золотые руки. Более важной стала социальная компетентность; работодатели, в настоящее время нуждаются не только в хороших специалистах, но в профессионалах, с высоким уровнем жизненной компетентности. Именно это качество способствует карьерному росту человека в значительно большей мере, чем одностороннее интеллектуальное развитие, в сочетании с социальной неразвитостью. Иными словами, широта социальных контактов и высокая степень автономности человека в сообществе являются причиной повышения требований к его социальному интеллекту и способствуют отказу от былой фетишизации операционального интеллекта (по Дж. Гилфорду), который

базируется на высокоразвитом абстрактно-логическом мышлении (Бастун, 2014).

Концепции, в которых рассматривается личностная самодетерминация и изучаются движители человеческой активности, начали свое становление в психологической науке еще во времена расцвета индустриального общества (Лерш, 2008). Однако, востребованными они стали в период постмодерна, при переходе к постиндустриальному обществу, когда роль собственного потенциала личности стала активно изучаться психологами.

По мнению Г.А. Балла, характерным для настоящего времени является усиление взаимовлияния различных направлений, существующих в психологии. Потребность в гуманизирующем воздействии психологической науки и основанной на ней практики вызвала к жизни концепцию рациогуманизма (Балл, 2011), согласно которой проблема согласованной реализации в психологии принципов гуманизма, с одной стороны, и рационализма, как основы научного познания, с другой, является актуальной для нашего времени.

Литература

Балл Г.А. «Психология» методологии: рациогуманистический взгляд // Вопросы психологии. 2011. – № 3. – С.3-13.

Бастун Н.А. Культурно-историческое измерение психологической науки и практики / Культурообразующая функция психологической науки / под ред. Г.А. Балла. Киев; Кировоград: Имекс-ЛТД, 2014. – С.39-72. (На укр. яз.)

Гоноболин Ф.Н. Психология. М.: Просвещение, 1973.

Грабенко Л. Она была в Париже // Бульвар Гордона №9 (461). 2014. Березень. С.8.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Мишель и Ко, 1993.

Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004.

Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2006.

Лерш Ф. Прологомены к психологии как человековедческой науке. Киев: Пульсары, 2008. (На укр. яз.)

Лурия А.Р. Психология как историческая наука. К вопросу об исторической природе психологических процессов. URL: http://scepsis.net/library/id_929.html

Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Питер, 2003.

Мей Р. Становление экзистенциальной психологии // Гуманистическая психология. Т.1. Киев: Пульсары 2001. (На укр. яз.)

Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. М.: Прогресс, 1984.

Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Безгодова С.А.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

В статье рассматриваются основные проблемы методологии современной психологической науки. Анализируются причины их возникновения в контексте исторического развития психологической науки, а также обсуждаются перспективы их возможного решения. Основным способом преодоления методологических проблем предлагается синтез имеющихся психологических знаний и интеграция существующих методологических парадигм.

Ключевые слова: методология психологии, парадигма психологического познания, генезис психологического знания, предметная область психологии.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY: HISTORICOPSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Bezgodova S.A.

Herzen University Saint-Petersburg, Russia

There're discussed the main methodological problems of psychological science in the article. There're analysed the causes of their occurrence in the context of the historical development of psychological science, and discusses the ways for their possible solutions. The main way to overcome the methodological problems is the synthesis of psychological knowledge and the integration of existing methodological paradigms.

Keywords: methodology of psychology, the paradigm of psychological knowledge, the genesis of psychological knowledge, the subject area of psychology.

Методологические проблемы приобретают в последнее время особую актуальность в психологической науке. Прежде всего, это связано с тем, что современная наука в целом движется по пути междисциплинарных исследований и предметные области конкретных наук имеют проницаемые границы. То же можно сказать и о психологии. В последнее время у нас и за рубежом популярными становятся интегративные исследования, в которых участвуют специалисты в области нейрофизиологии, генетики, антропологи, социологи, культурологи, филологии и т.д. Несомненно, данные исследования обеспечивают комплексность изучения человека, о ко-

торой писал в середине прошлого века один из родоначальников ленинградской психологической школы Б.Г. Ананьев, описывая модель познания психологии человека (Ананьев, 1968). Вместе с тем, среди психологов и других специалистов в области изучения человека все чаще идут разговоры о том, что психология как наука себя исчерпала. Все психологические знания можно отнести к различным областям других наук, а за психологией можно оставить только поле практической деятельности в сфере оказания услуг тем или иным группам населения. Почва для возникновения таких идей была подготовлена самим генезисом психологического знания с одной стороны, а с другой стороны, направлением развития современных психологических исследований.

Если говорить о первой причине – о генезисе психологического знания, то следует упомянуть, что психологическая наука выкристаллизовалась из разных областей знания: философского и естественно-научного, что определило двойственность ее методологии в рамках гуманитарной и естественно-научной парадигм. Дискуссии о возможности отказа от одной из парадигм начались еще со времен Аристотеля, указывавшего на то, что познание души возможно только естествоиспытателем (Аристотель, 2003), и это противоречило позиции предыдущих философов, ориентировавших человека к познанию души путем интроспекции. В дальнейшем на протяжении полутора тысячелетий в русле данной диалектики развивалась методология исследования человеческой души. Очевидно, что наука в это время двигалась по пути уточнения и дифференциации предмета психологии.

На протяжении Нового времени предметной областью психологии стало исключительно сознание (Ждан, 1990), что оставляло за пределами психологического познания многие феномены, так или иначе принадлежащие психологической составляющей человека. Вместе с тем, естествознание активно накапливало опыт по их изучению, о чем свидетельствуют достижения в области рефлексологии, анатомии головного мозга, психофизики и психометрии XIX века. К моменту возникновения психологии как самостоятельной науки уже имелось два сформировавшихся взгляда на будущее психологической науки: концепции В. Вундта и У. Джемса. Во многом из-за организаторской деятельности В. Вундта, его стремления институализировать психологию, именно он вошел в историю как отец-основатель психологической науки. Вместе с тем, параллельно развивалась и американская школа функционализма, ставшая предтечей американской психологии, которая по социально-историческим причинам стала ведущей в мире во второй половине XX века. Состояние науки, обозначаемое как кризис психологии на рубеже веков, было предопределено концепцией Вундта. Исходя из предположений о структуре сознания, он разделил психологию на две отрасли научного знания: психологию народов и экспериментальную психологию. Также им была предпринята попытка выстроить

методологию психологической науки: сквозным методом, объединяющим обе области психологии, была интроспекция, вызывающая критику и нарекания в свой адрес, особенно по параметру получения объективных данных, как тогда, так и теперь. Более того, включив в арсенал психологических методов эксперимент, Вундт ограничил его применение только областью изучения элементарных психических процессов. В целом, психология Вундта продолжала традиции рационализма и немецкой классической философии, исповедуя структурный подход в понимании сознания. Вундтовскую линию со многими поправками продолжали ученые Берлинской школы гештальтпсихологии, которые пытались создать интегративную психологию, объединив все проявления психики фило- и онтогенетическим принципом гештальта, одновременно претендуя своей теорией на решение психофизической и психофизиологической проблемы психологии. В своих исследованиях они использовали расширенную методологию: эксперимент, наблюдение и интроспекцию, тем не менее, оставляя много вопросов относительно формирования и переходов одних психических процессов в другие, переключаясь на феноменологические описания тех или иных психических явлений.

У. Джеймс, опираясь в большей степени на физиологию и эволюционные взгляды Ч. Дарвина, создавал психологию, ориентированную на изучение связей между головным мозгом и психическими функциями, а также на проявление этих связей в поведении человека. Это направление психологической мысли привело к возникновению бихевиоризма с претензией на объективность психологического знания, базирующегося на знаниях, полученных с помощью естественно-научных методов: наблюдения и эксперимента. Стремление преодолеть субъективизм привело к тому, что из психологии было выхолощено все индивидуальное и собственно психологическое, которое не имело значения для объяснения феноменов поведения.

Параллельно в область психологических знаний входили прикладная и практическая психология. Практическая психология выстраивала свои теории как обоснование технологий практической деятельности, прикладная психология активно эксплуатировала метод измерения, выражающийся в применении различного рода тестов, чаще являющихся частными операционализированными представлениями о тех или иных психологических качествах человека. В целом, психология середины XX века представляла собой смесь различных взглядов на предмет психологии, создававших впечатление научного хаоса, приводящего к обвинениям психологии в допарадигмальности и ненаучности. Попытку интегрировать психологические знания в единое учение, сходное по построению с классическими науками совершил Курт Левин, объединив в теории поля общенаучные принципы построения научного знания и различные теории, имевшие место на тот момент. С точки зрения, описания предметной области психологической

науки – это ему практически удалось за счет включения в нее человека и среды, что было созвучно развивающейся в тот момент теоретической советской психологии. Однако, Левин не ставил перед собой задачи построения единой системы познания психологии человека. В области методологии в это время работал С.Л. Рубинштейн, обосновывая основные способы изучения человека, тем самым выстраивая аксиоматику психологической науки (Рубинштейн, 1940), благодаря чему традиция методологических построений прочно вошла в отечественную психологию.

Вместе с тем, социальные изменения, связанные со Второй мировой войной и ее последствиями, привели к трансформации психологического знания. Основной человеческий потенциал науки сконцентрировался в США, где и сформировались основные психологические направления второй половины XX века: когнитивная и гуманистическая психология. Когнитивная психология впитала в себя идеи бихевиоризма, гештальт-теории и культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, и имеет очевидно естественно-научную направленность. Гуманистическая психология является практикоориентированной, что определяет ее гуманитарную методологию, опирающуюся на феноменологический и личностный подход. В конце XX века гуманистическая психология и когнитивизм стали практически антагонистами в понимании психологии человека, ее детерминант, а также методов исследования, забывая о своей принадлежности к одной и той же области научного знания. Это обстоятельство привело к размежеванию психологического знания, а также принципов и способов его получения. Методологические проблемы стали неактуальны, поскольку разнообразные психологические течения предпочитают существовать, не пересекаясь в научном пространстве. В этой связи психология стала представлять собой изучение отдельных феноменов, не пытаясь встроить их в общее знание. Выражаясь языком философской деконструкции, психология стала «органами без тела».

Это привело к тому, что предмет психологии выхолащивается естественно-научной парадигмой до сведения всех проявлений психологии человека к функционированию головного мозга, и объяснения аномальных для данной концепции феноменов недостаточностью развития аппаратных методов исследования в области нейрофизиологии, с одной стороны. С другой стороны, гуманитарная парадигма приходит к практически полному отрицанию биологических детерминант в психологии человека, и объяснению даже аномалий в развитии установками и конструктами сознания. В этой связи категориальный аппарат психологической науки, призванный описывать ее предметную область, пестрит понятиями, либо обозначающими одно и то же явление, но в разных парадигмах, либо категориями, принудительно становящиеся омонимами. Методология отдельных исследований страдает увлеченностью диагностическими процедурами,

где точкой отсчета является не предмет и феномен, а тестируемая переменная.

Также современная психология пестрит псевдооткрытиями и цепками с парапсихологическими воззрениями, что приводит к дискредитации всего психологического знания. В этой связи, в последние 20 лет остро поднимаются проблемы методологии и не только в отечественной науке. В настоящее время совершаются попытки построения интегративных и интегральных моделей психологической организации человека, а также соответствующей методологии (Катков, 2013, Панферов, 2015, Смирнов, 2006, Юревич, 2008, Mayer, 2005). Очевидно, что психологическая наука, синтезировав имеющийся фактический материал, имеет возможность через интегративное описание своего предмета, выйти на новый уровень его понимания, что будет способствовать выстраиванию единой методологии, с вероятным появлением новых исследовательских процедур, исходящих из феномена и его характеристик и не зависящих от идеологической приверженности и угла зрения исследователя. Возможно, последний тезис противоречит принципам постнеклассической стадии развития науки, но может способствовать качественному скачку психологического знания.

Литература

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1968.

Аристотель. О душе. СПб.: Питер, 2003.

Ждан А.Н. История психологии от античности до наших дней. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Катков А.Л. Интегративная психотерапия. СПб., 2013.

Панферов В.Н. Методологические выводы из опыта психологического познания человека // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Т.1 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. – С.95-98.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: УЧПЕДГИЗ, 1940.

Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006.— Вып.1. – С.73-84.

Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008. – №1.

Mayer J.D. A Tale of Two Visions. Can a New View of Personality Help Integrate Psychology? // American Psychologist. May–June 2005. – P.294-307.

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ПОНЯТИЙ В КУЛЬТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Беспалов Б.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 16-06-50141

В работе описаны некоторые логические и методические проблемы, возникающие при разработке понятий культурно-деятельностной психологии. Эта концепция направлена на изучение изменяющихся во времени психологических систем, компонентами которых являются процессы и результаты психологических взаимодействий человека с миром. Для отражения динамики и диалектики функционирования и развития таких систем требуется соответствующая им система понятий и логика. В статье изложены некоторые идеи концепции психологических понятий, разрабатываемой с помощью временной нечеткой логики. Проведено сравнение этой концепции с классической теорией понятий о внешних предметах.

Ключевые слова: психологическая система, психологическое взаимодействие, нечеткая логика построения психологических понятий.

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT NOTIONS IN THE CULTURAL PSYCHOLOGY OF ACTIVITY

Bespalov B.I.

Lomonosov Moscow State University, Russia

The paper describes some problems in the conceptual development of cultural psychology of activity. The latter is a study of altering psychological systems and of human interactions with the world. For this, an appropriate notions and logic is needed. The article describes some ideas of the so-called fuzzy logic of psychological notions. This concept is compared with the classical theory of notions about external objects.

Keywords: psychological system, psychological interaction, fuzzy logic of the psychological notions.

Основными предметами изучения в культурно-деятельностной психологии являются изменяющиеся во времени психологические системы, которые представляют собой различные совокупности взаимосвязанных процессов и результатов психологических взаимодействий субъектов (живых существ) с миром. Такие взаимодействия отличаются от физических и биологических взаимодействий тем, что регулируются субъектами на основе психического (т.е. чувственного и осмысленного) отражения ими ми-

ра и взаимодействий с ним. Процессы психологических взаимодействий субъектов с миром могут осуществляться в форме выделенных А.Н. Леонтьевым «отдельных» деятельностей субъекта, побуждаемых его потребностями и направленных на достижение предметов этих потребностей («мотивов»), в форме разнообразных действий людей (индивидуальных, совместных, коммуникативных и пр.), реализующих их осознанные цели, в форме психологических операций, преобразующих текущее психологическое (воспринимаемое, мыслимое и пр.) состояние предметов, с которыми субъект взаимодействует в данный момент.

Психическое отражение (познание) субъектом взаимодействующих с ним компонентов мира, а также порождение их чувственных или мысленных образов включает осмысление этих компонентов разными способами, например, путем выяснения их функций, роли, полезности и других значимых для субъекта свойств или путем их перцептивно-двигательного, мысленного и пр. соотнесения с мотивами (предметами потребностей) или целями субъекта. В результате психического отражения субъектом компонентов его взаимодействия с миром их познаваемые состояния включаются в текущее психологическое состояние субъекта, начинают им «переживаться» и участвовать в регуляции (изменении направленности и интенсивности) его взаимодействий.

Когда предмет психического отражения интересен субъекту и совпадает с предметом его потребности, то процесс отражения выполняется в форме познавательной деятельности, которая имеет как чувственно-смысловые, так и внешне двигательные компоненты. Процесс отражения может выполняться также в форме сознательных действий или психологических операций субъекта. Акты (активные процессы) психического отражения, выполняемые в форме психологических операций, как правило, не осознаются субъектом и являются компонентами других форм его психологического взаимодействия с миром. Некоторые процессы и результаты психического отражения мира субъектом, например, его низшие и высшие психические процессы и функции, также образуют психологические системы, которые являются компонентами психики или сознания субъекта.

Под компонентом какой-либо системы (не обязательно психологической) понимается такое существующее нечто, которое в каком-либо смысле и в некоторой степени (от 0 до 1) принадлежит этой системе и/или включено в ее функционирование или развитие (Беспалов, 2012; 2014). В психологических системах можно выделить преимущественно субстанциальные компоненты, существующие в большей степени самостоятельно (орудия и знаки, материальные предметы и др.), а также не существующие самостоятельно атрибутивные компоненты, к которым относятся свойства и отношения компонентов, их психологические состояния. Компоненты психологических систем могут существовать в различных временных и модально-логических формах, т.е. могут быть прошлыми, настоящими и

будущими, потенциальными или актуальными, возможными или необходимыми и пр. Эти компоненты могут переходить друг в друга при их освоении субъектом (действие переходит в операцию и пр.), при их переосмыслении (цель переходит в мотив или пр.), при изменении направления активности субъекта (предмет переходит в средство или наоборот). Различные нечеткие характеристики психологических систем (такие как «преимущественно познавательная» операция, «преимущественно двигательная» и пр.) со временем также могут переходить друг в друга, а иногда находится в диалектическом отношении единства (Беспалов, 2009).

Для теоретического описания временной структуры и функционирования психологических систем требуется адекватный им понятийный аппарат, а также особая логика, в которой формулируются правила построения и оперирования нечеткими характеристиками психологических систем, моделируются диалектические отношения между этими характеристиками, описываются переходы компонентов систем из одного состояния в другое. Для построения такого понятийного аппарата и логики необходимо расширить традиционную логическую концепцию, которая исторически создавалась для изучения понятий и формализации суждений о предметах внешнего мира. В отличие от этого понятийный аппарат и логика культурно-деятельностной психологии направлены на описание и формулирование законов функционирования и развития психологического взаимодействия субъектов с миром. В связи с изменением предмета изучения методы разработки понятий и логики описания психологического взаимодействия должны отличаться от способов определения понятий и форм суждений о предметах в классической логике. В этой логике понятие трактуется как форма мышления, в которой отражаются существенные признаки предметов некоторого класса, а также выделяется содержание и объем понятия (Войшвилло, 1989; Гетманова, 2000). В содержание понятия входит совокупность существенных признаков предметов, «подпадающих под это понятие» и образующих некоторый класс, который называется объемом понятия. Содержание понятия раскрывается с помощью его словесного определения (в котором обычно указываются родовые и видовые признаки отражаемых в понятии предметов), тогда как объем понятия описывается с помощью «операции деления» соответствующего класса предметов на подклассы, или на «члены» деления.

В повседневном языке понятия выражаются словами или словосочетаниями, а в языке научной концепции – терминами, имеющими достаточно точные определения. В разрабатываемой нами концепции психологических понятий предполагается, что у любого психологического термина («эмоция», «мотив», «воля», «знак», «действие», «образ предмета», «личность» и др.) имеется два типа значений – смысловое и предметное. Под смысловым значением термина имеется ввиду то, что в логике и семантике называют смыслом (по Г. Фреге) или сигнификатом знака. Смысловое зна-

чение психологического термина (слова или словосочетания) отождествляется с выражаемым им понятием, которое должно включать существенные признаки обозначаемых термином предметов, а также отражать их диалектическую сущность и модально-временную форму существования. Однако, чтобы «иметь понятие» о предмете, не достаточно понимать смысловое значение термина, выражающего это понятие. Необходимо также знать обозначаемые термином предметы, уметь выделять их и отличать от других предметов, уметь практически взаимодействовать с ними или воспроизводить их.

Предметному значению психологического термина соответствуют обозначаемые или называемые им предметы, которые отображаются в понятии и входят в него в своей идеальной форме существования. Предполагается также, что обозначаемые психологическими терминами предметы образуют «нечеткие» совокупности, т.е. входят в предметное значение термина с разной степенью принадлежности, изменяющейся в пределах от 0 до 1. Например, предметное значение термина «психологический процесс» (ПСИ) может быть представлено в виде нечеткой совокупности ряда процессов – эмоциональных (эмоц), познавательных (поз), волевых (вол) и других. Эта совокупность процессов называется словом ПСИ и изображается как $\{\text{эмоц}|0,3; \text{поз}|0,7; \text{вол}|0,2; \dots\}$, где числа 0,3; 0,7 и др. обозначают зависящие от времени степени принадлежности соответствующих процессов общему процессу ПСИ. Поскольку в данном процессе преобладает процесс поз, то его можно назвать также преимущественно познавательным (ПОЗ). Психологический процесс может иметь также другие нечеткие характеристики (ЭМОЦ или ВОЛ), которые могут находиться в диалектическом отношении единства (Беспалов, 2009).

Это отличает данную концепцию понятия от классической, в которой обозначаемые словом предметы образуют четко определенные множества, отождествляемые с объемом понятия об этих предметах. Представление о том, что отражаемые в понятии предметы образуют «четкие» множества, описываемые с помощью «дизъюнктивной» булевой логики, приводит к ряду логических трудностей при разработке понятий культурно-деятельностной психологии, которые должны отражать динамику и диалектическую сущность различных компонентов психологических взаимодействий субъектов с миром (образов предметов, значений слов, целей действий и др.).

Различение предметного и смыслового значения психологических терминов порождает проблему описания генетических и функциональных отношений между этими аспектами значения. Эта проблема связана с выяснением того, как в смысловом значении психологического термина отображаются в форме «признаков» и других знаний обозначаемые им предметы, как смысловое значение термина позволяет выделять и называть этим термином соответствующие предметы и пр. Некоторые проблемы

разработки понятий культурно-деятельностной психологии можно пояснить при рассмотрении ряда положений традиционной концепции понятия. В этой концепции признак, по которому производится деление объема понятия, называется основанием деления. При делении класса предметов на подклассы по видообразующему признаку объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов деления. Например, объем понятия «угол» по видообразующему признаку делится на классы прямых, острых и тупых углов. При дихотомическом (двучленном) делении объем понятия делится на два не пересекающихся класса А и не-А (прямые и не прямые углы и пр.). Деление объема понятия о предметах внешнего мира на различные «члены» отличается от операции деления этих предметов на части. Так, любой угол можно разделить на несколько острых углов (частей угла), однако объем понятия «угол», т.е. класс всех углов, не делится на классы острых углов. Объем понятия угол делится не на части угла, а на части класса всех углов, например, на подмножества тупых, прямых и острых углов.

В разрабатываемой нами концепции понятий в предметное содержание слова «угол» входят любые предметы, которые могут быть названы данным словом. Это могут быть углы, нарисованные ранее на бумаге, воспринимаемые в данный момент углы, изучаемые в математике идеальные углы между линиями или векторами, возможные углы еще не построенного дома и пр. Эти углы не образуют вполне определенного класса всех углов, но могут трактоваться как углы разного типа, различаемые по форме их существования и познания. Углы между направлениями будущих движений человека, необходимые для достижения его цели, не образуют часть (или подмножество) класса всех углов, выделяемую с помощью родовых и видовых признаков. Это означает, что метод построения понятий с помощью выделения родовидовых признаков предметов имеет существенное ограничение, что не исключает возможность его применения при разработке некоторых понятий культурно-деятельностной психологии. Например, в содержании психологического понятия «действие» можно выделить родовой признак – «быть процессом психологического взаимодействия» человека с миром, и видовой признак – «реализовывать осознанную цель». Тогда в предметное содержание понятия «действие» будут входить те процессы взаимодействия человека с миром, которые реализуют осознанные им цели. Однако для дальнейшей разработки понятия «действие» – при формулировании признаков, отличающих действие от деятельности и операций, при выделении действий различных типов и пр., требуется методы, отличные от выделения в предмете родовидовых признаков.

В классической концепции понятия делятся по объему на общие, единичные и пустые. В объеме пустого понятия (таким как «вечный двигатель» и др.) нет реально существующих предметов и поэтому объем такого понятия отождествляется с пустым классом предметов. В объеме единич-

ного понятия (в одноэлементном классе) содержится только один предмет (например, «столица России»), а в объем общего понятия входит более одного предмета (например, «стол»). В концепции психологических понятий речь идет о единичных и общих терминах, обозначающих единственные предметы (например, Мир) или разнообразные предметы одного типа (термины «Человек», «взаимодействие» и др.). Эти термины имеют вполне определенные смысловые значения, т.е. выражают понятия, отражающие сущность и существенные признаки соответствующих им предметов, по которым они сходны и отличны от предметов других типов. Что касается психологически пустых терминов, то таких, по-видимому, не существует, поскольку можно предположить, что обозначаемые любым термином предметы существуют в какой-либо форме. Например, не существующий объективно вечный двигатель может существовать в субъективной форме в сознании какого-либо человека. Объективно не существует также необходимый человеку предмет, который он планирует создать в будущем. Однако этот предмет существует в субъективно возможной и идеальной форме, если человек принял цель построить его. Одна из проблем теории психологических понятий связана с необходимостью учета того, что изучаемые в психологии и отражаемые в ее понятиях предметы могут существовать в различных временных и модальных формах.

В классической концепции понятия делятся также на конкретные и абстрактные, положительные и отрицательные, относительные и безотносительные, собирательные и несобирательные (Гетманова, 2000). Выделяются также эмпирические и теоретические понятия (В.В. Давыдов), житейские и научные (Л.С. Выготский), аналитические и синтетические (И. Кант). В связи со спецификой логики и предметов изучения в культурно-деятельностной психологии возникает проблема изменения и уточнения содержания перечисленных выше биполярных конструкторов (конкретные – абстрактные и др.), используемых в логике для дихотомического деления понятий о внешних предметах на не пересекающиеся классы.

Так, в классической концепции положительные понятия выражаются словами «честный», «мотивированный», «компетентный» и пр., в которых фиксируется наличие у предмета некоторого свойства, отношения или состояния. В отрицательных понятиях фиксируется их отсутствие у предмета – «не честный» и пр. В концепции нечетких психологических понятий они выражаются нечеткими терминами, содержащими слова «преимущественно», «в большей степени» и др. Если в большинстве жизненных ситуаций человек ведет себя честно, например, {честен|в степени 0,8; не честен|в степени 0,5}, то его можно назвать словами «преимущественно честный» (ПЧ), которые выражают положительное нечеткое понятие. Отрицательное нечеткое понятие – «преимущественно не честный» (ПНЧ) описывает свойство человека, моделируемое другим нечетким множеством, например, {честный|в степени 0,5; не честный|в степени 0,8}. При дихотомиче-

ском делении объемы четких понятий «честный» и «не честный» не пересекаются, т.е. их пересечение равно пустому множеству. Однако к объемам нечетких понятий, описываемых нечеткими множествами, дихотомическое деление не применимо, поскольку пересечение описанных выше объемов положительных и отрицательных нечетких понятий равно не пустому нечеткому множеству {честен|в степени 0,5; не честен|в степени 0,5}. У человека в таком состоянии противоположные нечеткие характеристики его честности равны (ПЧ = ПНЧ) и находятся в отношении единства, которое опосредует «скачкообразный» переход от одной качественной характеристики человека к другой при непрерывном изменении количественных характеристик его состояния. Кроме того, для нечетких психологических характеристик человека и его взаимодействий с миром не выполняются классические законы противоречия и исключенного третьего (см. Беспалов, 2009).

Литература

Беспалов Б.И. Нечетко-множественные модели недизъюнктивности и субъектности психических процессов // *Субъектный подход в психологии*. М.: ИП РАН, 2009. – С.121-136.

Беспалов Б.И. Развитие представлений П.Я. Гальперна о средствах, орудиях и орудийных операциях человека и животного // *Культурно-историческая психология*. 2012. – №4. – С.55-66.

Беспалов Б.И. Логико-семантический анализ и развитие представлений Л.С. Выготского о единицах и элементах психологических систем // *Национальный психологический журнал*. 2014. – №1 (13). – С.20-33.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: МГУ, 1989.

Гетманова А.Д. Учебник по логике. М.: Новая школа, 2000.

О МНОГОЗНАЧНОСТИ ПОНЯТИЯ «СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Богданчиков С.А.

Академия социального управления, Москва, Россия

В статье на материале публикаций отечественных психологов 1920-1940-х гг. (Б.Г. Ананьева, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, К.Н. Корнилова, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейна, Л.М. Шварца и др.) рассматриваются вопросы о содержании и соотношении понятий «марксистская психология» и «советская психология».

Ключевые слова: советская психология, марксистская психология, история советской психологии, психологическая наука в СССР.

ON AMBIGUITY OF THE CONCEPT OF «SOVIET PSYCHOLOGY»

Bogdanchikov S.A.

Academy of Public Administration, Moscow, Russia

The article considers the questions of the content and correlation of the concepts of «Marxist psychology» and «Soviet psychology» (on the material of publications of Russian psychologists in 1920-1940 – B.G. Ananiev, P.P. Blonsky, L.S. Vygotsky, K.N. Kornilov, A.R. Luria, S.L. Rubinstein, L.M. Schwarz and others).

Keywords: soviet psychology, Marxist psychology, history of psychological science in the USSR.

Обращаясь к истории понятия «советская психология», вначале необходимо рассмотреть вопрос о генезисе понятия «марксистская психология». До революции и в первые годы послереволюционные годы понятие «марксистская психология» в работах отечественных авторов вообще не использовалось, хотя с 1921 г. в Советской России стали появляться публикации, в которых обсуждался вопрос о значении марксизма для психологии. Так, в «Очерке научной психологии» П.П. Блонский во многих местах пишет о значении марксизма для психологии (Блонский, 1921), но выражение «марксистская психология» (и, тем более, «советская психология») в этой работе не встречается. Та же ситуация обнаруживается и в другой его известной работе тех лет (Блонский, 1925). Лишь в предисловии к книге Л. Джемсона П.П. Блонский недвусмысленно говорит о марксистской психологии: «Только марксистская психология есть психология, действительно исчерпывающая свой предмет» (Блонский, 1924, с.Х). Примечательно, что здесь же П.П. Блонский использует выражение «домарксистская психология» – очевидно, по аналогии с широко распространенными тогда выражениями «марксистская философия» и «домарксистская философия».

Исходным пунктом (датой и местом «рождения») марксистской психологии как понятия и выражения стал доклад К.Н. Корнилова на первом психоневрологическом съезде в Москве в январе 1923 г. (Корнилов, 1923a; Корнилов, 1923b). После этого выражение «марксистская психология» получило широкое распространение, прежде всего ассоциируясь с К.Н. Корниловым и его реактологией. По отношению ко всем сторонникам идеи и лозунга о необходимости построения марксистской психологии стало широко использоваться выражение «психолог-марксист».

Однако выражение «советская психология» почти на всем протяжении 1920-х гг. не употреблялось вовсе, о чем наглядно свидетельствуют обзорно-юбилейные статьи К.Н. Корнилова (Корнилов, 1927) и Л.С. Выготского (Выготский, 1928). Так, К.Н. Корнилов при характеристи-

ке всей психологической науки в СССР использует понятия и выражения «психология в СССР» (в заголовке статьи), «наша психология» (наиболее часто встречающееся в статье выражение), «наша русская психология», «русская психология», «марксистская психология» (наряду с эмпирической психологией и другими направлениями), «марксистская диалектическая психология», «психология у нас в СССР со времени Октябрьской революции», «материалистическая психология», «современная психология», «наша марксистская психология в Советском Союзе».

Примерно те же выражения при описании психологической науки в СССР используются и в статье Л.С. Выготского: «русская психология» (по всему тексту статьи), «современная русская психология», «наша психология», «новая психология», «психологическая наука в стране революции», «психологическая наука в СССР», «марксистская психология», «марксистская дисциплина», «материалистическая психология». Л.С. Выготский даже пишет о «своеобразии русской психотехники», имея в виду, конечно, психотехнику не в дореволюционной России, а в СССР.

Особенно важны часто цитируемые слова Л.С. Выготского, в которых он раскрывает свое принципиальное понимание марксистской психологии: «Надо иметь в виду, что марксистская психология есть историческое задание нашей эпохи, задание, которое может быть выполнено только совместными усилиями не одного поколения психологов, потому что слова “марксистская психология” не означают особой какой-нибудь ветви психологии или особого направления в ней; слова эти означают научную психологию в целом, марксистская психология есть синоним научной психологии, и в этом смысле создание марксистской психологии есть завершение длинного исторического процесса превращения психологии в естественную науку. Попытка построить психологию на основе диалектического материализма не является в сущности абсолютно новой. За границей такие попытки делались не раз, хотя и не с той серьезностью и не с тем размахом, которые отличают русскую попытку» (Выготский, 1928, с.39).

Подчеркнем, что в 1931 г., Л.С. Выготский и Б.Е. Варшава в «Психологическом словаре» дали несколько иное определение марксистской психологии (приводим статью целиком): «Марксистская психология – особое направление в современной психологии, разрабатывающее проблемы этой науки с точки зрения учения К. Маркса и Фр. Энгельса, т.е. теории диалектического и исторического материализма... Идея марксистской психологии возникла в последнее десятилетие в разных местах; наибольшего развития она достигла в СССР (П. Блонский, А. Залкинд, К. Корнилов и др.); в Англии, Австрии, Германии и других странах попытки создания марксистской психологии также делались, но приводили часто к эклектическому соединению марксизма с чуждыми ему идеалистическими системами» (Варшава, Выготский, 1931, с.100; Варшава, Выготский, 2008, с.124-125).

Заметим, что А.Н. Леонтьев, уже в середине 1970-х гг. касаясь вопроса о марксистской психологии, сместил принципиальные акценты в сторону идеологизации: «Мы все понимали, что марксистская психология – это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» (Леонтьев, 1975, с.5). Позже А.Н. Леонтьев счел необходимым свою мысль выразить даже еще более резко: «Марксистская психология – это не особое направление среди других, а совершенно новый этап в развитии мировой психологии, который знаменует собой переход от предыстории этой науки к ее истории» (Леонтьев, 1977, с.9).

Только в самом конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР начинает происходить постепенная замена понятий: понятие «марксистская психология» употребляется все реже, и одновременно все чаще используется выражение «советская психология». Разумеется, данная трансформация была прямым следствием изменений официальной государственной политики в сфере науки, философии, культуры и идеологии в целом. В этом плане показательным, что в начале 1930-х гг. предпринималась попытка ввести понятие «марксистско-ленинская психология» (Ананьев, 1931; Итоги дискуссии..., 1931). В статье Б.Г. Ананьева также говорится и о «советской психологии», которая рассматривается как антитеза психологии буржуазной.

В словарной статье Л.М. Шварца говорится только о марксистской психологии и психологической науке в СССР (Шварц, 1931, ст.23-24). Но уже в словарной статье Б.Г. Ананьева (Ананьев, 1933) помимо выражений «психология в СССР», «подлинно материалистическая психология», «марксистская психология» уже используется выражение «советская психология», причем и в собирательном значении (как синоним выражения «психология в СССР»), и в особом, идеологическом смысле (Ананьев, 1933, ст.785-786). Б.Г. Ананьев здесь фактически отказывается от понятия «марксистская психология» и, по-видимому, вообще от эпитета «марксистский» (у него речь идет о марксистско-ленинских основах); понятие «буржуазная психология» у него используется как противоположное понятие «советская психология». В этом же ключе определения «советская психология» и «марксистская психология» используются в статье А.Р. Лурия (Лурия, 1933).

Публикацией, в которой выражение «советская психология» используется уже как общепринятое и господствующее, стали «Основы психологии» С.Л. Рубинштейна, где имеется отдельный параграф «Советская психология» (Рубинштейн, 1935, с.35-37). Из анализа С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1940) следует, что к середине 1930-х гг. (причем, заметим, до

постановления о педологии в 1936 г.) все имевшиеся школы, течения, направления и теории были так или иначе свернуты, ликвидированы, фактически запрещены. Советская психология осталась, но не как система. По-видимому, поэтому С.Л. Рубинштейн с самого начала ставил вопрос о создании советской психологии именно как «системы советской психологии» (Рубинштейн, 1935, с.6); впрочем, не следует забывать о том, что К.Н. Корнилов еще в середине 1920-х гг. использовал выражение «система марксистской психологии».

Таким образом, «советская психология» – это многозначное понятие, содержательно и хронологически соотносящееся с понятиями «психологическая наука в СССР» и «марксистская психология». Три основные трактовки советской психологии отражают ту иную степень ее идеологизации (идеологизированности) и научности.

1. «Советская психология» – это идеологическое понятие, являющееся разновидностью более общего идеологического понятия «советская наука» (это наука особая, марксистская, партийная, воинствующая, передовая и т.п.).

2. «Советская психология» в широком смысле – собирательное, деидеологизированное понятие, обозначающее всю психологическую науку в СССР (синонимы: «психология в СССР», «психологическая наука в СССР», «советская психологическая наука», «психологическая наука советского периода», «психология в Советской России» и т.п.). С помощью этого понятия обозначается вся психологическая наука в географических и хронологических рамках существования СССР (1922-1991). Сюда же обычно включается и период с 1917 г. по 1922 г. (от Октябрьской революции 1917 г. до образования СССР в 1922 г.), когда образовавшееся на месте царской России государство называлось «Советская Россия» (РСФСР).

3. «Советская психология», понимаемая в узком (собственно научном, содержательном) смысле.

С позиций развиваемого нами подхода (Богданчиков, 2011-2015) «советская психология» – это самобытное научное направление, возникшее в СССР в период 1920-1930-х гг. под воздействием марксизма на основе результатов и достижений отечественной и зарубежной психологии; марксистская психология в СССР в 1920-е гг. рассматривается при этом как начальная форма, первая ступень развития советской психологии как определенного научного направления.

Литература

Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. – Т.IV. – Вып.3-4. – С.325-344.

Ананьев Б.Г. Психология // Большая медицинская энциклопедия. Т.27. М.: Советская энциклопедия. 1933. – С.763-791.

Блонский П.П. Очерк научной психологии. М.: Госиздат, 1921.

Блонский П.П. Предисловие редактора // Л. Джемсон. Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. М.: Госиздат, 1924.

Блонский П.П. Психология как наука о поведении // Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. – С.225-229.

Богданчиков С.А. История советской психологии: 1920-1930-е годы. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2011.

Богданчиков С.А. К историографии советской психологии (аналитический обзор) // Арзамасские чтения-2. Основные направления развития отечественной и зарубежной психологии: материалы Всероссийского методологического семинара, г. Арзамас, 15-17 сентября 2011 г. / отв. ред. Е.С. Минькова; ИП РАН, АГПИ. Арзамас: АГПИ, 2012. – С.126-137.

Богданчиков С.А. Открывая Г.И. Челпанова (Г.И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы). М.: Директ-Медиа, 2013.

Богданчиков С.А. Школа Узнадзе в системе советской психологии // Вопросы психологии. 2014а. – №3. – С.131-141.

Богданчиков С.А. Историография советской психологии: проблемы, достижения, перспективы // Ананьевские чтения-2014: Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: материалы научной конференции, 21-23 октября 2014 г. / отв. ред. Г.С. Никифоров. СПб.: Скифия-принт, 2014б. – С.302-304.

Богданчиков С.А. К вопросу о научных направлениях и научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. // Психологический институт в современном научно-психологическом пространстве: Международные Челпановские чтения 2014: Московская научно-практическая конференция к 100-летию Торжественного открытия Психологического института им. Л.Г. Щукиной (1914-2014). Москва, 22-23 апреля 2014 года / Альманах Научного архива Психологического института / сост., научн. ред. О.Е. Серова, Е.П. Гусева / под общ. ред. В.В. Рубцова. М.: Алькор Паблшер, 2014в. – Вып.7, юбилейный. – С.36-41.

Богданчиков С.А. Так что же такое «советская психология»? // Приволжский научный вестник. 2014. – №11-2 (39). – С.15-19.

Богданчиков С.А. Школа Д.Н. Узнадзе в контексте советской психологии 1950-1960-х гг.: время дискуссий (по материалам журнала «Вопросы психологии») // Вопросы психологии. 2015а. – №5. – С.106-116.

Богданчиков С.А. Отчет о совещании психологов (Москва, 1936): современные комментарии // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2015б. – Вып.1. – С.40-49.

Богданчиков С.А. Советская исследовательская и практическая психология 1920-1930-х годов (к историографии вопроса) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2015в. – С.337-384.

Богданчиков С.А. и др. Бихевиоризм в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2013б. – Вып.2. – С.119-121.

Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1931.

Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь / вступит. ст. А.А. Шевцова. СПб.: Тропа Троянова; Иваново: Роша Академии, 2008.

Выготский Л.С. Психологическая наука // Общественные науки СССР. 1917-1927: Сб. статей / под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928. – С.25-46.

Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6/VI 1931 г.) // Психология. 1931. – Т.IV. Вып.1. – С.1-12.

Корнилов К.Н. Психология и марксизм: Автореферат доклада // Известия. 1923а. – 16 января. – № 10 (1747). – С.4.

Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923б. – №1. – С.41-50.

Корнилов К.Н. Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. – №10-11. – С.195-217.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев А.Н. Октябрь и психологическая наука // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1977. – №3. – С.3-10.

Лурия А.Р. Пути советской психологии за 15 лет // Советская психоневрология. 1933. – №1. – С.25-35.

Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: Учпедгиз, 1935.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.

Шварц Л.М. Психология // Малая советская энциклопедия: В 10 т. Т.7. М.: Советская энциклопедия, ОГИЗ, 1931. – С.21-24.

ДИСКУССИЯ МЕЖДУ К.Н. КОРНИЛОВЫМ И В.Я. СТРУМИНСКИМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ 1920 гг.

Богданчиков С.А.

Академия социального управления, Москва, Россия

В статье осуществляется историко-научная реконструкция проходившей в СССР в 1926 году на страницах журнала «Под знаменем марксизма» дискуссии между К.Н. Корниловым и В.Я. Струминским по проблеме «психология и марксизм».

Ключевые слова: марксистская психология, история советской психологии, научная дискуссия, проблема «психология и марксизм».

DISCUSSION BETWEEN K.N. KORNILOV AND V.Ja. STRUMINSKY IN THE DOMESTIC PSYCHOLOGY OF THE 1920 s

Bogdanchikov S.A.

Academy of Public Administration, Moscow, Russia

The article reconstructs the discussion between K.N. Kornilov and V.Ja. Struminsky on the problem of "Psychology and Marxism" (1926).

Keywords: Marxist psychology, history of Soviet psychology, a scientific discussion, the problem of "Psychology and Marxism".

В данной статье предпринимается попытка историко-научной реконструкции проходившей в СССР в середине 1920-х гг. дискуссии по проблеме «психология и марксизм» между К.Н. Корниловым и В.Я. Струминским. Дискуссия эта примечательна тем, что обе участвующие в ней стороны исходно позиционировали себя в качестве психологов-марксистов. Обращаясь к предыстории дискуссии, вначале необходимо сказать несколько слов о В.Я. Струминском и его книге «Психология» (Струминский, 1923).

О творчестве и основных вехах биографии Василия Яковлевича Струминского (1880-1967) – отечественного (дореволюционного и советского периодов) теоретика и историка педагогики, профессора (1926), доктора педагогических наук (1961), члена-корреспондента АПН РСФСР (1945) – можно судить прежде всего по библиографическому указателю (В.Я. Струминский. Библиография, 1980). Основные труды В.Я. Струминского были посвящены истории педагогики (педагогика Древнерусского государства, наследие К.Д. Ушинского, В.Ф. Одоевского и др.). В истории советской психологии В.Я. Струминский известен книгой

«Психология» (Струминский, 1923) и полемикой с К.Н. Корниловым (Струминский, 1926а; Струминский, 1926б).

«Психология» В.Я. Струминского фактически была первой серьезной (и по объему, и по значимости поднимаемых проблем) работой в рамках марксистской психологии: это было теоретическое исследование с сознательной опорой на марксизм в сочетании с суровой критикой в духе и с позиций марксизма. На последнем этапе работы над книгой, как можно судить по предисловию, В.Я. Струминский, учитывая состоявшийся в январе 1923 года психоневрологический съезд, смог только скорректировать название книги и дополнить предисловие. Очень много существенных дополнительных нюансов, достойных включения в основной текст, содержится в обширных примечаниях (некоторые из них занимают больше страницы убористого текста), сделанных, по-видимому, на последнем этапе работы над книгой, когда в сам текст вносить какие-либо изменения уже не было возможности.

Работа В.Я. Струминского дает представление о литературе того времени по марксистским вопросам психологии, в частности, о работах Н.И. Бухарина и Л.Д. Троцкого. Но, в отличие от марксистских статей К.Н. Корнилова, брошюр Э.С. Енчмена, рефлексологических идей В.М. Бехтерева, этой книге не повезло. Основные идеи этой работы не получили дальнейшего развития ни у самого В.Я. Струминского, ни у других авторов. Книга была очень быстро, уже к концу 1920-х гг., забыта всеми, в том числе и ее автором. Очевидно, ее нельзя было вспоминать прежде всего из-за широко упоминаемых в тексте фамилий Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина. В то же время подзаголовок книги – «Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма» – не должен вводить в заблуждение. На самом деле ключевое слово в книге В.Я. Струминского – не «психология», а «идеология», используемое в тезисе о революции в сфере идеологии, духа, психологии и в тезисе о приоритете класса, коллектива, а не личности, индивидуальности. В этом смысле точка зрения В.Я. Струминского была для 1920-х гг. актуальной, прикладной и практической: исходя из практической заинтересованности, В.Я. Струминский обращался к теории.

В общем и целом у В.Я. Струминского резко негативное отношение к «старой» психологии. В качестве альтернативы у него выступает понятие «научная психология» (Струминский, 1923, с.10 и др.). Основной пафос В.Я. Струминского – направленность против эмпирической психологии. Психику В.Я. Струминский при этом трактует как особое, психическое бытие (Струминский, 1923, с.68), психика для него – это «особого рода бытие», «психическое бытие» (Струминский, 1923, с.66). Один из важных тезисов В.Я. Струминского в связи с этим заключается в том, что для изучения «психического бытия» надо изучать не само это бытие, а бытие вообще (физическое, материальное) (Струминский, 1923, с.17).

В итоге книга В.Я. Струминского получила резко негативные рецензии со стороны философов-марксистов (Г.К. Баммеля, А.И. Троицкого и др.). Сам В.Я. Струминский пишет о том, что «в первое время» его книгу «Психология» «усиленно привлекали в качестве материала для студенческих докладов и рефератов, трактуя ее содержание как возвращение к вульгарному материализму» (Струминский, 1926b, с.184).

В 1926 г. В.Я. Струминский выступил с резко критикой взглядов К.Н. Корнилова. Дискуссия проходила на страницах журнала «Под знаменем марксизма»: сначала в третьем номере за 1926 г. была опубликована первая часть большой статьи В.Я. Струминского «Марксизм в современной психологии» (Струминский, 1926a), направленной главным образом против марксистской психологии К.Н. Корнилова. В следующем номере (1926, № 4-5) было опубликовано окончание статьи В.Я. Струминского (Струминский, 1926b), и тут же был напечатан ответ К.Н. Корнилова – статья «Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому)» (Корнилов, 1926). В целом дискуссия оказалась весьма серьезной и обстоятельной: в совокупности все три дискуссионные статьи заняли сто страниц убогистого журнального текста.

В конце статьи В.Я. Струминский раскрывает некоторые подробности, связанные с предысторией дискуссии. В.Я. Струминский напоминает о своей книге «Психология», о рецензиях на нее А.И. Троицкого и Г.К. Баммеля и о своем ответе Троицкому. В.Я. Струминский соглашается с «суровым отзывом» Троицкого, признавая «громадные недочеты» своей работы. Но, подчеркивает В.Я. Струминский, оба отзыва были даны со стороны философской (Струминский, 1926b, с.183), «а психологи обошли полным молчанием работу» (Струминский, 1926b, с.184). По-видимому, прежде всего В.Я. Струминский имел в виду К.Н. Корнилова.

Здесь же В.Я. Струминским рассказывает, как он пришел к К.Н. Корнилову (по-видимому, в 1923 или в 1924 гг.) за рецензией на свою «Психологию» (с целью выпустить книгу вторым изданием), но К.Н. Корнилов ответил отказом. Можно предположить, что это послужило В.Я. Струминскому одним из поводов для того, чтобы доказать, что взгляды и идеи К.Н. Корнилова не могут быть признаны марксистскими.

Поэтому ответные действия В.Я. Струминского – это, с одной стороны, апология собственных взглядов на то, какой должна быть психология с точки зрения марксизма, а с другой – контратака с целью доказать, что взгляды Корнилова и предлагаемые им решения ни в коей мере не могут считаться марксистскими. Соответственно, в статье В.Я. Струминского можно различать две части: во-первых, критику в адрес К.Н. Корнилова и, во-вторых, изложение своих взглядов на марксистскую психологию (которые можно сравнить с его более ранними взглядами в «Психологии», что и делает затем К.Н. Корнилов в ответе на критику В.Я. Струминского).

Статьи В.Я. Струминского и по объему (две статьи – свыше 70 страниц) и по месту публикации (журнал «Под знаменем марксизма») представляют собой наиболее развернутую критику марксистской психологии (реактологии) К.Н. Корнилова, причем с позиций марксизма. Подчеркнем, что в последующем критика в адрес К.Н. Корнилова прозвучала только в 1929-1930 гг. в рамках рефлексологической дискуссии (причем намного менее нацеленная и развернутая) и в 1931 г. в ходе реактологической дискуссии, причем уже с новых партийных – марксистско-ленинских – позиций. Полемика К.Н. Корнилова и Г.М. Челпанова к 1926 г. практически по все основным вопросам уже была завершена.

Если говорить об авторской позиции, заявленной В.Я. Струминским в статье «Марксизм в современной психологии», то следует подчеркнуть, что при всей своей критичности В.Я. Струминский с самого начала был согласен с К.Н. Корниловым относительно того, что современная психология расколота на субъективную и объективную, что субъективная и объективная психологии противоположны друг другу и что надо создавать марксистскую психологию (делать психологию марксистской). Но дальше, при трактовке и уточнении этих тезисов у В.Я. Струминского обнаруживаются серьезные разногласия с К.Н. Корниловым.

Признавая значимость и актуальность самой темы марксистской психологии, В.Я. Струминский критикует К.Н. Корнилова за «спекулятивные комбинации», выделяя три основные идеи К.Н. Корнилова – во-первых, относительно трактовки марксистской психологии как синтеза субъективной и объективной психологий; во-вторых, понимания материализма в психологии; в-третьих, значения диалектического метода для психологии. Таким образом, оценка К.Н. Корнилова как психолога-марксиста определялась по трем вопросам: а) относительно «метода построения грядущей системы марксистской психологии в целом», б) «материалистической установки на объект психологического исследования», в) «конкретного применения диалектики к исследованию материалистически трактуемого объекта психологии» (Струминский, 1926а, с. 208). О значимости для самого В.Я. Струминского каждого из этих пунктов можно судить по их объему: пункт «а» занимает 11 страниц, пункт «б» – 51 страницу (!), пункт «в» – 8 страниц. Таким образом, наибольшее внимание уделено второму пункту.

Суть критики В.Я. Струминским логических построений К.Н. Корнилова хорошо чувствуется в вопросах: «Чем все это отличается от старой субъективной психологии и от идеалистической метафизики? И на каком основании мы стали бы называть эти построения марксистскими?» (Струминский, 1926а, с.231). В.Я. Струминский саркастично замечает, что в марксистской психологии (реактологии) по К.Н. Корнилову «никакой помеси нет», так как от марксизма здесь только термины, сочетающиеся с позициями «старой субъективной психологии». В целом построе-

ния К.Н. Корнилова не имеют ничего общего «ни с марксизмом, ни с объективной наукой о поведении» (Струминский, 1926а, с.231).

Главным авторитетом в деле «отбрасывания» «всевозможных субъективных примышлений» для В.Я. Струминского выступает «гениальный физиолог И.П. Павлов». При этом, заметим, В.Я. Струминский не видит ничего странного в том, чтобы искать у физиолога Павлова решение принципиальных психологических проблем.

Подводя итоги предпринятой им скрупулезной «проверки тех позиций, которые пытаются занять современные представители “марксистской психологии”», В.Я. Струминский подчеркивает, что К.Н. Корниловым «марксизм используется для обоснования явно реакционных позиций в психологии» (Струминский, 1926b, с.183). В.Я. Струминского особо задает то, что К.Н. Корнилов, «объявляя с именем марксизма на устах войну врагам справа, ... на самом деле все время борется против врагов слева» (Струминский, 1926b, с.183). Фактически К.Н. Корнилов защищает («протаскивает») старую, субъективную психологию, привлекая для этого марксизм. При этом К.Н. Корнилов решает свою задачу, «используя все возможные спорные пункты и вопросы как в марксизме, так и в психологии» (Струминский, 1926b, с.183).

К.Н. Корнилов в ответной статье «Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому)» (Корнилов, 1926) тщательно (на двадцати восьми страницах) разбирает (и, «естественно», разбивает) все аргументы В.Я. Струминского. Противники оказались достойны друг друга: по ходу дискуссии К.Н. Корнилов, приводя множество цитат из работ Г.В. Плеханова, Н.И. Бухарина и Ф. Энгельса, обвиняет своего противника в тех же самых смертных грехах, которые звучали и у В.Я. Струминского – в подмене тезисов, извращении позиций, передергивании, неправильном цитировании и неправильном толковании цитат, «утверждении заведомой лжи» и т.п.

Главный прием и контраргумент К.Н. Корнилова состоит в том, что он вписывает дискуссию с В.Я. Струминским в более широкий контекст – в находившуюся тогда в полном разгаре дискуссию между «диалектиками-деборинцами» и представителями «механического материализма». В качестве основных признаков механистического материализма, представляющего собой, ни много ни мало, «уклон от позиций ортодоксального марксизма», К.Н. Корнилов указывает «антидиалектичность в понимании природы» и «ревизионизм в отношении к основоположникам марксизма» (Корнилов, 1926, с.185) и, «следуя в своей статье шаг за шагом за механистами в естествознании, В. Струминский по существу повторяет их аргументацию в применении к психологии» (Корнилов, 1926, с.186).

В итоге К.Н. Корнилов делает вывод о том, что «как механисты-естественники пришли к отрицанию философии, отождествляя ее с современным естествознанием, так механист-психолог В. Струминский пришел

к отрицанию психологии, отождествляя ее с физиологией» (Корнилов, 1926, с.200). В этой связи К.Н. Корнилов прямо сближает позицию В.Я. Струминского с позицией Э.С. Енчмена (к тому времени уже полностью раскритикованного и сошедшего со сцены) – ибо в обоих случаях налицо стремление «растворить социологию в биологии» (Корнилов, 1926, с.211).

В целом рассмотренная дискуссия, несмотря на подробное обсуждение множества отдельных деталей, нюансов и аргументов, носит весьма абстрактный и схоластический характер. Тем не менее она интересна тем, что показывает одинаковую слабость К.Н. Корнилова так и В.Я. Струминского как психологов-марксистов в позитивной части, но, вместе с тем, их большую разрушительную силу в плане критики. В любом случае полемика вряд ли прибавила авторитет К.Н. Корнилову. И в настоящее время критические аргументы обеих сторон вполне могут быть использованы при оценке слабых мест и сильных сторон формировавшихся тогда марксистских позиций в психологии.

Литература

Струминский В.Я. Биобиблиография / вступит. статья М.Ф. Шабаевой, М.Н. Колмаковой; библиография составлена Л.Е. Богомоловой. М.: Педагогика, 1980.

Корнилов К.Н. Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому) // Под знаменем марксизма. 1926. – №4-5. – С.185-212.

Струминский В.Я. Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып.1. Введение к изучению психологии. Оренбург: Киргиз. госуд. изд-во, 1923.

Струминский В.Я. Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926а. №3. С.207-233.

Струминский В.Я. Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926б. – №4-5. – С.140-184.

СОБЛАЗН УНИТАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ НАУК О ПСИХИКЕ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Бондаренко А.Ф.

Киевский национальный лингвистический университет, Украина

В работе отстаивается положение о том, что истинная проблема методологии современных наук о психике, состоит в том, что на самом деле под крошечным и обветшалым зонтиком прежней терминологии, включая и само название «психология», выросли многочисленные новые

научные дисциплины с их собственным, присущим только им, а не одним на всех предметом исследования. Только на пути осознания неизбежности дифференциации как принципа развития и принятия этой дифференциации, можно сохранить и термин «психологический», и само научное содержание всех многообразных отраслей науки, которые с изрядной долей уважения к традиции можно именовать в наше время «психологией».

Ключевые слова: методология, науки о психике, идеологизация, дифференциация предмета, сенсорные, перцептивные и нейродинамические механизмы.

THE TEMPTATION OF UNITARITY IN MODERN METHODOLOGY OF SCIENCE OF THE MIND AND THE WAYS TO OVERCOME IT

Bondarenko A.F.

Kiev National Linguistic University, Ukraine

It is argued in the paper, that the real problem of the methodology of modern science of the mind is that under a tiny and dilapidated umbrella of old terminology, including the name "psychology», grew up numerous new scientific disciplines with their own inherent only to them, not one at all the subject of research. Only in the way of realizing the inevitability of differentiation as the universal principle of development, and adoption of this differentiation, it is possible to retain both the term "psychological" and most of all the scientific content of the diverse branches of science, that with a fair amount of respect for the traditions of today can be attributed to the category of "psychology"

Keywords: methodology, the sciences of the mind, ideologization, differentiation of the research subject, sensorial, perceptual and neurodynamic processes.

Лавинообразное увеличение раздумий, посвященных методологии психологии, не может не свидетельствовать о смутном ощущении: что-то не так в Датском королевстве (Василюк, 2003; Ждан, Щекотихина, 2015; Мазилев, 2008; Соколова, 2008 и др.). При этом, несмотря на все возрастающее число публикаций, посвященных проблемам методологии современного комплекса дисциплин о психике, мы постоянно сталкиваемся с одним и тем же явлением: коллега, претендующий на звание психолога, прежде чем сообщить минимально значимую профессиональную информацию, повторяет набор одних и тех же концептуальных мантр из Фрейда, Юнга или Выготского (список авторитетов можно продолжить), вслед за чем, если речь идет о результатах исследования, оказывается, что мантры, т. е. положения классиков оказываются неизменно подтвержденными. Впрочем, не просто противоположная, а совершенно иная точка зрения также продолжает существовать. Но не может же существование любой науки

сводиться лишь к декларации и подтверждению ее исходных принципов, так и не доводя их, с одной стороны, до ранга аксиом, не заслуживающих дальнейшего подтверждения, а с другой – не продвигаясь далее в постижении мира посредством открытия ранее неизвестного. Развитие той же астрономии от Птолемея до Н. Коперника и И. Кеплера, геометрии – от постулатов Эвклида до открытий Н.Н. Лобачевского и Б. Римана, физики – от механики И. Ньютона до современной квантовой теории поля, биологии – от теории эволюции Ж.Б. Ламарка до открытий Н.К. Кольцова и Н.И. Вавилова и мн. др. доказывает обратное: не с помощью мантр утверждается «научность науки», а благодаря реальным открытиям ее представителей.

Классическая научная нейрологическая мысль еще в конце XIX – начале XX века в лице таких ее представителей как Б. Морель и П. Жанэ, Ж.-М. Шарко и П. Брока, Ч. Шеррингтон и И.П. Павлов, Э. Крепелин и Э.Блейлер, К. Бродман и К. Ясперс, сформулировавших гениальные догадки и открывшие конкретные взаимосвязи между нервно-мозговым субстратом и биосоциальными функциями человеческого организма, совершила колоссальный рывок в познании. Однако последующая фантазийная мистификация нейродинамических явлений в психоанализе, примитивизация в бихевиоризме и предельная идеологизация в марксизме на сегодняшний день породила такое количество жрецов от психологии, готовых обсуждать и трактовать любые измышления, кроме реализации возможностей действительного научного исследования, что поневоле приходится задумываться о смысле и пользе науки, у которой так и не сложился единый предмет, если (внимание!) не пытаться искусственно удерживать его на уровне понимания, восходящего к XVI веку. В чем же здесь камень преткновения?

Истинная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что на самом деле под крошечным и обветшалым зонтиком прежней терминологии, включая и само название науки, выросли многочисленные новые научные дисциплины с их собственным, присущим только им, а не одним на всех предметом исследования. И эти многочисленные дисциплины, но не вызревшие и не проявившие себя глобальными открытиями, скажем такими же, какими в XVII веке прославили астрономию И. Кеплер и И. Ньютон, а химию – А.Л. Лавуазье и Д.И. Менделеев, напрочь лишив астрологию и алхимию статуса заслуживающей общественного внимания деятельности, пока еще пытаются прикрываться прежним привычным наименованием. Характерно, что гениальный исследователь процессов становления человеческого познания в онтогенезе Ж. Пиаже всячески отстранялся от неопределенного названия «психолог» и именовал себя «генетическим эпистемологом», что гораздо точнее характеризует область его занятий, чем туманное «анималогия» или «психология». Напротив, те специалисты по дидактике и методике преподавания, которые потратили уйму сил и средств на воплощение в практику утопического представления о том, что существует некое «уни-

версальное учебное действие», «универсальная клеточка» знания, (обеспечивая усвоение которой учеником, преподаватель, таким образом, формирует его психику, как думалось вначале, или развивает ее, как считалось позднее), охотно называли себя психологами, сосредоточившись на обучении «понятиям». Аналогии и аллюзии здесь безусловно не случайны, как, к сожалению, и то, что дисциплина, занимающаяся доказательством умозрительных положений, пусть и восходящих к ментальным конструкциям Г. Гегеля, и не заслуживает иного наименования кроме как «психология». Понятно, что специалисты, которым известно, что структура всегда опережает функцию, постеснялись бы причислить себя к столь мистической (*misticos* – туман, греч.) области человеческой деятельности.

Не случайно, по-видимому, в современном мире намечается отчетливо выраженный отказ от традиционного и явно несостоятельного термина «психология» в том его значении, которое ассоциируется с наименованием слишком расплывчатого набора сведений и методов, в пользу конкретного предмета и методов исследования. Современная психофизиология трансформировалась из науки о физиологических механизмах психики в науку о нейродинамических механизмах биосоциальных процессов и аффективных состояний. А название научной дисциплины «эргономика» – разве не ярчайшее свидетельство желания отъединиться от пресловутой «пневмологии»? Приставка «психо» традиционно существует, но постоянно уточняется корневая основа термина. К примеру, «психосемантика», «психодидактика», «психометрика», «психомоторика» и т.п., но все чаще и чаще на место «психо» становится «нейро»: «нейролингвистика», «нейрофизиология» и даже вообще «нейронаука», чтоб окончательно отъединиться от «анимологии» (Костромина и др., 2015, с.61-63). Уловив тенденцию, детские психологи стали заниматься не какой-то там психогимнастикой, как выражались бы те же люди лет двадцать тому, или лечебной гимнастикой, как сказали бы лет тридцать тому, а «нейрокоррекцией», когда с помощью специально осваиваемых пациентом двигательных процедур делаются попытки простимулировать работу тех или иных нейронных сетей или мозговых центров и, таким образом, восстановить управление с их стороны действием всего анализатора и, в частности, его эффекторного компонента. Так что статус приставки «психо» явно теряет свои позиции. Если же к этим двигательным упражнениям присовокупить результаты новейших разработок, в которых в организм человека вживляются программируемые модули, позволяющие заменять не только ампутированные конечности бионическими, а органы слуха и зрения сенсорными системами, но и вживлять в голову структурные компоненты головного мозга (к примеру, мышам на сегодняшний день искусственный мозжечок, наподобие искусственных сердечных клапанов), становится понятным, что традиционный термин «психология» в качестве наименования научной дисциплины – не более чем затянувшееся эхо XVI столетия.

В чем же здесь дело? Может, в пресловутом бихевиоризме, согласно которому «психология – это наука о поведении», а не о какой-то там «психике»? Или речь все же о более существенных, эссенциальных вопросах?

Любая наука может претендовать на статус таковой при одном определенном условии: она располагает свойственными изучаемой ею реальности и открытыми благодаря ей законами. Как же обстоит дело с психологией? А дело обстоит так, что к большинству законов чувственного познания и гносеологических принципов психологи вообще не имеют никакого отношения. Напомним известный всем перечень: закон смещения цветов (автор открытия И. Ньютон, физик); закон Э. Вебера и Г. Фехнера (авторы открытия физиологи); закон Ф. Дондерса (автор – врач); закон «специфических энергий» И. Мюллера (открыт физиологом); закон М. Блоха (автор – врач). Открывателями знаменитого закона о мотивации были Роберт Йеркс, американский этолог и специалист по приматам, а также его ассистент Джон Додсон, о котором после их первой совместной и единственной публикации 1908 года, описывающей, кстати, закономерность поведения мышей, неизвестно практически ничего, кроме того, что он работал преподавателем в коммерческом колледже в местечке Боулинг Грин штата Кентукки. Что уж говорить о гносеологическом принципе, сформулированном известным математиком А.Н. Колмогоровым в 1963 году или, тем более, о принципе доминанты, открытом А.А. Ухтомским, физиологом!

Что касается так называемых «законов восприятия» или «законов обучения», которым мы обязаны известным экспериментам представитель гештальт-психологии и специалиста по обучению животных Э. Торндайка, то, по общему мнению, это не что иное как метафоры, обобщающие и означающие именно особенности, свойства, но уж никак не закономерности, и, тем более, не законы, относящиеся к психическим процессам. Особенности восприятия или обучения статуса закона не имеют, отражая лишь некоторые свойства нейродинамических процессов перцепции у животных и человека и требуя почти всегда объяснительных оснований из других наук (физики, биологии, этологии и т.д.) (Законы гештальтпсихологии..., 2003).

Правда, слово «почти» в данном случае легко отбросить, если внимательно присмотреться к самым «психологическим» попыткам трактовать психические явления в пределах их собственной детерминации. Едва ли не наиболее показательным примером этому может служить психоанализ («психологический анализ», или, на худой случай «анализ психологического», не так ли?). Стоит лишь отвлечься от основных идей и способов работы, восходящих еще к положению Гиппократов о том, что анализ снов – это окно к душевным процессам, и того, что сама процедура скалькирована с католической исповеди, и поинтересоваться, каков же итог умозрительных рассуждений классика-основателя, и мы обнаружим: ни одно из предложенных Фрейдом объяснений психических нарушений, с которыми

ему пришлось иметь дело, не подтвердилось дальнейшим развитием нейробиологии, нейрофизиологии, неврологии и психиатрии в целом как комплексной медицинской отрасли. Достаточно внимательно ознакомиться с пятым изданием DSM.

Как говаривал Ф. Бэкон, застегнув лишь одну пуговицу неверно, вы не сможете застегнуть правильно и весь камзол. Следует ли после этого удивляться тому, что науке не известен ни один из случаев излечения в психоанализе? Невозможно избавить человека от патологии, если подлинные причины явления находятся вне сферы лечебного воздействия. Собственно, всеобщее признание того факта, что психоанализ не является лечебной процедурой, стало теперь общим местом.

Рассмотрим другой пример – знаменитые слепоглухонемые Елена Келлер и Ольга Скороходова. И ту, и другую научили говорить, чувствовать, понимать, писать. И та, и другая прославили свою страну (США и СССР), но ни в первом, ни во втором случае психологи не имели к этому ни малейшего отношения. Елену Келлер обучала выпускница школы для слепых, сама слабовидящая в результате трахомы, Анне Салливан. А с Ольгой Скороходовой работал педагог-дефектолог Иван Афанасьевич Соколянский. В первом случае достижения Е. Келлер трактовались, в том числе ею самою, как Божий промысел и благодать, во втором – как следствие преимуществ нового, социалистического строя и его возможностей. Однако совершенно очевидно, что если результаты были идентичны, идентичны были и способы работы, т.е. те дидактические приемы, которыми пользовались учителя и в первом, и во втором случае: принцип работы реактивного двигателя или паровой машины или двигателя внутреннего сгорания идентичен, где бы этот механизм ни был создан. Очевидно и другое, а именно: зачастую психологические «теории» – не более чем идеологические измышления, описывающие не законы, а систему взглядов, т. е. мнений (от слова «мнить») того или иного сочинителя. История насаждения и господства той или иной идеологии, представители которой, как известно, пытаются выдать свой частный интерес за всеобщий (Гегель), и есть подлинная история той «психологии», по крайней мере в XX веке, научный статус которой, будь она марксистской, фрейдистской или поведенческой, утрачен навсегда, так и не будучи обретен.

Что же мы на самом деле изучаем? Не является ли название «психология», эта явно устаревшая терминологическая химера, придуманная то ли врачом Рудольфом Гоклениусом в 1590 году, то ли богословом Отто Касманом, разделившим «соматологию» и «психологию» в 1598, таким же мифическим образованием, как и несуществующая «пневмология»? Не имеем ли мы на сегодняшний день дело с целой совокупностью смежных дисциплин, которые по привычке объединяем одним привычным термином, не задумываясь о том, что на месте ровесницы «психологии» «соматологии» после XVI века давно уже появилось множество научных и при-

кладных отраслей, изучающих многообразные стороны и уровни функционирования человеческого организма? Не точнее и не вернее ли было бы понимать, что на самом деле мы имеем дело с сенсорологией и перцептивистикой? С когитологией, мнемонистикой и даже меметикой? Аффектологией и стрессологией? Аттитюдологией и этологией? С лингвологией и операционалистикой? Аксиологией и копингологией? С акмеологией и персонологией, формами их детерминации и проявления на разных этапах жизни, в разных социокультурных образованиях и т.п.? И, еще раз обратим внимание, приставка «психо» здесь вовсе ни к чему, т.к. очевидно, что все указанные группы явлений являются, в сущности, следствием разнообразнейших сенсорно-перцептивных и нейродинамических процессов, обусловленных социальными или биологическими детерминантами, инициирующими мозговую активность. Но что еще хуже, так это то, что достаточно открыть любое периодическое издание, в названии которого стоит слово «психология», и мы обнаружим причудливую смесь указанных отраслей с явным преобладанием философского, идеологического, а то и теологического, т. е., в сущности, интерпретативного, толковательного, но не содержащего никаких открытий материала.

А между тем, современная сенсорология и перцептивистика, т.е. науки, имеющие дело непосредственно с органами и системами, обеспечивающими ориентировочно-познавательную деятельность мозга и организма, могут гордиться именно открытиями. Так, еще в 2000 г. было экспериментально доказано, что предъявление испытуемым, страдающим фантомными болями, зеркального отражения здоровой конечности, способствует исчезновению этих болей в связи с тем, что соответствующие нейронные сети получают обратную афферентную связь, свидетельствующую о подвижности соответствующего органа (Fishman, 2011). Не так давно было установлено, что запахи влияют на содержание сновидений. Иными словами, научное развитие происходит за счет и благодаря дифференциации предметов и методов исследования, позволяющих вскрывать действительные, а не придуманные причины явлений, относящихся к мозговой деятельности и ее обеспечению, опосредованию и манифестации сенсорными, перцептивными, семиотическими, двигательными и другими компонентами, каждый из которых, в свою очередь, претерпевает обратное воздействие со стороны мозга в частности и организма в целом. Вот почему невозможно не согласиться с положением В. А. Мазилова о том, что проблема предмета остается центральной методологической проблемой (Мазиллов, 2009, с. 22). Но не в том смысле, что его можно придумать или сконструировать, а в том, что согласившись с целесообразностью сохранения термина «психологические науки», следует абсолютно трезво и безустановочно дать себе отчет в том, что сегодня каждая из этих научных дисциплин или сопряженные их отрасли имеют свой особый предмет, точно так же, как и в современной медицине объединяющий специалистов по их

принадлежности термин никак не раскрывает ни конкретной специализации, ни существа задач, решаемых конкретной дисциплиной из области медицинских наук. Только на пути осознания неизбежности дифференциации как принципа развития и принятия этой дифференциации, можно сохранить и термин «психологический», и само научное содержание всех многообразных отраслей науки, которые с изрядной долей уважения к традиции можно именовать сегодня психологией.

Литература

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ: Смысл, 2003.

Ждан А.Н., Щекотихина И.В. Возвращаясь к Рубинштейну: эволюция в трактовке методологических принципов психологии // Психологический журнал. 2015. – №4. – С.36-50.

Законы гештальтпсихологии. URL: <http://схемо.рф/shemy/psihologija/aismontas-b-b-obschaja-psihologija-shemy-2003-g/99.html>.

Костромина С.Н., Бордовская Н.В., Искра Н.Н., Чувгунова О.А., Гнедых Д.С., Курмакаева Д.М. Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2015. – №4. – С.50-61.

Мазилев В.А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. – Вып.3. – С.9-24.

Соколова Е.Е. Психология на распутье: какая методология нужна современной психологии? // Методология и история психологии. 2008. – Вып.3. – С.21-42.

Fishman D. Three Major Discoveries in Psychology. URL: <http://www.slideshare.net/DMFishman/three-major-discoveries-in-psychology>.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ТЕОРЕТИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Бреусенко-Кузнецов А.А.

Киевский политехнический институт, Украина

Данная статья посвящена структурированию общего поля отечественных традиций теоретизации личности досоветского периода. Обобщая существующие версии дифференциации подходов к личности (современные и дореволюционные), мы пришли к выделению следующих основных подходов: философской (метафизической) психологии, эмпирической психологии, естественно-научной (натуралистской, объективной, экспериментальной, физиологической) психологии.

Ключевые слова: история психологии, теории личности, традиция, метафизика, отечественная метафизическая психология.

DOMESTIC TRADITION OF PERSONALITY THEORIZATION IN PRE-SOVIET PERIOD

Breusenko-Kuznetsov A.A.
Kyiv Polytechnic Institute, Ukraine

The article is devoted to the structuring of common field of personality theorization traditions in pre-Soviet period. Summarizing the existing versions of the differentiation of approaches to personality (modern and old), we can provide the following basic approaches: philosophical (metaphysical) psychology, empirical psychology, natural science (naturalistic, objective, experimental, physiological) psychology.

Keywords: history of psychology, theory of personality, tradition, metaphysics, domestic metaphysical psychology.

К структурированию общего поля отечественных традиций теоретизации личности досоветского периода мы обратились в связи с особым интересом к одной из данных традиций – метафизической (задача возвращения которой в общий контекст отечественной персонологической мысли представляется нам особенно актуальной). Отечественной нами признана метафизическая традиция в психологии личности, охватывающая всю Российскую империю, а не только территорию современной Украины, что обусловлено несовпадением внутренней логики движения научной мысли и внешних ей политико-идеологических процессов позднейшего времени. Среди важных историко-психологических проблем, касающихся отечественного опыта теоретизации в области психологии личности – проблема определения границ его «отечественности», проблема культурно-исторического контекста развития отечественных персонологических идей, проблема столкновения несовместимых методологий в отечественной психологии личности, проблема влияния идеологизации (царской, советской, украинской, западной, мировой) на отечественные персонологические изыскания.

Наша модель пространства методологических проблем истории отечественной психологии личности предполагает взаимное пересечение трех проблемных областей: 1) история психологии, 2) психология личности, 3) отечественный контекст развития науки. Согласно данной модели, научный статус отечественных метафизических теорий личности до сих пор оказывался уязвимым по следующим произвольным основаниям: 1) сама метафизическая психология рискует быть объявленной лежащей вне пределов истории психологии как науки; 2) то, что понимает под личностью метафизическая психология, рискует оказаться вне поля рассмотрения психологии личности, т.к. содержательно далеко отстоит от определенной личности, данных в эмпирико-позитивистских традициях, (отчего мо-

жет создаться впечатление, будто совпадение предмета теоретизации – чисто номинальное); 3) конкретно для Украины множество отечественных теорий личности рискуют быть расположенными за рамками отечественных традиций. И все же, рассматривая данные формальные основания для исключения метафизических теорий личности, следует признать: сами по себе эти ограничения логически слабы, не необходимы. Силу, достаточную для их реального применения к тем или иным теориям дают процессы, внешние науке, обобщенно обозначенные нами как ее «идеологизация».

В обзорах современных историков психологии метафизическая традиция теоретизации личности появляется как один из конкурирующих подходов конца XIX – начала XX ст. Причем в количестве и названиях подходов встречаются разночтения. Так, В.В. Аншакова пишет о трех направлениях психологической мысли этого периода: 1) экспериментальном, в русле коего «утверждаются естественно-научная ориентация в определении личности как целостного биосоциального образования, комплексная методология и объективные экспериментальные методы ее изучения; реализуется медико-психиатрический подход в изучении личности в норме и в патологии; ставятся и решаются проблемы психического здоровья личности»; 2) эмпирическом, в каковом «доминирующим является феноменологический подход в изучении личности; акцентируется внимание на духовном бытии человека, на раскрытии разных аспектов психологической структуры личности – потребностно-мотивационной, эмоционально-волевой, когнитивно-познавательной, морально-нравственной, социально-психологической, проблеме ее развития»; 3) духовно-нравственном, где «в качестве центральной координаты исследования и трактовки личности выступает ее рассмотрение как духовной сущности, главное внимание уделяется раскрытию ее экзистенциально-бытийной сферы, духовно-нравственного роста и совершенствования» (Аншакова, 2005).

И.Б. Котова говорит о двух направлениях, пребывающих в противостоянии: 1) связанное с естественно-научным пониманием человека; 2) связанное с традициями идеализма. Она пишет: «Наддисциплинарный статус идеи личности обусловлен присутствием в истории русской философской и социологической мысли основных категорий и способов интерпретации феномена “личность”, задающих ценностное и предметное содержание для конкретных научных дисциплин. Исторический контекст оказывал прямое и косвенное влияние на способы существования, репрезентацию и трансформацию идеи личности, на переосмысление феномена “личность”, его теоретическую, методологическую и эмпирическую трактовку, на смену основных теоретических концепций личности. Ко второй половине XIX в. четко обозначились два направления в изучении человека. Первое связано с естественно-научным пониманием человека (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, М.А. Бакунин,

И.М. Сеченов и др.). Второе направление в изучении человека связано с традициями русского идеализма (К.Д. Кавелин, В.С. Соловьев, Л.И. Шестов, Н.Я. Грот, М.М. Троицкий, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, И.О. Лосский, А.И. Введенский и др.). Фактически на протяжении последующих десятилетий эти два направления находились в противостоянии» (Котова, 1994, с.21-22). И далее: «Формирование предпосылок развития психологии личности происходило не только в рамках философии и социологии. Не меньшее значение для последующего становления и развития личностной проблематики имели исследования отечественных ученых по психофизиологии, физиологии органов чувств, физиологии мозга, физиологии высшей нервной деятельности и другим естественно-научным дисциплинам (П.К. Анохин, В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, П.Ф. Лесгафт, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский и др.). Философско-социологические и естественно-научные предпосылки создали два типа рассмотрения личности: субъектный и объектный, следствием которых явились плохо совмещаемые друг с другом представления о различных сторонах и свойствах конкретного бытия человека. В дальнейшем это привело к потере «целостности» личности, постепенно приобретшей характер смысловой декларативной установки» (Котова, 1994, с.22).

Заметим, что в цитированном тексте одно из конкурирующих направлений (естественно-научное) как бы двоятся, выходит на арену дважды – в связи с «социологами» (революционными демократами) и «физиологами». Причем «социологи» (явные дилетанты в физиологии, за исключением И.М. Сеченова, упомянутого дважды) стремились человека «естественно-научно понимать», тогда как «физиологи» – «формировали предпосылки», не покидая границ собственных наук.

Третий взгляд на количество и характер конкурирующих традиций рубежа XIX-XX ст. предлагает В.М. Летцев. Им выделены три традиции: 1) естественно-научная (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, И.М. Сеченов) – отбрасывала метафизику, видела в человеке производную естественных сил; 2) идеалистическая и религиозно-философская (Ю.Ф. Самарин, К.Д. Кавелин, В.С. Соловьев, Н.Я. Грот, А.А. Козлов, Л.М. Лопатин, С.Н. Трубецкой) – утверждала нередуцируемость духовного начала в человеке к физическому; 3) духовно-академическая (В.Н. Карпов, П.С. Авсенева, С.С. Гогоцкий, П.Д. Юркевич) – следовала традициям христианской антропологии, «рассматривая взаимодействие духовного и физического начал в соответствии с иерархической конституцией человека» (Летцев, 2002, с.96).

Если у И.Б. Котовой естественно-научное направление, фактически, расслоилось на «естественников-профессионалов» и «общественников-дилетантов», то В.М. Летцев разнес на две традиции (соответственно сферам светского и духовного образования) теоретиков метафизической пси-

хологии. Не подвергая сомнению обоснованность проведения подобной дифференциации, все же укажем на близость (вплоть до случаев совпадения) религиозно-философской (метафизической) позиции университетских профессоров к позиции опирающихся на святоотеческие тексты профессоров духовно-академических.

При всех разночтениях в деталях В.В. Аншакова, И.Б. Котова и В.М. Летцев сходятся в главном: метафизическая ориентация в психологии личности противостояла антиметафизической, тяготеющей к естественно-научному (физиологическому) видению устройства психологии. Разумеется, это единодушие опирается на знакомство авторов с дореволюционными источниками, в которых взаимоотношения традиций подробно отрефлексированы.

Дореволюционная историческая рефлексия (в которой, по сути, традиции того времени осознавали самих себя) – представляется нам наиболее полноценной (хотя она весьма слабо доведена до профессионального сознания современных психологов, воспитанных в кардинально иных парадигмах). Проблема различий в подходах к личности была затронута в ярких методологических дискуссиях (П.Д. Юркевич – Н.Г. Чернышевский, К.Н. Кавелин – И.М. Сеченов, Ю.Ф. Самарин – К.Н. Кавелин и т.д.). В названных дискуссиях шла борьба метафизического подхода к личности (П.Д. Юркевич, славянофил Ю.Ф. Самарин) с вульгарно-материалистическим (Н.Г. Чернышевский, И.М. Сеченов) и умеренно позитивистским (западник К.Н. Кавелин). Последний занял среднюю позицию, возражая против физиологического редукционизма, но допуская социологический. Характерной чертой данных дискуссий была слабость аргументации материалистов, успешно восполняемая их отказом понимать оппонентов. Чувствуя себя революционной силой в науке и имея безоговорочную поддержку общественного мнения («образованной публики» – Л.М. Лопатин), данная сторона могла себе позволить такого рода вольность – не слышать метафизических аргументов в период выделения психологии из философии в самостоятельную науку.

Сложившиеся в данный период психологические традиции отрефлексированы Л.М. Лопатиным в работах «Научное мировоззрение и философия» (1903), «Настоящее и будущее философии» (1910), «Неотложные задачи современной мысли» (1917), Г.И. Челпановым в «Мозге и душе» (1900), Г.Г. Шпетом в статье «Один путь в психологии и куда он ведет» (1911), В.В. Зеньковским в «Проблеме психической причинности» (1915), С.Л. Франком в «Душе человека» (1917).

Обобщая сказанное в данных источниках, можно выделить три различных подхода к предмету и методам психологии вообще (и тем самым – и к психологии личности):

1) подход философской (метафизической) психологии, исходящий из такого предмета психологии как «душа» (субстанциальная основа лично-

сти и психической жизни вообще) и опирающийся на метод философского умозрения;

2) подход эмпирической психологии, исходящий из «сознания» как предмета психологической науки, отказывающийся от субстанциального понятия души в пользу «актуалистского» (душа как актуальное сочетание элементов сознания) и опирающийся на метод интроспекции;

3) подход естественно-научной (натуралистской, объективной, экспериментальной, физиологической) психологии, сводящий психическую жизнь к деятельности нервной системы телесного организма и опирающийся на «объективный» метод (физиологический эксперимент).

Сосуществование метафизической (идеалистической), эмпирической и естественно-научной традиции изначально имело характер соперничества – и именно на мировоззренческом уровне (как спор материализма и позитивизма со спиритуализмом). При этом естественно-научная традиция занимала наиболее непримиримую позицию, стремясь подчинить психологию физиологии – и тем конституировать ее как науку. Эмпирическая традиция, по сути, обнаруживала компромиссный характер, реализуя позитивистскую попытку освободиться от метафизических положений, но протестуя против крайних форм физиологического редукционизма. Наиболее выраженную волю к сотрудничеству показывала метафизическая традиция: Л.М. Лопатин, и Н.Я. Грот говорили о синтезе метафизики с эмпиризмом, Г.И. Челпанов – о сочетании в единой науке методов умозрения, интроспекции и эксперимента. И сотрудничество не остановилось на уровне благих деклараций. Примеры – программа «Психологического семинария» Г.И. Челпанова, деятельность «Московского психологического общества» и издания «Вопросы философии и психологии» (под редакцией Н.Я. Грота, позже – Л.М. Лопатина), совместная работа С.Л. Франка и А.Ф. Лазурского, вдохновившая последнего на создание известной типологии личности.

Сотрудничество метафизической и эмпирической психологии имело прочную методологическую опору. Л.М. Лопатин указал на неустранимость субстанциального основания «я» из всякого опыта, что не позволяет «эмпирической» психологии отречься от метафизики. Г.Г. Шпет, живописуя мертвенную нищету «логизма» – абстрагированных от метафизики психологических схем, отметил в порядке разумной альтернативы, «что у психологии есть один путь, который ведет ее к философии, что философия таким образом становится на твердую почву, что философия вновь в жизни и с жизнью, а не над нею вне нее, что философствовать значит жить, а жить значит философствовать» (Шпет, 1996, с.47). Аналогично и С.Л. Франк говорил о необходимости встречного движения психологии и философии, причем конституировал «философскую психологию» как новую научную дисциплину, которая стала бы «наукой о душе» (Франк, 1995). В рефлексиях современников, само выделение психологии из фило-

софии представало как кризис – и далеко не благостный по последствиям. По Л.М. Лопатину, господствующее воззрение в период кризиса, согласно коему научное мировоззрение якобы упраздняет, опровергает, заменяет все виды метафизического и религиозно-мистического миропонимания – результат неразборчивого смешения научного мировоззрения с научной истиной. В научном же мировоззрении «не все равно научно» (Лопатин, 1996). Между прочим, с последствиями данного кризиса столкнулось и наше поколение психологов. Исключение метафизической (философской) психологии из области его профессиональной подготовки опирается на позитивистский стереотип демаркации научного и философского психологического знания, несостоятельность которого показали еще представители дореволюционной метафизической традиции – но не были услышаны оппонентами. В дальнейшем ходе истории всю триаду досоветских традиций потеснила «марксистская традиция», становление коей приходится уже на советские годы, основывалась на диалектическом материализме и проявилась в создании теорий личности «социоцентрического» типа; большинство прочих традиций представляют инокультурные заимствования разного времени.

Выводы. Система отечественных традиций теоретизации личности досоветского периода предстала в таком виде: «естественно-научная» на вульгарно-материалистических основаниях; «эмпирическая» – на позитивистских; «метафизическая» на спиритуалистических. Сосуществование данных традиций имело характер соперничества – и именно на мировоззренческом уровне (как спор материализма и позитивизма со спиритуализмом).

Литература

Аншакова В.В. Проблема личности в экспериментальном, эмпирическом и духовно-нравственном направлениях отечественной психологической мысли в конце XIX - начале XX столетий.: Дисс. докт. психол. н. : 19.00.01 / В.А.Аншакова. Астраханский государственный университет. – Астрахань, 2005. – 365 с.

Котова, И.Б. Психология личности в России. Столетие развития [Текст] / И.Б. Котова; Рос. акад. образования, Юж. отд-ние, Рост. гос. пед. ун-т. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. – 290 с.

Летцев В.М. Личность и ее концептуализации в российской психологии второй половины XIX века // Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий: Сб. научн. трудов: в 2-х ч. – Ч.1. – М.: Изд. МГСА, 2002. – С.94-105.

Лопатин Л.М. Аксиомы философии. Избранные статьи. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. – 560 с.

Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. – 655 с.

Шнег Г.Г. Психология социального бытия. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО МОДЭК, 1996. – 492 с.

КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

Васильев И.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

В работе показано как в рамках классического исследования мышления в психологии создавались предпосылки для перехода к системному исследованию мышления. Классический предмет исследования постепенно терял свою «простоту» и усложнялся. В рамках «предметоцентризма», когда мышление понималось из «самого себя», происходило обострение противоречий и развитие проблем. Эволюция представлений о мышлении требовала выхода за рамки классической психологии сознания и перехода к системному подходу в исследовании мышления в психологии.

Ключевые слова: мышление, предметоцентризм, детерминирующая тенденция, операция, проблемный комплекс, структура психического поля, функциональное значение, порождение гештальта.

CLASSICAL STAGE IN DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGY OF THINKING

Vasiljev I.A.

Lomonosov Moscow State University, Russia

The paper shows how within classical research of thinking in psychology preconditions for transition to system research of thinking were produced. Classical object of research lost its “simplicity” and became more complicated gradually. There was accumulation of contradictions and development of the problems in the period of “subject-centerism” when the thinking was understood from “itself”. The evolution of views about thinking demanded to come out the frame of classical psychology of consciousness and to transit to system approach in research of thinking in psychology.

Keywords: thinking, subject-centrism, determinative tendency, operation, problem complex, structure of psychic field, functional meaning, gestalt creation.

На первой стадии изучения мышление выступило в психологии как некий эмпирический факт, как явление. Задача исследователя «классика», в значении типов научной рациональности (Степин, 2011), состояла в том, чтобы раскрыть мышление, исходя из него самого. Мышление рассматри-

валось как явление, имеющее некоторое отдельное, независимое, автономное существование. Качества мышления понимались как особые, специфические качества и изучались сами по себе (*sui generis*). Мышление выступило как нечто непосредственно данное, т.е. вне причинно-генетического объяснения. При этом качества мышления считались как бы известными, по крайней мере, в возможности, т.е. потенциально.

Главное на этом этапе заключается в выявлении специфичности, «самости мышления». Применение метода интроспекции в Вюрцбургской школе уже привело к регистрации следующего факта: внутренние элементы мышления связаны структурной или структурно-функциональной связью. При этом каждый «элемент» является частью «целостного мышления» и выступает именно как его специфическая часть. Мышление выступает здесь как причина самого себя (*causa sui*).

Вся европейская классическая традиция изучения мышления в психологии основана на философии и психологии ассоцианизма. В рамках этого подхода сложилась довольно простая конструкция человеческой умственной деятельности, в том числе и мышления: умственная деятельность представлялась как образование связи чувственных представлений в сознании человека, а затем актуализация одного из членов этой связи при появлении в сознании другого члена. Все последующие попытки изучения мышления в психологии отталкивались от ассоциативного подхода и пытались его преодолеть. Сама же идея ассоциации оставалась в неприкосновенности.

Первая попытка опытного, эмпирического и даже «экспериментального» изучения мышления человека была предпринята в Германии в Вюрцбургской школе в начале 20-го века. Работа проводилась в лаборатории с людьми (квалифицированными психологами), применялся в основном метод систематической интроспекции. В теории постулировалось положение, согласно которому человеку доступно знание сущности предметов и явлений действительности. Именно человек способен проникать в сущность вещей. Закономерно возникал вопрос – как происходит это проникновение? Исследователями осознается проблема ненаглядности, внесенсорности, внечувственности, безобразности мышления человека. Мышление не сводится к ощущениям, т.е. другие познавательные психические процессы, такие как восприятие и представление сводятся к ощущениям, а мышление – нет. Это свойство мышления и выступило как его базовая, определяющая характеристика.

Вюрцбуржцы подчеркивали, что человек осознает отношения и взаимосвязи между окружающими его предметами и явлениями. Эти отношения и взаимосвязи устанавливаются с помощью внутренних действий, направленных на решение задач. Итак, мышление определялось как «внутреннее действие», имеющее определенную цель и выполняемое в соответ-

ствующих условиях. Кроме того, выделялись специфические переживания действий, совершаемых в уме.

В соответствии с рассматриваемой степенью познания мышления в психологии – «предметоцентризмом» (Кузьмин, 1986) – в данной школе осуществлялся поиск особых «элементов» мышления, а также их определение и классификация. Основными элементами мышления выступили «переживания отношений», лишённые чувственно-наглядного содержания. Но это было лишь одно из направлений поисков. Второе направление составило исследование динамики мышления и осознание проблемы детерминации мышления. Сюда же относятся вопросы о психологических «механизмах» мышления, т.е. о том «каким образом» осуществляется мышление. На основе одного лишь механизма ассоциаций нельзя было объяснить упорядоченный и целенаправленный ход мыслительного процесса, требовали объяснения направленность и избирательность мышления.

Специфика мышления в этой школе усматривалась именно в том, что мышление есть деятельность по решению задач, в отличие от других видов широкого класса умственной деятельности. Именно в выявлении роли задачи, а также проблемы и вопроса в детерминации мыслительного процесса состоит содержание определения мышления как особой формы умственной деятельности – процесса решения задач. Наиболее детально этот вопрос рассмотрел Н. Ах. Автор считает, что человек не осознаёт хода собственной мыслительной деятельности, т.е. не осознаёт своих операций и механизмов своего мышления. Поэтому, по его мнению, интроспекция ничего не может дать при исследовании механизмов мышления. Его метод состоял в логическом конструировании концептуальной модели мыслительной деятельности. В теории Н. Аха детерминирующая тенденция понимается как сущность мыслительной деятельности. Именно эта тенденция придает мышлению целенаправленный характер и упорядочивает ход мысли.

Итак, исследования Вюрцбургской школы обострили две проблемы. Первая связана с ненаглядным характером человеческого знания в целом. В дальнейшем психологи будут пытаться осмыслить эту проблему на пути поиска чувственных основ и предметного содержания абстрактного мышления. Вторая проблема связана с осознанием человеком и выражением им в речи хода своего мышления. Вопрос можно поставить и в другой форме: как в сознании человека проявляются закономерности мышления? Эмпирические результаты самих же исследователей этой школы подорвали основы интроспективного метода. Исходно этот метод предполагал отождествление сущности мышления с проявлением его в самонаблюдении. Работы исследователей (Г. Ватт, Н. Ах) показали, что такие существенные характеристики мышления как целенаправленность и избирательность вообще не выявляются в самонаблюдении. Н. Ах приходит к идее генетического подхода к изучению мышления.

Классическую линию исследований продолжил О. Зельц. Автор выдвигает «двойное методологическое требование» – дополнить описательный анализ, во-первых, генетическим анализом и, во-вторых, функциональным анализом (Selz, 1922, S.272). Генетический анализ должен раскрыть то, как происходит формирование того или иного продукта мыслительной деятельности; функциональный же анализ должен показать функцию каждого этапа мыслительной деятельности в детерминации последующих этапов. Принципиальная позиция О. Зельца состоит в отходе от чисто интроспективного понимания мышления. Хотя сознание и остается для него основным предметом психологии, он, в то же время, считает, что человек не может осознавать все процессы своей мыслительной деятельности и сообщать о них в интроспективном отчете.

В теории О. Зельца впервые четко разделяется содержание мыслительной деятельности и собственно мыслительные операции. Его теория и получила название «теория интеллектуальной операций», в которой далее разрабатывается проблематика «механизмов» мыслительной деятельности. Автор стремится преодолеть резкое противопоставление продуктивного и репродуктивного мышления, наметившееся в гештальтпсихологии. Он говорит о репродуктивных и продуктивных компонентах единой мыслительной деятельности.

В ходе анализа процесса решения задачи, О. Зельц сосредотачивается на основной, по его мнению, первой стадии процесса решения. Автор считает, что на этой стадии процесс носит продуктивный характер и приводит к образованию «проблемного комплекса». В этом комплексе выделены характеристики известного (данного), определено место неизвестного (искомого) и задано отношение между известным и искомым. Таким образом, О. Зельц разрабатывает понятие задача. С его точки зрения, требование, предъявляемое в задании можно считать «задачей» только условно. Для того, чтобы решение начало осуществляться необходимо, чтобы требования задания и «раздражитель» (например, слово) образовали «общую задачу», т.е. стали частями единого проблемного комплекса.

Исследование мышления с классических позиций были продолжены в гештальтпсихологии. В работах психологов этой школы прослеживается преемственность в поисках специфики мышления, в определении его сущности, происходит также дальнейшее усложнение представлений о мышлении в рамках «предметоцентризма». На примере исследований мышления в гештальтпсихологии находит хорошее подтверждение тезис о том, что наука в целом является открытой самоорганизующейся системой. Это направление психологии оказалось очень чувствительным к философским и конкретно-научным достижениям своего времени, особенно в области физики.

Основным понятием в гештальтпсихологии мышления становится понятие структура и, соответственно, разрабатывается структурный под-

ход. Так В. Келер конкретизировал принцип структурности по отношению к мышлению как возникновение всего решения задачи в целом в соответствии со структурой психического поля. Сам мыслительный процесс автор понимал как развитие психической или феноменальной структуры. Психическое феноменальное поле, по аналогии с полями в физике, рассматривалось в характеристиках напряжения, возникающего в поле, а также векторов движения в поле. В. Келер использовал принцип структурности для характеристики специфики мышления.

К. Коффка, на основе принципа структуры, произвел сведение мышления к усмотрению, видению, схватыванию, инсайту, озарению и даже откровению, при этом он всячески подчеркивал наглядность мышления и его по преимуществу интуитивный характер (в оппозиции к Вюрцбургской школе). Сознание же продолжает рассматриваться как замкнутое в себе целое.

Центральным для гештальтпсихологии является тезис о продуктивной природе подлинного мышления. Именно в продуктивности усматривается сущность мышления. Сама же продуктивность понимается как возникновение в мышлении нового качества несводимого к свойствам отдельных элементов. В мышлении, таким образом, происходит порождение качественно нового гештальта или новой структуры. При этом для мышления характерен именно момент внезапного усмотрения нового качества, нового гештальта или новой структуры.

В гештальтпсихологии используется феноменологический метод Э. Гуссерля для раскрытия механизма мышления. Особенно важно положение о непосредственном усмотрении (видении) сущности. Не субъект в процессе познания обнаруживает сущность, а сущность сама себя обнаруживает. Учение о феноменальном объекте предполагает наличие единого феноменального поля, в котором в слитом виде представлены субъект и объект. Теоретически для гештальтпсихологов не существует объекта (также как и субъекта) вне сознания, т.е. субъект и объект сливаются в едином феноменальном поле. Участие субъекта придало бы мыслительному процессу произвольность и нарушило бы детерминацию. Процесс мышления выводится из «самого себя», в чем ясно проявляется «предметоцентризм», характерный для данного этапа исследования.

В дальнейших исследованиях на первый план в гештальтпсихологии выступает понятие о мышлении как процессе. Этот процесс понимается как движение в феноменальном психологическом поле сознания, как самотрансформация и самореализация проблемной ситуации.

В гештальтпсихологии была проведена значительная работа в области экспериментальной психологии мышления. В. Келер на основе исследования интеллекта человекообразных обезьян подчеркивал внутренний необходимый характер решения задач животными (в противовес Э. Торндайку). Автор предложил новый экспериментальный метод: рассмотрение

различных этапов решения в отношении к целому (структуре, гештальту). Именно в его исследованиях возникла идея о функциональном значении части ситуации в отношении целого феноменального поля.

М. Вертгеймер отталкивался от ассоциативной концепции. Его способ экспериментальной работы состоял в реорганизации структуры ситуации в силу осмысленной необходимости. Внимание автора было направлено исключительно на продуктивное мышление и на законы структуры. Установление структурного значения отдельных частей ситуации обозначается как центрирование, под которым понимается путь к рассмотрению частей ситуации в отношении некоторого центра ситуации. В качестве такого центра выступает «основное отношение задачи». М. Вертгеймер ставит задачу вывести внутренние закономерности мышления из самого мышления, в соответствии с принципами классицизма и предметоцентризма.

Наиболее значительное экспериментальное исследование мышления человека с позиций гештальтпсихологии провел К. Дункер (Dunker, 1935). Автор ясно поставил вопросы: как из проблемной ситуации возникает решение? Какие бывают пути к решению определенной проблемы? В целом процесс решения первоначальной проблемы, согласно К. Дункеру, есть процесс развития или трансформации проблемы. Под функциональным значением автор понимает то, что называется «солью» решения, принципом, тем в чем заключается суть дела. Специфические свойства ситуации «воплощают» в себе этот принцип, т.е. применяют его к специфическим условиям задачи. Автор постоянно возвращается к вопросу: почему же происходит смена фаз в процессе мышления? Для того, чтобы ответить на этом вопрос К. Дункер вводит новые понятия (анализ конфликта, анализ материала, анализ цели). Но удовлетворительного ответа проблема динамики мышления так и не находит.

Все полученные в «классический период» исследования результаты сохраняются, также как проблемы и противоречия предметоцентризма. Более того, они служат базой и основанием перехода к следующему периоду развития психологии мышления. С точки зрения системного подхода (Кузьмин, 1986) рассмотренный период относится к «досистемному» уровню. Это уровень «простого, непосредственного» знания, когда мышление рассматривается, исходя из него самого. Однако и здесь прослеживается тенденция усложнения представлений о мышлении.

Важно вскрыть внутреннюю необходимость выхода за пределы «предметоцентризма» и наметить направление этого выхода. Необходимость состояла в накопившихся внутренних противоречиях и, соответствующих проблемах, а также в неудовлетворительности предложенных решений. Стремление разрешить эти противоречия закономерно обусловило становление первой формы системного подхода в психологии (Клочко, 2005) и, соответственно, в психологии мышления.

Литература

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: ТГУ, 2005.

Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Издательство политической литературы, 1986.

Степин В.С. История и философия науки. М.: Академический Проект; Трикста, 2011.

Dunker K. Zur Psychologie des produktiven Denkens. Berlin.: Springer, 1935.

Selz O. Ueber die Gesetze des geordneten Denkverlaufs, Zweiter Teil: Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums. Bonn, 1922.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ: СВОЙСТВА И СТРАТЕГИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (к вопросу методологии)

Васюкова Е.Е.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Шахматная игра выступила модельным объектом изучения центрального исполнителя (ЦИ) рабочей памяти как системы внимания. На материале поиска шахматистами атакованных фигур и пешек обнаружены важные свойства ЦИ – интенсивность, устойчивость, концентрация, распределение и переключение внимания. Интенсивность внимания представляется наиболее значимым свойством, так как ускоряет решение задачи, связана с успешностью деятельности, является главным критерием профессионализма и готовности спортсмена к соревнованию. Выявлены эвристическая и алгоритмическая стратегии функционирования ЦИ.

Ключевые слова: рабочая память, центральный исполнитель, свойства внимания, шахматная игра, стратегии обнаружение атакованных фигур и пешек.

CENTRAL EXECUTER OF WORKING MEMORY: PECULIARITIES AND STRATEGIES OF FUNCTIONING (to question of methodology)

Vasyukova E.E.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Chess play is seen as a model object for the study of central executer of working memory like an attention's system. On search the attacked pieces and pawns by chess-players the following important peculiarities of central executer

were discovered – attention’s intensity, stability, concentration, distribution and mobility. Intensity presents itself as the most important quality; it is the main criterion of skill and readiness of sportsman to the competition, it accelerates the problem-solving, is connected with the success of chess activity. Algorithm and euristhic strategies of central executer’s functioning were revealed.

Keywords: working memory, central executer, attention’s peculiarities, chess play, strategies of search the attacked pieces and pawns.

От обоснования ответа на вопрос «Сколько памятей – одна или две?» когнитивные психологи перешли к изучению структуры отдельных компонентов памяти, в частности, кратковременной. Более адекватным был признан термин «рабочая память», отражающий функцию кратковременного хранилища – оперативное хранение и переработка информации в целях обеспечения решения человеком текущих задач. А. Бэддели и Г. Хитч в 1974 г. выделили в рабочей памяти три компонента – центральный исполнитель, фонологическая петля и визуально-пространственный блокнот (Бэддели, 2011). Позже, в 2000 году, А. Бэддели предложил расширенную модель рабочей памяти, где центральный исполнитель (ЦИ) взаимодействовал с визуально-пространственным блокнотом, полимодальным эпизодическим буфером и фонологической петлей, через которые осуществлялись направленные в обе стороны связи, соответственно, с образной семантикой, эпизодической долговременной памятью и языком. Предполагалось, что шахматная игра серьезно задействует центральный исполнитель рабочей памяти, который, в соответствии с новой моделью, является системой внимания. Однако шахматная игра не выступила модельным объектом изучения ЦИ, процессы центрального исполнителя, и даже его свойства, остаются не до конца выясненными. Вместе с тем, они определяют эффективность решения человеком текущих задач.

С точки зрения Б.М. Величковского, центральный исполнитель первоначально понимался как резервуар центрального пула ресурсов и структура, управляющая стратегиями распределения внимания. В 1990-е годы пытались более детально проанализировать центральные процессы управления с помощью специально подобранных задач. Решаемые центральным исполнителем задачи сравнивались с функциями лобных долей. Классические описания лобного синдрома, возникающего при поражениях этих областей коры, подчеркивают неустойчивость, отвлекаемость и ригидность внимания. Эти признаки могут быть негативной характеристикой центрального исполнителя (Величковский, 2006).

С нашей точки зрения, задача обнаружения шахматистом атакованных фигур и пешек в шахматных позициях позволит выйти на систему внимания и его свойства, а стратегии поиска атакованных фигур, как мы предполагаем, могут выявить связи центрального исполнителя с другими компонентами рабочей памяти. Мы хотим обосновать, что разработанная

нами ранее Специализированная методика изучения свойств внимания шахматистов является инструментом исследования ЦИ РП, а именно его свойств и стратегий функционирования. В стратегиях функционирования ЦИ проявляется связь ЦИ с другими компонентами РП.

Решение этих вопросов представляется актуальным. Как отмечает Б.Б. Величковский, РП занимает центральное место в системе познавательных процессов (об этом свидетельствует факт связи ее объема с показателями общего интеллекта), но многие аспекты функциональной организации РП остаются неизученными. «Одним из центральных открытых вопросов является вопрос о структуре РП» (Б.Б. Величковский, 2015, с.8). «Выделение в составе РП компонентов, различающихся по своим функциям и природе, ставит задачу изучения процессов их взаимодействия» (там же, с. 9).

Цель работы – выявление свойств и стратегий функционирования центрального исполнителя рабочей памяти как системы внимания. Задача работы – показать возможности разработанной нами методики диагностики свойств внимания шахматиста в изучении центрального исполнителя рабочей памяти.

Существует точка зрения, что внимание является профессионально важным качеством шахматиста, а также определяет степень его готовности к соревнованию (Крогиус, 1968). Однако, несмотря на подчеркивание значения изучения внимания и его свойств в шахматах, количественных методов диагностики внимания предложено не было. Нами разработана специализированная методика изучения свойств внимания шахматиста (СМИСВ) и предприняты первые шаги по созданию ее компьютерной версии. При разработке методики мы учитывали: во-первых, данные о большей информативности специализированных тестов изучения внимания спортсменов и памяти шахматистов (Генов, 1971; Барташников, 1988), во-вторых, результаты анализа невербализованных компонентов мыслительной деятельности шахматиста, а именно, выводы о важной роли исследовательских операций установления взаимодействий между фигурами (защита, нападение) (Тихомиров, 1984). Методика аналогична корректурным пробам, но стимульным материалом служат диаграммы специально составленных шахматных позиций (10 позиций тренировочной серии и 40 - основной), в которых испытуемый должен находить, подчеркивать и подсчитывать атакованные фигуры и пешки (в каждой позиции их 10), делая это безошибочно и быстро (Васюкова, 2011; Васюкова, 2012).

В процедуре поиска атакованных фигур в позиции проявляется внимание как направленность деятельности шахматиста на свой объект (взаимодействия между элементами шахматной позиции) и сосредоточенность на нем усилий для наилучшего выполнения этой деятельности. Схемы поиска атакованных фигур выступают стратегиями функционирования системы внимания. Выделены следующие показатели основной серии теста:

время решения, соотношение среднего времени поиска 5 последних и 5 первых фигур в позиции, количество ошибок, среднее время поиска первой фигуры, среднее время поиска 10-ой фигуры. Мы предположили, что их можно интерпретировать, соответственно, как: интенсивность, устойчивость, концентрация, переключение, распределение внимания.

Для уточнения трактовки данных показателей были проведены исследования, направленные на решение следующих задач:

а) установление связи выделенных показателей с разрядом, результатами выступления шахматистов в соревновании, показателями других методик изучения свойств внимания и особенностей психофункционального состояния (4-х и 10-минутная корректурные пробы, методика диагностики прогностической деятельности, цветовой тест Люшера);

б) определение тенденций изменения данных показателей на различных этапах тренировочного процесса (начало и конец подготовки к соревнованию).

Основные результаты. На выборке из 25 шахматистов от 2 разряда до международного мастера возраста от 10 до 33 лет выявлено, в частности, следующее: 1) время решения основной серии СМИСВ связано с распределением внимания по МДПД ($r=0.42$) и его интенсивностью по 4-ех мин. КП ($r=-0.34$), т.е. уменьшение времени решения связано с улучшением распределения внимания, повышением его интенсивности; 2) ср. время поиска первой фигуры коррелирует с интенсивностью ($r=-0.52$) и переключением внимания ($r=-0.39$) по 4-ех мин. КП: чем меньше время поиска первой фигуры, тем выше интенсивность и переключение внимания; 3) ср. время поиска 10-й фигуры коррелирует с распределением внимания по МДПД ($r=0.47$), т.е. чем это время меньше, тем лучше распределение внимания между своими прогнозами и поступающей информацией; 4) показатели свойств внимания по СМИСВ практически не имеют корреляций с показателями психофункционального состояния (тревожность, работоспособность, вегетативный коэффициент, психический комфорт-дискомфорт); имеется лишь небольшая связь среднего времени поиска первой фигуры и тревожности ($r=0.27$), а также доли ср. времени поиска 10-ой фигуры в ср. времени решения позиции и вегетативного коэффициента ($r=-0.29$): малая доля ср. времени поиска 10-ой фигуры в среднем времени решения позиции соотносится с преобладанием рабочего тонуса над тонусом восстановления; 5) время решения основной серии СМИСВ обнаруживает высокую связь с разрядом шахматистов ($r=0.72$, $N=25$), а наличие корреляций с результатами общепсихологических тестов изучения внимания (корреляций с продуктивностью в 4-х минутной корректурной пробе и с распределением внимания в Методике диагностики прогностической деятельности, соответственно равных -0.34 и 0.42 при $N=25$), делают этот показатель основным в тесте. Он комплексный, отражает ряд свойств внимания, прежде

всего интенсивность и распределение. Интенсивность внимания проявляется главным образом в этом показателе.

Три показателя внимания (соотношение среднего времени поиска 5 последних и 5 первых фигур в позиции; время решения теста; количество ошибок), связанные с его устойчивостью, интенсивностью и концентрацией, оценены у 16 участников командного юношеского первенства.

Обнаружена прямая связь успешности выступления в 1/4 финала и интенсивности внимания (0,64), его устойчивости (0,48) и концентрации (0,23), это, соответственно, значительная, умеренная и слабая связь. Выявлена умеренная связь успешности выступления в финале с устойчивостью внимания (0,44) и с интенсивностью (0,35), обратная слабая связь – с концентрацией внимания (- 0,23).

Изучение динамики свойств внимания 14 юниоров всеармейской шахматной школы А. Карпова в ходе тренировочного сбора показало существенное улучшение к концу сборов показателей интенсивности и устойчивости внимания, проявляющихся, соответственно, во времени решения основной серии и соотношении средних времен поиска пяти последних и пяти первых фигур в основной серии. Концентрация внимания, выражающаяся в количестве ошибок в выполняемой деятельности, улучшилась, но изменения не значимые.

Обнаружен неравномерный характер поиска атакованных фигур в позиции. Характерно достижение среднего времени работы на 8-ой фигуре и значительное увеличение времени поиска 10-ой фигуры. По характеру поиска атакованных фигур в позиции шахматисты разделились на две группы: 1) шахматисты, очень быстро обнаруживающие уже первые фигуры и значительно снижающие темп работы при поиске 10-ой фигуры, 2) шахматисты, максимальную скорость показывающие при поиске 7-8-й фигуры, незначительно снижающие темп работы на 10-й фигуре. Это, в частности, позволило наряду с устойчивостью к длительным раздражителям (динамика ошибок и временных затрат по позициям) ввести показатель устойчивости к усложнению условий деятельности (соотношение среднего времени поиска 5 последних и 5 первых фигур в позиции).

Выявлены различные стратегии поиска атакованных фигур в позициях, которые мы назвали эвристическими и алгоритмическими. Пример стратегии первого типа – поиск того, что сразу замечается. Примеры стратегии второго типа – поиск атакованных фигур слева направо; сначала поиск атакованных белых фигур и пешек, потом – черных, т.е. сначала поиск нападений со стороны черных, потом – со стороны белых; взятие за основу активных фигур, рассмотрение угроз (дальнобойные фигуры, кони). Эти стратегии можно соотнести, соответственно, с непроизвольным и произвольным внутренним контролем (по П.Я. Гальперину). Можно предположить, что алгоритмическая стратегия задействует большее число компонентов рабочей памяти, включая визуально-пространственный блокнот и

фонологическую петлю, а эвристическая стратегия более экономна и опирается главным образом на эпизодическую память.

Эвристическая стратегия обнаружена и у одного супергроссмейстера, участвовавшего в нашем исследовании. Известно же, что эксперты характеризуются перцептивным преимуществом, т.е. у них больше полезный объем восприятия, внутри которого информация обрабатывается параллельно. При алгоритмической стратегии, напротив, информация, скорее всего, обрабатывается последовательно.

Использование современных технологий регистрации движений глаз позволило бы точнее охарактеризовать выявленные стратегии функционирования центрального исполнителя рабочей памяти как системы внимания. Можно предположить, что при алгоритмической стратегии будет больше фиксаций и больше фиксаций фигур, а не отношений между фигурами.

Выводы. Итак, на материале шахматной игры, предположительно серьезно задействующей центральный исполнитель рабочей памяти, обнаружены важные свойства ЦИ как системы внимания, прежде всего это интенсивность, устойчивость, концентрация, а также распределение и переключение внимания. Три последних свойства отмечены А. Бэддели как процессы ЦИ. Интенсивность и устойчивость отражают положительные характеристики центрального исполнителя, в противовес выделенным Б.М. Величковским отрицательным его свойствам, таким как отвлекаемость и неустойчивость. Интенсивностный аспект внимания, в частности у шахматиста, нам представляется наиболее значимым, так как он ускоряет решение задачи, является главным критерием как профессионализма, так и готовности спортсмена к соревнованию (Васюкова, 2011). Выявлены стратегии функционирования ЦИ, эвристическая и алгоритмическая, которые соотношены с произвольным и непроизвольным внутренним контролем. Алгоритмическая стратегия задействует визуально-пространственный блокнот и фонологическую петлю, а эвристическая стратегия более экономна и опирается главным образом на эпизодическую память.

Литература

Барташников А.А. Психологические особенности и формирование оперативной памяти у школьников и шахматистов. Дисс. канд. психол. наук. М., 1988.

Бэддели А.Д. Работает ли все еще рабочая память? // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия / под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. М.: – 2011. – С.312-321.

Васюкова Е.Е. Оценка психической готовности шахматиста к соревнованию: опыт разработки специализированной методики изучения свойств внимания шахматиста // 125 лет Московскому психологическому обществу: Юбилейный сборник РПО: В 4-х т. Т.3 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская, Ю.П. Зинченко. М.: МАКС-Пресс, 2011. – С.205-207.

Васюкова Е.Е. Центральный исполнитель рабочей памяти: свойства и стратегии функционирования // Пятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Калининград, 18-24 июня 2012 г. Т.1. Калининград, 2012. – С.284-286.

Величковский Б.Б. Рабочая память человека. Структура и механизмы. М.: Когито-центр, 2015.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл; Академия, 2006.

Генов Ф. Психологические особенности мобилизационной готовности спортсмена. М.: ФИС, 1971.

Крогиус Н.В. Память и внимание шахматиста. М., 1968.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984.

СУЩЕСТВОВАНИЕ Я В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вачков И.В.¹, Колтачук Е.В.²

¹Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ,
²Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия

Эпоха постмодернизма породила не только представления о множественности истин и плюрализме мнений относительно одних и тех же фактов, но и сомнения в существовании, казалось бы, незыблемых феноменов. Так, в работе Б. Худа последовательно проводится мысль об иллюзорности человеческого Я. Не соглашаясь с такой точкой зрения, авторы обращаются к культурно-исторической концепции, на основе положений которой доказывают реальность Я и рассматривают пути и источники его возникновения и развития, в том числе в гендерном аспекте.

Ключевые слова: постмодернизм, культурно-историческая психология, феномен Я, мозговая локализация, половая идентификация.

THE EXISTENCE OF I IN THE ERA OF POSTMODERNISM: ILLUSION OR REALITY?

Vachkov I.V.¹, Koltachuck E.V.²

¹Russian Academy of national economy and public administration
under the President of the Russian Federation,
²Moscow state University of psychology and education, Russia

The era of post-modernism spawned not only the notions of multiple truths and a diversity of opinions about the same facts, but doubt the existence of seemingly immutable phenomena. So, in the work of B. Hood is undertaken consistently the thought about the illusory nature of the human I. Not concurring with this view, the authors turn to the cultural-historical concept, on the basis of

the provisions which prove the reality of I and consider the ways and the sources of its emergence and development, including the gender terms.

Keywords: postmodernism, cultural-historical psychology, the phenomenon of I, cerebral localization, gender identification.

Ситуация в современной психологии представляется весьма парадоксальной: с момента своего возникновения в недрах философии психология была нацелена на изучение поведения и всей системы жизнедеятельности реального человека – прежде всего для того, чтобы ответив на «вечные» вопросы бытия, найти способы облегчения его «пути скорби и страданий». Однако в современных психологических моделях, которыми оперируют исследователи, основной упор сделан на экстраспекции и виртуальных конструкциях, в результате чего реальное поведение конкретного человека в обыденных житейских обстоятельствах оказывается за рамками научного исследования и заменяется абстрактно-теоретическими рассуждениями номотетического характера, что, естественно, отнюдь не способствует разрешению проблем этого конкретного человека, вынужденного самостоятельно изыскивать возможности воплощения схематических концепций в практике (Вачков, 2012).

Постмодернизм, пришедший на смену устаревшим положениям позитивизма, пытается изменить эту ситуацию. В психологии эпохи постмодернизма осуществляются попытки «построить мосты» между научными изысканиями и повседневностью обычного человека, прозой его жизни в социуме в ситуациях экзистенциально-феноменального бытия. При этом происходит отказ от понятия объективной истины в пользу многообразных и толерантно воспринимаемых альтернативных позиций, от единственно возможной интерпретации в пользу разнородного интерпретативного поля, от четкого объяснения в пользу плюрализма мнений относительно одних и тех же фактов.

Более того, эпоха постмодернизма, помимо прочего, породила традицию сомнений во всем, в том числе в реальности существования таких феноменов, относительно которых на предыдущих этапах развития психологической науки никаких сомнений не возникало. Уход в экстраспекцию и виртуальные конструкции вкупе с ориентацией на множественность истин и «методологический анархизм» привели к тому, что само Я человека стало отвергаться как иллюзия.

Анализируя результаты современных исследований мозга и ряд открытий, связанных с его работой, известный нейробиолог Брюс Худ настаивает на том, что человеческое Я не существует, апеллируя к уже далеко не новой проблеме «внутреннего гомункулюса». Он пишет: «В вашей голове не может быть единого индивидуума по той простой причине, что тогда этому гомункулюсу потребовалось еще свое собственное внутреннее Я. Нам бы понадобилось «мини-Я» внутри Я, находящееся в нашей голо-

ве... Это будет бесконечная регрессия, не заканчивающаяся никогда» (Худ, 2015, с.39). Этот ученый доказывает, что через социальные взаимодействия с другими мы создаем чувство самоидентификации, а затем чувство собственного Я. Эта иллюзия Я возникает как способ адаптации, выработанный в ходе эволюции.

Несмотря на обилие аргументов, примеров и описаний ярких экспериментов, позиция Худа и целого ряда других специалистов, также настаивающих на иллюзорности Я, не выглядит убедительной. И дело не только в самоочевидности существования Я, о котором писал Декарт в своем знаменитом тезисе «*Cogito, ergo sum*» и которое ощущает в себе любой человек, обладающий сознанием. Дело в уязвимости аргументов, опирающихся на идею «внутреннего гомункулуса», которая, в свою очередь, явно или скрыто базируется на предположении о локализации Я в мозге.

Работы Л.С. Выготского, А.Р. Лурии и их учеников свидетельствуют о том, что мозг, будучи материальным субстратом психических функций, действует как единое целое, которое вместе с тем состоит из множества высокодифференцированных частей, каждая из которых играет свою специфическую роль. При этом напрямую с мозговыми структурами надо соотносить не всю психическую функцию и даже не ее отдельные ее звенья, а те нейрофизиологические процессы, которые осуществляются в соответствующих мозговых структурах. Но о локализации личности в конкретных отделах мозга или о локализации системы убеждений и тем более о локализации Я речи вообще быть не может. Нет такого места в мозгу, где сосредоточено наше Я, нет этого пресловутого «гомункулуса», апелляция к которому якобы «уничтожает» наше Я.

Б. Худ утверждает, что не существует ни единого Я, ни множества Я, традиционно выделяемых психологами как виды социальных ролей человека, и настаивает на зависимости нашего Я от других людей. Он в этом не одинок (Baggini, 2011; Hood, Donnelly, Leonards and Bloom, 2010; Wegner, 2008), но при этом, пожалуй, наиболее категоричен в утверждении иллюзорности Я, когда пишет о том, что «внешний мир переключает нас с одного персонажа на другой» (Худ, 2015, с.20). Иными словами, это иллюзорное Я для Худа выступает почти исключительно как продукт внешних по отношению к человеку воздействий. Аргументы, опровергающие подобную точку зрения, можно черпать опять-таки в работах Л.С. Выготского.

Все психологи помнят одно из важнейших положений культурно-исторической психологии о том, что всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва социальном, потом психологическом, сперва между людьми, затем внутри ребенка.

Очевидно, что по аналогии с высшими психическими функциями функции самосознания проходят путь из социального плана во внутренний. Иначе говоря, вроде бы возникновение нашего Я связано с другими

людьми. Но Л.С. Выготский предполагает наличие двух основных источников развития Я. Первым является собственная практическая деятельность человека, а вторым — общение, в процессе которого происходит интериоризация личностью системы социальных взаимосвязей.

Таким образом, конечно же, развитие нашего Я может рассматриваться только в социальном контексте, в процессе овладения подрастающим человеком орудиями и знаками, то есть в процессе обучения. В результате человек обретает умение управлять самим собой, что невозможно без умения познавать себя. Безусловно, без предметной деятельности и без общения невозможно ни развитие личности, ни развитие сознания, ни развитие Я. Но какова роль в развитии психики и, в частности, в развитии самосознания ребенка социальных и биологических факторов?

Суть позиции Л.С. Выготского по этому вопросу заключается в следующем: в качестве основного принципа выступает положение об определяющей роли образа жизни в развитии психики. Развитие каждой психической функции определяется тем, как часто она используется в жизни организма. Элементарные функции (ощущения, восприятия) больше обусловлены наследственно, чем высшие (произвольная память, логическое мышление, речь). Психическое развитие есть результат взаимодействия двух процессов: биологического созревания и научения, которые практически слиты в процессе жизнедеятельности человека. Роль каждого фактора в развитии одного и того же признака различна на разных возрастных этапах: усиливается то значение наследственных предпосылок, то значение социальных влияний. В каждом конкретном случае необходимо изучать актуальное сочетание биологического и социального. Это в равной степени относится к развитию самосознания и нашего Я.

Л.С. Выготский считал, что наиболее значимым для развития самосознания ребенка и его Я является кризис семи лет, когда мы имеем дело с возникновением обобщения переживаний, логики чувств. Ребенок впервые начинает понимать, что значит «я радуюсь», «я огорчен», «я сердит», «я добрый» «я злой», у него возникает осмысленная ориентировка в собственных переживаниях. Л.С. Выготским подчеркивалась качественная разница в самооценке и самоотношении между дошкольником и семилеткой: «Ребенок дошкольного возраста любит себя, но самолюбия как обобщенного отношения к самому себе, которое остается одним и тем же в разных ситуациях, но самооценки как таковой, но обобщенных отношений к окружающим и понимания своей ценности у ребенка этого возраста нет» (Выготский, 2000, с.991). Следовательно, именно начало школьного обучения является моментом, когда взрослый может помочь ребенку активно развивать самосознание, приобретающее качественно новый уровень.

Вместе с тем исследователи отмечают, что дети делают значимый шаг на пути развития самосознания в дошкольном возрасте: к 7 годам ребенок знает, мальчик он или девочка (формируется когнитивный аспект

самосознания), чувствует себя мальчиком или девочкой (эмоциональный аспект), действует соответственно ожидаемому от него гендерному поведению (поведенческий аспект). Этот шаг становится возможным благодаря гендерному воспитанию, понимаемому как процесс возвращивания в ребенке качеств и навыков, характерных его полу. В результате идентификации себя как мальчика или девочки важные для пола категории становятся для ребенка личностно значимыми, определяется вектор развития его самосознания (Аверьянова, 2014). До середины второго года жизни дети еще не выработали представлений о своем Я и поэтому не узнают себя в зеркале (Rochat, 2009). Но уже в 2-3 года дети начинают употреблять личное местоимение; в случае же не совсем верной трактовки ребенком своего Я перед взрослым возникает задача коррекции представлений ребенка о себе. Иными словами, вопрос об участии взрослого в развитии самосознания ребенка встает гораздо раньше начала школьного обучения. Сознание своей половой принадлежности является стержневым элементом самосознания ребенка. Именно на его основе далее происходит ориентировка семилетки в собственных переживаниях, выбираются способы их отреагирования.

Таким образом, наше Я формируется в процессе социализации, воспитания, но имеет и определенные соматические и индивидуально-природные детерминанты. С возрастом происходит развитие потребностей формирующейся личности. Именно в них и через них проявляется человек и соответственно изменяется его самосознание. В свою очередь, самосознание и его продукт – Я служит для них обратной связью. В отличие от ситуативных Я-образов (каким индивид видит, ощущает себя в данный момент времени), самосознание создает у человека ощущение своей определенности, самостождественности. Так выглядит в общих чертах диалектика становления и проявления нашего Я.

Развитие ребенка подчинено общим закономерностям. Одна из таких закономерностей, показанная Л.С. Выготским, состоит в том, что появление у ребенка новых психических образований обязательно связано, с одной стороны, с активностью самого ребенка, с его желанием познавать и действовать, а с другой — с организацией взрослым продуктивного сотрудничества с ребенком. Это возможно только тогда, когда познание становится для ребенка личностно значимым. Следовательно, для того чтобы развитие происходило оптимальным способом, необходимо, чтобы оно превратилось в саморазвитие.

Развитие Я ребенка осуществляется через преодоление противоречия между внешней регуляцией, системой требований, предъявляемых ему взрослым (обучение, воспитание), и его (ребенка) собственной спонтанной активностью. По мере взросления источник развития перемещается внутрь личности, внешняя детерминация поведения трансформируется во внутреннюю, возникает внутриличностное противоречие между Я-действующим и Я-отраженным, становящееся двигателем восхождения к

Я-творческому. Если в силу каких-то причин развертывания указанного процесса не происходит, человек остается объектом внешних воздействий, будучи неспособным превратиться в субъекта собственной жизнедеятельности.

Таким образом, чрезвычайно популярная в настоящее время идея саморазвития, условием и результатом которого является развитие Я, базируется на высказанных еще в двадцатые-тридцатые годы положениях Л.С. Выготского и вытекает из его теории. Несмотря на фрагментарность суждений Л.С. Выготского об этой проблеме, его труды позволяют уяснить сущность и природу формирования нашего Я, которое вовсе не иллюзорно, а представляет собой реально существующий и, пожалуй, самый важный психологический феномен.

Литература

Аверьянова Т.С. Развитие гендерного самосознания детей дошкольного возраста // Современные тенденции развития систем дошкольного образования в России и за рубежом: новый взгляд. Материалы Международной научно-практической конференции. Псков: ЛОГОС Плюс, 2014.

Вачков И.В. Методологические вопросы преподавания психологии в университете // Формирование гражданина и профессионалиста в условиях высшего образования. Сборник научных статей (Первая книга). Габрово: ЕКС-ПРЕС, 2012. – С.45-50.

Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

Худ Б. Иллюзия Я, или Игры, в которые играет с нами мозг. М.: Эксмо, 2015.

Baggini J. The Ego Trick. London: Granta, 2011.

Hood B.M, Donnelly K., Leonards U., and Bloom P. Implicit voodoo: Electrodermal activity reveals a susceptibility to sympathetic magic // Journal of Culture and Cognition. 2010. – 10. – P.391-399.

Rochat P. Others in Mind: Social Origins of Self-Consciousness. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Wegner D. Self is magic // J.C. Kaufman and R.F. Baumeister (eds). Are We Free? Psychology and Free Will. NY: Oxford University Press, 2008.

ЕДИНСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ КАК ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ждан А.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Представлены результаты историко-теоретического исследования проблемы единства научного психологического знания в соотношении с ситуацией многообразия в психологии различных методологий, разных

методов и направлений. Обосновывается положение о возможности и необходимости объединения достижений психологического знания на почве диалектической методологии.

Ключевые слова: единство научного знания, многообразие подходов к познанию психики, истина, эклектика, диалектическая психология.

UNITY OF PSYCHOLOGICAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE AS HISTORICAL-METHODOLOGICAL PROBLEM

Zhdan A.N.

Lomonosov Moscow State University, Russia

The results of historical-theoretical study of the problem of unity of scientific psychological knowledge in connection with diversity of psychological methodologies, different methods and trends are presented. The thesis of possibility and necessity of uniting the achievements of psychological knowledge on the basis of dialectical methodology is substantiated.

Keywords: unity of scientific knowledge, diversity of approaches to studying of psyche, verity, eclecticism, dialectical psychology.

Психологией можно заниматься многими способами и методами... существует не одна, а много психологий.

Г. Гефдинг

Мы диалектики; мы вовсе не думаем, что путь развития науки идет по прямой линии, и если на нем были зигзаги, возвраты, петли, то мы понимаем их исторический смысл и считаем их необходимыми звеньями в нашей цепи, неизбежными этапами нашей дороги... Мы дорожили каждым шагом к истине, который когда-либо делала наша наука...

Л.С. Выготский

Проблема единства психологического научного знания является одним из методологических вопросов развития науки в целом (Мудрагей, 1985). Его актуальность в современных условиях объясняется распространением системного и методологического плюрализма в психологии (Теория., 2007).

Можно ли говорить о единстве психологического знания, если до настоящего времени никогда не существовало и не существует сейчас какой-то одной психологии, вместо которой мы имеем много направлений, много психологий? По остроумному замечанию Г. Олпорта, «иногда кажется, что кроме преданности своей профессии, психологов мало что объ-

единяет... В разных психологических подходах в качестве предмета исследования фигурируют: переживание, поведение, психофизические связи, сознательные мыслительные процессы, бессознательное, человеческая природа и даже «тотальность психического существования человека» (Олпорт, 2002, с.168). По-видимому говорить о единстве в психологии возможно только при одном условии, если все многообразные подходы рассматривать диалектически, как шаги, этапы на пути к познанию психического как предмету психологии, как звенья в этом движении к истине о нем, в которых выражается факт преемственности традиций в развитии нашей науки.

В известной статье (Выготский, 1982) Л.С. Выготский начинает свой анализ методологического кризиса в психологии с констатации положения об отсутствии согласования разнородных данных, полученных в отдельных психологических дисциплинах, и осознания необходимости такого согласования. Здесь им поставлена задача «привести в систему разрозненные законы, осмыслить и проверить результаты, прочистить методы и основные понятия» (Выготский, 1982, с.292).

Он формулирует проблему общей психологии, называя ее проблемой первостепенной важности. Понятие общей психологии, поясняет Л.С. Выготский, не совпадает с традиционным понятием о ней как основной для ряда отдельных специальных дисциплин теоретической психологии. Хотя она и «играла и продолжает отчасти до сих пор играть главенствующую роль какого-то обобщающего фактора» (там же), она все же является одной из специальных дисциплин, наряду с зоопсихологией и патопсихологией. У Л.С. Выготского речь идет об общей психологии как общей науке, как дисциплине другой, высшей формации, фундаменте всего психологического знания, как образце научного мышления, его методологии или философии психологии. Потребность в общей психологии в этом смысле созрела. «Психология осознала, что для нее вопрос жизни и смерти – найти общий объяснительный принцип...» (Выготский, 1982, с.309). Он рассмотрел несколько психологических систем, которые выступили в роли общей науки. Это традиционная интроспективная психология с психикой как главным понятием; поведенческое направление (рефлексология, бихевиоризм) с поведением как главным понятием; психоанализ с бессознательным как главным понятием, а также гештальтпсихология с понятием гештальта и персонализм с его главным понятием личности. Каждое из этих понятий призвано выполнить роль объяснительного принципа применительно к миру всех явлений, изучаемых в психологии.

В свою очередь внутри каждого направления также выделяются различные школы: внутри поведенческой психологии – это бихевиоризм Уотсона и рефлексология; в психологии бессознательного – теории З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга и др. Таким образом, поскольку в действительности за всю историю развития психологии в ее учениях о последних принципах и

проблемах, в понимании предмета и способах исследования не было выработано какого-то одного подхода, постольку единство научного психологического знания превращается в проблему.

Решение этой проблемы не лежит на пути эклектических попыток «объединения разнородных и разноприродных по научному происхождению и составу частей» (Выготский, 1982, с.326), достижений, выработанных каждым из направлений. Как вспоминал А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский «был нетерпим к эклектике» (Интервью..., 2013, с.21). По образному определению Л.С. Выготского, результатом таких попыток являются «чудовищные комбинации... Во всех этих попытках берется хвост от одной системы и приставляется к голове другой, в промежутке вдвигается туловище от третьей» (там же).

Л.С. Выготский беспощадно критиковал «наивнейшие», по его характеристике, идеи А.Р. Лурия о соединении психоанализа с культурно-исторической теорией, продуктом которого является якобы «система мистической психологии, методология которой совпадает с методологией марксизма» (Выготский, 1982, с.330).

Вместе с тем Л.С. Выготский высоко ценил все большие научные идеи и подходы, стремился увидеть в каждом из них рациональное зерно, положительные достижения, к которым в результате своих исследований пришли психологи разных направлений и взглядов, что не противоречило критике неприемлемого в них. Исключительная эрудиция Л.С. Выготского в философии и психологии не заслоняла, однако, его собственной авторской позиции как создателя оригинальной концепции, творчески впитавшей в себя многовековой опыт мировой науки. Когда в своих трудах он рассматривал ту или иную теорию, анализировал взгляды различных авторов, он оставался Л.С. Выготским. «Чтобы критически отнестись к чужой системе, – писал он, – надо прежде всего иметь собственную психологическую систему принципов» (Выготский, 1982, с.337). Все его творчество является поистине школой, содержащей уроки того, как правильно использовать накопленный в науке опыт, он систематизировал ошибочные попытки ассимиляции чужого по типу эклектики.

Например, высоко оценивая гештальтпсихологию в целом и особенно динамическую теорию поля К. Левина, используя их понятия, в частности, понятие психологического поля, он далеко не все принимал. Раскрывая антиисторический характер гештальтпсихологии, критиковал объяснение К. Коффкой высших и низших форм поведения и психики одним и тем же структурным принципом, «проглядывая тот скачок, который совершает развитие при переходе от ощущения к мысли» (Выготский, 1982, с.273). В полемике с динамической концепцией К. Левина Л.С. Выготский ввел понятие смыслового поля (см. об этом Завершнева, 2016). Он критиковал К. Левина за сведение анализа потребностей к их динамическому аспекту, в ущерб содержательной характеристике. Он внес «теоретическую поправ-

ку» (Выготский, 1983, с.248) в рассуждения К. Левина об отношениях между аффектом и интеллектом при умственной отсталости, о различиях, которые существуют между этими сферами психической жизни у нормального и умственно отсталого ребенка. В частности, он указал на недооценку интеллектуального дефекта как такового при объяснении природы детского слабоумия, когда в центр исследования выдвигаются аффективные и волевые нарушения, так что «особенности аффективной сферы отсталого ребенка, найденные К. Левином, объясняют, по его мнению, особенности интеллектуальных процессов этого ребенка» (Выготский, 1983, с.240). По Л.С. Выготскому, необходимо исследование собственно интеллектуальных расстройств, но в отличие от интеллектуализма старых воззрений и в целях преодоления их ограниченности, недостаточности, рассматривать его в структуре личности в целом, уяснить, как это и делает Левин, изменение отношений между аффектом и интеллектом в психологическом развитии отсталого ребенка.

Общим условием продуктивного усвоения разных идей, превращения реального многообразия в единую научную картину под именем психология Л.С. Выготский называл опору на истинную методологию. Свой анализ концепции З. Фрейда он заключил положением о том, что именно при этом условии «... идеи Фрейда могут быть интересны и поучительны, например, учение З. Фрейда о влечении к смерти» (Выготский, 1982, с.335). Эклектике как механическому суммированию различных теорий Л.С. Выготский противопоставлял монизм. Его основу составляет диалектика как «умение отделить ближайшее видимое значение факта от его научного значения» (Выготский, 1982, с.334), что и позволяет осуществить синтез многообразных систем. Именно диалектика составляет почву, обеспечивающую единство психологии, интеграцию «всего, что было и есть в психологии истинно научного» (Выготский, 1982, с.435).

В нашем докладе в центре внимания находится проект культурно-исторической психологии, разработанный Л.С. Выготским. Во всем мире в 2016 году отмечается 120-летие со дня рождения Л.С. Выготского. Сопратник Льва Семеновича А.Н. Леонтьев в своем интервью с М.Г. Ярошевским на вопрос «какие направления Вы считаете представляющими наибольшую перспективу», сказал: «считаю наиболее перспективными направления, которые не игнорируют вклад Л.С. Выготского, а считаются с ним» (Интервью..., с.19).

Культурно-историческая психология и сегодня остается наиболее перспективным направлением. Американский психолог М. Коул проницательно назвал ее наукой будущего. К трудам Л.С. Выготского обращаются психологи самых новейших направлений, его идеи органичны эпистемологическим проблемам современной психологии, в том числе проблеме единства психологического научного знания.

Литература

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6т. Т.1. М.: Педагогика, 1982. – С.291-436.

Выготский Л.С. Проблема развития в структурной психологии // Собр. соч.: В 6т. Т.1. М.: Педагогика, 1982. – С.238-290.

Выготский Л.С. Проблема умственной отсталости // Собр. соч.: В 6т. Т.5. М.: Педагогика, 1983. – С.231-256.

Завершинева Е.Ю. Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2016. – №4. – С.119-135.

Интервью с Алексеем Николаевичем Леонтьевым. Беседовал Михаил Григорьевич Ярошевский (Из неопубликованного) // Культурно-историческая психология. 2013. – №4. – С.2-27.

Мудрагей В.И. Единство научного знания: опыт решения проблемы в философии эмпиризма // Вопросы философии. 1985. – №5. – С.97-103.

Оллорт Г. Основные положения психологии личности // Становление личности: Избр. труды. М.: Смысл. 2002. – С.166-216.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива // отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2007.

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Зеленкова Т.В.

Государственный гуманитарно-технологический университет,
Московский НИИ психиатрии, Россия

В работе рассматриваются формы интегративного взаимодействия психологической теории и практики в современных условиях, показываются социально-исторические закономерности развития взаимоотношений между ними.

Модель развития отношений между теоретико-исследовательской и практической психологией в России описывается под углом гипотезы «метелок» Е.А. Климова и классификации филогенетических стадий развития сознания Ж. Гегсера.

Ключевые слова: методология психологии, психологическое здоровье общества, интеграция психологической теории и практики, социально-исторические закономерности интеграции, гипотеза «метелок» Е.А. Климова, теория Ж. Гегсера.

INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL THEORY AND PRACTICE AS A CONDITION FOR SOCIAL PROGRESS

Zelenkova T.V.

State University of Humanitarian and Technology,
Moscow Research Institute of Psychiatry, Russia

Paper discusses forms of interactive of psychological theory and practice in modern conditions. The author shows the social and historical laws of development of relations between them. The model of development of relations between theoretical research and practical psychology in Russia is described in terms of E.A. Klimov's hypothesis "panicles" and of Jean Gebser's phylogenetic classification of stages of consciousness.

Keywords: methodology of psychology, psychological health of society, integration of psychological theory and practice, socio-historical patterns of integration, E.A. Klimov's hypothesis "panicles", theory of Jean Gebser.

Среди многочисленных критериев и показателей социального прогресса одно из наиболее приоритетных мест занимает психологическое здоровье общества. Действительно, снижение этого показателя закрывает пути и к самоактуализации человека, и к формированию культурных и духовных жизненных ценностей, и к росту научного и технологического знания и т.п. Вместе с тем, оценки психологического состояния современного российского общества, приведенные в работе А.В. Юревича (Юревич, 2015), являются далеко не радужными. Особую тревогу и беспокойство вызывают рост психического напряжения и снижение стрессоустойчивости наших граждан, что влечет за собой не только психопатологическую симптоматику и психические заболевания, но и увеличение количества форм асоциального и противоправного поведения, часто приводящих к летальному исходу. Это, в свою очередь, влечет за собой усиление социальных и личных страхов, вызывающих стрессы у населения, образуя, таким образом, замкнутый круг.

В этих условиях перед психологией ставится задача эффективного решения психологических проблем нашего общества как со стороны психологической теории, так и со стороны практики. Однако в условиях расщепления психологии на исследовательскую и практическую, их явного и неявного противостояния, и все более возрастающей сложности психологических проблем человека, достижение желаемого результата представляется вряд ли возможным. Теория без практики «хрома», практика без теории «слепа» - когнитивное осознание этого в психологическом сообществе уже созрело, становятся очевидными и социально-поведенческие тенденции к интеграции, но они явно отстают от требований времени.

Тем не менее, существующее на данный момент многообразие потенциальных форм интеграции теории и практики, складывающихся в значительной степени стихийно, позволяет позитивно оценить возможности их развития. Остановимся наиболее, с нашей точки зрения, перспективных формах интеграции.

Одна из них представляет равноправное двустороннее взаимодействие. Исследовательская психология для построения теории использует как можно большее количество практик и, в свою очередь, практическая психология в ситуации оказания психологической помощи опирается на возможно большее количество необходимых теоретических концепций. Например, гештальттерапия опирается на гештальтпсихологию, философскую феноменологию, психоанализ, экзистенциальную психологию и восточную философию; теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик И.Н. Карицкого использует данные двенадцати психопрактических систем и более чем пятидесяти психологических практик (Карицкий, 2002); интегральная психология К. Уилбера опирается на психологические данные более чем ста теорий и практик (Уилбер, 2004).

Другая форма интеграции основана на парадигмальном включении. Взаимоотношения между теоретико-исследовательской и практической психологией рассматриваются с точки зрения социально-исторического развития психологических парадигм. Эта форма интеграции в отечественной психологии описана в контексте гипотезы «метелок» Е.А. Климовым, который с ее помощью показал, как внутри «советской психологии» зарождался другой тип профессионала-психолога - «настолько иной, что для него совершенно не годятся те процедуры профессиональной аттестации, которые были традиционно установлены (наличие научных в общепринятом смысле публикаций, ведение занятий в вузе или работа в научном учреждении, успешная работа над диссертацией и пр.) и которые, кстати, остаются в ходу еще и сегодня» (Климов, 1992, с.9).

В соответствии с гипотезой «метелок» исследовательская и практическая психология исторически находятся не в разрыве, а в генетической преемственности: новая практико-ориентированная парадигма зарождается в недрах исследовательской парадигмы в период ее максимального расцвета на фоне противоречий, порождающих множество диалогов, конфликтов, дискуссий. В этот период возникают различные «ветвления» - точки бифуркации, которые и служат точками роста. Благодаря новым взглядам на психическую реальность, начинает зарождаться новая, ортогональная ветка, которая строится в сознании людей как максимально независимая от предыдущей. Эта ветка, как считают ее адепты, отвергает прежнюю. Но на самом деле то, что они «неизбежно заимствуют из прошлого, переобозначается и переосмысливается в контексте (на языке) новой системы», включается и трансформируется ими (там же, с. 8). Таким образом, практиче-

ская психология, внешне проявляя антагонизм к исследовательской, в реальности содержит внутри себя весь ее арсенал.

Далее практическая психология должна развиваться как самостоятельная парадигма до своего максимума, пока внутри нее не появятся ростки другой парадигмы, которая будет включать обе предыдущие. Эта цепочка неразрывна, поскольку все это – стадии непрерывного эволюционного процесса, каждая из которых превосходит и включает все предыдущие. Сами «метелки» (графический образ парадигм) Е.А. Климов расположил ортогонально друг к другу, подчеркивая, что каждая парадигма развивается независимо, хотя и порождается в самом центре предыдущей.

Е.А. Климовым предложена оригинальная модель развития отношений между теоретико-исследовательской и практической психологией в России. По мнению автора, отношения между ними зарождаются еще на очень раннем этапе развития сознания и проходят ряд закономерных этапов. Интересно отметить, что эти этапы существенно коррелируют с филогенетическими стадиями развития сознания в классификации одного из основателей интегрального подхода Ж. Гибсера, выделившего пять таких стадий: архаическую, магическую, мифическую, рациональную и интегральную (Гаськова, 2007) или плюралистическую (Уилбер, 2013). Вот как выглядят взаимоотношения между научной (исследовательской) и практической психологией в свете этих подходов.

Архаическая стадия. Начинается с самых первых фаз антропогенеза, когда сознание отдельного индивида практически полностью слито с групповым сознанием. В процессе жизнеобеспечения племенное сознание могло выделять и фиксировать опыт столкновения людей с разного рода обстоятельствами, а также некоторые внутренние состояния: сонбодствование, страх, боль и проч. Это была ситуация, когда «нечто во внешнем и внутреннем мире человека манифестирует себя сознанию в ситуации определенного столкновения, конфликта (в этом смысле конфликт – условие знания), а конфликты, манифестирующие психику, не могли отсутствовать уже на самых ранних фазах развития сознания; при этом (и поэтому) человек не мог не узнавать о психике» (Климов, 1992, с.5). На этой стадии зарождаются смутные предчувствия возможности как-то воздействовать на обстоятельства и первые попытки управлять групповым поведением.

Магическая стадия. Включает ранний религиозный период. Для этой стадии характерны: постепенное выделение сознания отдельного человека из группового; появление языка и способности к самоосознаванию; вера в таинство, магические действия, заклинания, амулеты; эмоционально насыщенное ощущение власти над миром.

Человек неизбежно нащупывает различные средства овладения психической реальностью: «средства, которые мы могли бы рассматривать как психотерапевтические или саморегулятивные, люди отнюдь не оставляли в

прошлом; эти средства им были нужны и их сохраняли, "вписывая" в складывающуюся новую мировоззренческую систему» (там же, с.11).

Мифическая стадия. Включает поздний религиозный период. Это стадия относится к домодерну и доклассическому типу рациональности. Она характеризуется полярностью сознания, в частности, внутренний мир вступает в оппозицию с внешним. Доминирует образный, художественный способ познания психической реальности. Вместе с тем, начавшаяся профессионализация лиц, ответственных за владение человеческими душами, переходит в лоно церкви.

Психотерапевтические средства на этой стадии основаны на слиянии веры и культа: служители церкви переносили ритуалы, обряды и другие магические действия на христианскую почву, постепенно обособляя их и превращая в особую тайную науку.

Рациональная стадия - ранний рациональный период. Это стадия раннего модерна и классического типа рациональности характерна для «досоветского» периода развития отечественной психологии. Дореволюционная психология в России неоднородна: она ориентирована, с одной стороны, на идеалистическую философию, с другой – на применение психологического знания во врачебной, инженерной и другой общественной практике, и эти две линии находятся в противостоянии.

Рациональная стадия - поздний рациональный период. В целом соответствует стадии «советской психологии». Это поздний модерн и неклассический тип рациональности. «При всех тонкостях авторских различий, отмечает Е.А. Климов, советская психология представляет собой нечто целостное – для специалистов характерно стремление развивать науку на экспериментальной основе и строить значительные теоретические обобщения фундаментального толка. Одновременно это сопровождалось некоторым (пусть неявным, но фактически достаточно последовательным) небрежением к отдельному человеку, его личным проблемам; отсюда неразработанность практических психологических техник, известного рода физикалистская модель "хорошего" психологического исследования, доминирование убежденности в том, что проблемы каждого решаются на основе решения общих проблем» (там же, с.9).

Ранняя интегральная – плюралистическая стадия. Имеет черты постмодерна и постнеклассического типа рациональности. Эта стадия соответствует «постсоветской» психологии и характеризуется зарождением иного типа профессионала-психолога – «психолога-практика», которого специалисты, ориентированные на традиционную науку, сначала воспринимают как «чужого», но, тем не менее, принимают в жизнь профессионального сообщества. Однако практический психолог сам заостряет свою позицию, противопоставляя ее традиционному научному подходу. В недрах этой стадии, отмечает Е.А. Климов, тоже могут зародиться какие-то новые системы профессионально-психологических функций.

Отметим, что все стадии (как доинтегральные, так и плюралистическая) представляют собой чередование групповых и индивидуальных форм деятельности в поле психической реальности. Так, архаическая стадия характеризуется ярко выраженной групповой деятельностью, магическая – индивидуальной и т.д. И это диалектический процесс: то, что ушло, не отмирает, а свертывается, становится ядром, вокруг которого образуется новое направление развития.

Таким образом, социально-исторические закономерности развития взаимосвязей между психологической теорией и практикой показывают неизбежность их дальнейшей интеграции, однако было бы ошибкой лишь пассивно наблюдать за этим процессом. Успешное решение насущных психологических проблем современного общества требует активной деятельности человека в этом направлении.

Литература

Гаськова М.И. Интегральные подходы в теории организации // Регион: экономика и социология. 2007. – №2. – С.239-251.

Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.; Челябинск: Социум, 2002.

Климов Е.А. Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. – №3. – С.3-12.

Уилбер К. Интегральная психология. М.: АСТ и др., 2004.

Уилбер К. Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. М.: ПОСТУМ, 2013.

Юревич А.В. Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. 2015.– №2. – С. 32-45.

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТЕОРИИ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Златанович Л.Д.
Университет Ниша, Сербия

Основная цель этой статьи состоит в том, чтобы рассмотреть в сжатой форме некоторые важные вопросы, касающиеся теории и исследований многомерной концепции человеческого смысла жизни. Обращая особое внимание, в частности, на важность и методологические преимущества использования различных качественных методов в подобного рода исследованиях, особенно на ценность качественных исследовательских интервью, в статье утверждается, что использование подхода тщательно сбалансированных комбинированных или смешанных методов, в том числе как количественных, так и качественных методов, также

может способствовать лучшему пониманию и более точной психологической оценки этого сложного явления личности.

Ключевые слова: смысл жизни, экзистенциальный смысл, личность, качественные методы, подход смешанных методов, методология.

THE CONCEPT OF MEANING OF LIFE: SOME REMARKS ON THEORY AND RESEARCH

Zlatanović Lj.D.
University of Niš, Serbia

The main purpose of this article is to consider in a concise way some important issues concerning the theory and research of the multidimensional concept of human meaning of life. Emphasizing in particular the importance and the methodological advantages of the use of various qualitative methods in this kind of research, especially the value of qualitative research interviews, in the article it is argued that the use of the carefully balanced combined or mixed-methods approach, including both quantitative and qualitative methods, may also contribute to better understanding and more accurate psychological assessment of this complex personality phenomenon.

Keywords: meaning of life, existential meaning, personality, qualitative methods, mixed-methods approach, methodology.

Masha: Isn't there some meaning?

Toozenbach: Meaning? ... Look out there, it's snowing. What's the meaning of that?

A. Chekhov «Three sisters»

Meaning of life as a topic in psychology

Meaning of life is a complex psychological phenomenon that is always important integral part of human existence. For, the personal questions such as «What is the meaning of life?», «Is life worth living?», or «Is there meaning in life?», are some of the key questions in life of each individual. In addition to closely related question about personal identity («Who am I?»), and the question about happy life («What is the happiness?», «How to live happy?», or «How to be happy?») – which now seemingly has supreme over questions about meaning, wisdom, love, authenticity, and honesty – the meaning of life question for the most people is of central importance. It involves the care processes of searching, or creating, and discovering existential meaning in human life experience. Life meaning is something that provides human life a value and a significance. Besides that, research in this area has indicated that existential meaning also plays a crucial role in moderating the effects of stress on physical health and psychological well-being, and in enhancing feelings of well-being generally. From a life-span perspective, existential meaning-making is a continuous process, trig-

gered by changing circumstances, shifting value orientations, and renewed personal aspirations. At different stages of life cycle, meaning of life has much to teach us about optimal human development across the life span (related to latter, see Reker and Chamberlain, 2000).

From a standpoint of individual human experience, it seems that there is not any fundamental or wholly universal pattern or formula of making the meaning of life in general, i.e. the meaning to all people. Rather, it could be said that a meaning of life (as well as meaning-making) is something individual, something very personal, something that is different from individual to individual moreover, in a sense, from one to another culture. Inedeed, it seems obviously that a human sense of meaning of life is extremely subjective, deeply personal in its nature; it is based on the intrinsic motivation – on the desire and need for a personally defined meaning and purpose of life – and on the individual experience in person's real world. In fact, meaning of life is the outcome of mutual transaction between human being and reality. However, finding or creating meaning of life is clearly a complex, lifelong process. From perspective of existential psychology and existential psychotherapy and counseling, life meaning is not a gratuitous experience. It can be only created out of difficulty and challenge, when the person is willing and able to confront the possibility of meaninglessness. Thus, living a good and meaningful life is very different to aiming for happiness. In other words, the ways of happiness and meaning in human life are not the same. To live courageously – in Paul Tillich's sense of the term »courage to be«, meaning existential courage – is what brings depth and vitality to human life, and ultimately existential meaning. And if that is so, then »to do so is to transcend ourselves, by loving life, other people and world and to seek out something more for tomorrow than what we contented ourselves with yesterday« (Van Deurzen, 2010, p.151).

It is relevant here to note that this existential topic goes beyond the frames of pure psychological consideration. The meaning of life issue has always been of special importance in philosophy, as well as in literature and in the other areas of art creativity. In addition, it is also important and in the other areas of art creativity. In addition, it is also important to mention that »a common theme that runs through the research on religion and spirituality is the idea of finding meaning in life« (Compton, 2005, p. 201). Looking from perspective of history of psychology, the issue of meaning of life has been in the focus of attention numerous theorists, researchers, and mental health professionals, especially those within the existential movement in psychology and psychotherapy. Thus, for instance, more or less, this issue has an important role in the following psychological and psychotherapeutic schools and trends: in analytical psychology of Carl Gustav Jung, individual psychology of Alfred Adler, Erik Erikson's theory of psychosocial development, in humanistic psychology (e.g., G. Allport, A. Angyal, E. Fromm, C. Goldstein, C. Rogers, A. Maslow), in European and American existential psychology and psychotherapy (e.g., L. Binswanger, M. Boss, V.

Frankli, R. May, J. Bugental, A. van Kaam, later I. Yalom, etc.), and recently in so-called positive psychology (e.g., M. Seligman, C. Peterson, M. Csikszentmihalyi) and in contemporary theory and research of various scholars in psychology (e.g., R. Baumeister, S.R. Maddi, P.T P. Wong, D.P. McAdams, M.F. Steger, N. Krause, G.T. Reker, etc.).

One of the key problems and issues to researchers of human life meaning concerns the intrinsic broadness and complexity, and consequently difficulty of clear defining of this subtle psychological concept that is always closely related to the individual worldview and experience of the world, the inner values and beliefs, the person's projects and concerns, existential tensions and dilemmas, as well as to the overall human condition and life's contradictions. On the other hand, as Steger (2012) has pointed out, the problem with growing empirical research of life meaning is that it has often accumulated in the absence of a unifying theoretical framework, some more integrated theory of nature, origins, and psychological consequences of people's beliefs that their lives are meaningful. Four decades of research have led to the accumulation of a great number of variables related to people's experience of meaning in life. Thus, the subject of the largest number of meaning-of-life studies have been broad measures of subjective well-being and life satisfaction, adjustment and self-worth, as well as differences in life meaning among various clinical or behavioural groups. Related to this, Steger (2012) is generally right when concludes that »the entire endeavor of meaning in life research would benefit to some degree by developing higher order conceptual models and theoretical frameworks that could integrate the intriguing and often solitary number of findings and provide us better information about the deeper nature of meaning in life as a human experience, leading us to prioritize a future research agenda« (Stager, 2012, P. 176).

Meaning of life research in psychology

Although meaning of life is not a new topic of scholarly consideration, in psychology it is only relatively recently this personal experience has become the important issue in theory and research. Nowadays, this construct has received more prominent research attention. A variety of empirical studies, conducted mainly by using quantitative research methods, has provided findings which suggest that a general sense of meaning and purpose of life may have many important psychological consequences for individual well-being and overall mental health (Zlatanović, 2015).

In general, as the case is with many other psychological phenomena, these researches have adopted a positivist, quantitative perspective. For that purpose are construed various quantitative instruments of a self-report nature, recognizing that »empirical investigations of existential meaning can only proceed when reliable and valid operational measures of meaning and purpose in life have been developed« (Reker, 2000, p.45). Some of these quantitative instruments measure the meaning of life construct in a more general or global way, the other assess this construct in a way that provides domain-specific measures of life

meaning, and still other provide contex-specific measures of meaning of life – assessment of life meaning within the context of a specific human experiences, such as unavoidable suffering or a life-threatening illness. In summary, these mostly quantitative measures of meaning of life were found to be reliable, valid, and sensitive indicators of life meaning (for more details, see Reker, 2000).

One of the main purposes of this article is to emphasize the importance and advantages of taking a qualitative perspective for the investigation of life meaning, and to suggest that the use of qualitative methodology may contribute to better, a more complete understanding of how individuals experience existential meaning. In general, there are two basic reasons for this methodological suggestions: one reason is the nature of qualitative research methods, and the other is the nature of the subjective and complex phenomenon and concept of meaning of life. Thus, qualitative methods and qualitative analysis are concerned with rich describing the constituent properties of an entity, while quantitative research is more generally concerned with counting occurrences, volumes, or the size of associations between entities (e.g., Smith, 2008).

More specifically, qualitative methods try to discover and to understand more deeply the very nature of life meaning from personal perspectives of research participants. By giving priority to the participant's own experience and point of view, qualitative research seek to provide detailed descriptive accounts of the person's world, viewpoint, and understandings. For that purpose, qualitative researchers may use, at first, the various forms of qualitative research interviews which emphasize flexible and open-ended, non-leading questions, and focused in more detail on people's personal experiences and meanings (e.g., King and Horrocks, 2010). In addition, they may use also life histories and biographies, diaries and other personal documents, as well as narrative and discourse analyses – practically, all qualitative methods. It is also important that qualitative approach seeks to include the value systems and social contexts of individuals in any interpretation, assuming that life meaning is constructed by the person reacting to life experiences within his or her historical and social context (e. g. , O'Connor and Chamberlain, 2000). These are some general methodological reasons for the statement that meaning of life is particularly suited research topic for the application of qualitative methods that focus on the personal experience, interpretation, and deeper, more holistic and contextual understanding of human beings.

In conclusion

Concluding this article, we wish to emphasize that although qualitative research methods are still in most part outside of the mainstream of research literature about meaning of life, this kind of research can be conducted on the whole through qualitative methods, but also by utilization of so-called »hybrid« , »combined« or »mixed-methods« approach – mixed-methodology research design that combines quantitative (nomothetic) and qualitative (idiographic) approaches. This mixed-methods research implies, of course, methodological as-

sumptions about the value of the process of triangulation and those about the need for methodological complementarity within the same study. In this regard, we agree with Reker and Chamberlain (2000a, p. 206) when they argue the following: »The advantages of using combined designs are evident in these studies. Combined designs offer a way to capture the dynamic, complex nature of existential meaning and the different ways in which meaning can be experienced. Future studies that take advantage of these ways for blending methods will enrich our understanding of existential meaning«. Although some »hard« proponents of qualitative perspective are not always prone to accept this combined research approach, it seems methodologically reasonable to take one more pragmatic and flexible attitude that such an approach is research valuable and useful, providing the possibility to improve our exploring various psychological phenomena. This is especially true when in a focus of attention is exploring of human meaning of life.

References

Compton W.C. An introduction to positive psychology. Belmont: Thompson Wadsworth, 2005.

King N., Horrocks C. Interviews in qualitative research. London: Sage Publications, 2010.

O'Connor K., Chamberlain K. Dimensions and discourses of meaning in life: Approaching meaning from qualitative perspectives // Exploring existential meaning: Optimizing human development across the life span / G.T. Reker, K. Chamberlain (Eds), London: Sage Publications, 2000. – p.75-93.

Reker G.T. Theoretical perspective, dimensions, and measurement of existential meaning // Exploring existential meaning: Optimizing human development across the life span / G.T. Reker, K. Chamberlain (Eds), London: Sage Publications, 2000. – p.39-55.

Reker G.T., Chamberlain K. Introduction // Exploring existential meaning: Optimizing human development across the life span / G.T. Reker, K. Chamberlain (Eds), London: Sage Publications, 2000. – p.1-4.

Reker G.T., Chamberlain K. Existential meaning: Reflections and directions // Exploring existential meaning: Optimizing human development across the life span / G.T. Reker, K. Chamberlain (Eds), London: Sage Publications, 2000a. – p.199-209.

Smith J.A. Introduction // Qualitative psychology: A practical guide to research methods (2nd Ed.) / J.A. Smith (Ed.), London: Sage Publications, 2008. – p.1-4.

Steger M.F. Experiencing meaning in life: Optimal functioning at the nexus of well-being, psychopathology, and spirituality // The human quest for meaning: Theories, research, and applications (2nd Ed.) / P.T.P. Wong (Ed.), New York: Routledge, 2012 – p 165-185.

Van Deurzen E. Psychotherapy and the quest for happiness. London: Sage Publications, 2010.

Zlatanović Lj. Qualitative approach to research of meaning of life // International conference «Days of applied psychology», University of Niš, Faculty of Philosophy, Serbia, 2015. Abstract book 11, p.65.

ИНТРОСПЕКЦИЯ КАК МЕТОД ПСИХОЛОГИИ

Карицкий И.Н.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

Рассматривается и обосновывается интроспекция как всеобщий, специфический, исходный, основной и необходимый метод психологии. Метод психологии рассмотрен как система и в нем определено место интроспекции.

Ключевые слова: психология, метод, интроспекция, психическое, субъект, познание.

INTROSPECTION AS METHOD OF PSYCHOLOGY

Karitsky I.N.

Moscow state university of design and technology, Russia

Introspection is considered and substantiated as a universal, specific, initial, basic and essential method of psychology. The method of psychology is considered as a system and the place of introspection is determined in it.

Keywords: psychology, method, introspection, psychic, subject, knowledge.

Специфичность той или иной науки задается не только ее предметной областью, но и наличием ее особого метода, характерного только для нее. Существует ли такой метод у психологии? По этому вопросу было сломано немало копий, как в защиту такого метода, так и, наоборот, в отстаивание тезиса о научности психологии через тождество ее метода с методом экспериментальных наук. Понимая, что психология как наука базируется на многих методах, каждый из которых имеет свои преимущества и области применения, все же приведем ряд аргументов в защиту интроспекции как конституирующего метода психологии, и рассмотрим ее место в структуре субъекта психологического познания, в системе других методов психологии, в ходе осуществления психологической практики, а также способ интеграции психологического знания.

Вопрос о методе психологии может быть поставлен в различных плоскостях и отношениях. Он может быть также сформулирован как во-

прос о специфическом и всеобщем для психологии методе, которым она отличается от других наук и который характерен и для психологии в целом и для любого ее подразделения, любого конкретного исследования. Сегодня в психологии используются десятки и сотни различных методов, многие из них являются общенаучными или характерны для некоторой ветви гуманитарного или естественно-научного познания, другие – сугубо психологическими, но используемыми только в отдельных психологических дисциплинах или исследованиях. В то же время в методологии считается общим местом взаимосвязь и взаимоопределимость предмета и метода науки. И, значит, если нет всеобщего и специфического метода психологии, то под вопросом также оказывается единство предмета психологии и его особенность, специфичность в ряду предметов других наук. Тогда следует, что либо этого всеобщего метода нет и предмет психологии раздроблен, внутренне не связан, либо этот метод есть и он должен быть определен. И следует, что либо этот метод неспецифичен для психологии и ее предмет не уникален, либо психология обладает специфичным методом в силу специфичности ее предмета.

В ряде работ мы обосновывали позицию, что предметом психологии является психическое (психика, психические явления) (Карицкий, 2004; 2006). Это, как будто тривиальное и тавтологичное утверждение, содержит отсылку к важной и плохо разработанной категории психологии – ее всеобщему понятию – психическому, к которому могут быть сведены все психические проявления. Хотя определенная работа в этом направлении была проделана и достаточно давно рядом философов, более существенно Э. Махом, А.А. Богдановым и другими исследователями в конце XIX – начале XX столетия и более современными учеными (Балин, 2012; Богданов, 2003; Гинецинский, 1997; Дубровский, 2002; Мах, 2005). Без категории психического предмет психологии не вполне однороден, его единство домысливается интуитивно, а не логически, в то же время, данная категория делает его однородным, единым, задает его логическое и всеобщее основание. Понятно, что такого рода теоретическая работа может представляться для ряда психологов несущественной, поскольку психолог-исследователь и психолог-практик имеют дела с весьма конкретными психическими сущностями, но, с другой стороны, она, во-первых, позволяет ввести иерархию понятий во главе с категорией психического (проблема категориального ряда психологии (Петровский, Ярошевский, 1998)), во-вторых, вводит теоретический критерий отнесения явлений к психологии: является ли некий наблюдаемый феномен психическим? Правда, для операциональности этого критерия требуются ясные характеристики самого психического (Дубровский, 2002).

Все же, если исходить из того, что предметом психологии в целом (или всеобщим, генеральным предметом психологии) являются психические явления, а не, к примеру, поведение, или нервные процессы, или со-

знание, а о психических явлениях человек исходно знает только как о явлениях данных непосредственно ему во внутреннем плане, как о субъективных явлениях, то таким всеобщим методом психологии может быть лишь интроспекция, самонаблюдение за собственной психической реальностью, поскольку иначе о них ничего бы не было известно. И что бы ни говорилось об ограниченности интроспекции в историческом плане, нет другого способа знать, что такое психическое, каковы его формы, каково содержание психического, кроме непосредственной данности психического его носителю. О том, что другое существо обладает психикой, мы скорее догадываемся или произвольно полагаем (в лучшем случае, об этом говорит наш опыт, свидетельствующий о практической адекватности такой установки), чем строго обосновываем себе, а, по сути, никто из людей не может с уверенностью говорить о своеобразии психических процессов другого человека, кроме как по аналогии со своими собственными психическими процессами и на основании их внешних манифестаций, даже если попытаться обставить такого рода доказательство максимально строгими экспериментальными условиями.

При этом интроспекция как всеобщий метод психологии нами здесь трактуется не как какой-то частный метод интроспекции (в смысле метода внутреннего восприятия Ф. Brentano, или интроспекции школы В. Вундта, или аналитической интроспекции Э. Титченера, или систематической интроспекции Вюрцбургской школы, или феноменологического самонаблюдения в гештальтпсихологии, в феноменологической психологии Э. Гуссерля, а также вариантов внутреннего самонаблюдения в некоторых восточных практиках саморазвития и т.д., – все они уже являются частными модификациями интроспекции), а в широком смысле как тот способ, которым только и могут быть известны психические явления. Поскольку человек в своем непосредственном существовании знает, что такое восприятие и в каких формах оно существует, что такое действие, эмоция, мышление, представление, воображение, мотивация и т.п., постольку эти формы психического и их конкретное содержание становятся предметом его исследования (Боринг, 1991; Ждан, Карицкий, 2005; 2012; 2013; Кравков, 1922; Левченко, 2007; Мазилов, 2007 и др.).

Конечно, человек уже прошел большой путь саморефлексии и самопознания, психическое изучено не только как феномен внутренней жизни, но и в своих связях с физиологическим, индивидуальным, социальным, в форме различных концептов и конструктов, в рамках различных подходов и направлений в психологии, накоплены колоссальные знания о жизни психического с использованием сложных методик, оснащенных и технически и математически, но все это не отменяет того простого и вместе с тем фундаментального факта, что исходным способом, каким нам становится известно само психическое, является только его внутренняя и непосред-

ственная данность нам, интроспекция. И все методические изощрения в его изучении ничего не значат вне этого факта и без него бессмысленны.

Таким образом, именно интроспекция является всеобщим методом психологии. Она представлена в любых психологических исследованиях в явном или снятом виде. В явном, когда речь идет, например, о самоотчетах, об анкетных исследованиях, о самоанализе. Тогда человек с большей или меньшей пристальностью вглядывается в себя и отмечает для себя или транслирует во вне нечто замеченное им, имеющее некоторую степень общезначимости или ценное лишь для него одного, обычно это делается в соответствии с некоторыми правилами, методикой, повышающей степень достоверности самонаблюдения. В скрытом виде, когда к исследованию психического привлекаются объективные методы. Но исследуется-то феномен, который дан субъективно (скажем, особенности восприятия или эмоциональных процессов), и при этом выносятся за скобки его исходная известность в интроспекции, а в результатах исследования фигурируют только объективные данные. При этом сам изучаемый феномен как бы расщепляется надвое: на неотрефлексированную часть (собственно феномен) и отрефлексированную (его объективные характеристики). И эти объективные характеристики как нечто существенное отнесены к явлению, которое в своей сути как бы проигнорировано, не эксплицировано в относительно полной форме, а только названо, и, значит, вместо явления формируется некоторый конструкт из его характеристик, часто вторичных и третичных, которые принимаются за само явление. Другими словами, не только субъективные методы познания, но и объективные имеют свои недостатки.

Метод интроспекции, будучи всеобщим методом психологии, по необходимости наполняется конкретным содержанием и обрастает вспомогательными методами по мере обращения к отдельным, специфическим психическим явлениям. А его характеристика – смотрение внутрь, в «субстанцию» психического – исчерпывается этим содержанием, иначе бы он не был всеобщим методом психологии. А поскольку психическое существует в многообразии форм, то интроспекция, будучи неотъемлемым моментом любого психологического исследования, приобретает конкретную форму, отвечающую содержанию исследуемой формы психического или еще более частного психического явления.

Обычным сопровождением интроспекции является исследование поведения как объективного феномена, объективного проявления субъективной сферы, что предположительно должно субъективной данности психического придать вес объективного феномена. В крайнем варианте такого подхода психическое устраняется вообще из исследования психического, остается только его объективное проявление – поведение. Такой вариант исследования психического представлен в классическом бихевиоризме. Но и здесь при полном устранении интроспекции как метода психологическо-

го исследования, она присутствует на заднем плане в двух формах: как исходное знание о психическом и как то, что игнорируется бихевиоральным исследованием. Бихевиоризм отталкивается от интроспекции, чтобы устранить ее, но тем самым сохраняет ее как исходный момент этого избегания. Другие психологические направления и школы по преимуществу имеют своим непосредственным предметом психику, психические явления или, по крайней мере, в столь жесткой форме не избегают психического, и камнем преткновения здесь выступает вопрос об объективном методе психологии, поскольку субъективная данность психического не обладает достоверностью общезначимого и верифицируемого. Хотя, надо заметить, обладает безусловной достоверностью для каждого индивида, ее имеющего. В силу этого метод интроспекции дополняется и усиливается другими методами, позволяющими повысить степень достоверности получаемых результатов. И изучение поведения в различных вариациях – один из таких способов.

Наверное, по большому счету ни одна другая наука не претендует на сферу психического как свой специфический предмет исследования. И этой сфере отвечает специфический метод исследования – интроспекция, поскольку для других наук он не характерен. В интроспекции субъекту познания положен именно предмет психологии в ее частном проявлении конкретной психической реальности, которая одновременно представляет любую психику и психику вообще как теоретический конструкт. Психология не может устраниться от интроспекции, и в то же время ни одна другая наука не использует ее как свой специфический метод исследования. Таким образом, интроспекция, будучи всеобщим методом психологии, является также и ее специфическим методом познания, отличающим ее от других наук.

Всякая форма психического впервые дана индивиду как его внутренняя реальность, как модус его бытия и со-бытия всему иному, в котором это иное только и может быть пережито индивидом. Пусть эта форма изначально является смутной, нерасчлененной, слабо рефлекслируемой, но именно она является исходной для его знания о психическом. Только потом в процессе социализации и обмена опытом это знание о собственных формах психического соотносится с общезначимыми представлениями о них и получает от них подтверждение и узаконение своего существования, а позже верифицируется и в научных формах знания. В любом случае с любой формой психического индивид сначала знаком внутренне, прежде чем будет способен исследовать ее каким-либо другим образом. И никакого понимания психических явлений не может быть без непосредственного нашего знания о них. Мы знаем психическое как то, с чем постоянно имеем дело. Как слепой на самом деле не знает, что такое зрение, хотя может о нем мыслить по неточной аналогии с другими, известными ему, формами восприятия, а зрячий знает; как глухой не знает, что такое слух, а слыша-

щий – знает; так и мы не могли бы понять, что такое психическое, если бы оно не было бы нашей собственной «субстанцией», нашим ежесекундным опытом во всем многообразии своих проявлений. И даже если некоторый феномен не отрефлексирован индивидом самостоятельно, а впервые попал в поле его сознания с помощью другого индивида, сама «материя» этого феномена впервые открывается ему во внутреннем плане и никаким внешним образом этот феномен не может быть раскрыт ему так, как он в своей истинной природе является индивиду в стихии психического. Поэтому интроспекция имеет также характеристику исходного, начального, первичного метода психологического познания. Все остальные методы психологии формируются потом и на базе интроспекции, даже когда психолог пытается максимально устранить ее из своего исследования. И исторически первой формой психологии была психология интроспективная. На разных этапах формирования и развития психологии интроспекция неоднократно являлась в различных формах.

Какие бы исследования психического не производились, ученый вольно или невольно обращается к своему внутреннему опыту знания психического, даже когда этот опыт входит в противоречие с исследовательскими данными, поскольку психическое открыто внутреннему взору как реальный феномен, а в объективном исследовании оно существует, скорее, как предполагаемый, виртуальный феномен. Новые экспериментальные данные о психическом поверяются его непосредственной данностью в интроспекции или примеряются к ней, из внутренней сферы психического формируются вопросы к ней, чтобы стать основанием новых объективных исследований. Поэтому интроспекция является также основным методом психологии, несмотря на все обилие других методов психологического исследования.

Психическое в своей собственной форме психического не может быть известно каком-либо иным образом, как только в непосредственной его данности носителю психического. Метод интроспекции отворяет рефлексирующему наблюдателю сферу психических явлений, и вне интроспекции о существовании психического не может быть известно, именно она впервые открывает психическое и, значит, является необходимым методом психологии, без нее познание психических явлений не может начаться и не может состояться. Но, являясь необходимым методом психологии, она не является достаточным методом для научного познания психики.

Таким образом, интроспекция является всеобщим, специфическим, исходным, основным и необходимым методом психологии. Всеобщим – поскольку в любом направлении психологии, в любой школе, при любом исследовании явно или косвенно присутствуют данные интроспекции. Специфическим – поскольку только он отвечает природе психического. Исходным – поскольку только в интроспекции человек может знать, что

такое психическое, каковы его формы, иметь дело с содержанием психического. Основным – поскольку, какие бы другие методы не применялись, они основываются на том, что дано в интроспекции. Необходимым – поскольку только в интроспекции психическое впервые обнаруживается: не будь интроспекции, не было бы и психологии.

В последние годы в отечественной психологии наблюдается возрастание определенного интереса к интроспекции. В.А. Мазиллов в ряде своих работ (Мазиллов, 2007 и др.) подробно останавливается на развитии метода интроспекции в период становления психологии как самостоятельной науки: философская интроспекция, интроспекция в научной психологии у В. Вундта, Ф. Brentano, Г. Эббингауза, Э. Титченера, У. Джеймса, Вюрцбургской школы и др., и утверждает, что научная психология была конституирована методом научной интроспекции. Повторно опубликованы работы С.В. Кравкова по самонаблюдению (1922; 2015), по проблеме интроспекции и ее истории проведены исследования и даны определенные оценки С.В. Вайнштейном (2010), А.Н. Ждан (2009), И.Н. Карицким (2005; 2012; 2015), Е.В. Левченко (2007), Н.И. Чуприковой (2009), М.И. Яновским (2001), В.А. Янчуком (2007) и другими авторами. Несомненно, возрастание интереса к интроспекции и в мировой психологии (Clegg, 2013; Consciousness and Cognition, 2006).

Литература

Балин В.Д. Введение в теоретическую психологию. СПб.: СПбГУ, 2012.

Богданов А.А. Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003.

Боринг Э. История интроспекции // Вестник Московского университета Сер. 14. Психология. 1991. – №2. – С. 61-71; № 3. – С. 54-63.

Вайнштейн С.В. Психологическая интроспекция в XXI веке: исторические тенденции и феномены методологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. – Вып. 4. – С. 31-39.

Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. СПб.: СПбГУ, 1997.

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002.

Ждан А.Н. Пути и принципы исследования сознания в истории психологии // Методология и история психологии. 2009. – Вып. 1. – С. 47-60.

Карицкий И.Н. Методологические основания определения предмета психологии: сущность психического. // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. / Под ред. В.В.Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2004. – С.137-152.

Карицкий И.Н. Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / под ред. В.В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2005. – С.111-135.

Карицкий И.Н. Экспликация предмета психологии // Методология и история психологии. 2006. – Вып. 1. – С. 105-118.

Карицкий И.Н. Созерцания как форма познания // Евразийская ментальность / под общ. ред. В.Ф. Петренко, И.Н. Карицкого. М.: Информполиграф, 2012. – С.179-200.

Карицкий И.Н. Созерцание в Адвайта-веданте // Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема: Мат-лы всерос. конф. / под ред. Г.В. Аكوпова, Е.В. Бакшутовой. Самара, 21 мая 2013 года. Самара: ПГСГА, 2013. – С. 87-100.

Карицкий И.Н. Специфический метод психологии в структуре психологического познания и практики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2015. – Вып.2. – С.5-21.

Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.

Кравков С.В. Отрывки из книги С.В. Кравкова «Самонаблюдение» // Вестник Моск. университета. Сер.14. Психология. 2015. – №3. – С.57-64.

Левченко Е.В. История интроспекции в России (конец XIX – начало XX вв.) // Методология и история психологии. 2007. – Вып. 2. – С. 54-67.

Мазилев В.А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. – Вып. 1. – С. 61-85.

Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005.

Чуприкова Н.И. Сознание в функциональной системе психического отражения регуляции поведения и деятельности // Методология и история психологии. 2009. – Вып. 1. – С. 113-129.

Яновский М.И. Место метода самонаблюдения (интроспекции) в психологии // Вопросы психологии. 2001. – № 1. – С. 91-96.

Янчук В.А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. – Вып. 1.– С. 207-226.

Clegg J.W. (ed.) Self-observation in the social sciences. NJ.: Transaction Publishers, 2013.

Consciousness and Cognition. 2006. V. 15, Issue 4. P. 629-768 (December 2006). Special Issue on Introspection / Edited by Morten Overgaard.

О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Клочко В.Е.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия

В работе рассматриваются тенденции развития психологической науки, проявляющиеся в последовательности смены идеалов рациональности, которая представлена классической наукой, неклассической наукой, постнеклассической наукой. Утверждается, что освоение постнеклассического этапа вызывает трансформацию понятийного аппарата науки. На предмете системной антропологической психологии показываются примеры указанной трансформации.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, понятийный аппарат науки, саморазвитие, саморазвивающиеся системы, методологические принципы, сознание, транскомуникация.

ABOUT THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF POSTNONCLASSICAL PSYCHOLOGY

Klochko V.E.

Tomsk State University, Russia

The paper discusses tendencies of development of psychological science, manifested in the sequence of changes in the ideals of rationality, which presents classical science, nonclassical science, postnonclassical science. It is argued that the development of post-nonclassical stage is the transformation of the conceptual apparatus of science. On the subject of systemic anthropological psychology the examples of the specified transformation are shown.

Keywords: post-non-classical science, conceptual apparatus of science, self-development, self-developing system, methodological principles, consciousness, transcommunication.

При всем неоднозначном отношении научного сообщества к понятию «постнеклассическая психология», стоит отметить один (и самый существенный) признак нового этапа развития науки. Постнеклассическая наука способна выделять саморазвивающиеся (и самоорганизующиеся) системы и превращать их в предмет научного исследования (Степин, 2003). Для психологической науки сегодня основное препятствие составляет тот факт, что в ней пока еще не сложился более или менее адекватный образ человека как сложной саморазвивающейся системы, порождая тем самым противоречивое отношение к понятию «постнеклассицизм». Науке еще

предстоит понять истинную роль психики (и сознания) через выявление их миссии в функционировании и развитии человека как саморазвивающейся целостности. К этому можно добавить и то, что феномен саморазвития давно закрепился в нашей науке: с ним привычно ассоциируются «личностный рост», «самосовершенствование», те личностные усилия, которые тратит человек на «развитие самого себя».

Постнеклассическая парадигма предполагает другое представление о механизмах саморазвития, которое свойственно открытым «человекомерным» (В.С. Степин) системам, живущих в постоянном обмене со средой (веществом, энергией, информацией), и для которых развитие является способом устойчивого существования. Именно поэтому такие системы требуют для своего освоения особой категориальной сетки. Постнеклассическая психология несет в себе не только основания для перестройки категориального каркаса науки. Необходимо учесть, что сам понятийный аппарат науки меняется, поскольку трансформируется предмет науки.

В науку все больше приходит осознание тщетности попыток обнаружить функции психики и сознания в процессе изучения их самих. Необходимо выделить систему, по отношению к которой они эту функцию выполняют. Можно утверждать, что все годы существования психологии как самостоятельной науки в ней жила потребность представить себя в качестве целостной теоретической системы, но все эти попытки сдерживались желанием удержать в качестве предмета науки эмпирически определенный предмет исследования, каковым и выступала психика. Любые попытки интеграции науки в целостную теоретическую систему, при всей их позитивной роли, пресекаются тем, что системное представление о психике («психика как система») нельзя сложить, опираясь на методологические принципы, в качестве которых основными до сих пор остаются принцип системности, принцип детерминизма, принцип развития. Не удалась попытка построить системную теорию психического в опоре на один методологический принцип (принцип отражения), предпринятая К.К. Платоновым. Возникли осложнения при осуществлении идеи построить системную психологическую теорию путем приведения в систему самих методологических принципов (Б.Ф. Ломов) – не удалось обнаружить фактор (или принцип), способный выполнить системообразующую функцию. Нельзя считать удачными многочисленные попытки построить системную теорию психического путем приведения в систему психологических категорий.

Видимо все дело в том, что психика не является самостоятельной открытой системой: она не находится в состоянии постоянного обмена со средой информацией, энергией, веществом. Другое дело, что человек – реальная живая система, постоянно испытывающая потребность в необходимых для ее устойчивого существования ресурсах (информационных, энергетических и т.д.) – не может без психики наладить избирательный обмен со средой, выбрать из нее то, что имеет реальный смысл для текущего мо-

мента бытия системы, ее ближайшего и отдаленного будущего. Именно этот факт первым отметил Л.С. Выготский, высказав идею о том, что по отношению к человеку психика (сознание) выступает как присущий только ему, самый сложный и специфический «орган отбора», «решето, процеживающее мир» (Выготский, с.347).

Таким образом, становится все более понятным, что если предмет науки не будет представлен живой (само)развивающейся системой, то мечты о «системной психологии» необходимо отбросить, ибо только системно определенный предмет науки является тем необходимым основанием, которое способно обеспечить системность психологического знания и ограничить движение категорий, не позволяя им сползать на «чужие» предметные поля. Что же касается С.Л. Выготского, то его творчество можно оценить как слишком ранний забег в пространство постнеклассической рациональности (Клочко, 2010). Именно это сделало его таинственным и романтическим «Моцартом в психологии» (определение Ст. Тулмина). Другое дело, что это вовсе не облегчило вхождение в пространство его мышления, пространство методологической культуры, которой владел ученый. Существуют несколько «методологических портретов» ученого: в оптике классических парадигмальных установок открывается один Л.С. Выготский, в неклассических когнитивных схемах – другой, но в призме постнеклассических идеалов рациональности в его творчестве открывается многое из того, что до сих пор продолжает тревожить методологов (Клочко, 2015).

На категориальный аппарат науки влияет также то, что то постнеклассическая рациональность изменяет смысловой состав категорий части и целого. Возникает представление об эмерджентных свойствах и качествах системы: идея о системных качествах целого дополняется идеей о качественной трансформации системной целостности в процессе развития системы. Упрощенное представление о взаимодействии (как воздействии одних вещей на другие) сменяется представлением об избирательном взаимодействии порождающего типа. В связи этим стимул для развития получает категория "причинность": на нее проецируются представления о механизмах превращения возможности в действительность. Именно этот процесс, на мой взгляд, отражает трансформация принципа детерминизма (примат внешней детерминации – примат внутренней детерминации – самодетерминация - системная детерминация). Постепенно такая характеристика саморегуляции, как целевая причинность, интегрируется с идеей направленности развития. Постнеклассицизм, подключая к анализу прошлого и настоящего их обусловленность будущим, поднимается к трансспективному анализу процесса становления. Здесь уже не надо искусственно совмещать принцип системности с принципами развития и детерминизма: объектом науки становятся саморазвивающиеся системы с присущей им системной детерминацией (Клочко, 2008).

Известно, что применительно к саморазвивающимся системам выявляются и новые аспекты категорий пространства и времени. Нарращивание системой новых уровней организации сопровождается изменением ее внутреннего пространства-времени (Степин, 2003). Что касается психологии, то она уже давно использует категории, отражающие эти новые аспекты. Например, в категориальном аппарате науки последовательно появляются закономерно усложняющиеся системные конструкты, конституирующие витальную онтологию человека: транссубъективное пространство (Д.Н. Узнадзе), жизненное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л.С. Выготский), жизненный мир (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), многомерный мир (А.Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В.Е. Ключко). В этом можно опознать тенденцию антропологизации психологического познания, которая уже видна как тенденция, но сама она еще не понята как выражение тех закономерностей, которые определяют самодвижение психологического познания, обеспечивая саморазвитие науки как открытой саморазвивающейся человекоразмерной системы. Неклассическая наука освоила саморегулирующиеся системы, существенно преобразив свой категориальный аппарат, добавив в него такие понятия, как саморегуляция, самодетерминация, самоактуализация, самореализация и массу других понятий, начинающихся с искомого «само-». Сегодня стоит вопрос о том, как переход от саморегуляции к саморазвитию скажется (или уже сказывается) на изменении категориального аппарата науки.

В качестве иллюстрации я приведу несколько понятий, которые возникли в разрабатываемом сибирскими учеными системной антропологической психологии (САП) - направлении, которое изначально было ориентировано на реализацию идеалов постнеклассической рациональности (Ключко, Галажинский и др., 2015).

Предметом САП является «целостный человек», т.е. взятый в единстве со всей многомерностью его бытия в создаваемом им самим многомерном пространстве жизни. Поэтому само понятие («системная антропологическая психология») есть то, что содержит в себе интеграционный потенциал, который противостоит любым попыткам расчленения целого на части для последующего познания «частей» как неких «самодействующих органов» («психическая деятельность», «деятельность сознания», «деятельность мозга» и т.д.)

Понятие «многомерный мир человека» («многомерное пространство жизни») являются одним из центральных в методологии САП. Дело в том, что, не признав стоящую за этим понятием психологическую реальность, мы полностью блокируем путь к пониманию сознания, механизмам его онтогенеза, присущей ему избирательности и т.д. Перекрывается выход к таким характеристикам сознания, как хромотопичность, дальное действие, континуальность, оставляя психологическую мысль замкнутой в пределах абсо-

лютно аморфной «сферы сознания», «псевдотопологической» по определению (Зинченко, 2005).

Сознание это особое (эмерджентное) качество человека, образующееся в онтогенезе и заключающееся в способности человека видеть мир отдельно от себя, переживать эффект присутствия в мире и делать мир и самого себя предметами познания и творческого преобразования. Сознание и многомерный мир человека рождаются в одном процессе «вочеловечивания» («человекообразования»), движущим механизмом которого является взаимодействие человека с культурой, опосредованное «значимыми другими». Иными словами, сознание непосредственно зависит от того, как организован многомерный мир человека, его собственное пространство жизни, представленное не только чувственными, но сверхчувственными (смысловыми и ценностными) измерениями, представляющими собой результат проекции в мир человеческих ожиданий, потребностей и возможностей. Этапы становления многомерного мира человека, обретение им в ходе онтогенеза новых «мерностей», совпадают с этапами становления сознания. Эти этапы фиксируют последовательность восхождения сознания на более высокие уровни системной организации.

Транскомуникация - это такое общение взрослого с ребенком, в котором формируется транссубъективное пространство человека, его собственное пространство жизни (Клочко, 2014). В результате и получается та самая «субъективно искаженная действительность», происхождению которой, по Л.С. Выготскому, человек обязан своей психике. Транскомуникация обеспечивает выход ребенка к культуре и позволяет тем самым связать ощущения, получаемые ребенком от предмета, со словом, которым предмет обозначается, обретая тем самым представленность в конкретном пространстве и времени человеческого бытия. Уникальное человеческое «Я» рождается вместе с «не-Я». Дифференциация «Я» и «не-Я» происходит на этапе становления предметного сознания в тот период, когда слова (значения) становятся важнейшим элементом транскомуникации – такой коммуникации ребенка с миром культуры, опосредованной другим человеком (мать, чаще всего), в которой формируется жизненный мир ребенка, пока еще предметный, как и его сознание. Без транскомуникации невозможен процесс «вочеловечивания». Это основной механизм человекообразования на стадии становления предметного мира и предметного сознания.

Суверенность (в отличие от независимости, автономности, и т.п.) означает открытость человека новым изменениям, возможность самостоятельного выхода в культуру и избирательного взаимодействия с ней, позволяющего ему стать подлинным субъектом жизнеосуществления. Рост суверенности в онтогенезе представляет собой ведущую тенденцию развития, обуславливающую «овладение собой извне» (Л.С. Выготский), т.е. в опоре на ценностно-смысловые измерения многомерного мира, усложнение которого обеспечивает эффективность самоорганизации, являющейся

не только результатом, но и условием саморазвития человека как сложнейшей пространственно-временной организации (Клочко, Краснорядцева 2001).

Приведенные понятия есть не более чем иллюстрация изменений в понятийном аппарате психологии, инициированных восхождением к идеалам постнеклассической рациональности. Они во многом еще рабочие, неустоявшиеся понятия, но не будем забывать Л.С. Выготского: язык науки «обнаруживает как бы молекулярные изменения, которые переживает наука; он отражает внутренние и неоформившиеся процессы - тенденции развития, реформы и роста» (Выготский 1982, с.51).

Литература

- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6т. Т.1. М.: Педагогика, 1981.
- Зинченко В.П.* Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. – №5. – С.100-113.
- Клочко В.Е.* Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. – Вып.1. – С.165-178.
- Клочко В.Е.* От слова к мысли: становление сознания в онтогенезе и этапы когнитивного развития // Мир психологии. 2014. – №2. – С.134-148.
- Клочко В.Е.* Л.С. Выготский – классик постнеклассической психологии // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5т. / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М., 2015. – С.61-64.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В.* Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. – №56. – С.9-20.
- Клочко А.В., Краснорядцева О.М.* Суверенность как результат становления человека в совмещенной психологической системе // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2001. – №1. – С.4-8.
- Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. М., 2003
- Klochko V.E.* Cultural historical psychology of L.S. Vygotsky: exploring the logic of multidimensionality // Psychology in Russia: State of the Art. 2010.

СИСТЕМНО-УРОВНЕВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Корниенко А.Ф.

Академия социального образования, Казань, Россия

В статье психический процесс определяется как форма организации нервных процессов, протекающих в мозге, благодаря которой обеспечивается получение организмом знаний об особенностях объектов и явлений ближайшего будущего. Отмечается, что уровни развития психики харак-

теризуются развитием познавательных психических процессов ощущения, восприятия, мышления и сознания. Приводится схема, иллюстрирующая общую классификацию и соотношение познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов в динамике их эволюционного развития.

Ключевые слова: психика, психический процесс, уровни развития психики, классификация психических процессов.

SYSTEM-EVOLUTIONARY CLASSIFICATION OF MENTAL PROCESSES

Kornienko A.F.

Academy of Social education, Kazan, Russia

The article deals with the definition of mental process as a form of organization of the nervous processes occurring in the brain, due to which an organism is provided by the knowledge about the features of objects and phenomena of the nearest future. It is noted that the levels of development of psyche characterized by the development of cognitive mental processes such as sensation, perception, thinking and consciousness. The scheme illustrating the general classification and the relationship of cognitive, emotional and volitional mental processes in dynamics of their evolution is submitted.

Keywords: psyche, mental process, levels of development of psyche, classification of mental processes.

Анализ современной психологической литературы показывает, что выделение основных видов психических процессов и их классификация представляет собой достаточно сложную проблему (Корниенко, 2009). По мнению В.М. Аллахвердова, «принятая классификация психических процессов лишена какого-либо реально понимаемого теоретического смысла» (Аллахвердов, 2003, с. 169).

В настоящее время в психологии принято выделять три вида психических процессов: познавательные, эмоциональные и волевые. При этом к познавательным психическим процессам обычно относят: ощущение, восприятие, представление, память, воображение, мышление, речь и внимание (Маклаков, 2000). В качестве эмоциональных процессов выделяются: аффекты, эмоции, чувства, настроения и эмоциональный стресс. Что касается волевых процессов, то к ним относят процессы, «которые наиболее ярко проявляются в ситуациях, связанных с принятием решений, преодолением трудностей, управлением своим поведением и др.» (Там же, с. 24). В качестве интегратора всех психических процессов принято рассматривать сознание. «Трактовка сознания как интеграции психических процессов, – отмечает Г.В. Акопов, – достаточно распространенный способ определения сознания в психологии» (Акопов, 2004, с.21).

Однако в учебнике по психологии В.В. Никандрова (Никандров, 2008) из состава познавательных психических процессов выводятся представление, воображение и внимание и дополнительно выделяются творческие процессы (воображение, фантазирование), аттенционные (внимание) и мотивационные. Эмоциональные процессы переименовываются на «аффективные» и в их составе оставляются лишь эмоции и чувства. К волевым процессам относятся борьба мотивов, принятие и исполнение решений. Сознание не включается ни в одну из групп психических процессов. Считается, что оно выполняет функцию их интеграции.

Интересный вариант классификации психических процессов с попыткой их интеграции со свойствами личности был предложен Л.М. Веккером (Веккер, 2000). В ней выделяются четыре группы процессов: познавательные (ощущение, восприятие и мышление), эмоциональные (эмоции), регуляционно-волевые и, так называемые, "сквозные" (память, воображение, внимание и речь), которые, по мнению автора, присущи каждому уровню развития психики.

Особенностью классификации Л.М. Веккера является выделение им ряда интегративных психических образований на основе сочетания отдельных видов психических процессов. Так, сочетание познавательных процессов рассматривается им как интеллект. Сочетание познавательных процессов и эмоциональных процессов образует сознание. Сочетание эмоциональных и регуляционно-волевых процессов составляет суть характера. Замыкает интеграционную пирамиду психическое образование, именуемое «личностью», которое является сочетанием сознания и характера.

Вариант классификации психических процессов на основе теоретических положений о том, что психика представляет собой отражение действительности и ее функция состоит в обеспечении адаптивности поведения и успешности деятельности, предлагается Н.И. Чуприковой (Чуприкова, 2007; Чуприкова, 2015). Задавшись вопросом «Что должно найти отражение в психике, чтобы поведение было адаптивным, а деятельность успешной?», она выделяет следующие группы психических процессов: а) познавательные (ощущение, восприятие, воображение, мышление, внимание); б) потребностно-мотивационные (потребности, влечения, мотивации); в) эмоциональные (эмоции и чувства); г) коммуникативные (речь) и д) мнемические (память).

В классификации Н.И. Чуприковой из состава традиционно выделяемых познавательных психических процессов выводятся речь и память, которым придается статус особых психических процессов – коммуникативных и мнемических. Однако здесь происходит подмена понятий – вместо понятия «процесс» фактически используется понятие «деятельность». Речь – это не психический процесс, а форма деятельности, которая в отличие от процесса характеризуется наличием мотива и цели (Корниенко, 2010). Аналогичная подмена понятий имеет место в психологии, когда

вместо понятия «процесс мышления» используется понятие «мыслительная деятельность», в результате чего процесс мышления оказывается деятельностью по решению задач (Корниенко, 2013).

Но самое главное, что в классификации Н.И. Чуприковой из числа процессов психического отражения выводятся волевые процессы. «К этим процессам, – утверждает Н.И. Чуприкова, – понятие отражения не применимо, они сами по себе ничего не отражают» (Чуприкова, 2007, с. 8). Волевые процессы или воля рассматриваются ею как «интеграционно-регуляторные» процессы, «которые согласуют между собой, координируют и интегрируют процессы отражения, имеющие разное содержание и разные источники» (Там же, с. 9), и благодаря которым «формируются цели, программы, планы поведения и деятельности» (Чуприкова, 2015, с. 92).

Что касается сознания, то ему в рациональной классификации психических процессов Н.И. Чуприковой место не нашлось, хотя в психологии именно сознанию приписывается функция интегратора психических процессов. «При существующем уровне знаний, – считает Н.И. Чуприкова, – построить теорию сознания и его развития в антропогенезе, в историческом развитии человечества и в онтогенезе современного ребенка не представляется возможным» (Чуприкова, 2015, с. 154).

Как видим, существуют разные подходы и разные точки зрения относительно выделения и классификации психических процессов. Одним из факторов, обуславливающих наблюдаемую разноголосицу, является, на наш взгляд, отсутствие удовлетворительных определений, во-первых, понятия «психика» и, во-вторых, производного от него понятия «психический процесс».

Общепринятое определение психики как субъективного отражения объективной действительности – не что иное, как тавтология. Если субъективное отражение – это отражение, присущее субъекту, а субъект – это носитель психики, то получается, что психика – это то, что присуще носителю психики. Попытки определить психику как свойство мозга обычно приводят либо к неразрешимой психофизиологической проблеме (в случае принятия картезианского дуализма в соотношении «мозг – психика»), либо к физиологическому редукционизму (в варианте материалистического монизма, в котором утверждается тождество отражательной природы психики и отражательной деятельности мозга).

В зависимости от того, какие особенности объектов и явлений объективной действительности отражаются благодаря тому или иному психическому процессу, можно говорить о различных видах психических процессов. По уровню развития психических процессов можно судить об уровне развития психики. В связи с этим выделение и классификация психических процессов предстает не как процедура условного разделения психики на составные элементы, как полагает В.М. Аллахвердов, и не как анализ отдельных составляющих психики уже взрослого человека, как

предлагает Н.И. Чуприкова, а как актуальная теоретическая проблема филогенеза психики и психических процессов, разрешить которую пытался А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1983). К сожалению, ему не удалось это сделать в силу ошибочности исходных представлений о сущности психики и психической формы отражения.

В качестве простейшей формой психики, т.е. ощущения, он предложил называть одну из форм раздражимости – чувствительность, полагая, что благодаря ей организм способен отражать объективные связи между «биотическими» и «абиотическими» воздействиями и на этой основе осуществлять более сложные и более адекватные формы поведения. Однако, как было нами показано (Корниенко, 2006), признание чувствительности простейшей формой психики является логически и концептуально несостоятельным.

Психической формой отражения имеет смысл называть значительно более сложную форму отражения, которая носит опережающий характер и благодаря которой организм может получать знания не о том, что есть и что оказывает непосредственное воздействие на организм, а о том, что будет в ближайшем будущем через некоторое время ΔT (Корниенко, 2008). Если организм в ситуации изменяющейся действительности будет получать знания только о текущем настоящем и на основе этих знаний строить свое поведение, то оно всегда будет запаздывающим по отношению к новому настоящему, которое возникает по истечению времени ΔT , необходимого для получения знаний о действительности и регуляции на их основе двигательной активности.

Для реализации психической формы отражения в структуре организма с необходимостью возникает нервная система и ее центральный орган – мозг. Нервные процессы, протекающие в мозге, становятся материальной основой психических процессов. Сами же психические процессы есть не что иное как форма организации нервных процессов, благодаря которой реализуется процесс получения организмом знаний об особенностях ситуации ближайшего будущего, описываемый соотношением

$$C'_{\text{бл.буд}} = C'_{\text{наст}} + (C'_{\text{наст}} - C'_{\text{пр}}), \quad (1)$$

где $C'_{\text{бл.буд}}$, $C'_{\text{наст}}$ и $C'_{\text{пр}}$ – знания организма о ситуации ближайшего будущего, настоящего и прошлого, непосредственно предшествовавшего настоящему.

Реализации соотношения (1) осуществляется за счет трех механизмов:

1) механизма чувствительности и преобразования энергии внешних воздействий в соответствующие потоки нейронных импульсаций, которые выступают в качестве особых нейрофизиологических эквивалентов знаний о ситуации «настоящего»;

2) механизма кратковременной памяти, который выполняет функцию своеобразной линии задержки. Нейронные импульсации, воспроизведенные с задержкой на время ΔT , выступают в качестве нейрофизиологических эквивалентов знаний о недавнем прошлом ситуации настоящего;

3) механизма суперпозиции нейронных импульсаций на возбуждающих и тормозных дендритах нервных клеток.

Для достижения адекватности поведения в условиях непрерывного обновления ситуаций текущего настоящего организм должен иметь возможность получать знания следующих типов:

- во-первых, знания о ближайшем будущем тех особенностей объектов и явлений, которые характеризуют ситуацию текущего настоящего;

- во-вторых, знания о значимости тех или иных особенностей объектов и явлений, которые они будут иметь для организма в ситуации ближайшего будущего;

- в-третьих, знания о действиях, которые организм может или должен осуществить в ситуации ближайшего будущего по отношению к значимым для него особенностям объектов и явлений этой ситуации.

Получение первого типа знаний обеспечивается познавательными психическими процессами, к которым в нашей классификации относятся ощущение, восприятие, мышление и сознания. Последовательность их возникновения в ходе эволюционного развития психики характеризует соответствующие уровни развития психики (Корниенко, 2009).

Простейшим познавательным психическим процессом является ощущение. Однако под ним следует понимать не чувствительность организма к абиотическим раздражителям, как предлагает А.Н. Леонтьев, а особую форму организации нервных процессов, протекающих в мозге, благодаря которой обеспечивается получение организмом знаний о ближайшем будущем отдельных свойств предметов и явлений действительности, оказывающих непосредственное воздействие на органы чувств в ситуации текущего настоящего.

Высшим уровнем развития психики, присущим психике человека, является сознание, под которым следует понимать наиболее сложный познавательный психический процесс, в результате которого субъект получает знание о самом себе (Корниенко, 2011). В результате процесса сознания в психике субъекта образуется образ, который обычно называется образом «Я». С появлением сознания возникают процессы осознания, рефлексии, а также области сознательного (осознанного) и бессознательного (неосознанного) в психике и соответствующие механизмы сознательной и бессознательной регуляции поведения.

К познавательным процессам следует отнести также процессы памяти и воображения, которые, по терминологии Л.М. Веккера, являются «сквозными». Сочетание процессов памяти и воображения составляет суть процессов представления.

В отличие от познавательных психических процессов, в которых отражаются те свойства объектов и явлений действительности, которые действительно им присущи, эмоциональные процессы обеспечивают получение знаний о таких свойствах объектов и явлений, которые объективно им не присущи, но возникают у них в связи с появлением субъекта. Речь идет о свойствах объектов и явлений быть значимыми для субъекта. Значимость объектов и явлений действительности отражается с помощью таких эмоциональных психических процессов, как эмоции, чувства и переживания (Корниенко, 2005).

Эмоция – простейший эмоциональный психический процесс, который обеспечивает получение знаний о значимости того, что отражается в процессах ощущения и восприятия.

Чувство – более сложный эмоциональный психический процесс, обеспечивающий отражение субъективной значимости того, что отражается в процессах памяти, воображения и мышления.

Переживание – высший уровень развития эмоциональных психических процессов, связанный с наличием сознания и обеспечивающий отражение субъективной значимости того, что осознается, что составляет содержание сферы «сознательного».

Волевой психический процесс, также как познавательный и эмоциональный, является особой формой организации нервных процессов, протекающих в мозге. Благодаря волевым психическим процессам обеспечивается получение субъектом знаний о возможных или допустимых формах поведения субъекта по отношению к значимым для него объектам и явлениям действительности.

Простой волевой процесс обеспечивает получение знаний о возможном продолжении в ситуации ближайшего будущего той формы поведения, которая уже осуществляется в настоящем. Тем самым обеспечивается возможность непрерывной коррекции совершаемого субъектом поведения с учетом происходящих изменений ситуации.

Сложный волевой процесс обеспечивает получение знаний о возможных формах поведения субъекта в ситуации ближайшего будущего без их непосредственного выполнения. Наличие сложного волевого процесса обеспечивает субъекту возможность:

- а) мысленного совершения какой-либо формы поведения,
- б) предварительной оценки адекватности и возможных последствий данной формы поведения;
- в) выбора более эффективной формы поведения.

Динамика эволюционного развития психических процессов и форм поведения, регулируемых на основе их результатов, показаны на рисунке.

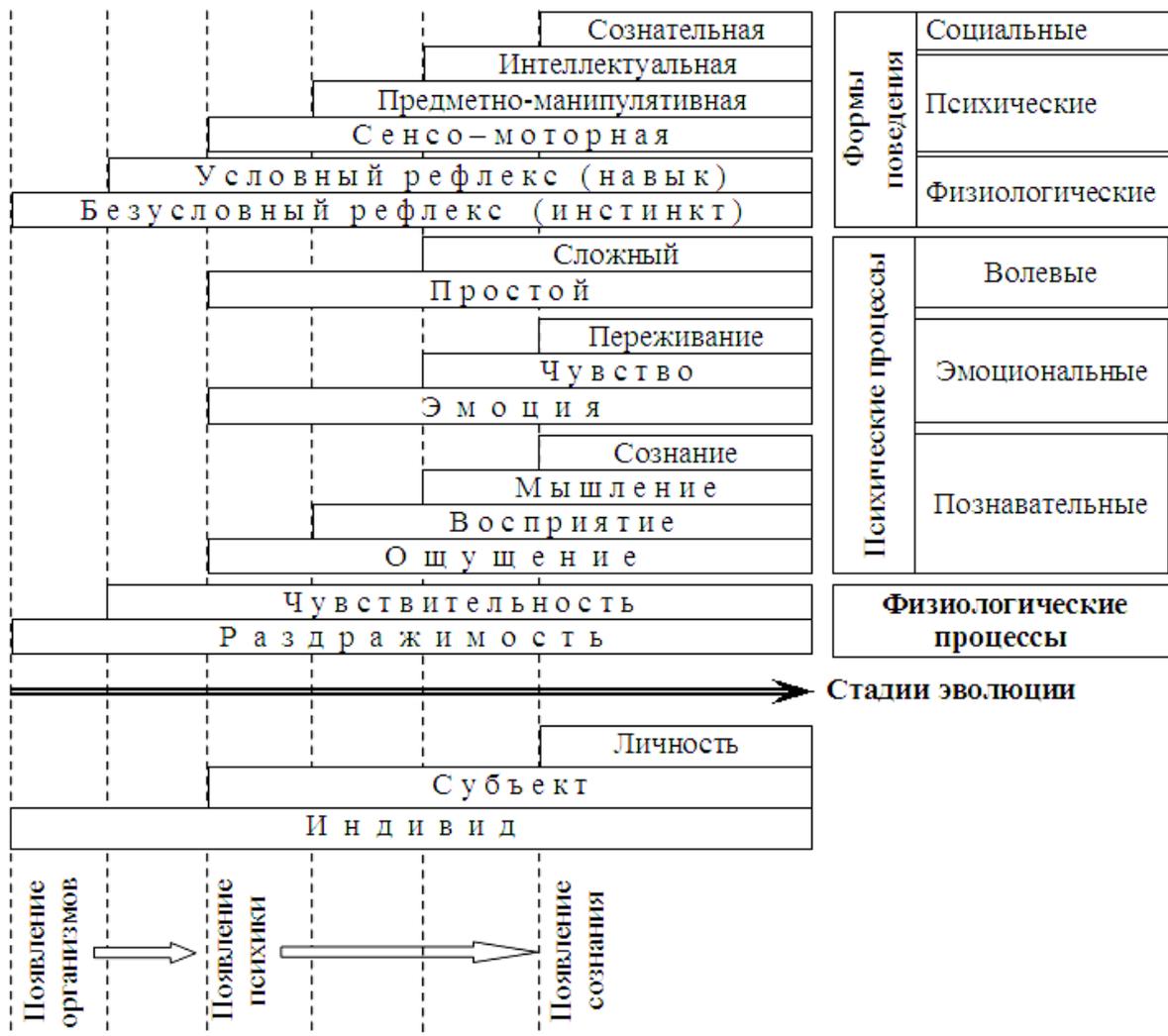

Рисунок. Соотношения психических процессов и психических форм регуляции поведения субъекта в динамике эволюционного развития психики

Литература

Акопов Г.В. Проблема сознания в российской психологии. М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2004.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Изд-во «Речь», 2003.

Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000.

Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и «зачаточная форма психики» // Вестник ТГГПУ. 2006. – № 5. – С.186-194.

Корниенко А.Ф. Специфика психической формы отражения действительности // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – № 2. – С. 5-19.

Корниенко А.Ф. Психика и психические процессы: единая система психологических понятий общей психологии // Российский научный журнал. 2009. – № 4 (11). – С. 78-89.

Корниенко А.Ф. Возникновение и развитие допсихических, психических и социальных форм регуляции поведения организма, субъекта, личности. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2010.

Корниенко А.Ф. Деятельность как сознательная форма поведения человека // Вестник ТГГПУ. 2010. – № 2 (20). – С. 304-308.

Корниенко А.Ф. Сознание как особый познавательный психический процесс // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы четвертой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20-21 октября 2011 года). Иваново: ОАО «Изд-во "Иваново"», 2011. – С. 196-197.

Корниенко А.Ф. Сущность процессов мышления и мыслительной деятельности // Научный диалог. 2013. – №4 (16): Психология. Педагогика. С.49-62.

Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. М.: Педагогика, 1983.

Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности // Вопросы психологии. 2007. – № 3. – С.3-15.

Чуприкова Н.И. Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015.

СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА ПОНЯТИЙ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Корниенко А.Ф.

Академия социального образования, Казань, Россия

В статье обсуждаются проблемы построения категориальной системы психологии. Анализируются совокупности базисных психологических категорий, предложенных М.Г. Ярошевским, К.К. Платоновым, А.В. Петровским совместно с М.Г. Ярошевским, а также рациональная система психологических понятий, предложенная Н.И. Чуприковой. Предлагается авторская система психологических понятий, построенная с учетом смысловых связей между ними. Приводится схема, в которой выделены базисные категории психологии, категории психических процессов и состояний, а также категории личности.

Ключевые слова: категории психологии, система психологических понятий, психика, психическая форма отражения, соотношение психических и нервных процессов.

THE SEMANTIC SYSTEM OF CONCEPTS OF GENERAL PSYCHOLOGY

Kornienko A.F.

Academy of Social education, Kazan, Russia

The article discusses the problems of constructing a categorial system of psychology. The complexes of basic psychological categories proposed by M.G. Yaroshevskii, K.K. Platonov, A.V. Petrovsky together with M.G. Yaroshevskii, as well as the rational system of psychological concepts, proposed by N.I. Chuprikova are analyzed. The author's system of psychological concepts, built taking into account the semantic relations between them, is offered. The scheme, which highlighted the basic categories of psychology, the category of mental processes and states, as well as the categories of person, is shown.

Keywords: categories of psychology, system of psychological concepts, psyche, mental form of reflection, interrelation of mental and neural processes.

Проблемы, существующие в психологии с определением базовых психологических понятий и построением категориальной системы психологии, общеизвестны. Неоднократные попытки психологов выстроить целостную систему психологических понятий, опираясь на какое-то одно понятие, в котором воплощалось то, что, по их мнению, должно составлять объект или предмет исследования в психологии (будь то душа, поведение, сознание или деятельность), не привели к желательным результатам.

В качестве альтернативы «однополюсной» системы М.Г. Ярошевский в 1971 году ввел понятие о «категориальном строе психологической науки», подчеркнув необходимость построения системы психологии не на основе какой-то одной категории, а на основе некоторой совокупности категорий, которые могут быть названы «базисными». В качестве таких базисных психологических категорий им были выделены: «образ», «мотив», «действие», «личность» (Ярошевский, 1971).

В последующем совокупность базисных категорий неоднократно пересматривалась. В 1998 году из состава базисных категорий психологии была изъята категория «личность» (она перешла в группу «экстрапсихологических» категорий) и добавлены категории «индивид», «отношение» и «переживание» (Петровский, Ярошевский, 1998). Однако в 2003 году категория «индивид» была переведена в группу «протопсихологических», а категория «отношение» вообще исключена из рассмотрения. В состав базисных добавились три новые категории – «Я», бывшая в группе «метапсихологических» категорий, а также ранее не рассматриваемые категории «интеракция» и «ситуация» (Петровский, Ярошевский, 2003). На наш взгляд, перестановки категорий из одной группы в другую, изъятие одних и включение других категорий в группу базисных свидетельствуют о том, что

предлагаемая авторами категориальная система психология носит крайне субъективный и умозрительный характер. К тому же в ней отсутствует центральная для психологии категория «психика».

Психологические понятия очень близкие к понятию «психика» были предложены в качестве базисных К.К. Платоновым. В 1972 году, отмечая отсутствие в психологии общепризнанной системы понятий, он предложил следующий перечень базисных категорий: «психическое отражение», «психическое явление», «сознание», «личность», «деятельность», «развитие психики» (Платонов, 1972). Однако само по себе понятие «психика» в перечень базисных категорий психологии включено все же не было. Включение в число базисных категорий понятия "развитие психики" является, на наш взгляд, не совсем корректным. С таким же успехом можно было выделить в качестве базисных такие понятия, как "развитие сознания" и "развитие личности".

Попытка построить систему психологических понятий на основе понятия «психика» была предпринята Н.И. Чуприковой в 2007 году на страницах журнала «Вопросы психологии». Определяя психику как специфическую функцию мозга, обеспечивающую отражение действительности, которое необходимо для организации адекватного поведения живого существа в окружающей его среде, Н.И. Чуприкова писала: «основываясь на предложенном определении психики <...>, можно попытаться очертить в первом приближении рациональную систему психологических понятий, традиционно употребляемых для классификации психических процессов и составляющих основной каркас того раздела общей психологии, который посвящен психическим процессам» (Чуприкова, 2007, с. 7). Основные положения рациональной системы психологических понятий воспроизведены Н.И. Чуприковой в монографии, опубликованной в 2015 году (Чуприкова, 2015).

Предпринятая Н.И. Чуприковой попытка найти теоретическое обоснование традиционно рассматриваемой в общей психологии классификации психических процессов, которая, по мнению В.М. Аллахвердова, «лишена какого-либо реально понимаемого теоретического смысла» (Аллахвердов, 2003, с. 169), имеет чрезвычайно большое значение, но не в плане наведения порядка в категориальной системе психологии, а в плане возрождения традиционной для отечественной психологии естественно-научной исследовательской парадигмы, опирающейся на теорию отражения. Не секрет, что в последнее время в психологии наблюдается тенденция к замене естественно-научной исследовательской парадигмы на, так называемую, «гуманитарную» и принижению роли теории отражения. По мнению В.Ф. Петренко, «базовая метафора отражения, сыгравшая позитивную роль в рассмотрении эволюции психики в ходе ее адаптации и приспособления к природной среде <...> на более поздних этапах развития

психологической науки <...> исчерпала свой эвристический потенциал и стала во многом тормозом развития» (Петренко, 2002, с. 113-114).

Признавая значимость для развития психологии представлений о психике как отражении действительности, Н.И. Чуприкова, однако, не уточняет, в чем состоит специфика психической формы отражения в отличие от других форм отражения (физиологической, нейрофизиологической, биохимической), в результате которых организм также получает определенные знания об особенностях окружающей среды и на основе которых также осуществляется регуляция поведения. В ее концепции указывается не специфика психического отражения, а специфика одного класса мозговых процессов, «несущих функцию отражения действительности и регуляции на этой основе поведения и деятельности» (Чуприкова, 2015, с. 179). И этот специфический класс мозговых процессов отождествляется ею с процессами психического отражения. В результате психический процесс оказывается особым мозговым (нервным) процессом. «С общей теоретической точки зрения, – пишет Н.И. Чуприкова, – должны существовать два вида принципиально разных мозговых процессов. К процессам психическим, должны быть отнесены только нервные процессы одного определенного класса» (Чуприкова, 2004, с. 112).

Ссылка на материалистический монизм Спинозы, в котором «душа и тело представляют собой одну и ту же "вещь", одну и ту же субстанцию, представленную в одном случае под атрибутом протяжения, а в другом – под атрибутом мышления» (Чуприкова, 2015, с. 178), никоим образом не оправдывает отождествления психических процессов с особым классом мозговых процессов. То, что психические и нервные процессы взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, сомнений не вызывает. Однако наличие связи между ними вовсе не означает их тождества. Более того, их отождествление недопустимо. Ни свойство, ни функция нервных процессов, протекающих в мозге, которые соотносятся с понятиями о психике и психических процессах, нервным процессом быть не могут.

Что касается материалистического монизма, то в редакции Аристотеля он выглядит более привлекательным и обладает значительно большим эвристическим потенциалом, чем в редакции Спинозы. В основе материалистического монизма Аристотеля лежит идея системности, согласно которой целое, образованное из частей, обладает особым (системным) свойством, которое не сводится к свойствам отдельных частей и обуславливает характер взаимодействия этих частей в рамках целого. Системное свойство живого тела соотносилось Аристотелем с понятием о душе. Душа представлялась им как отличная от тела, но, вместе с тем, и не отделимая от него, поскольку считалась его свойством, обуславливающим взаимодействие его частей и различные формы его поведения. У Спинозы душа рассматривалась не как системное свойство тела, обуславливающее формы его поведения, а как один из его "атрибутов" – "атрибут мышления", под которым

понималась способность тела к мышлению или мыслящее тело. Причем этот атрибут рассматривался как независимый от другого атрибута тела – "атрибута протяженности", в котором воплощалось представление о теле как материальном биологическом образовании. Вместе взятые, эти два независимых атрибута характеризовали тело как некую целостную систему. Но в этой системе отсутствовало самое главное – возможность взаимодействия ее составляющих. Согласно концепции Б. Спинозы, "ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою" (Петровский, Ярошевский, 2003, с. 443).

Современные исследования в области психофизиологии более созвучны материалистическому монизму Аристотеля, нежели Спинозы. В исследовании В.Б. Швыркова, например, подчеркивается, что в нервной системе отдельные нейроны и нейронные структуры функционируют не "сами по себе", а регламентированы общесистемными процессами, которые обеспечивают их "взаимосодействие" и согласованность в работе. Возникающая при этом организация нервных процессов рассматривается В.Б. Швырковым как новое системное качество нейрофизиологического, которое он соотносит с понятием о психике (Швырков, 1993). На аналогичное соотношение психического и нейрофизиологического прямо указывает Б.Ф. Ломов, который пишет: "... психическое в отношении к нейрофизиологическому выступает как системное качество" (Ломов, 1984, с. 37).

Как особую форму организации нервных процессов, протекающих в мозге, и, соответственно, как системное качество нейрофизиологического предлагается рассматривать психику и психический процесс в наших работах (Корниенко, 2008; Корниенко, 2009). Согласно нашим представлениям, мозг обладает свойством, именуемым «психика», если протекание нервных процессов в мозге организовано таким образом, что в течение определенного интервала времени ΔT обеспечивается реализация функции

$$C'_{\text{бл.буд}} = C'_{\text{наст}} + (C'_{\text{наст}} - C'_{\text{пр}}), \quad (1)$$

где $C'_{\text{бл.буд}}$ – знания организма о ситуации ближайшего будущего, которое должно наступить через время ΔT после текущего настоящего; $C'_{\text{наст}}$ – знания о ситуации текущего настоящего; $C'_{\text{пр}}$ – знания о ситуации недавно прошлого, бывшего за время ΔT до текущего настоящего.

Психическая форма отражения, суть которой описывается соотношением (1), представляет собой особую, действительно активную форму отражения, обеспечивающую получение организмом знаний об особенностях объектов и явлений ближайшего будущего действительности на основе отражения особенностей наличной действительности и той, которая ей предшествовала. В результате обеспечивается адекватность поведения ор-

ганизма в условиях непрерывно изменяющейся действительности, когда каждый раз ситуация ближайшего будущего становится ситуацией нового настоящего.

Понятия «психика», «психическое явление», «психическое отражение», «психический процесс» – это и есть те понятия, которые должны составлять основу системы психологических понятий общей психологии. Поскольку носитель психики обычно называется субъектом, психическое отражение приобретает статус субъективного. В связи с этим в состав базисных категорий психологии имеет смысл включить и понятие «субъективность». Учитывая, что результатом любого психического процесса является субъективный образ действительности, понятие «субъективный образ» также может рассматриваться как базисная категория психологии. И, наконец, чтобы отразить специфику взаимодействия субъекта с другими субъектами, предлагается включить в состав базисных категорий общей психологии понятие «общение как процесс», характеризующее процесс произвольной передачи субъектом в особенностях своего поведения того содержания психического отражения, на основе которого это поведение строится. Состав и соотношение базисных категорий общей психологии в схематичной форме представлены на рисунке.

Для создания категориальной системы психологии важно выделить психологические категории, которые определяли бы специфику психологической науки и характеризовали не только психику современного взрослого человека (на что ориентировалась Н.И. Чуприкова), но и логику эволюционного развития психики от ее простейшей формы, именуемой ощущением, до высшего уровня развития, каковым считается сознание. К таким категориям, безусловно, следует отнести понятия, характеризующие группы психических процессов – познавательные, эмоциональные и волевые, а также понятия, характеризующие отдельные психические процессы, входящие в состав соответствующих групп. Как показано в схеме на рисунке, к понятиям, характеризующим группу познавательных психических процессов, относятся: «ощущение», «восприятие», «мышление», «сознание», а также «память», «воображение» и «представление». Группу эмоциональных психических процессов характеризуют понятия «эмоция», «чувство» и «переживание» (Корниенко, 2005). Волевые психические процессы представлены понятиями «простой волевой процесс» и «сложный волевой процесс». Определения всех понятий, характеризующих перечисленные виды психических процессов, даны в работе (Корниенко, 2009), а также в статье «Системно-уровневая классификация психических процессов», опубликованной в настоящем сборнике материалов конференции.

Интеграция психических процессов, под которой понимается определенная форма их организации, характеризуется понятием «психическое состояние». Частным случаем психического состояния является внимание, которое определяется как направленность познавательных психических

процессов на то, что представляет интерес для субъекта и имеет для него определенную значимость. Особыми психическими состояниями, которые связаны с понятием «личность», являются следующие: а) состояние аффекта, которое отличается резким сужением области «осознаваемого»; б) состояние фрустрации, при котором у субъекта возникают представления о недостижимости значимой цели в силу наличия непреодолимого препятствия; в) состояние депрессии, для которого характерно сужение круга интересов и отсутствие мотивов, целей и смыслов заниматься какой бы то ни было деятельностью.

С понятием «мышление» непосредственно связаны понятия «понимание» и «мысль», суть которых и соответствующие определения изложены в работах (Корниенко, 2009; Корниенко, 2015). В состав основных психологических понятий общей психологии включены также понятия «осознание», «сознательное» и «бессознательное», «образ Я», «рефлексия», «самосознание» и «самооценка», которые являются производными от понятия «сознание» и имеют с ним непосредственные смысловые связи. Осознание мысли соотносится с понятием «инсайт», а наличие неосознаваемой мысли характеризуется понятием «интуиция».

Поскольку эмоциональные психические процессы обеспечивают отражение значимости для субъекта того, что отражается в познавательных и волевых процессах, все они выполняют функцию побуждения субъекта к определенным формам активности. Будучи осознанными, побуждения становятся мотивами, а осознание предполагаемых результатов активности ее целью. Активность субъекта, побуждаемая мотивом и направленная на достижение цели, обретает смысл и характеризуется понятием «деятельность». Очевидно, что понятия «побуждение», «мотив», «цель», «смысл» и «деятельность» следует отнести к основным понятиям общей психологии. Их место в общей смысловой системе основных понятий психологии показано на рисунке.

В схеме, представленной на рисунке, показано также, что в процессе взаимодействия субъекта с другими субъектами, обозначаемого понятием «общение как процесс», у субъекта возникают процессы сознания и переживания, происходит становление системы социальных отношений, в результате чего субъект становится личностью. В качестве основных свойств личности выделяются интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства, которые в совокупности составляют ее характер. Занимаясь определенной деятельностью, личность выступает как «субъект деятельности» и у нее формируется особое свойство – «субъектность». Особым свойством личности является «совесть», которая формируется на основе существующих в обществе представлений о морали и нравственности (Корниенко, 2014).

Необходимость в появлении более эффективных способов передачи содержания психического отражения, обеспечивающих возможность со-

Корниенко А.Ф. Специфика психической формы отражения действительности // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – № 2. – С. 5-19.

Корниенко А.Ф. Процессы мышления, понимания, сознания и осознания // Психология когнитивных процессов /под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова (сборник статей). Смоленск: Универсум, 2009. – С. 47-54.

Корниенко А.Ф. Психика и психические процессы: единая система психологических понятий общей психологии // Российский научный журнал. 2009. – № 4 (11). – С. 78-89.

Корниенко А.Ф. Природа и психологические механизмы совести // Филология и культура. 2014. – № 1(35). – С. 322-332.

Корниенко А.Ф. Мысль как одна из основных категорий психологии // Психология когнитивных процессов /под ред. В.В. Селиванова (сборник статей). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. – С. 63-72.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. – Т. 23. – № 3. – С. 113-121.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М.: Издательский центр «Академия», 2003.

Платонов К.К. О системе психологии. М.: Наука, 1972.

Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности // Вопросы психологии. 2007. – № 3. – С. 3-15.

Чуприкова Н. И. Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015.

Швырков В.Б. Основные этапы развития системно-эволюционного подхода в психофизиологии // Психологический журнал. 1993. – Т. 14. – № 3. – С. 15-27.

Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971.

О КРИТИКЕ СТАТЬИ М.М. ТРОИЦКОГО «НЕМЕЦКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ТЕКУЩЕМ СТОЛЕТИИ» (1867)

Костригин А.А.

**Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Россия**

В статье обсуждается работа Матвея Михайловича Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (1867). Приводятся отзывы

современников автора, анализируется критика положений, изложенных в статье.

Ключевые слова: М.М. Троицкий, история психологии, XIX век, критика, Вл.С. Соловьев, С.С. Гогоцкий, М.И. Владиславлев, К.Д. Кавелин

ON CRITICISM OF M.M. TROITSKY'S ARTICLE "GERMAN PSYCHOLOGY IN CURRENT CENTURY" (1867)

Kostrigin A.A.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

The article discusses the work of Matvei Mikhailovich Troitsky "German psychology in current century" (1867). We give the feedback of contemporaries of the author, examine the criticism of the provisions contained in the article.

Keywords: M.M. Troitsky, history of psychology, XIX century, criticism, V.S. Solovyov, S.S. Gogotsky, M.I. Vladislavlev, K.D. Kavelin

В настоящее время наблюдается широкий интерес к истории психологии (Батыршина, Мазиллов, 2014; Костригин, 2015; Костригин, Чупров, 2015; Мазиллов, 2014; Серебряков, 2011; Стоюхина, Костригин, 2015; Стоюхина, Мазиллов, Костригин, 2015). Известный русский психолог и философ М.И. Владиславлев еще в середине XIX века писал: «Действительно, историко-критические исследования в области философии составляют существенную современную потребность. Философия так богата разнообразными и часто противоречивыми одно другому воззрениями, что единственное средство найтись среди них состоит в том, чтоб обратиться к истории их, к разъяснению тех побуждений, обстоятельств, потребностей, которые влияли на образование тех или других философских воззрений» (Владиславлев, 1867, с. 174-175).

Ключевым периодом в становлении психологии как науки является XIX век, на протяжении которого велись напряженные и значимые дискуссии о судьбах психологической науки. Одной из важных дискуссий стало обсуждение статьи Матвея Михайловича Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка» (Троицкий, 1867).

Троицкий Матвей Михайлович (1835-1899) – психологи и философ, профессор Московского университета, участник создания Московского психологического общества. Данная работа вызвала очень большой интерес со стороны ученой общественности и повлекла за собой большое количество публикаций с обзором и критикой статьи, причем в тот же 1867 г. Мнения были различные, но основным лейтмотивом была все-таки критика работы, которая, в свою очередь, легла в основу историко-

психологических и историко-философских очерков авторов. В этой дискуссии участвовало большое количество мыслителей: М.И. Владиславлев, С.С. Гогоцкий, К.Д. Кавелин и Вл.С. Соловьев. Представим картину этих дебатов.

Владиславлев Михаил Иванович (1840-1890) – философ, логик, психолог; декан историко-филологического факультета Петербургского университета, затем ректор этого университета. Принадлежал к идеалистическому направлению в философии и психологии (Тихонова, 2011).

Комментируя работа М.М. Троицкого, М.И. Владиславлев отмечает необъективность в оценках английских и немецких психологов. Он пишет: «Нельзя не пожалеть в этом отношении, что сочинение г. Троицкого не выказывает в авторе должного беспристрастия к заграничной философии, а под час неверно в исторической правде. Для него английская психология есть в высшей степени научное явление и в настоящее время, она, в лице Дж. Ст. Милля и Бэна, достигла, по его мнению, высшей степени совершенства, возможного в настоящее время. Напротив, немецкая психология, а также и философия есть нечто уродливое, чуть-чуть не бред исступленных голов. В развитии английской философии он видит постепенное развитие науки, в немецкой – одно процветание схоластики» (Владиславлев, 1867, с. 179).

Также М.И. Владиславлев подчеркивает неравномерное распределение внимания различных теориям: каким-то Троицким уделено больше внимания и оценки, другим – совсем немного: «Говоря подробно о Беконе, о его методе, стяжавшем ему такую громкую славу, почему г. Троицкий посвятил только десяток строк Декарту? Говоря о Локке, как прямом продолжателе дела Бекона на почве психологии, почему автор почти обошел Лейбница, почтив его одним заявлением, что «его неосновательное мнение и громкие слова закрыли немецким ученым глаза для философии Локка на целые столетия?» (Владиславлев, 187, с. 114).

Особенное внимание в работе М.М. Троицкого уделено «разоблачению» схоластики в рамках немецкой психологии. Однако М.И. Владиславлев, наоборот, подмечает схоластические положения в суждениях М.М. Троицкого: «Вообще, г. Троицкий щедр на названия схоластики и схоластов; он прилагает их без разбора ко всем не английским философам. И Декарт и Лейбниц, Кант и Гербарт, Гегель и Фриз, Шеллинг и Бенеке – все это схоласты, и учения их схоластические. Для объяснения такой щедрости необходимо предположить, что или понятие схоластики у Г. Троицкого принято в слишком широком смысле и так удобопротяжимо, что может с удобством прилагаться ко всем учениям, с которыми он не согласен, или же г. Троицкий не счел нужным самому себе точно уяснить, что собственно он хотел бы понимать под схоластикой» (Владиславлев, 1867, с. 184).

Следующим участником дискуссии стал С.С. Гогоцкий. Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий (1813-1889) – богослов, философ, историк философии, педагог; доктор философии и древней филологии, работал в Киевской духовной академии.

С.С. Гогоцкий издал отдельную работу с разбором сочинения М.М. Троицкого. Он дает общую характеристику работы: «Главный вопрос, как самое оглавление книги показывает, состоял в том, чтобы изобразить немецкую психологию в текущем столетии и показать, - представляет ли она достаточные причины, для отрицания исключительных прав индуктивной методы в науке о духе (стр. 3). <...> но нам кажется, что автор как в первом зарождении органической формы своего труда, так особенно в самом выполнении его, допустил значительное колебание, так что трудно решить, что именно хотел автор представить – сравнение ли психологической методы в Англии и на материке Европы, преимущественно же в Германии в XIX веке, или вообще исторический ход понятий о методы и разных направлений философии и психологии? Стройной и твердой, рельефной логической структуры в сочинении автора мы не находим» (Гогоцкий, 1867, с. 4-5).

С.С. Гогоцкий, так же, как и М.И. Влпдиславлев, критикует М.М. Троицкого за то, что последний непоследователен в своем историко-критическом исследовании: «... на каком основании автор, задумавши изобразить психологическую методу во Франции и в Германии в новые времена, останавливается только на Бенеке, и пропускает значительное количество других не менее, а может быть и гораздо более замечательных психологов?» (Гогоцкий, 1867, с. 25).

И третьей линией разбора работы, как и у предущещго участника дискуссии, стала тема схоластики. Гогоцкий пишет: «У Канта автор нашел «мечтательные полеты в области сущностей и даже нечто более самой схоластики. Удивительная способность видеть то, чего нет. И таких общих выражений почти о каждом философском и психологическом учении встречается в рассматриваемом нами сочинении весьма много, как будто вся забота писавшего направлена не к тому, чтобы как можно точнее выразить и первый непосредственный смысл системы и потом дальнейший результат ее в применении к психологии, но как бы поэфффективнее разыграть роль победителя каких-то сущностей силлогизации и тому подоб.» (Гогоцкий, 1867, с. 38).

Наконец, С.С. Гогоцкий отмечает, что М.М. Троицкий ошибочно приписывает немецкой психологии использование теории способностей души. Также С.С. Гогоцкий показывает, что М.М. Троицкий считает сознание, воображение, память и другие высшие психические процессы никак не отличающимися от простейших и смешивает психологию с метафизикой.

Достаточно положительный отзыв на работу Троицкого содержится в репликах Константина Дмитриевича Кавелина (1818-1885) – публициста, историка, философа; представителя «психологического позитивизма». К.Д. Кавелин начинает с признания заслуги Троицкого в таком труде: «В этом почтенном ученом и очень замечательном труде, автор взялся за дело с большим знанием и талантом, отнесся к нему с той серьезностью и добросовестностью, которых в высокой степени требует всякое научное исследование, а тем более по такой запутанной и трудной науке, как психология. Излагая при этом сравнительно приемы и исследования английских и немецких психологов, автор дает больше, чем обещает заглавие, и наглядным образом на выведенных результатах показывает, насколько английская метода удачнее, лучше, выше немецкой. Таким образом, г. Троицкий прямо вводит русских читателей, вообще мало знакомых с современным движением философии, в самую «суть» дела, и в ясном, отчетливом изложении знакомит ее со всеми существенными психологическими выводами, до которых в наше время доработалась наука. Это – большая заслуга, и в особенности именно теперь» (Кавелин, 1899, с. 365-366).

Далее Кавелин очень осторожно указывает на некоторые недостатки работы: «Взгляд автора, вообще говоря, кажется нам правильным, и трудно не согласиться с основною его мыслью» Мы находим однако, что он не совсем беспристрастно относится к английским и немецким психологам, преувеличивает заслуги первых и несправедливо отрицает значение последних» (Кавелин, 1899, с. 367).

Кавелин отмечает, что, несмотря на некоторые «фантазии» в теориях немецких психологов, не стоит забывать и о значительных их заслугах: описание деятельности душевных явлений. Так же, как и Гогоцкий, Кавелин высказывает оценку анализа вклада Канта, и считает суждения Троицкого о Канте Кавелин «несправедливыми» (Кавелин, 1899, с. 371).

Наконец, достаточно взвешенное мнение о сочинении М.М. Троицкого дает известный философ, поэт, публицист, Владимир Сергеевич Соловьев. Вл.С. Соловьев начинает со следующего: «Если философия, или – точнее и скромнее говоря – философское образование в России имеет будущность, то, конечно, имя Матвея Михайловича Троицкого должно навсегда остаться в нашей умственной истории. Само собой разумеется, что из трех оставленных им сочинений («Немецкая психология в XIX веке», «Учебник логики» и «Наука о духе») никакой западный европеец ничему бы не научился, но русских людей первое из этих сочинений, появившееся в половине шестидесятых годов, научило в свое время если не многому, то необходимому – без чего нельзя было бы идти дальше» (Соловьев, 1900, с.319).

Говоря о том, что работа Троицкого увлекла Кавелина и Страхова «опытом разрушения немецкой философии и пересаживания к нам английской психологии», Соловьев пишет: «... Троицкий своим значением в ис-

тории русского образования обязан своей отважной решимости отказаться от всего философского наследия ради новой твердой почвы для мысли. Увлечение увлекает, и сосредоточение исключительно на одном, - предполагая иногда ограниченность, - всегда дает особую силу, которой могут быть лишены умы более многосторонние и зоркие» (Соловьев, 1900, с. 320).

И, тем не менее, заслуга Троицкого, по мнению Соловьева, в том, что он широко распространял английскую психологию, которая постулировала предметом психологии состояния сознания.

Представив обзор критики и мнений психологов и философов на работу Троицкого «Немецкая психология...», необходимо отметить общий тон критики о пристрастности автора к английской психологии и сознательном умалении заслуг немецких мыслителей, а также использование метафизики и схоластики в собственных рассуждениях Троицкого, несмотря на ее же «разоблачение». Однако, сочинение М.М. Троицкого побудило авторов к написанию собственных очерков по истории психологии и философии, что является значительным результатом.

В заключении стоит сказать о том, что исследование дискуссий проливает свет на процесс создания различных теорий в психологии и философии, равно как и организация таких дискуссий в настоящие дни (Костригин, Мироненко, Чупров, 2015).

Литература

Батыршина А.Р., Мазилев В.А. Историческая представленность категорий «воля» и «волевая регуляция» в отечественных учебниках психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. – Т.2. – №4. – С.214-222.

Владиславлев М.И. Зависимость немецкой философии от английской (По поводу сочинения г. Троицкого: «Немецкая психология в текущем столетии») // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. – Ч.135. – С.174-208.

Гогоцкий С.С. Несколько мыслей по поводу сочинения: «Немецкая психология в текущем столетии, историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии времен Бэкона и Локка» М. Троицкого. М., 1867.

Кавелин К.Д. Немецкая современная психология // Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1899. – Т. 3. – С. 365-374.

Костригин А.А. «История души» П.С. Авсенева как психологическая дисциплина // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. – № 3-4. – С.20-29.

Костригин А.А., Мироненко И.А., Чупров Л.Ф. Дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. – № 3-4. – С.430-439.

Костригин А.А., Чупров Л.Ф. Место психологии в системе философских наук в трудах русских богословов XIX в. // Наука. Мысль. 2015. – №2. – С.30-34.

Мазилев В.А. История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. – №2. – С.94-100.

Ибрагимова З.З., Серебряков Ф.Ф. Философская мысль в Казанском университете // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2011. – №1. – С.46-62.

Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX – начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. 2015. – №1. – С.63-69.

Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: богослов и психолог // Ярославский педагогический вестник. 2015. – Т.2. – №3. – С.138-149.

Соловьев Вл. Три характеристики. М.М. Троицкий. Н.Я. Грот. П.Д. Юркевич. // Вестник Европы. 1900. – №1. – С.319-335.

Тихонова Э.В. Михаил Иванович Владиславлев – основоположник системы философского и психологического образования в Санкт-Петербургском университете // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. – №2. – С.194-205.

Троицкий М.М. Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка. М., 1867.

О МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ: У. ДЖЕЙМС, В. ДИЛЬТЕЙ И В.А. СНЕГИРЕВ

Костригин А.А.

**Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Россия**

В работе представлен сравнительный анализ психологических взглядов ученых, живших и работавших в одну историческую эпоху: Уильяма Джеймса, Вильгельма Дильтея и Вениамина Алексеевича Снегирева. Проводится анализ программы развития психологии как науки и задачи психологии, которые выдвигали эти психологи. Авторы статьи считают, что методология подходов У. Джеймса, В. Дильтея и В.А. Снегирева к изучению психических явлений имеют общие основания. В работе используется сравнительно-исторический метод.

Ключевые слова: У. Джеймс, В. Дильтей, В.А. Снегирев, методология психологии, истории психологии, рубеж XIX-XX веков, предмет психологии.

ON METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY AT TURN OF XIX-XX CENTURIES: W. JAMES, W. DILTHEY AND V.A. SNEGIREV

Kostrigin A.A.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

This paper presents a comparative analysis of the psychological views of scientists who lived and worked in the same historical period: William James, Wilhelm Dilthey and Veniamin Alekseevich Snegirev. Authors make an analysis of the program of development of psychology as a science and psychological objectives that advanced by these psychologists. The authors consider that the methodology and approaches of W. James, W. Dilthey and V.A. Snegirev to the study of psychic phenomena have a common basis. Authors use the comparative and historical method.

Keywords: W. James, W. Dilthey, V.A. Snegirev, methodology of psychology, history of psychology, turn of XIX-XX centuries, objective of psychology

Конец XIX века – это бурное развитие всех направлений науки и искусства. Известный историк культуры М.М. Карпович так характеризует это историческое время: «... многообразие и дифференциация были главными характерными чертами того периода, о котором мы говорим (конец XIX - начало XX в.). <...> политическое пробуждение шло рука об руку с утверждением автономии культуры, ростом интереса к метафизике, как в форме философского идеализма, так и в форме религиозной философии, ростом интереса к эстетическим проблемам. Происходило параллельное развитие, с одной стороны, неоромантизма в литературе и искусстве, а также до некоторой степени в философской мысли, и, с другой стороны, реализма в политике в противовес утопизму ранних политических движений» (Карпович, 2012, с. 247).

Происходят перемены в области психологии: она выходит из состава философии, открываются экспериментальные лаборатории, создаются программы развития. Однако противоречивость, разнонаправленность в теориях ученых и мыслителей становилось ведущей научной проблематикой: поиск психологией своего места выражался в ее «кочевании» по другим научным областям: физиологии, философии, религии, педагогики и др.

Историко-психологические исследования в настоящее время становятся местом решения и методологических проблем (Артемьева, 2012; Батыршина, 2011; Карицкий, 2010, 2015; Кольцова, 1997; Костригин, 2015; Мазиллов, 2006, 2014; Стоюхина, 2015). В данной статье автором ставится задача сравнения подходов к методологии психологии трех философов и психологов России, Германии и США – В.А. Снегирева, В. Дильтея У. Джеймса. Используется сравнительно-исторический метод.

Вильгельм Дильтей (1833-1911) – немецкий философ и историк, работавший профессором в Берлинском университете, заведовал кафедрой философии. Знаменит своей классификацией наук, которые он разделял на науки о природе и науки о духе.

Снегирев Вениамин Алексеевич (1842-1889) – психолог, философ, профессор Казанской духовной академии. Преподавал психологию, метафизику и логику. Его биография и психологические взгляды изложена нами в других работах (Костригин, 2015, 2015; Стоюхина, Костригин, 2015; Стоюхина, Мазиллов, Костригин, 2015).

Уильям Джеймс (1842-1910) - американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма. В психологии наиболее известна его концепция «потока сознания».

Рассмотрим методологические подходы в психологии указанных ученых. «Описательная психология» В. Дильтея – это вызов сложившейся позитивистской, отчасти физиологической, естественно-научной психологии XIX в. Он так определяет свой подход: «Под описательной психологией я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собою описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни» (Дильтей, 2001, с. 20-21).

В. Дильтей отмечает, что психология должна изучать все проявления человеческой души: «Рассмотрение самой жизни требует, чтобы вся неискалеченная и мощная действительность человеческой души проявилась целиком, от своих низших до своих высочайших возможностей. Это входит в состав требований, которые психология должна предъявлять сама к себе, если она не желает оставаться позади опыта жизни и поэтической интуиции» (Дильтей, 2001, с. 28-29). В связи с этим им выдвигается предмет психологии – «развитой человека и полнота готовой душевной жизни» (Дильтей, 2001, с. 44). Задача же психологии – собрать весь опыт человеческой души, создать терминологию описания и феноменологии, а также анализ души во всей ее целостности. Метод психологии – интроспекция.

В.А. Снегирев выделяет в психологии конца XIX в. три направления – спиритуализм, материализм и феноменализм/эмпиризм (Снегирев, 2008, с.38). По его мнению, каждый из этих взглядов односторонне рассматривает душу, что не удовлетворяет требованиям науки о душе. Однако эти взгляды все-таки содержат долю истины, и, таким образом, задача состоит в том, чтобы эти взгляды объединить.

Спиритуализм верно указывает на то, что душа отлична от тела. Материализм, в свою очередь, правомерно отстаивает связь душевных явлений с изменениями в теле. А эмпиризм, или феноменализм, объективно отталкивается в своих исследованиях от реальных фактов душевной жизни.

Учитывая вышесказанное, отечественный психолог открывает нам «три главные стороны предмета науки о душе, из исследования которых и должно всегда состоять главное ее содержание». Это душевные явления, физиологические процессы, соответствующие этим явлениям, и причина самого бытия душевных явлений.

Таким образом, русский психолог определяет психологию как науку «о явлениях душевных, в их взаимных соотношениях, в их отношении к физиологическим состояниям организма и в их основе или последней причине» (Снегирев, 2008, с. 49).

По В.А. Снегиреву, предмет психологии заключается в явлениях духовной жизни человека, данных человеку в опыте, доступных внутреннему и внешнему наблюдению, и подчиняющиеся определенным законам своего происхождения и существования (Снегирев, 1876, с. 427). Методом психологии так же является интроспекция.

Важной составляющей подхода В.А. Снегирева является признание неотделимости физиологических процессов от психических явлений. Русский ученый отмечает «всякое душевное явление имеет связь с каким-либо изменением телесным и, в огромном количестве случаев, прямо от него зависит, как от одной во всяком случае из своих причин» (Снегирев, 2008, с.47).

У. Джеймс, обосновывая психологию как науку о сознании, дает следующее определение: «Определить психологию всего лучше... как науку, занимающуюся описанием и истолкованием состояний сознания» (Джеймс, 1911, с. 1). Под «состояниями сознания» английский психолог понимает как явление, данные в непосредственном опыте. «В состав истолкования этих явлений должно, конечно, входить изучение, как тех причин и условий, при которых они возникают, так и изучение действий, непосредственно ими вызываемых, поскольку те и другие могут быть констатированы» (Джеймс, 1911, с.1.)

У. Джеймс указывает на то, что «все душевные явления ... сопровождаются известного рода телесными процессами» (Джеймс, 1911, с. 4). Он критикует современные ему подходы к определению соотношения мозга и сознания. Он выделяет следующие: монистический («состояния мозга и состояния сознания суть внешняя и внутренняя «стороны» (Джеймс, 1911, с. 407)), спиритуалистический (единая сущность души реагирует на состояния мозга) и атомистический («каждая мозговая клеточка одарена особы сознанием» (Джеймс, 1911, с. 407)). Американский психолог отмечает, что сейчас (на рубеже XIX-XX вв.) психология не способна дать точный ответ о соотношении мозга и души.

Он пишет: «... толкуя все время о «психологии, как естественной науке», мы не должны думать, что у нас речь идет о науке, установленной на прочном, незыблемом основании. Наоборот, называя психологию естественной наукой, мы хотим сказать, что она в настоящее время представ-

ляет простую совокупность отрывочных эмпирических данных; что в ее пределы отовсюду неудержимо вторгается философский критицизм; и что коренные основы этой психологии, ее первичные данные, должны быть обследованы с более широкой точки зрения и представлены в совершенно новом свете» (Джеймс, 1911, с. 412).

Рассмотренные концепции отражали одни из основных направлений в психологии на рубеже веков. Общим местом для данных подходов является критика детерминистических и умозрительных концепций, которые долгое время были доминирующими в философии и психологии. Однако между ними есть и различия. Конец XIX в. и начало XX в. – это период кризиса в психологии, и ученые искали новые пути развития для психологической науки, ее взаимодействия с другими науками, прежде всего, с физиологией.

В заключении приведем высказывание крупнейшего историка культуры рубежа XIX-XX вв. О. Шпенглера о том, что психология этого периода вся пронизана представлениями естествознания: психолог «пересмысливает непротяженное в протяженное, он строит систему в качестве причины того, что усматривается исключительно физиономически, и верит, что в этой системе его взору открывается структура «души»... Всякое исследование души в таком стиле, каким бы возвышенным ни почитало оно само себя в сравнении с анатомией мозга, полно механических привязок и, само того не замечая, прибегает к воображаемой системе координат внутри воображаемого душевного пространства» (Шпенглер, 2014, с. 329-330). Немецкий историк называет психолога точной копией физика, только работающего с другим «материалом». В таком духе времени и пытались построить собственно психологическую науку У. Джеймс, В. Дильтей и В.А. Снегирев.

Литература

Артемьева О.А. Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012.

Батыршина А.Р. История психологии воли в России: вопросы периодизации // Высшее образование сегодня. 2011. – № 2. – С. 62-65.

Джеймс У. Психология. Санкт-Петербург: Изд. К.Л. Риккера, 1911.

Дильтей В. Описательная психология. М.: Современный гуманитарный университет: ООО «МБА-Сервис», 2001.

Карицкий И.Н. Понятие субъекта и объекта в философии и психологии // Методология и история психологии. 2010. – Т. 5. – № 1. – С. 69-101.

Карицкий И.Н. История «субъекта» в ее некоторых ключевых моментах // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. – № 3-4. – С. 89-116.

Карнович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII - XX века). М.: Русский путь, 2012.

Костригин А.А. «История души» П.С. Авсенева как психологическая дисциплина // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. – № 3-4. – С. 20-29.

Костригин А.А. «Описательная психология» В. Дильтея и «Психология живой личности» В.А. Снегирева: сравнительно-исторический анализ // Международна научна школа "Парадигма". Лято-2015. В 8 т. Т. 4: Психология: сборник научни статии / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. – С. 169-176.

Костригин А.А. Системный подход к изучению души в трудах В.А. Снегирева // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть I. Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности: материалы VII Международной научно-практической конференции, 20-22 октября 2015 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. – Ярославль: Издательство ООО «Агентство Литера», 2015. – С. 69-71.

Кольцова В.А. Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – С. 10-48.

Мазилев В.А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии // Методология и история психологии. 2006. – Т. 1. – № 2. – С. 103-112.

Мазилев В.А. История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. – № 2. – С. 94-100.

Снегирев В.А. Психология и логика, как философские науки // Православный собеседник. 1876. – №. 2. – С. 427-451.

Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.

Стоюхина Н.Ю. Из истории становления психологии в Нижнем Новгороде // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. – № 3-4. – С. 122-138.

Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX - начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. 2015. – № 1. – С.63-69.

Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: богослов и психолог // Ярославский педагогический вестник. 2015. – Т.2. – №3. – С. 138-149.

Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014.

ВОЛЯ: ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ В ПСИХИЧЕСКОМ И ДУХОВНОМ МИРЕ ЧЕЛОВЕКА

Купцов И.И. , Аксенова Г.И.
Академия ФСИН России, Рязань

Воля определяется как состояние интеллекта, которое обеспечивает его самодвижение, саморазвитие. Создавая условия и пути продвижения интеллекта, изменяется и сама воля, приобретая качественно новые свойства. В связи с этим можно говорить о трех формах функционирования воли относительно интеллекта: воля здравого смысла, рассудочная воля, разумная воля. Воля – составляющая духовности, она помогает не только в достижении цели, но и проявляется в чувстве долга, совести, надежде и вере. Волю можно рассматривать как когнитивный процесс, компонент общения и духовно-нравственного совершенствования человека.

Ключевые слова: воля, волевое усилие, интеллектуальные и волевые действия, интеллектуально-волевые качества, волевое развитие, духовно-нравственное развитие личности, компоненты волевого развития, духовно-нравственные условия волевого развития

WILL: ITS IMPORTANCE IN THE MENTAL AND INNER WORLD OF A PERSON

I.I. Kuptsov, G.I. Aksenova
Academy of the FPS of Russia, Ryazan

The will is defined as such a condition of intelligence which provides its self-movement, self-development. Creating conditions and ways of the intelligence progress, the will changes, too, gaining qualitatively new features. In this regard it is possible to speak about three forms of the will functioning in relation to intelligence: the will of common sense, the rational will, the reasonable will. The Will is the component of spirituality, helps not only with achievement of the purpose, but is also expressed in the sense of duty, conscience, hope and faith. The will can be considered as a cognitive process, a component of communication and a spiritual and moral improvement of a person.

Keywords: will, conation, intellectual and volitional actions, intellectual and volitional qualities, volitional development, spiritual and moral development of personality, components of volitional development, spiritual and moral conditions of volitional development.

Как известно, в середине XIX века в России явно обозначились два подхода к проблеме воли. К.Д. Ушинский прямо и недвусмысленно разде-

лил все психические (душевные) явления на три сферы: умственную, или теоретическую; жизнь чувства, или жизнь сердца; жизнь действия, жизнь практическую, или деятельность воли (Ушинский, 1948). И.М. Сеченов рассматривал волю не как какого-то безличного агента, распоряжающегося только движениями, а как деятельную сторону разума и морального чувства (Сеченов, 1995).

В XX веке была принята, точнее сказать, утвердилась точка зрения К.Д. Ушинского. И пальма первенства в ее дальнейшем развитии стала принадлежать рязанской научной школе воли, которую основал и возглавил В.И. Селиванов. По В.И. Селиванову воля – это сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, выраженное в умении преодолевать внутренние и внешние трудности при совершении целенаправленных действий и поступков (Селиванов, 1992). В качестве механизма волевой регуляции он полагал волевое усилие, под которым, в свою очередь, понимал особое психическое напряжение, сознательно вызываемое тогда, когда личность испытывает дефицит энергии и стремится мобилизовать резервы, чтобы преодолеть трудности, препятствующие достижению цели. В.И. Селиванов не только принял точку зрения К.Д. Ушинского (и Аристотеля, и А. Бэна), но и стал рассматривать волю и как психический процесс, и как психическое состояние, и как психическое свойство человека.

Такую точку зрения разделяют большинство психологов нашей страны и до сих пор (некоторые нюансы несовпадения с точкой зрения В.И. Селиванова имеют В.А. Иванников и В.К. Калинин).

С нашей точки зрения:

- воля не может рассматриваться в едином пространстве с интеллектом и эмоциями, так как она есть приобретенное новообразование в отличие от первых, с которыми дитя появляется на свет;
- воля – важнейшая составляющая духовно-нравственного становления человека. О воле можно всерьез говорить только тогда, когда ребенок становится подростком, когда он может ставить цель сам, находить пути решения (или достижения) цели сам, и достигать реально поставленной цели сам. Дошкольнику и младшему школьнику свойственна произвольность (т.е. осознанность), но не воля в классическом ее понимании;
- говорить и писать об интеллектуальных и сугубо волевых действиях, качествах не следует по той простой причине, что они просто не существуют отдельно; говорить и писать надо об интеллектуально-волевых качествах (тире обязательно), ибо структурно – и интеллектуальные, и волевые действия идентичны (Купцов, 1992).

Воля является органической частью сознания, при чем, чем выше сознание, тем свободнее воля. Истина состоит в том, что (как справедливо утверждали К.К. Платонов, Г.Х. Шингаров, А.В. Шмаков) содержание воли определяется не только субъектом, но и тем миром, который отражается

в познании. Вся разница между волей и познанием как формами отражения действительности заключается во взаимодействии между объектом и субъектом в них. По существу, любое теоретическое знание содержится в практической деятельности. Их нельзя представить себе раздельно, ибо невозможно обладать волей без интеллекта.

Наконец, в социально-психологическом аспекте волю надо рассматривать и как важный когнитивный процесс, и как необходимый компонент общения и духовно-нравственного совершенствования человека.

Л.С. Выготский предполагал, что есть психология глубин и есть психология вершин личности. Он справедливо считал, что развитие «вершинной психологии» - одно из наиболее перспективных направлений будущей психологической науки. Этот период уже наступил. Современная психология теперь ориентируется на целостное изучение человека в единстве телесного, душевного и духовного; при чем, такие понятия как дух, духовность, духовное развитие вводятся и вошли уже в учебную литературу наравне с научно обоснованными терминами.

Наше кредо о воле в структуре личности. Нельзя представить разум как высшую форму интеллекта вне воли. Последняя – способ существования разума. В воле осуществляется постоянное и неустанное стремление разума к познанию, реализуется и присущая ему направленность в будущее, целеустремленность, ясное понимание средств, ведущих к достижению цели. И в этом смысле интеллект-разум-воплощение человеческой сущности, стержень духовного мира личности.

Исходя из вышесказанного, мы определяем волю как такое состояние интеллекта, которое обеспечивает ему самодвижение, саморазвитие. Создавая условия и пути продвижения интеллекта, изменяется и сама воля, приобретая качественно новые свойства. Мы с полным основанием можем говорить о трех формах функционирования воли относительно интеллекта: воля здравого смысла как исходный базовый уровень, формирующийся стихийно, под давлением побуждающей к действию потребности, жизненных впечатлений. Рассудочная воля – функционирующая уже на известных и закрепившихся правилах, нормах, предписаниях; способ и образ действия по готовым инструкциям, формально логическим схемам. Воспитанный в таких условиях человек не способен проявить инициативу, самостоятельность.

Разумная воля – воля свободного разума, способного создавать новые формы и типы духовной и практической деятельности. Извлекая все ценное из здравого смысла и рассудка, она обеспечивает самоконтроль над мыслями, действиями, способность принимать решения со знанием дела и чувством ответственности за результат. В этом смысле воля – разумный образ действий, интеллект в действии.

Воля является важнейшей составляющей духовности, она помогает человеку не только в достижении цели, решении проблем и задач, но и

проявляется в чувстве долга, в следовании идеалу, изменении смысла, совести, надежде и вере.

Такой контекст позволяет по-иному взглянуть и на процесс волевого развития личности, поскольку говорит о возможности такого развития на основе ее духовно-нравственных ценностей; о волевом развитии, сопряженном с духовно-нравственным развитием личности.

Исследования волевого развития учащихся в учебной деятельности, проведенные в начале века нынешнего под нашим руководством (Карасева, 2007) доказали, что оно включает в себя когнитивный, ценностно-эмоциональный и поведенческий компоненты; уровень развития которых, в свою очередь, определяет уровень волевого развития учащихся в целом. Было доказано, что духовно-нравственные условия (принятие духовных и нравственных ценностей в ситуации выбора, потребность в самопознании; определение духовного идеала и стремление к нему; самовоспитание на основе духовно-нравственных ценностей; стремление руководствоваться духовно-нравственными нормами в любых жизненных ситуациях) влияют на становление волевой сферы учащихся; определяют выбор целей при отсутствии мотивов, их недостаточности и противоречивости.

Литература

Карасева С.Н. О духовно - нравственном компоненте волевого развития личности // Психолого-педагогический поиск. 2007. – № 5. – С. 135–146.

Купцов И.И., Хроменок В.Г. Интеллект и воля в познавательной деятельности // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее / под ред. В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейника. М.: ИП РАН. 1992. – С. 78 - 81.

Селиванов В.И. Избранные психологические произведения (воля, ее развитие и воспитание). Рязань: Рязанский государственный педагогический институт. 1992.

Сеченов И.М. Психология поведения. / под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Институт прикладной психологии; Воронеж: НПО «Модэк». 1995.

Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т.1. М.: АПН РСФСР. 1948.

МЕТОДОЛОГИЯ СУБЪЕКТНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА К ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Леньков С.Л.

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, Москва, Россия

В статье обсуждается методологический субъектно-информационный подход, который в наибольшей степени релевантен исследованию таких новых видов труда, в которых важную роль играют информационное взаимодействие и современные информационные техно-

логии. Обоснована необходимость дифференциации особого – качественно своеобразного типа профессиональной деятельности, обозначенного как субъектно-информационный тип.

Ключевые слова: субъектно-информационный подход, профессиональная деятельность, информационный характер труда, субъектная обусловленность информации, субъектно-информационный тип деятельности.

METHODOLOGY SUBJECT- INFORMATION APPROACH TO PSYCHOLOGICAL RESEARCH ACTIVITIES

Lenkov S.L.

Institute for studying childhood, family and upbringing of the RAE, Moscow, Russia

The article discusses the methodological subject-informational approach, that is relevant in most studies of such new forms of labor, in which the important role played by information communication and modern information technologies. The necessity of special differentiation – quality peculiar type of professional activity, referred to as subject-informational type.

Keywords: subject-informational approach, professional activity, informative nature of work, subjective conditioning information, subject-informational type of activity.

Качественные изменения, происходящие в настоящее время в сфере профессионального труда, во многом обусловлены процессами информатизации, влияющей на все сферы жизнедеятельности современного человека. В первую очередь, обновляется номенклатура актуальных профессий и специальностей: здесь отчетливо проявляется тенденция к преимущественному развитию труда, связанного с разнообразными информационными процессами, системами связи и телекоммуникаций, компьютерными сетями, информационными порталами, онлайн-серверами, базами и банками данных, происходит постепенная замена разных форм умственного труда функциями роботов, автоматов, информационными технологиями (Носкова, 2014). Но, кроме этого, не менее значительные трансформации происходят во многих традиционных видах труда, которые непрерывно изменяют свое содержание, все более «насыщаясь» информационными процессами и новыми информационными технологиями профессиональной деятельности. Примером может служить научная деятельность, в которой трансформировались не только подходы, способы, формы, но и показатели ее результативности, один из которых – цитируемость публикаций ученого в РИНЦ и зарубежных информационно-аналитических системах (Web of Science, Scopus, Erih Plus и др.).

Для психологии труда данные тенденции обуславливают объективную необходимость в дальнейшем развитии, дополнении и обновлении

психологического знания о труде, причем – в направлении анализа и учета именно информационной составляющей, информационных факторов, оказывающих влияние на психологические характеристики профессиональной деятельности и соответствующие требования к субъекту труда. В новых видах труда, тесно связанных с информационными технологиями, проявляются, соответственно, новые психологические закономерности, обусловленные именно информационным характером данного труда и, в силу этого, требующие для своего адекватного исследования релевантного теоретико-методологического аппарата. С целью изучения информатизации профессиональной деятельности разработан методологический подход к психологическому исследованию профессиональной деятельности, получивший название субъектно-информационного (Леньков, 2001; Леньков, 2002). Суть данного подхода состоит в методологическом синтезе базовых категорий информации, субъекта и деятельности. При этом важно подчеркнуть интегративный характер концепции субъектно-информационного подхода, которая не только преодолевает имманентную ограниченность однокатегориальных психологических теорий (Юревич, 2003), но и не сводится к аддитивному суммированию своих базовых категорий, выбираемых в качестве объяснительных принципов и, одновременно, фундаментальной основы дальнейшей операционализации.

В рамках субъектно-информационного подхода каждая из его центральных категорий подвергалась определенному уточнению и развитию, и в своем неразрывном единстве эти категории получили свою качественную целостность и определенность. Упомянутое развитие, в свою очередь, выполнено в русле метасистемной парадигмы и опирается на плодотворную идею об особом классе систем, к которому относятся психические системы – системы со встроенным метасистемным уровнем (Карпов, 2015). Категория деятельности рассматривается на основе фундаментального субъект-объектного отношения в качестве одной из его основных форм, неразрывно связанных как с физическим, так и с информационным взаимодействием. Но, кроме этого, – и это особенно важно, в рамках подхода использованы и уточнены современные представления о структурно-уровневой организации деятельности (Карпов, Леньков, 2006). Основу данных представлений составила концепция А.В. Карпова пятиуровневого строения деятельности. Для деятельности субъектно-информационного типа в строении метадеятельностного уровня выделено два подуровня, важных для адекватного психологического анализа трудовой деятельности: подуровень организации индивидуальных «деятельностей» и подуровень организации совместной деятельности.

Базовая категория субъекта, конкретизируемая в понятии субъекта деятельности, предполагает дифференциацию качественно различных форм субъекта: локального и предельного, лонгитюдного и оперативного, индивидуального и коллективного, актуального и потенциального. Введе-

ние данных форм субъекта согласуется со справедливо подчеркиваемой необходимостью дифференциации и, одновременно, учета в прикладных исследованиях понятий субъекта труда и субъекта жизненного пути (Завалишина, 2003).

Наиболее глубокие изменения в рамках субъектно-информационного подхода затронули категорию информации, по отношению к которой, с нашей точки зрения, давно назрела необходимость дополнения общепризнанного, но ограниченного признания лишь субъективного восприятия (понимания, смысла и т.д.) информации принципиально новым пониманием ее имманентной субъектной обусловленности. С этой точки зрения, информация не только субъективно воспринимается, но субъектно и, соответственно, субъективно создается, генерируется. Информация субъектна изначально, по самой своей природе. Она генерируется в психике субъекта информационного взаимодействия на основе определенных материальных стимулов-сигналов, но эти сигналы сами по себе еще не есть информация, а лишь предпосылка ее появления. Информация имеет двойственную, дуалистическую природу, поскольку в ней неразрывно соединяются материальное и духовное. Элиминация в структуре информации любого из этих компонентов неизбежно ведет к методологической редукции.

В рамках предложенного подхода, основанного на функциональной концепции информации, информация имеет не только материальную, но и субъектную, духовную в широком смысле обусловленность. В силу этого схема образования и бытия информации может быть представлена в виде треугольника, соединяющего субъекта, объект и информацию. Если же представить континуум «субъект-объект» в одномерном виде, то информация соответствует его средней части. Действительно, информация уже не совпадает с субъектом, способна отчуждаться от него, существовать в объективированной форме. Но, вместе с тем, информация не сводится к объекту, поскольку существует только в неразрывной связи с субъектом. Можно сказать, что информация является результатом интеграции субъекта и объекта, представляя собой одновременно агента-заместителя, модель, причем как субъекта, так и объекта.

Такая особая роль информации делает целесообразным при изучении профессиональной деятельности выделение не традиционных двух, а трех типов объектов, с которыми взаимодействует субъект труда: собственно материальные объекты, другие субъекты и информационные объекты. В современных условиях дихотомическое деление деятельности на субъектно-объектную и субъект-субъектную уже не обеспечивает полностью адекватной методологической основы для изучения многообразных проявлений человеческой деятельности, что связано с еще одной, отмеченной выше линией философско-генеза человеческой деятельности – развитием представленных в ней информационных взаимодействий. Выделение в психологических исследованиях нового, субъектно-информационного типа

деятельности, обусловлено тем, что такая деятельность выходит за рамки одной лишь традиционной внутриспсихической, умственной деятельности и широко представлена в объективированной, отчужденной от психики одного-единственного субъекта форме. «В деятельности субъектно-информационного типа предметом труда является информация, обусловленная субъектом труда и «другими» субъектами совместной деятельности. При этом прямые отношения субъекта труда и исходного объекта информационного отражения, как правило, отсутствуют. Следовательно, здесь субъект-объектные отношения представлены, в основном, в специфической свернутой форме» (Карпов, Леньков, 2006, с.321). Атрибутом субъектно-информационного класса деятельности является специфическая структура пространства функциональной сложности данной деятельности, занимающая определенное промежуточное положение между структурами пространств деятельности субъект-объектного и субъект-субъектного классов.

Концепция субъектно-информационного подхода позволяет интегрировать многие достижения отечественных и зарубежных авторов в направлении понимания субъектной обусловленности информации в рамках более широкого методологического контекста. Полученные результаты дают основания утверждать, что субъектно-информационный подход является определенным конструктивным «ответом» на настоятельную потребность психологии труда в создании новых исследовательских схем, способствующих дальнейшему развитию психологии, открывая новые перспективы психологии деятельности (Мазилов В.А., Слепко Ю.Н., 2015). В решение этой задачи, как мы надеемся, вносит определенный вклад представленный методологический подход, который в наибольшей степени релевантен исследованию таких новых видов труда, в которых важную роль играют информационное взаимодействие и современные информационные технологии. Вместе с тем, есть определенные основания предполагать, что сфера применения субъектно-информационного подхода может оказаться значительно более широкой по отношению как к теоретическим, так и к прикладным исследованиям профессиональной деятельности.

Литература

Завалишина Д.Н. Субъектно-динамический аспект профессиональной деятельности // Психол. журн. 2003. – Т. 24. – № 6. – С. 5-15.

Карпов А.В. Психология деятельности в 5 томах. Том 1. Метасистемный подход. М.: Изд-во «Издательский дом РАО», 2015.

Карпов А.В., Леньков С.Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006.

Леньков С.Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.

Леньков С.Л. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности экономиста в условиях информатизации. Тверь: Лилия Принт, 2002.

Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Новые перспективы психологии деятельности // Вопросы психологии. 2015. – № 1. – С. 162-164.

Носкова О.Г., Мдивани М.О. Опыт психологического изучения современных профессий // Труды Международной научно-практической конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика» / под ред. А.Н. Анохина, П.И. Падерно, С.Ф. Сергеева. СПб.: Межрегиональная эргономическая ассоциация, 2014. – С. 187-193.

Юревич А.В. Структура психологических теорий // Психол. журн. 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 5-13.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ XX И XXI ВЕКА

Логина Н.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-06-00668

Рассматривается суть антропологического подхода и его осуществление в российской психологии в новейшей истории психологии: человек – носитель психического и субъект сознания и деятельности, его структура изнутри детерминирует психические процессы. Адекватным средством осуществления антропологического подхода является комплексный подход. Конкретные комплексные исследования в психологии проведены в научно-психологических школах Бехтерева, Ананьева, Мерлина, Теплова. Методология антропологического подхода на философском уровне разрабатывается в школе Рубинштейна и в Институте философии РАН. Происходит антропологизация российской психологии.

Ключевые слова: антропологический подход, комплексный подход, индивидуальность, субъект, структура личности, антропологическая психология, психологическая антропология, педагогическая антропология, человекознание (антропономия).

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN RUSSIAN PSYCHOLOGY OF XX-XXI CENTURIES

Loginova N.A.

Saint-Petersburg State University, Russia

Anthropological approach in its essence and its modern history in the Russian psychology is considered. Human is a carrier of psyche and subject of

consciousness. Individual structure determines the psychological processes. Comprehensive approach to the man as a whole seems to be an adequate means for anthropological approach. The actual comprehensive researches were implemented at the scientific psychological schools of Bekhterev, Ananiev, Merlin, Teplov. Methodology of the anthropological and comprehensive approach is developed by the Rubinstein psychological school and the Institute of Russian Academy of Science. The “anthropologisation” of psychology is continuing nowadays.

Keywords: anthropological approach, comprehensive approach, individuality, subject, structure of personality, anthropological psychology, psychological anthropology, pedagogical anthropology, human cognition (anthroponomy).

Антропологический подход в российской психологии существует в разных формах – личностный, субъектный, собственно антропологический. Он опирается на антропологический принцип, который утверждает, что психическое – атрибут целостного человека. Человек – «субстрат», носитель психического и субъект сознания. Психическое – системное качество, продукт системы «человек». Характер же этого «субстрата» весьма противоречив, и в обобщенном виде сводится к соотношению биологического и социального в нем. В психологической науке все дискуссии о предмете психологии и особенностях объяснительных схем разворачиваются, в конце концов, вокруг этого фундаментального противоречия. Осмысливая его, психологи неизбежно выходят в сферу общественных и биологических наук о человеке. Психологическое познание в этом отношении становится человекознанием, не переставая быть психологией.

Признание этого положения приводит к необходимости комплексного междисциплинарного подхода при решении коренных вопросов психологической теории и практики. Такая психология, направлена на изучение психического, во-первых, как элемента в структуре человека и, во-вторых, как производное от этой структуры есть, по сути, антропологическая психология. В-третьих, она опирается на смежные науки о человеке, тесно сотрудничает с ними в самом процессе исследований и при этом осмысливает их достижения с точки зрения собственных познавательных задач. Именно такую, антропологическую психологию, разрабатывал Б.Г. Ананьев – организатор комплексных междисциплинарных исследований человека как субъекта сознания и деятельности (Логинова, 2015).

Антропологический подход и принцип не всегда осознается как таковой, но он фактически существует и имеет длительную историю в философии и психологии. Известны его сторонники в философии: И. Кант, Л. Фейербах, Н.Г. Чернышевский, П.Л. Лавров, представители философской антропологии и экзистенциализма. Сторонником и инициатором антропологического и вместе с тем комплексного подхода к человеку выступил В.М. Бехтерев. Сто лет назад он организовал Психоневрологический

институт, Институт мозга и ряд лабораторий, которые были призваны осуществлять комплексный подход в целях познания целостного человека и его поведения (деятельности) в сфере труда, общения и познания. Опыт, накопленный в школе Бехтерева, имеет ценность и для современной науки о человеке (Логинова, 2005). Это для нас несомненно, хотя бы потому, что на наших глазах на рубеже XX – XXI вв. произошел антропологический поворот в российской психологии, во многом подготовленный историческим ее развитием в дореволюционное время и особенно под влиянием антропологической психологии Б.Г. Ананьева и философско-психологической антропологии С.Л. Рубинштейна новейшего времени.

Проблема человека интересует разных специалистов с разных сторон. Аспектное, монодисциплинарное знание о человеке неуклонно прирастает в социальных, гуманитарных науках и биологических науках. Свой аспект человекознания имеют науки о неживой природе и технике. Рост монодисциплинарных знаний идет и в психологии. Налицо дифференциация наук по различным аспектам объекта, каковым является в данном случае человек. Вместе с тем есть встречное стремление интегрировать знания в целостную картину человека, чтобы понять и объяснить множественную детерминацию его поведения и внутреннего мира. Полнота охвата объекта обеспечивается комплексным подходом к нему, полидисциплинарными исследованиями. В них активно участвует и психология. Но многоаспектное знание не всегда есть целостное знание. Для этого ему надо выйти на новый интегративный уровень и обратиться к отдельному предмету познания как части некоего целого.

Что считается «целым» в психологической науке? В психологии немало сказано о целостности. Во многих теориях имеется в виду целостность индивидуального сознания, психики отдельного человека. Но сознание – часть другого целого – индивида, субъекта, личности, индивидуальности – в общем, человека. В психологии создана не одна концепция о целостном человеке. Эти концепции характеризуют человека как психобиосоциальное целое. Раскрытие природы этого целого удастся через анализ его структуры. Именно структурные модели позволяют более строгим научным языком обсуждать проблему целостного человека как субъекта сознания и носителя психики. Исследования проблемы целостного человека осуществлены в российской психологии советского периода преимущественно под рубрикой «психология личности», ее центральным предметом стала структура личности. При этом часто речь идет о личности в широком смысле слова, совпадающем с понятием человек. Дифференциация разных понятий, относящихся к единичному человеку, проведенная Б.Г. Ананьевым, выделила понятие индивидуальности как тотальной целостности человека. А.В. Брушлинский (Брушлинский, 1994 и др.), развивая идеи С.Л. Рубинштейна, предпочитал понятие «субъект», по сути совпадающее с ананьевским пониманием индивидуальности.

Индивидуальность – саморазвивающаяся полисистема, сочетающая в себе закрытость-автономность и вместе с тем имеющая опосредованные связи с метасистемами искусственной (в том числе общественной) и природной среды. Целостность системы вообще и индивидуальности в частности сохраняется за счет внутренних связей между ее элементами. В этой замкнутой системе человека сознание приобретает характер субъективного внутреннего мира, который является безраздельным предметом психологической науки. Психологическая наука в этом отношении соревнуется только с искусством, которое тоже занимается индивидуальностью, но делает это по-своему, в художественной образной форме.

Понятие «индивидуальность», отражающее психобиосоциальную целостность человека, положено в основу в конкретных научных исследованиях школы Б.Г. Ананьева, В.С. Мерлина (Мерлин, 1986) и Б.М. Теплова (Голубева, 1993). Оно стало популярным в 2000 годы, но, тем не менее, это понятие нуждается в дальнейшей разработке, теоретическом и эмпирическом обосновании. Научное психологическое познание индивидуальности как объективной психобиосоциальной системы и сознания как субъективного внутреннего мира возможно «в системе синтетического человекознания» (Ананьев 1968, с. 335) и в психологической науке как части человекознания (антропономии).

Исследования целостного человека в целях его психологического познания требует особых средств. Таковым является комплексный подход, развиваемый в школе Б.Г. Ананьев с 1960-70-е годов. Если раньше в нашей литературе преобладало мнение о нем как о нижнем уровне системности (Ганзен, 1984), то теперь появляется новое понимание комплексного подхода как высшего уровня системности в виде системно-комплексного (Логинава, 2005) и сверхсистемного, ориентированного на единство универсальности и уникальности объекта изучения. Комплексный подход совпадает с методом материалистической диалектики, которая направлена на органическую целостность в развитии, к каковым является в первую очередь человек. Таким образом, комплексный подход – это методология выходит на философский уровень (Корсаков, 2009). На философском уровне она разрабатывалась в Институте человека РАН (1992-2004) и в настоящее время в отделе комплексных исследований человека в Институте философии РАН.

Наука в целом действительно антропологизируется, как предвидел Б.Г. Ананьев. Комплексные исследования сложных систем, междисциплинарные связи, переброска знаний из одной научной дисциплины в другую – все это стало привычной научной практикой. В конце прошлого века возрождается интерес к педагогической антропологии как практическому приложению антропологической психологии и не тождественной ей антропологической психологии. Последняя отличается гуманитарной направленностью, акцентированием внимания на вопросах духовного раз-

вития человека, стремлением ввести понятие души в научную психологию (Слободчиков, Исаев, 1995 и др., Шадриков, 2009).

Философские и психологические методологические разработки антропологического подхода продолжают в теоретическом плане. Но эмпирические комплексные исследования человек-индивидуальности по специально созданной программе в целях психологического познания в российской психологии фактически свернуто, чему есть объективные и субъективные причины.

Литература

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.

Брушлинский А.В. Проблема психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.

Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984.

Голубева Э.А. Способности и индивидуальность. М.: Прометей, 1993.

Корсаков С.Н. Комплексная концепция человека в философии И.Т. Фролова. Тверь: СФК-офис, 2009.

Логинова Н.А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: СПбГУ, 2005.

Логинова Н.А. Антропологический принцип в методологии Б.Г. Ананьева // Психологический журнал. 2015. – Том 36. – № 3.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995.

Шадриков В.Д. От индивида к индивидуальности. Введение в психологию. М.: ИП РАН; 2009.

«КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПУТАНИЦА»: О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мазилев В.А.

Ярославский государственный педагогический университет, Россия

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15-06-10716

В статье поднимается вопрос о некоторых актуальных проблемах современной психологии. В конце 40-х годов XX столетия Л. Витгенштейн писал о концептуальной путанице в психологии и о соблазнительности экспериментов. В статье предлагается интерпретация этого тезиса. Утверждается, что метод эксперимента не самоценен, его "плодотвор-

ность" зависит от того, с какими понятиями (в качестве предмета исследования и предмета психологии) он ассоциирован. В статье отстаивается трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, прослеживаются преимущества такой трактовки.

Ключевые слова: психология, наука, Л. Витгенштейн, И. Кант, предмет науки, метод, внутренний мир

"CONCEPTUAL CONFUSION": ABOUT SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS OF MODERN PSYCHOLOGY

Mazilov V.A.

Yaroslavl state pedagogical University, Russia

The article raises the question of the crucial issues of modern psychology. In the late 40-ies of the XX century L. Wittgenstein wrote about conceptual confusion in psychology and seductiveness of experiments. The article offers an interpretation of this thesis. It is alleged that the experimental method is not a value itself, his "fruitfulness" depends on with what concepts (as a subject of research, and the psychology of the subject) it is associated. The article advocates the interpretation of the subject as a man's inner world, the benefits of such an interpretation can be traced.

Keywords: psychology, science, L. Wittgenstein, Kant, subject of science, technique, inner world.

Прежде всего сделаем необходимое уточнение, касающееся названия статьи. Кому-то использование такого слова применительно к науке об удивительном, возвышенном и совершенном (Аристотель) может показаться неуважительным. На самом деле это, разумеется, не так. Выражение "концептуальная путаница" (также "путаница в психологии"), конечно же не автора настоящей статьи, а принадлежит выдающемуся философу и логика Людвигу Витгенштейну (1889-1951). В период с мая 1946 по май 1949 г. Л. Витгенштейн записал свои мысли и соображения о психологии, которые были изданы под названием "Заметки о философии психологии" (Витгенштейн, 2001). Было бы слишком просто, если бы Божественный Людвиг (по выражению В. Руднева) сам в точности разъяснил, что в данном случае имеется в виду. По обыкновению он этого не сделал, поэтому нам придется интерпретировать, точнее, в соответствии с данной ситуацией, толковать это не вполне ясное высказывание.

Обратимся к тезису из трактата Л. Витгенштейна "Заметки о философии психологии". Он невелик по объему, поэтому приведем его целиком: "Путаница в психологии не может быть объяснена ссылкой на то, что она является "молодой наукой". Ее состояние нельзя даже сравнить с состоянием физики в ее молодые годы. И тем более — с состоянием некото-

рых ветвей математики. (Теорией множеств.) Ибо, с одной стороны, существует экспериментальный метод, а с другой — концептуальная путаница; как и в некоторых ветвях математики — концептуальная путаница и методы доказательств. В то время как в математике можно быть уверенным, что метод доказательства может быть полезным, даже если он плохо понят, в психологии плодотворность экспериментов весьма соблазнительна. Напротив, в психологии именно это является проблематичным, и существуют эксперименты, которые, как полагают, решают проблемы, в то время как из них ускользают именно тревожащие вещи" (Витгенштейн, 2001, с. 151).

Тезис, повторим, известный, но содержание нуждается, как представляется, в некотором комментарии. Причем подчеркнем, что возможный и обстоятельный комментарий может оказаться размером с небольшую книгу. Поэтому из всех потенциально возможных направлений комментария выберем, учитывая ограниченность объема публикации, только одно.

Начнем с эксперимента. Исторически получилось так, что эксперимент приобрел особую ценность как метод в первую очередь в естественных науках. Как справедливо отмечает В.С. Степин, естествознание, основанное на соединении математического описания природы с экспериментальным ее исследованием, формировалось в результате культурных сдвигов, осуществлявшихся в эпоху Ренессанса и перехода к Новому времени. "Идея эксперимента как метода познания и проверки истинности научных суждений могла утвердиться только при наличии следующих мировоззренческих установок. Во-первых, рассмотрения результатов эксперимента, которые представляют собой продукт искусственного, человеком созданный, как принципиально неотличимого от естественных природных состояний; во-вторых, представление о том, что экспериментальное вмешательство в протекание природных процессов создает феномены, подчиненные законам природы и выявляет действие этих законов. В-третьих, рассмотрения природы как закономерно упорядоченного поля объектов, где индивидуальная неповторимость каждой вещи как бы растворяется в действии законов, которые управляют движением и изменением качественного многообразия вещей и одинаково действуют во всех точках пространства и во все моменты времени" (Степин, 2009, с.564). "Все эти мировоззренческие установки, предполагающие особые смыслы фундаментальных универсалий культуры (природы, человека, пространства и времени, деятельности, познания), складывались в эпоху становления базисных ценностей техногенной цивилизации. Они не были присущи традиционалистским культурам. Их не было ни в Античности, ни в европейском Средневековье" (Степин, 2009, с.564).

Как известно, осмысление процессов, происходивших в сфере естествознания в Новое время, было осуществлено И.Кантом. Собственно,

Кантом и было сформулировано представление о естественных науках, которое, легло в основу понимания психологии как естественной науки. Хотя Кант с известным основанием может считаться и вдохновителем гуманитарного подхода в науке, в данном аспекте его влияние на психологию появилось значительно позже. Как нам представляется, роль Канта в возникновении и становлении научной психологии, как ни удивительно, в полном объеме еще не раскрыта.

Обратим внимание на то, что кантовская критика рациональной психологии в известной мере предопределила дальнейшее развитие психологии как эмпирической науки. “Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует; она возможна только как дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни; она скорее напоминает нам, чтобы мы видели в этом отказе разума дать удовлетворительный ответ на вопросы любопытствующих, касающиеся того, что выходит за пределы земной жизни, его же указание обращать свое самопознание не на бесплодную чрезмерную спекуляцию, а на плодотворное практическое применение, которое, хотя всегда и направлено только на предметы опыта, тем не менее заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше поведение так, как если бы наше назначение выходило бесконечно далеко за пределы опыта, стало быть за пределы земной жизни” (Кант, 1964, с.382).

В плане дальнейшего развития эмпирической психологии нельзя пройти мимо одного замечания Канта, имеющего для будущего психологии несомненное методологическое значение. В предисловии к “Антропологии” (1798) Кант отмечает, что “учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической” (Кант, 1966, с. 351). Фактически, здесь речь идет об основаниях эмпирической науки. И хотя Кант строит свою антропологию как прагматическую, возможность систематического изложения антропологии с точки зрения физиологической (и, следовательно, психологии как частной науки) остается. Та возможность, которая “потенциально” содержалась в программе Вольфа, была артикулирована Кантом (правда, пока для антропологии). Не будем забывать, что психология (эмпирическая) могла рассматриваться как часть антропологии, а следовательно, “перенос” на психологию является достаточно правомерным.

В апреле 1787 года в предисловии ко второму изданию “Критики чистого разума” Иммануил Кант рассуждал о том, как определить, находится ли наука на верном пути или же движется ощупью. Вслед за математикой верным путем, по мысли Канта, пошло естествознание. “Естествоиспытателя-

тели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем. Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания...” (Кант, 1964, с. 84-85). Можно полагать, что судьбу психологии во многом предопределили кантовские слова, которые представляются своеобразным методологическим требованием к психологии, если она захочет быть наукой. Действительно, создается устойчивое впечатление, что многие психологи последующих поколений принимали “вызов”, стараясь с удивительным упорством решать именно эти две задачи: экспериментировать и вычислять. Кант пишет в “Метафизических началах естествознания” (1786): “эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и – как таковое в меру возможности – систематическое учение о природе внутреннего чувства, т.е. описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением” (Кант, 1966, с. 60). Кантовские слова оказали огромное влияние на последующее развитие психологии. К ним прислушивались и безоговорочно соглашались, кто-то пытался оспорить справедливость того или иного тезиса.

Итак, естественно-научная модель психологии негативно – через критику психологии – задана. Кантовская критика состояла в следующем: 1) психология не может использовать математику; 2) психология не может экспериментировать; 3) в психологии нельзя выделить устойчивые элементы (как в химии); 4) самонаблюдение нарушает естественное течение душевных процессов. Как известно, полностью ответил на кантовскую критику, разработав под кантовские требования свою физиологическую пси-

хологию, Вильгельм Вундт. Для темы нашей статьи особенно важно подчеркнуть, что используя метод эксперимента, он дал основания считать психологию экспериментальной наукой...

Впрочем, здесь не время и не место заниматься оценкой метода эксперимента в психологии в целом. Отметим лишь, что сам В.Вундт в работе 1913 года проницательно заметил, что эксперимент без направляющей роли философии не может привести к успеху (Вундт, 1913). Фактически о том же писал уже в 60-е годы XX столетия известный психолог М.С.Роговин: "Каким бы диссонансом это не звучало в настоящее время, когда результаты экспериментального метода представляются чуть ли не единственным критерием научности, этот метод сам по себе дает мало повода для размышлений над содержанием научных понятий и над их исторической природой" (Роговин, 1968, с.2). Завершая обсуждение фрагмента о "соблазнительности" эксперимента в психологии, отметим, что метод эксперимента не самоценен, его "плодотворность" зависит от того, с какими понятиями (в качестве предмета исследования и предмета психологии) он ассоциирован.

Не вполне ясно, что имеется в виду под собственно "путаницей" в психологии. Действительно, не надо быть великим логиком и философом, чтобы утверждать наличие путаницы в психологии. При обилии различных психологических путаниц разного ранга и масштаба, рискнем предположить, что речь здесь идет о путанице весьма существенной, притом не являющейся следствием молодости означенной науки. Нам представляется, что эту роль может претендовать главная психологическая путаница - путаница в определении предмета психологии. О предмете психологии написано много, но на наш взгляд, в данном аспекте чрезвычайно важным представляется понимание предмета психологии как уровневого образования. В свое время нами было опубликовано несколько статей, где были сформулированы требования к трактовке предмета, выявлены основные функции, которые предмет науки призван выполнять (Мазилев, 2007, 2008, 2004). Но вместе с тем есть аспекты проблемы предмета, которые до сих пор не получили необходимой разработки. К числу таких значимых аспектов проблемы предмета психологии относится концепт "совокупный предмет". Совокупный предмет, несомненно, является производным от реального предмета, который характеризует сущность понимания психического, но вместе с тем выполняет важнейшую функцию определения пространств психической реальности. Иными словами, совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу. и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет.

Примером крайне неудачного определения совокупного предмета психологии, как хорошо известно из истории психологии, может явиться "сознание". При этом причины тотальных неудач на этом исследовательском пути часто остаются без методологического анализа. Проблема в том, что сознание человека явно не представляет собой целостность, способную к "самодвижению" (выражаясь языком философов). Попробуем пояснить этот совсем не простой вопрос.

Как давно и хорошо известно, сознание представляет собой вырванный из ткани души кусок душевного аппарата. И поскольку граница между сознанием и бессознательным крайне нечетка, это провоцирует исследователей на бесконечное выяснение, где эта граница, и как они - сознание и бессознательное - должны соотноситься. "Кровотокающий" след делает неизбежным обращение именно в эту сторону. С фрейдовских времен хорошо известно, что наличие предсознательного делает эту границу принципиально рыхлой, а противопоставление сознательного и бессознательного приводит в тупик. Ибо, сознание - не та целостность, на которой можно конструктивно строить науку. Отметим, что ситуация усугубляется, когда совокупный предмет психологии оказывается оторванным от его физиологической основы (как неизбежно происходит в случае с сознанием). Стойкое желание соотносить сознание и мозг упирается в известные варианты решения психофизиологической проблемы, что абсолютно не продвигает нас на пути постижения законов психики, которые исследователя интересуют в первую очередь.

Впрочем, из истории психологии хорошо известно, что обстоятельства выделения психологии в самостоятельную науку были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета: с одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»).

На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Как справедливо отмечает Д.А.Леонтьев, человека можно рассматривать одновременно как природный объект, индивидуальность, а с другой как личность, которая имеет внутренний мир, который характеризуется через его содержание и через те взаимодействия, в которые надо вступить с миром, чтобы позволить ему раскрыться (Леонтьев, 2008). Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, является физиологическая функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются отдельные отделы нервной системы человека, и прежде всего головного мозга (Шадриков, Мазилев, 2015). И если внут-

ренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, возникает через восприятие субъектом его собственных потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни (с внутренней стороны) и есть поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. На основе сказанного можно заключить, что внутренний мир человека – это живой мир и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир, это живая субстанция (Шадриков, Мазиллов, 2015).

Обратим внимание, что такие идеи не вполне соответствует представлению философии науки об однозначной отнесенности психологии к классу социогуманитарных дисциплин. Стоит подчеркнуть, что в настоящее время мы наблюдаем чрезвычайно бурный рост числа исследований в области так называемых нейронаук. Нейронауки, как известно, представляют собой междисциплинарную область знаний, занимающуюся изучением нейронных процессов. В настоящее время нейронауки включают в себя ряд таких областей как когнитивная наука, химия, информатика, инженерия, лингвистика, медицина, психология и др.

Конечно, здесь не время и не место обсуждать эту глобальную проблему сколь-нибудь подробно. Отметим как итог настоящей статьи, что перспектива развития психологии видится в использовании категории внутренний мир человека как предмета современной психологии. По нашему мнению, это дает возможность сопряженного исследования внутреннего мира человека и мира человеческой жизни. Как можно полагать, возможно создание принципиально новых методов исследования психического, основанных на идеях юнговской амплификации.

Литература

Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. Т.1 М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. Сб.10: Методы психологии II. СПб.: Образование, 1913. – С. 93-131.

Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. М.: Мысль, 1964.

Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. М.: Мысль, 1966.

Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006. – С.134-147.

Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.

Мазилев В.А. Стены и мосты. Ярославль, 2004.

Мазилев В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. – Т.1. – Вып.1. – С.55-72.

Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль, 2007.

Мазилев В.А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. 2008. – Т.3. – Вып. 1. – С. 58-73.

Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории. Автореф. дисс... доктора педагогических наук. М., 1968.

Степин В.С. Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. – С.562-566.

Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. М.: Юрайт, 2015.

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Маланов С.В.

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

Обсуждается проблема локализации и эволюционного развития психических функций. Выделяются альтернативные направления научного анализа, где психика рассматривается в качестве процессов, которые: а) локализованы в мозге; б) локализованы между животными и объектами окружающего мира, обеспечивая ориентировку и животных организмов в окружающем мире.

Ключевые слова: локализация психических функций, мозг и психика, эволюция психической ориентировки, сознательные формы психической ориентировки, функциональные системы.

TO THE QUESTION OF DETERMINATION AND LOCALIZATION OF MENTAL FUNCTIONS

Malanov S. V.

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

The article is devoted to the problem of localization and evolution of mental functions. Alternative directions of scientific analysis, where the mind is seen as processes that: a) are localized in the brain; b) localized between animals and objects of the world, providing the orientation of living organisms in the world, are allocated.

Keywords: localization of mental functions, the brain and the mind, the evolution of mental orientation, conscious forms of mental orientation, functional systems.

При обсуждении предмета исследования психологии существуют попытки вывести психические явления за пределы естественно-научного детерминизма. Неявный отказ от детерминизма осуществляется путем: а) явного и неявного введения мистических оснований; б) сведения психических явлений к различным вариантам интерпретации феноменологии, получаемой на основе рефлексивного самоанализа и регистрации рефлексивных самоотчетов; в) использования философско-мировоззренческих постулатов, которые разделяют психические (идеальные) и физические (материальные) явления на две группы явлений или на две группы несвязанных свойств; г) введения принципов (постулатов) «плюрализма», «взаимного дополнения», «диалогизма» между разными методологическими подходами и позициями. Многообразие и противоречивость подходов часто дополняется делением психологии на естественно-научные и гуманитарные области и направления исследований (Парадигмы.., 2012).

В системе современных научных знаний психология сможет занять строгое место, только опираясь на принцип методологического монизма (Науменко, 1968). Реализация этого принципа предполагает выведение закономерностей развития психики у живых организмов из законов эволюции, а специфических закономерностей развития психики у людей – из закономерностей антропогенеза и исторического развития человечества. Благодаря закономерностям развития общественных форм жизнедеятельности у предковых форм человечества в период антропогенеза происходит: а) освобождение от влияния законов биологической эволюции и переход к культурно-историческим формам существования; б) развитие материальной и духовной культуры на основе накопления и трансляции общественно-исторического опыта (Гальперин, 1998). При этом новые формы жизнедеятельности детерминируют развитие новых форм психики.

Вместе с тем и среди психологов, сохраняющих установку на научно-монистическое выявление причин, лежащих в основе психики, отсутствует единство исходных позиций. Так, в отечественной психологии, нацеленной на поиск факторов, детерминирующих развитие психических функций, постоянно воспроизводятся две центральные позиции: а) психика – это функции мозга (Чуприкова, 2015); б) психика – это функции ориентировки животных организмов, позволяющие направлять и организовывать взаимодействия с окружающим миром (Леонтьев, 2000; Гальперин, 1998; Маланов, 2012). В первом случае встает вопрос, каким образом внутри мозга на основе электрохимических процессов в нейронах (между нейронами) порождается психика? Во втором случае требуют ответа вопросы, где и на чем локализуется психика, и какую роль в детерминации психических функций выполняет мозг? Это проблему можно заострить: где локализуются психические функции, и кто выступает их носителем? Возможны два обобщенных ответа.

1. Психика локализуется в мозге как функция мозга. При этом мозг организует взаимодействия субъекта с окружающим миром, используя органы чувств, опорно-двигательный аппарат, ставя цели, организуя познание и поведение субъекта и т.д. Аналогичная позиция характеризует и современную когнитивную психологию (науку).

2. Субъект организует взаимодействия с окружающим миром с помощью органов чувств, физиологических функций мозга, опорно-двигательного аппарата и т. д. Психика рассматривается как функциональная система (системно-динамическое образование), которая локализуется на разных органах и тканях организма, обеспечивая организацию и воспроизведение взаимодействий субъекта с окружающим миром.

Какие первичные условия детерминируют функциональное выделение психики у животных организмов в процессе эволюции? Наиболее широкое распространение получила гипотеза, что психические функции являются результатом эволюции функций мозга. Так ли это? Решение поставленной проблемы следует искать в контексте анализа зарождения психических функций у животных организмов в процессе эволюции. Так проблема была поставлена в работах А.Н. Леонтьева вслед за известной гипотезой Л.С. Выготского о том, что высшие психические функции исходно формируются не внутри организма и мозга, а в практических взаимодействиях с людьми – в процессах общения и реализации совместных действий (Выготский, Лурия, 1993).

Необходимой эволюционной предпосылкой для формирования психических функций в жизнедеятельности животных организмов выступает формирование органов перемещения в среде обитания. Но способности к перемещениям в среде обитания дают выраженное эволюционное преимущество организмам только в том случае, если они избирательно направляются на достижение благоприятных и избегание неблагоприятных для жизни условий. Это выступает эволюционной предпосылкой для формирования и развития органов чувств, с помощью которых животные начинают ориентироваться, а также организовывать и регулировать двигательную активность во внешней среде. Простейшие формы направленных перемещений на основе ориентировки во внешней среде (чувствительность), которые наблюдаются уже у одноклеточных организмов, выступают критерием, по которому можно судить о наличии эволюционно исходных форм психики. При этом чувствительность в процессе эволюции дифференцируется: а) на переживания внутренних состояний (аффективная чувствительность); б) на способность к ориентировке во внешней среде (экстероцептивная чувствительность); в) на способность ощущать и контролировать собственные движения (проприоцептивная чувствительность). Этим обеспечивается регуляция взаимосвязей между внутренней средой организма и организацией поведения во внешней среде (Леонтьев, 2012).

Общий генетический ряд причинно-следственных связей, лежащих в основе эволюции психических функций у животных организмов, имеет следующую направленность: а) изменение окружающей среды; → б) изменения в поведении животных организмов, необходимые для выживания и приспособления; → в) необходимость в изменении способов ориентировки на основе совершенствования органов чувств, функционально необходимых для эффективной организации новых форм поведения; → г) эволюционный отбор и совершенствование функциональных и структурных особенностей у организмов соответствующего вида органов чувств, органов передвижения, нервной системы и мозга и т.д. В филогенезе у животных организмов выделяется ряд стадий, характеризующих организацию поведения животных на основе совершенствования способов ориентировки в окружающей среде: а) на основе выделения жизненно значимых свойств окружающей среды (стадия сенсорной психики); б) на основе выделения биологически значимых объектов и их свойств, лежащая в основе организации поведения по отношению к разным объектам (стадия перцептивной психики); в) на основе выделения межпредметных связей и отношений (стадия интеллекта, стадия развития простейших форм «мышления»), что обеспечивает решение нестандартных ситуативных задач. При этом такие способы ориентировки и организации поведения могут отделяться от исходных действий и переноситься в другие ситуации, в другие предметные условия, в состав других действий (Леонтьев, 2000, 2012).

Какие условия детерминируют функциональное развитие психики у людей в период антропогенеза? Вытеснение биологических закономерностей организации жизнедеятельности у предковых форм человечества обуславливается тремя взаимосвязанными факторами: а) объединением предковых форм будущего человечества в сообщества, организованные на основе разделения и распределения действий в рамках совместной деятельности; б) изготовлением и постоянным совершенствованием орудийных средств и способов их использования; в) развитием речевой коммуникации и постоянным совершенствованием способов использования языка.

В результате формируется и совершенствуется совокупность совместных способов ориентировки и организации действий, фиксируемых с помощью языка и знаково-символических средств. Развивается система устойчивых общественно выработанных значений, которые образуют сознание – специфические для людей способы ориентировки в окружающем мире, которые формируются, фиксируются, актуализируются и передаются с опорой на языковые средства в совместной деятельности и общении. Такие способы психической ориентировки и обеспечивают субъекту опосредствованную знаково-символическими средствами произвольную и рефлексивную организацию действий, общения, деятельности (Лурия, 2001; Леонтьев, 2001).

Изложенные основания позволяют определить психику как систему функций, которые обеспечивают:

а) ориентировку в окружающем мире (исследование окружающего мира), исходно опирающуюся на использование органов чувств и зависящую от состояний организма (исходно – физиологических, производно – психофизиологических);

б) организацию и регуляцию направлений жизнедеятельности (движений, действий, деятельностей) на основе предварительной ориентировки;

в) совершенствование на протяжении индивидуальной жизни у животных, способных к научению, наиболее эффективных способов ориентировки и способов организации и реализации направлений жизнедеятельности (Гальперин, 1998; Иванников, 2010).

Если придерживаться такого определения, то психика – это не функция мозга, хотя мозг выступает необходимым условием для актуализации сложных форм психической ориентировки. Психика выступает системой функций, обеспечивающих взаимодействия животных организмов с окружающим миром. В процессе эволюции психических функций у многоклеточных животных первичным является функциональное совершенствование органов ориентировки, а также органов, обеспечивающих взаимодействия (локомоторные и манипулятивные) с окружающим миром, а подстройка мозговых нейрофизиологических функций выступает вторичным фактором по мере эволюции многоклеточных организмов.

Как связаны психические функции животного организма с анатомическими структурами и физиологическими функциями? Направления анализа этой проблемы в отечественной физиологии закладывались в работах И.М. Сеченова и получили развитие в исследованиях И.П. Павлова. Если в работах И.М. Сеченова психические явления выводятся из отношений между организмом и средой, то у И.П. Павлова присутствует тенденция сведения психических явлений к механизмам образования временных нейрофизиологических связей в коре головного мозга – механизмам высшей нервной деятельности. В последующих работах П.К. Анохина и А.Н. Бернштейна была показана зависимость широкого круга физиологических функций у животных организмов (физиологических функциональных систем) от психических функций: ориентировка в окружающей среде (афферентный синтез), постановка и вынесение в будущее целей, прогнозирование (планирование) способов их достижения, контроль и коррекция результатов. Взаимодействия животных организмов с окружающей средой стали рассматриваться в качестве активно организуемых целенаправленных форм поведения, а не в качестве систем ответных автоматизирующихся реакций на потоки внешних раздражителей (Анохин, 1978; Бернштейн, 1998).

«Теория функциональных систем» П.К. Анохина и «физиология активности» Н.А. Бернштейна дают основания делать выводы о локализации психических функций между организмом и предметами окружающего мира. В качестве следствия из таких представлений выступает гипотеза о том, что «психические образы» строятся и актуализируются как функциональные системы на различных тканях, органах и физиологических функциях организма, как результат взаимодействий субъекта с объектами. Такие функциональные системы психофизиологических процессов избирательно подстраиваются под исполнительные предметно-практические и ориентировочные сенсорно-перцептивные операции и действия. При этом следствием любого нового взаимодействия с окружающим миром выступает избирательная актуализация широкого диапазона физиологических процессов в организме, включая и сложнейшие комплексы вегетативных изменений.

Способность людей к воспроизведению психических образов в форме субъективных представлений формируется в речевых взаимодействиях и реализуется с помощью языковых и знаково-символических средств. Можно предположить, что с помощью языковых средств через органы чувств актуализируются нейрофизиологические функции мозга, которые в свою очередь актуализируют локализованные на разных тканях и органах психофизиологические функциональные системы возможных способов ориентировки, моделирующие возможные взаимодействия с возможными предметными ситуациями, образуя умственные действия (Леонтьев, 2001; Маланов, 2015). Для проверки такой гипотезы требуется широкий диапазон комплексных психофизиологических измерений и экспериментов, позволяющих избирательно регистрировать в развертке временных интервалов актуализацию разных функциональных систем:

В двух направлениях: а) от периферических психофизиологических процессов к нейрофизиологическим процессам в мозге; б) от мозговых процессов к комплексам избирательно актуализируемых физиологических и психофизиологических процессов в сенсорных, мышечно-двигательных, вегетативных системах организма.

При реализации субъектом: а) реальных предметно-практических действий; б) соответствующих им умственных (представляемых, идеомоторных) действий, организуемых с опорой на речевые указания.

Такие исследования помогут подтвердить или опровергнуть известное в отечественной психологии положение: нейрофизиологические процессы выступают только одним из необходимых условий формирования психических функций и психического образа; другим необходимым условием и основной причиной актуализации и развития психических функций выступает ориентировочно-исследовательская активность в составе взаимодействий животного организма с окружающим миром.

Литература

- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональных систем. М.: Наука, 1978.
- Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений. Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1997.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика, 1993.
- Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998.
- Иванников В.А.* Основы психологии. СПб.: Питер, 2010.
- Науменко Л.К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
- Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
- Леонтьев А.Н.* Эволюция, движение, деятельность. М.: Смысл, 2012.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. университета, 1979.
- Маланов С.В.* Методологические и теоретические основы психологии. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2012.
- Маланов С.В.* Эволюционное развитие и проблема локализации психических функций // Вестник Марийского государственного университета. 2015. – №4 (19). – С.62-68.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: ИП РАН, 2012.
- Чуприкова Н.И.* Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры, 2015.

О СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Меньшикова Л.В.

Новосибирский государственный технический университет, Россия

В статье поднимается вопрос о неоднозначном отношении к проблеме толерантности в российском обществе. Автор обсуждает содержательную неопределенность и недостаточную методологическую разработку проблем, связанных с употреблением термина «толерантность». Рассматривается возможность включения ряда уточняющих признаков, конкретизирующих содержание указанного понятия.

Ключевые слова: толерантность, границы толерантности, компоненты толерантности, формирование толерантного сознания.

ABOUT THE SUBSTANTIAL UNCERTAINTY OF THE CONCEPT “TOLERANCE”

Menshikova L. V.

Novosibirsk State Technical University, Russia

The article raises the issue of ambivalence to the problem of tolerance in Russian society. The author discusses the substantial uncertainty and lack of methodological development of problems associated with the use of the term "tolerance". The article examines the issue of clarifying the concept of tolerance through the introduction of additional signs.

Keywords: tolerance, limits of tolerance, tolerance components, formation of tolerant consciousness.

Процессы общественного развития, которые можно наблюдать в последнее время, неизбежно сопровождаются обострением противоречий, приводящих к возрастанию напряженности, к появлению межнациональных, межконфессиональных и межличностных конфликтов. В этой ситуацию особенно важно направить усилия на формирование толерантных социальных установок и норм поведения как средства профилактики экстремизма в современном мире. Однако явный дефицит научно обоснованных подходов к решению сформулированной выше проблемы не позволяет конструктивно влиять на состояние общественного и индивидуального сознания. Современная психология и педагогика пока не располагают четкими понятиями и концепциями, дающими представление о механизмах формирования толерантных установок и моделей социального поведения.

Толерантность – это понятие, к которому сложилось неоднозначное и даже диаметрально противоположное отношение в разных слоях нашего общества. Кто-то считает, что это единственный путь наладить отношения между людьми, странами, этносами, религиозными конфессиями в условиях многообразного мира. Кто-то относится к этому понятию крайне негативно и рассматривает его распространение в социокультурном пространстве России как попытку привития нашему народу норм поведения, которые не соответствуют традиционным ценностям, сформировавшимся в процессе культурно-исторического развития нашей страны.

Эти две противоположные формы отношения к толерантности определяются двумя противоположными тенденциями, которые обозначились ярко особенно в последнее время: с одной стороны, это ускоряющиеся процессы интеграции и глобализации во всем мире; с другой – стремление защитить и отстоять свою самобытность. Это проявляется как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне целых групп. В свое время С.С. Аверинцев проницательно отмечал, что причиной обострившейся иррациональной ностальгии «по почве» является то, что люди никогда еще

не были так оторваны от своих корней. В прошлом они принадлежали к некоторой неутраченной бытовой традиции, что давало им определенный минимум закрытости по отношению к «чужому» (Аверинцев, 1990).

В психологию понятие «толерантность» было введено известным американским психологом Г. Олпортом (Олпорт, 2003). Он рассматривал толерантность как черту зрелой личности, у которой есть глубоко укоренившийся набор неких ценностей, которые и служат основой, интегрирующей личность как целое. Эти ценности задают границы и формы проявления толерантности. Зрелый человек открыт к новому опыту, терпим по отношению к окружающему, но где-то он способен сказать «нет» тому, что противоречит его жизненным принципам.

Когда это понятие накладывается на нашу современную реальность со всеми особенностями эпохи постмодернизма, всеобщей относительностью всего, нравственным смятением и ценностным вакуумом, то можно наблюдать, что происходит смещение его смысла, и оно расплывается, постепенно обретая в сознании людей значение всеприемлимости и даже беспринципности. Происходит искажение изначального позитивного смысла этого понятия. Поэтому можно понять высказывания многих общественных деятелей и ученых, которые с осторожностью, а иногда и прямо негативно относятся к попыткам внедрения в общественное сознание этого термина.

В последние десятилетия понятие «толерантность» стало международным термином. Его суть отражает интуитивное восприятие единства человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех. Сам термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* – терпение) является междисциплинарным: он употребляется и в медицине (привыкание к определенному препарату вплоть до полной нечувствительности), и в социологии, и в философии, и в социально-психологических науках (этнопсихологии, политической психологии), и в психологии личности. В психологическую лексику он вошел сравнительно недавно. Толерантность и в русскоязычной, и в англоязычной версии (*tolerance*) чаще всего определяют как терпимость, снисходительность, готовность признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных (Асмолов, 2001; Леонтьев, 2009; Солдатова, 2002). Почти все исследователи акцентируют внимание на безусловных преимуществах терпимого общества, однако некоторые из них ставят под сомнение позитивность толерантного отношения ко всему. В добродетели терпимости таится опасное равнодушие к неоспоримым ценностям. Так, например, М.Ю. Кондратьев и В.А. Ильин пишут: «В последние годы появилась угроза того, что толерантность будет пониматься не как терпимость и готовность к конструктивному компромиссу и нахождению взаимоприемлимого решения в неоднозначных обстоятельствах, а как нивелировка мнений, неспособность со-

держательно и четко отстаивать правоту своей точки зрения, социальный конформизм» (Кондратьев, Ильин, 2007, с. 320-321).

Очевидно, что для устранения разного толкования и непродуктивных дискуссий, сопровождающих употребление термина «толерантность», необходимо провести определенную методологическую работу, определив содержание этого понятия. Анализ публикаций показывает, что на фоне различных его интерпретаций, неизменно возникает один и тот же вопрос: где границы проявления толерантности? Можно ли оправдать чрезмерную толерантность? Ведь последствия от ее проявления могут быть не менее губительными, чем последствия от проявления явной агрессии. До какой степени можно быть толерантным? Где толерантность превращается в конформизм, равнодушие и безразличие? Задумавшись над этим, можно понять, почему английский философ Бернард Уильямс назвал толерантность «нескладной добродетелью» (Уильямс, 1990).

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, необходимо, по-видимому, включить в научное содержание понятия «толерантность» ряд уточняющих признаков.

На наш взгляд, проявление толерантности предполагает наличие 3-х компонентов (или фаз).

1. Открытость новому опыту, умение слушать и слышать другого человека. То, что часто считают признаком интеллигентности человека. Это проявляется в том, что существует некая внутренняя норма, запрещающая давать оценку суждений другого человека, пока ты не выслушал и не понял его точку зрения.

2. Интеллектуальную переработку этой информации и сопоставление ее со своим пониманием ситуации, своими ценностями и жизненными принципами. Именно на этом этапе происходит нащупывание той границы, которая разрешает или запрещает дальнейшее проявление толерантного отношения.

3. Наконец, принятие решения о возможности развития контакта, если позиция другого человека не входит в противоречие с собственными ценностями, и в противном случае – либо попытка обсудить в диалоге возможности согласования точек зрения, либо прерывание контакта и понимание того, что это как раз та ситуация, когда нужно сказать «нет».

Все столкновения и споры по поводу необходимости формирования понятия «толерантность» в общественном сознании или по поводу того вреда, которое это может принести, происходят от того, что проявление толерантности часто отождествляют только с первым компонентом, забывая о наличии других существенных ее частей (второй и третьей). Размытость, научная несформированность этого понятия, и перенос его в таком состоянии в обыденное сознание людей и порождает ожесточенные дискуссии, а также часто ведет к непродуманным решениям. Можно привести много фактов, подтверждающих это. В частности, принятие таких непро-

думанных решений на международном уровне можно видеть в последнее время на примере реализации европейской миграционной политики. Это яркая иллюстрация того, как происходит явный перекоп в сторону 1-й фазы проявления толерантности на фоне недостаточной интеллектуальной оценки возможных социально-экономических и культурных последствий массовой миграции беженцев из зоны военных действий на Ближнем Востоке в Европу.

Понятие «толерантность» было заимствовано из разных областей знания и получило неоправданно широкое употребление для оценки разных общественных явлений и поведения отдельной личности. Поэтому следующим вполне естественным шагом, на наш взгляд, должно быть уточнение содержания этого феномена применительно к сфере социально-психологических явлений в ходе специальной методологической проработки. Это первоочередная задача, от решения которой зависит то, как следует подходить к формированию установок толерантного сознания в нашем обществе и нужно ли это делать.

Учитывая вышесказанное, нужно продуманно и осторожно относиться к призывам внедрять в школьное образование программы развития толерантности. На наш взгляд, это можно делать только тогда, когда параллельно ведется серьезная работа по развитию самосознания учащихся, включающая создание условий для усвоения нравственных норм и тех социальных традиций, позитивный вклад которых в общественную жизнь проверен временем.

Известные специалисты в области психологии толерантности Г.У. Солдатова и Т.А. Нестик пишут: «Можно сколько угодно ругать толерантность, но в контексте историко-эволюционной перспективы у человечества нет иного козыря в его сценарии выживания» (Солдатова, Нестик, 2011, с.24). Если согласиться с такой оценкой роли толерантности, то становится понятным, почему идут такие жаркие научные и общественные дискуссии по поводу этого феномена в настоящее время.

Выделение толерантности как обобщенной личностной характеристики, являющейся важным ресурсом личностного развития, индикатором зрелости личности, одной из ключевых компетенций, определяющей способность человека жить и конструктивно действовать в многомерном мире, сочетается со слабой разработанностью вопроса о психологических механизмах, способствующих или препятствующих развитию толерантности личности. На наш взгляд, решение этого вопроса это одна из наиболее важных задач современной социальной психологии.

Литература

Аверинцев С.С. Когда рука не сожмется в кулак // Век XX и мир. 1990. – №7. – С.38-40.

Асмолов А.Г. Слово о толерантности. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: науч.-публицист. вестник. М.: МГУ, 2001. – № 1. – С.2-5.

Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика М.: ПЕР СЭ, 2007.

Леонтьев Д.А. К операционализации понятия толерантность // Вопросы психологии. 2009. – №5. – С.3-16.

Олпорт Г.У. Природа предубеждения // Век толерантности: науч.-публицист. вестник. М.: МГУ, 2003. – № 5.

Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. – № 2 (6). – С.15-24.

Солдатова Г.У. Научная конференция «Толерантность – норма жизни в мире разнообразия» // Вопросы психологии. 2002. – №1. – С.132-135.

Уильямс Б. Нескладная добродетель // О терпимости. Курьер ЮНЕСКО. № 3. – 1990. – С.10-12.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛАХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИЗМА В ПСИХОЛОГИИ

Мироненко И.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Поддержано грантом РГНФ №14-06-00668

Обсуждается предложенная Н.И. Чуприковой теоретическая модель целостной функциональной системы психического отражения и регуляции поведения и деятельности. Признавая данный подход чрезвычайно полезным и обогащающим психологическую науку, автор, в то же время, считает его принципиально ограниченным в своих возможностях и опасным в случае выхода за их пределы. Применимость и перспективы подхода анализируются в свете вопроса о предмете психологии.

Ключевые слова: предмет психологии, психофизиологическая проблема, монизм и дуализм, антропологическая проблема психологии.

CONCERNING THE POSSIBILITY AND THE LIMITS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL MONISM IN PSYCHOLOGY

Mironenko I.A.,

Saint Petersburg State University, Russia

The theoretical model of an integrated functional system of psychic reflection and regulation of behavior proposed NI Chuprikova is discussed. Acknowledging this approach as substantially beneficial and enriching psychological

science, the author, at the same time, believes that it is fundamentally limited in psychology and dangerous if exceeding the applicability limits. The applicability of the approach and its' perspectives are analyzed in the light of the problem of the subject of psychology, its' field and domain and in relation to the anthropological problem of psychology.

Keywords: the subject of psychology, psychophysiological problem, monism and dualism, anthropological problem of psychology.

Предложенная Н.И. Чуприковой теоретическая модель целостной функциональной системы психического отражения и регуляции поведения и деятельности (Чуприкова, 2004; 2006; 2009) закономерно вызывает интерес профессионального сообщества и служит предметом дискуссий. Признавая разрабатываемый Н.И. Чуприковой подход чрезвычайно полезным и обогащающим психологическую науку, я, в то же время, считаю его принципиально ограниченным в своих возможностях и опасным в случае выхода за их пределы.

В психологии со времен античности периодически возникают направления, провозглашающие своей целью решение психологических проблем путем применения методологии и методов биологических наук. История убедительно свидетельствует о полезности и значимости такого рода разработок, однако абсолютизация такого подхода в психологии, его расширительное применение, приводят в тупик и означают утрату психологией своего предмета, так как психическое не может быть объяснено и описано в терминах физиологических механизмов, как не может быть описана архитектура здания в терминах свойств использованных кирпичей. Тем не менее соблазнительная «объективность» данного подхода вновь и вновь вдохновляет исследователей.

Психология на протяжении всей своей истории как между Сциллой и Харибдой движется между двумя соблазнами:

- избавиться от субъективности своего предмета, стать наконец «настоящей» наукой, исследовать объективно существующие явления,
- раскрыть загадку человеческой души: научно доказать, обосновать, что является смыслом человеческой жизни, что нужно человеку для счастья и к чему он должен стремиться, что есть добро и зло.

Полагаю, что как первое, так и второе в конечном счете невозможно, а попытка сделать движение к любой из этих целей единственным вектором развития психологии ведет к разрушению психологической науки, к утрате ею либо своего подлинного предмета, либо статуса научного знания.

Основное требование к знанию с точки зрения обеспечения его научности, основной критерий научности знания - это требование рациональности, детерминистского его характера. Вопрос о соответствии метода требованиям рациональности и детерминизма традиционно обсуждается и

является центральным в контексте дискуссии о соотношении объяснительной (естественно-научной) и описательной (гуманитарной) парадигм в психологии.

В рамках объяснительной методологической традиции предполагается причинно-следственная детерминация событий объективной реальности, что с необходимостью требует для того, чтобы сформулировать научную (т.е. рациональную) гипотезу и произвести опытную проверку, иметь полное объективное описание исходных данных. Невозможность такого "объективного" исходного описания предмета исследования для психологии является постоянным аргументом критики объяснительной психологии в методологических дискуссиях, ведущихся уже более века.

В русле описательной парадигмы психика как предмет анализа выступает во всем богатстве своей феноменологии. Известная слабость описательного подхода во всех его вариантах заключается, в то же время, в сомнительности соответствия результирующих описаний, порождаемых теоретических моделей, требованиям научности, т.е. детерминизма и рациональности.

Как замечательно сказано в статье В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили: «...либо объективность метода достигается ценой отказа от понимания психической реальности, либо сохранение психического достигается ценой отказа от объективности анализа» (Зинченко и Мамардашвили, 2005, с.62).

Ограниченность подхода Чуприковой – в его исходных постулатах, в эксплицитном и имплицитном содержании предлагаемого понимания предмета психологии.

Вопрос о предмете психологии представляется ключевым и важнейшим в контексте происходящей сегодня интеграции мировой психологической науки (Мироненко, 2007). Л.М. Веккер, лекции которого мне посчастливилось слушать, когда я была студенткой ф-та психологии ЛГУ, учил, что научное познание психического должно начинаться с различения психического и непсихического, т.е. с противопоставления сферы психических явлений всему многообразию остальной реальности, которая в эту сферу не включается. Такое первичное различение по самому своему смыслу покоится на выделении исходной совокупности отличительных признаков, общих для всех процессов, относящихся к категории психических...» (Веккер, 1974, с.9-10). Таким образом, научное познание начинается с выделения эмпирических, феноменологических характеристик предмета (будем называть это определением вида А). За этим следует собственно научный анализ, итогом которого становится возвращение к предмету на новом витке: создание теоретической модели предмета, которая должна позволить объяснить известные свойства его и прогнозировать ранее не выявленные (определение вида Б, как то, которое предлагает Н.И. Чуприкова).

В психологии исторически сложилось представление о том, что, собственно, она изучает.

«Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно – это наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т.п. – все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано» – писал С.Л. Рубинштейн.

«Научная психология изучает факты, механизмы и закономерности той формы жизни, которую обычно называют душевной» – говорится в двухтомнике А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского «История и теория психологии».

В трудах Веккера (1974, 1998) приводится перечень выявленных им эмпирических, первичных и исходных, атрибутов психического:

1. Предметность. Это исходный, критический по Л.М.Веккеру, признак психического. Проявляется предметность в том, что «процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены к разным предметам: первая - к органу, вторая – к объекту. Так, восприятие, которое является функцией органа чувств, нельзя описать иначе, чем в терминах формы, величины и пр. воспринимаемого объекта. Это свойство Л.М.Веккер называл корневым свойством психики и великим парадоксом психического, парадоксом проекции, кардинально отличающим психические явления от явлений физиологических.

2. Субъектность. Внутренняя динамика сдвигов в состоянии органов-носителей, которые тот или иной психический процесс реализуют (мозговые процессы и пр.) остается совершенно скрытой, непредставленной в картине психического процесса.

3. Чувственная недоступность. Л.М. Веккер отмечает, что «Вопреки долго существовавшему в традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем. Человек не воспринимает своих восприятий, но ему непосредственно открывается картина их объектов...» (Веккер, 1998, с.23-24).

4. Спонтанная активность. Психическая активность прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. В ней нет также жестко фиксированной во всех ее конкретных реализациях программы, и субъект может действовать «на много ладов». Психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная.

Из вышеизложенного однозначно следует ответ на вопрос: можно ли в терминах физиологических процессов описать собственно психическое? Концепция Чуприковой существенно обогащает психологию в части психофизиологической проблемы, однако, попытки претендовать на все поле психологии кажутся, мягко говоря, несостоятельными. Здесь ставится во-

прос о прямом отождествлении психического с физиологическим как о пути преодоления психофизиологического дуализма: «деятельность мозга, регулирующая поведение, должна быть квалифицирована как деятельность психическая, как психика. При этом речь идет не о том, чтобы свести психику к деятельности мозга или вывести ее из этой деятельности. Речь идет о том, что там, где долгое время видели две разные сущности, две разные реальности, на самом деле существует одна сущность, одна реальность» (Чуприкова, 2009, с.125). Поясню, что Наталья Ивановна отрицает, что ее концепция предполагает прямое отождествление души и тела, однако, единственное указываемое ею ограничение этого тождества в том, что не все мозговые процессы есть психика. Есть целый ряд телесных процессов, которые не есть психика.

Думается, все-таки, стоит помнить, что «психология – это психология, а физиология – это физиология». Привожу цитату из книги Петровского и Ярошевского (1996): «... после "павловской" сессии уже был подготовлен проект документа, который должен был стать основой для постановления, аналогичного принятому в 1936 году по поводу педологии. В частности, в нем содержалось предложение "закрыть" психологию, заменив ее повсюду физиологией высшей нервной деятельности. Документ был представлен на утверждение Сталину. Получив и просмотрев проект, он сказал: "Нет, психология – это психология, а физиология – это физиология". На этом "научные" проблемы были решены и к ним больше не возвращались» (Петровский, Ярошевский, 1996, т.1, с.180-181).

Следует отметить, что великие русские физиологи, работы которых заложили основы естественно-научной российской школы в психологии, очень осторожно подходили к исследованиям «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа» (цит. по: Зинченко, 2004, с.102). Н.А. Бернштейн, А.Н. Северцов, И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский избегали прямого отождествления в постановке вопроса о соотношении психического и физиологического и видели в доступных объективному изучению физиологических процессах лишь показатели и индикаторы психических явлений, с помощью которых может осуществляться объективное исследование психического.

На первых страницах «Рефлексов головного мозга» И.М. Сеченов пишет: «Разница в воззрениях школ на предмет лишь та, что одни, принимая мозг за орган души, отделяют по сущности последнюю от первого; другие же говорят, что душа по своей сущности есть продукт деятельности мозга. Мы не философы и в критику этих различий входить не будем. Для нас, как для физиологов, достаточно и того, что мозг есть орган души, т.е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность». Можно видеть, что

самостоятельное и несводимое к деятельности мозговых механизмов существование мира душевных явлений здесь сомнению не подвергается.

И.П. Павлов говорил: «...я хотел бы предупредить недоразумение в отношении ко мне. Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека. Тем менее я склонен отрицать что-нибудь из глубочайших влечений человеческого духа. Здесь и сейчас я только отстаиваю и утверждаю абсолютные, непререкаемые права естественно-научной мысли всюду и до тех пор, где и покуда она может проявлять свою мощь. А кто знает, где кончается эта возможность!» (цит. по Грэхэм, 1991).

Павлов с большим уважением относился к психологической науке, он приветствовал открытие Психологического института в Москве, а также, уже при советской власти, приглашал его бывшего директора, профессора Г.И. Челпанова на работу в Колтуши, о чем пишут Петровский и Ярошевский (1996, с.181). То, что Павлов в своей лаборатории запрещал использовать психологические термины, на мой взгляд, свидетельствует о том, что он глубоко понимал принципиальное различие между физиологическими и психическими феноменами и не допускал их отождествления.

Важнейшей частью предметной области психологии является психология человека. Наталья Ивановна утверждает, что в предложенную ею схему строения целостной функциональной системы психики «непротиворечиво вписываются эмпирические и философские характеристики сознания человека» (Чуприкова, 2009, с.127). Так ли это? Цитирование литературных произведений (как то: «Наши очи малы, / Но безбрежность мира / Меряют собою / И в себе вмещают... (Чуприкова, 2009, с.128)) не может серьезно рассматриваться как доказательство верности предлагаемой ею теоретической модели. Можно согласиться, что «В этих трех кратких фразах – вся сущность психики и сознания человека, их место в мире и Вселенной» (Чуприкова, 2009, с.128), однако причем здесь отождествление психического с физиологическими процессами мозга?

Представляется, что из «исходного фундаментального понимания психики как отражения действительности и регуляции на этой основе поведения и деятельности», истоки которой «коренятся в самой природе жизни, предполагающей нерасторжимую связь организма и среды, постоянное их взаимодействие», как раз невозможно вывести основные человеческие качества.

Л.Н. Толстой, которого цитирует Н.И.Чуприкова, писал: «Если человек – только телесное существо, то смерть есть конец чего-то ничтожного». Согласимся ли мы считать, что человек – это только организм? Пусть даже альтруистически и про-социально связанный с группой других, биологически или социально близких ему организмов? Можно ли, приняв это, жить человеческой жизнью? Обладать человеческой культурой? Кьеркегор писал: «В чем вообще смысл жизни? – Людей, собственно, можно разделить на два класса: один должен работать, чтобы поддержать жизнь, дру-

гой не нуждается в этом. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет ответом на вопрос о значении того, что этим обуславливается! Жизнь другого класса тоже не имеет никакого иного смысла, кроме потребления готовых условий. Сказать же, что смысл жизни в смерти – вновь, кажется, противоречие...».

Примечательна в вопросе о соотношении «души» и «тела» и позиция крупных представителей естественных наук. «Учение о борьбе за существование, – писал К.А. Тимирязев, – останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба – с борьбой за существование». Предел возможностей применения биологического подхода отчетливо осознают многие крупные ученые. Вадим Давыдович Глезер, крупнейший отечественный специалист по физиологии зрения, в течение многих лет возглавлявший лабораторию физиологии зрения Ин-та Физиологии АН СССР, в своей книге «Зрение и мышление» (Глезер, 1985), которая стала итогом многих лет научной работы, приходит к драматическому заключению: «Зрение есть мышление». В этих словах один из крупнейших специалистов по детекторной теории зрения в мире, существенно продвинувший развитие этой теории, выразил невозможность объяснить зрение в предметном мире в терминах физиологических механизмов зрительного восприятия, осознание того, что задача выходит за рамки его науки. Пользуясь концептуальной системой психологической науки, следует интерпретировать это высказывание иными словами: «Зрение есть психический, а не физиологический процесс».

Вопрос о недостаточности прямого физиологического объяснения образного отражения звучит в работах специалистов по познавательным процессам все чаще. Характерно, что основной темой лекции, прочитанной профессором из Кембриджа Дж.Д. Моллоном на открытии 29 Европейского конгресса по зрительному восприятию (ECVP 2006), объединившего психологов, физиологов и специалистов по искусственному зрению из разных стран, было несоответствие между физиологией цветовосприятия и субъективным восприятием цветов, которое проявляется тем больше, чем успешнее идут исследования физиологических механизмов. «Не стоит ли нам поискать ключ к загадке цветовосприятия за пределами нашего тела?» – вопрошает он (Mollon, 2006, p.1).

Особенностью российской психологической мысли всегда было пристальное внимание к антропологической проблеме, к проблеме сущности человека как существа, наделенного сознанием и свободой воли. Крупнейшие психологические школы, возникшие на российской почве, закладывались в диалектической полемике: та, школа, которую М.Г. Ярошевский назвал «русским путем в науке о поведении» и которая была заложена трудами великих русских физиологов Сеченова, Павлова, Ухтомского, и православная философская психология, которая переживает сегодня пери-

од возрождения. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский так говорят об истоках развития российской психологической науки: «Обращаясь к спору между Чернышевским и Юркевичем, захватившим в начале 60-х годов русскую печать, мы оказываемся у истоков всего последующего развития русской психологической мысли» (Петровский и Ярошевский, 1996, т.1, с.131). В центре этого спора второй половины 19 века была антропологическая проблема психологии, значимость которой сегодня снова встает особенно остро, в контексте актуальных вопросов развития современного мультикультурального мира (Mironenko, Sorokin, 2015). Скажут ли свое слово представители современной православной психологии в обсуждении рассматриваемой естественно-научной концепции?

Литература

- Веккер Л.М.* Психические процессы. Л., 1974. –Т.1.
Веккер Л.М. Психика и реальность. М., 1998.
Глезер В.Д. Зрение и мышление. Л., 1985.
Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991.
Зинченко В.П. Духовный организм и его функциональные органы // Труды Ярославского методологического семинара. Т.2. Предмет психологии. Ярославль, 2004.
Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии. Ярославль, 2005.
Мироненко И.А. О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии, 2006. – Вып.1. – С.160-173.
Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т.1-2. Ростов на Дону, 1996.
Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. 2004. – №2. – С.104-118.
Чуприкова Н.И. Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психологии. 2006. – Вып.1. – С.174-192.
Чуприкова Н.И. Сознание в функциональной системе психического отражения регуляции поведения и деятельности // Методология и история психологии. 2009. – Вып.1. – С.113-129.
Mironenko I.A., Sorokin P.S. Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art, 2015. – №4. – P.35-45.
Mollon J.D. The Perception. Lecture. Perception. 2006, v.35, suppl., ECVF 2006, abstracts. P.1.

ПАЛЕОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВИДОВОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Морогин В.Г.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

В статье предпринята попытка реконструкции психологических предпосылок появления человека современного типа, не прибегая к помощи креационистских концепций. Используются данные палеоантропологических исследований последних двух десятилетий. В методологическом плане мотивационная модель видовой неоднородности человека опирается на палеопсихологическую теорию антропогенеза Б.Ф. Поршнева и концепцию видизма. Как и любое другое исследование филогенетических аспектов формирования современного человека эта реконструкция гипотетическая.

Ключевые слова: человек, антропогенез, палеопсихология, палеоантроп, суггестия, мотивация, вторая сигнальная система.

PALEOPSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF SPECIES HETEROGENEITY OF MODERN HUMAN

Morogin V.G.

N.F. Katanov's Khakas state University, Abakan, Russia

The article is the attempt of reconstruction of psychological preconditions of the emergence of modern human type, without resorting to creationist concepts. Data from paleoanthropological researches of the two last decades are used in this article. In terms of methodology, the motivational model of human's species heterogeneity is based on the paleopsychological theory of anthropogenesis by B. F. Porshnev and the concept of kindism. Like any other phylogenetic study of the formation of modern man, this reconstruction is hypothetical.

Keywords: human, anthropogenesis, paleopsychology, paleoanthropus, suggestion, motivation, second signal-system

Происхождение и становление человека современного вида до сих пор является одной из самых обсуждаемых, и в то же время самых запутанных проблем антропологической науки. Дискуссии ведутся не только в научных кругах, но и в средствах массовой информации, на телевидении, где предлагаются самые пестрые и невероятные варианты происхождения человека. Единственное, что объединяет все эти концепции – попытка найти внешнюю причину появления сознания у человека: это может быть божественный промысел, космические пришельцы, обитатели морских или, наоборот, земных глубин. Еще одна общая особенность этих «уче-

ний» – полная уверенность в своей правоте и такое же полное отсутствие каких-либо убедительных доказательств. Читатель или зритель должен просто поверить всем этим, нередко патологическим, умозаключениям.

Первые попытки представить проблему происхождения человека, не прибегая к креационистским концепциям, связаны с теорией биологической эволюции Ч. Дарвина, которая перевернула представления о природе человека и подтолкнула самых выдающихся своих сторонников – К. Фохта, Э. Геккеля и Т. Гексли к идее о том, что человек произошел от обезьяны. Сам Ч. Дарвин, несмотря на то, что именно ему приписывают эту мысль, никогда так не высказывался.

Однако очень скоро стало ясно, что прямых родственных связей человека даже с самыми высшими – человекообразными – обезьянами обнаружить не удастся: слишком далеко на эволюционной лестнице отстоят антропоморфные понгиды от современного человека. Значит, должен был существовать промежуточный ископаемый вид, обладающий таким свойством, которое отличало бы его от всех антропоморфных приматов и остальных животных и представляло эволюционный мост между обезьяной и человеком. И такое звено вроде бы было найдено – прямохождение или, шире, ортоградность.

В XIX и XX столетиях палеоантропологами были обнаружены многочисленные костные останки существ, которые передвигались на двух ногах, но по строению черепа не отличались от обезьян. Это семейство получило название австралопитековых; Б.Ф. Поршневу, следуя традиции К. Линнея, называл их троглодитидами.

Среди множества видов, составляющих это семейство, был выделен как отдельный и самый поздний вид австралопитеков *Homo Habilis* – человек умелый, способный изготавливать примитивные орудия. Поэтому дефиниция человека, данная Б. Франклином, определяет его как «а toolmaking animal» – «животное, делающее орудия». Но сопоставление археологических находок с данными современной зоологии показали, что ни прямохождение, ни способность изготавливать орудия не являются исключительной особенностью человека. К тому же нет никаких оснований считать, что австралопитековые, в том числе *Homo Habilis* были разумными существами, то есть обладали сознанием и мышлением. Хотя в реконструкциях поведенческих особенностей не только этого семейства, но и более ранних палеоантропологических находок – сахелянтроп, ардипитек, оррорин, и даже антропоморфных (нечеловеческих) обезьян, да и других животных, например, крыс, современные палеоантропологи свободно используют такие понятия, как мышление, осознание, понимание, метапознание, социальная организация (Марков, 2014а; Марков, 2014б).

Проблема обезьяночеловека – промежуточного звена между человеком и обезьяной – возникла потому что, несмотря на наличие примитив-

ных орудий (так называемые олдовайские гальки – камни, оббитые 2-3 ударами), говорить о наличии у австралопитековых разума еще рано.

Есть много животных видов, изготавливающих орудия, намного более совершенные, чем олдовайские гальки (бобры, пчелы, муравьи, птицы и т.д.). Более того, гипотеза, до сих пор занимающая в антропологии весьма сильные позиции, о том, что далекие предки человека занимались охотой на крупных животных и с этой целью изготавливали орудия из камня и иных подручных материалов, не выдерживает серьезной критики.

В то время (верхний плиоцен, нижний и средний плейстоцен) на планете господствовали, наверное, самые эффективные за всю историю Земли хищники-убийцы – махайроды, конкурировать с которыми в охоте на крупных травоядных даже вооруженный каменным топором человек никак не мог.

Эти хищники были в полтора раза крупнее современных тигров и имели в своем распоряжении очень эффективное орудие убийства – полуметровые клыки. Но эти клыки хороши для охоты, но не для поедания добычи. Они сильно мешали во время трапезы, поэтому саблезубые тигры питались в основном свежей кровью или выедали у жертвы мягкие части – печень, почки, сердце. Остальная часть туши доставалась хищникам-некрофагам: волки, гиены, шакалы и пр.

Предок человека также нашел здесь свою питательную нишу. Генетически усвоив навык человекообразных обезьян разбивать с помощью камней твердые оболочки орехов и панцирей, австралопитек перенес его на разбивание черепов и костей убитых махайродами травоядных, и таким образом стал добывать очень питательный и богатый белками головной и костный мозг. В этой экологической нише конкурентами нашего далекого предка были лишь некоторые насекомые, с которыми ему было нетрудно справиться.

Ортоградность австралопитеков и сформировалась потому, что эти животные, чтобы добыть пищу, должны были нести либо камни к трупам убитого махайродом травоядного, либо труп к тому месту, где можно было найти подходящий камень. А для этого необходимо освободить передние конечности. Кроме того, стоя на двух ногах можно по полету хищных птиц определить местонахождение свежего трупа. Двуногость также увеличивала скорость передвижения этих животных. Таким образом, австралопитеки, в том числе и *Homo Habilis*, никак не могли считаться людьми – они не были *Homo*, они были животными, лишенными разума.

В среднем плейстоцене разразился экологический кризис – вымерли махайроды, и количество мясной пищи резко сократилось. Из многочисленного семейства австралопитековых выжить удалось только одному виду, который приспособился не только к питанию головным и костным мозгом травоядных, но и научился соскребать остатки мяса с костей. А для этого нужны не просто естественные камни, а с острыми режущими по-

верхностями. Так предок человека вынужден был заняться изготовлением орудий, но не для охоты, как считает официальная антропология, а для совершенствования своего некрофагического поведения. Так появились археоантропы или питекантропы (питекос – обезьяна, антропос – человек), то есть обезьяночеловек или человекообезьяна или гомосимиа, почему-то названные *Homo Erectus* (прямоходящими были и австралопитеки). Это были существа, внешне похожие на человека, но психически и по строению головного мозга, который можно реконструировать на основе исследования эндокранов, они были ближе к обезьяне, хотя объем мозга у них был значительно больше обезьяннего (Марков, 2014). Как говорил Э. Геккель – телом человек, умом обезьяна.

Следующий этап биологической эволюции предков человека связан с очередным пищевым кризисом, приведшим к постепенному вымиранию археоантропов. И опять выжить удалось только одному виду из всего семейства – палеоантропам или неандертальцам. В систематике К. Линнея этот вид обозначен как троглодиты. Важной приспособительной особенностью этих животных, открывающей доступ к мясной пище, стал генетически закрепившийся инстинкт никого не убивать – не только умирающие, но и живые здоровые животные не боялись палеоантропов. В дальнейшем это позволило им выработать и наследственно закрепить принципиально новые способы влияния на поведение не только млекопитающих, но и птиц. Этот нейрофизиологический механизм Б.Ф. Поршневым назван интердикцией. В его основе лежит возможность слияния неадекватного и подражательного рефлексов, которое способно затормозить активное первосигнальное поведение и привести к состоянию, которое Н.Е. Введенский называл парабиозом, а Б.Ф. Поршневым дипластией (Поршневым, 2006). В процессе дальнейшего совершенствования нейрофизиологический механизм дипластии развился в суггестию – возможность изменять поведение других животных с помощью специальных воздействий. Такая поведенческая форма уже не укладывается в рамки закона биологической эволюции, поскольку суггестия не приносит индивидуальной пользы организму – пользу от такого измененного поведения извлекает совсем другой организм. На этом биологическая эволюция в процессе формирования человека завершает свою роль, и в действие вступает иной закон – антропогенез, отличающийся, во-первых, фантастической скоростью, а во-вторых, характеризующийся быстрыми нейронными и, особенно, психологическими изменениями при практически неизменной телесной организации. Филогенез человека теряет черты исключительно биологического процесса, основными механизмами которого были внутривидовая борьба за существование и естественный отбор, и становится социальным, где на первое место выходят межиндивидуальное взаимодействие и бессознательный искусственный отбор.

Очередной экологический кризис, который наступил в позднем плейстоцене, еще более сократил количество доступной мясной пищи, и палеоантропы, к тому времени представляющие целое семейство видов, были обречены на вымирание, несмотря на очень тонкое и изощренное приспособление этих существ к сложившимся экологическим условиям. И вот наступил момент, когда эволюция предков человека (а это был еще биологический процесс, описанный Ч. Дарвиным) по всем признакам должна была трагически завершиться. Но природа нашла узкую щель в экологических условиях существования палеоантропов: инстинкт «не убий» запрещал убивать представителей других видов, но он не накладывал ограничений на убийство и поедание себе подобных. Так началась самая страшная эпоха в биологической эволюции человеческих предков – адельфофагия. Вид палеоантропов стал расщепляться на два: одна часть популяции стала использовать другую в качестве самовоспроизводящейся кормовой базы. Этот феномен известен у некоторых видов животных, но у человеческих предков он уникален тем, что стал основным способом питания и выживания; у всех других животных видов адельфофагия носит эпизодический характер. Отголоски этого этапа становления человека современного вида до сих пор можно обнаружить в некоторых африканских племенах, где практикуется каннибализм, а также в патологических случаях, которые, по-видимому, представляют собой различные варианты атавизма – частичного возврата к предковым формам поведения. Кроме того, у многих этносов принесение в жертву некогда совсем не фантастическому, а реальному чудовищу – пожирателю юношей и девушек – пережиточно сохранилось в многообразных вариантах обряда инициации.

Человеческие жертвоприношения известны не только у первобытных народов, но у этносов, достигших известного уровня цивилизации. Эти ритуальные умерщвления являются лишь символическим следом того, что было распространенным фактом в конце среднего и начале верхнего плейстоцена, в напряженном времени начавшейся дивергенции двух биологических семейств – троглодитид и гоминид. В.Я. Пропп (Пропп, 1986) убедительно показал, что весь сказочно-мифологический фольклор представляет собой позднее преобразование и переосмысление человеческих жертвоприношений.

Использование части популяции палеоантропов как кормовой питательной базы стало возможным благодаря высокой способности некоторых из них осуществлять внешнее воздействие на поведение других существ. Эта способность к интердикции и суггестии была перенесена на членов собственной популяции, поэтому дивергенция палеоантропов основывалась, с одной стороны, на возможности одних осуществлять суггестию, а с другой – податливости остальных на интердикцию. А такая податливость была наиболее характерна для так называемых «большелобых», которые отличались чрезмерным развитием лобных долей мозга и отсутствие волос

на теле. Таким образом, ископаемый неантроп или кроманьонец – результат бессознательного искусственного отбора, осуществленного палеоантропами с целью создания самовоспроизводящейся кормовой базы для себя. Это уже не биологическая эволюция, поскольку отбор не является естественным, а антропогенез, фантастическая скорость которого по сравнению дарвиновской эволюцией поражает воображение. Вот таким образом человеческий предок бы вытолкнут из биологической среды обитания в социальную.

Телесная организация кроманьонца в процессе антропогенеза не претерпела практически никаких изменений по сравнению с современным человеком, в то время как его психические способности изменились кардинальнейшим образом. Некоторые палеоантропологи полагают, что если бы была возможность найти ископаемого неантропа, помыть его, причесать, одеть как европейца и посадить за стол, то отличить его от современного человека было бы невозможно. Но психологические различия между ними огромны. И, прежде всего, эти различия касаются их мотивации.

Дивергенция палеоантропов завершилась формированием двух человеческих видов – хищного и нехищного. Более жизнеспособным оказался нехищный вид – у него было гораздо больше нейрофизиологических и психологических преимуществ, которые позволили ему выработать принципиально новый способ регуляции поведения – вторую сигнальную систему.

Однако вымершие палеоантропы, от которых отпочковался новый нехищный вид ископаемых неантропов, все же оставили в нем свой генетический след, который впоследствии послужил основанием для формирования в человеческой популяции нескольких видов. Этому благоприятствовал своеобразный этап антропогенеза, получивший название промискуитета – процессу формирования и складывания родо-племенных отношений, оформлению института семьи предшествовал период беспорядочных половых связей по принципу свободно «тасующейся колоды карт». По-видимому, представители нового нехищного вида ископаемых неантропов всячески стремились уйти от своих хищных родственников, использующих их в качестве самовоспроизводящейся кормовой базы, и началось первое «великое переселение» – в течение очень короткого по эволюционным меркам времени ископаемые неантропы заселили все пригодные для жизни земли. Палеоантропы, естественно, шли за ними, поскольку главным источником их питания была часть приплода ископаемых неантропов. Но, поскольку процесс переселения происходил весьма быстро, мужская часть популяции как более мобильная опережала самок с детьми, и часто к ним уже не возвращалась, а прибывалась к другим самкам. Происходило постоянное перемешивание всей популяции, что и привело к тому, что в генотипе ископаемых неантропов оказались и гены палеоантропов. Этот период в процессе формирования родовых и семейных

отношений в человеческом обществе и называется промискуитетом. Впоследствии, когда вид палеоантропов уже исчез с лица Земли, его генетический след остался в геноме Homo Sapiens.

Самая первая дипластия ископаемого неантропа – это страх быть съеденным своим же собственным собратом. Но если для любого животного, обладающего только первой сигнальной системой, такая противоречивая ситуация вызовет невроз (в реальности такой невроз у животного можно сконструировать лишь в эксперименте), то современный человек научился постоянно жить в таких условиях. Более того, в процессе антропогенеза он выработал эффективные контрсуггестивные способы компенсации дипластии.

Отсюда следует важнейший вывод: человеком обезьяну сделал не труд, поскольку труд уже сам по себе подразумевает наличие человеческого сознания, а страх быть съеденным собственным же собратом. Это противоречие, «сшибка» двух противоположных по своей направленности инстинктов, этот абсурд как бы заставил ископаемого человека в первый раз взглянуть на себя со стороны, благо к тому времени у него были все необходимые для этого нейрофизиологические и психологические предпосылки: мощное развитие лобных долей мозга и появление зачатков второй сигнальной системы. Все дальнейшее развитие второй сигнальной системы и речи представляет собой попытки разрешить это глобальное, в принципе неразрешимое в рамках первой сигнальной системы, противоречие. Б.Ф. Поршнев обозначил этот процесс как «деабсурдизация абсурда» (Поршнев, 2006).

Таким образом, главным отличием человека от любого даже самого высшего животного является наличие у него второй сигнальной системы в виде сформировавшейся в процессе антропогенеза знаковой речи. Но речь – не довесок к первой сигнальной системе, к безусловным и условным рефлексам, а принципиально новый способ регуляции поведения, появляющийся только у человека. Самая первая функция речи – не продолжение и развитие возможностей рефлексорного поведения, а запретительная по отношению к действию первосигнальных раздражителей. Действительно, зачем второй сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится.

Первая функция речи, таким образом, коммуникативная, а точнее суггестивная: сначала суггестия осуществлялась другим индивидом, и только позже у человека появилась способность к аутосуггестии – индивид становится способным осуществлять поведение, противоречащее первосигнальным побуждениям. Это – произвольное поведение, подразумевающее некоторое насилие над собой: не хочется, но надо.

Вторая важнейшая функция речи – информационная – появилась тогда, когда у человека сложилась система значений, и речь стала инструментом мышления.

Поскольку человеческая речь сформировалась как способ отмены, запрета функционирования первой сигнальной системы – это и есть главный определяющий признак ее отличия от социальных сигналов, используемых животными.

У последних есть довольно развитые системы коммуникации, но нет речи, поскольку в речи для всякого обозначаемого явления – денотата – существует «не менее двух нетождественных, но свободно заменяемых, то есть эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода; их инвариант называется значением, их взаимная замена – объяснением, интерпретацией» (Поршнев, 2006, с. 57). Эта синонимичность и делает их собственно знаками. Обратная сторона этого феномена – наличие в человеческой речи для любого знака несовместимого с ним – называется антонимией. Без синонимии и антонимии нет ни объяснения, ни понимания.

Таким образом, вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать, запрещать функционирование первой, это – не дополнение к последней, а принципиально новый способ регуляции поведения, характерный только для человека. Отсюда происходит и двойственность человеческой мотивации. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Это и создает специфические сложности при анализе человеческой мотивации: у каждого человека всегда есть два мотива – настоящий и котрый «красиво звучит». Первый – неосознанный, первосигнальный, второй – осознаваемый, второсигнальный. Побуждение первого рода – истинная причина поведения, мотив второго рода – попытка оправдания человеком своего поступка с помощью речи. В реальном поведении они почти никогда не совпадают. Публичные высказывания всегда детерминированы мотивами второго рода, а своих истинных побуждений большинство индивидов даже не осознает, и может только предполагать их. В социальной психологии эти предположения определяются как самоатрибуции.

Но и естественная первосигнальная мотивация у человеческих индивидов неодинакова. Человечество «представляет собой парадоксальное общежитие существ, несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным». Homo Sapiens в своем становлении прошел страшную стадию адельфофагии, и человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. А создал человека с его второй сигнальной системой «вовсе не труд и не естественный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» (Диденко, 1997, с.3).

В процессе антропогенеза сформировалось два хищных вида: суперанималы (сверхживотные, неотроглодиты, обладающие второй сиг-

нальной системой) – потомки первоубийц-адельфофагов и суггесторы – агрессивные приспособленцы, подражатели и приспешники суперанималов, обладающие высокой способностью к внушению и манипулированию другими. Второй вид сформировался уже после разделения на хищных и нехищных. Суггесторы появились как посредники при передаче жертвоприношений и составили специфическую касту вождей, жрецов, шаманов и т.п., оставляющих часть жертвуемых продуктов для себя. Их главной психологической особенностью стала хорошо развитая способность к манипулированию и суггестии.

Хищные виды пошли по пути наименьшего сопротивления, очень хорошо «обкатанному» природой. Для двух нехищных человеческих видов характерно врожденное неприятие насилия: диффузный вид – люди, легко поддающиеся внушению («большелобые», податливые на интердикцию) и современные неоантропы, обладающие обостренной нравственностью и, в то же время, способностью к критическому мышлению. Последние представляют новый человеческий вид, который появился сравнительно недавно, отпочковавшись от диффузного в период с 800 по 200 год до н.э. К. Ясперс назвал этот интервал в истории человечества «осевым временем». Именно тогда впервые появились этически зрелые человеческие индивиды, способные критически мыслить, то есть нравственные люди, обладающие третьей сигнальной системой. Если речь дает человеку возможность ограничивать и запрещать функционирование первой сигнальной системы, то третья сигнальная система становится способной контролировать вторую с позиции нравственных категорий.

Существование различных врожденных пружин человеческой мотивации: «злобность», «эгоизм» и «сострадание» отмечал и А. Шопенгауэр, что четко соответствует жизненным ориентациям суперанималов, суггесторов и нехищных индивидов. Русский ученый – педагог, анатом, врач – П.Ф. Лесгафт на основе своих многолетних наблюдений над детьми-школьниками выделил так называемые «школьные типы»: «честолюбивый», «лицемерный» и «добродушный». У первых двух отсутствуют моральные устои. Став взрослыми, они не добавляют себе нравственных качеств. «Утром, убив своих родителей, они заснут вечером сном праведника» – так характеризовал их П.Ф. Лесгафт (Лесгафт, 1971). При негативном воспитании эти три основных личностных типа развиваются в «злобно-забитый», «мягко-забитый» и «угнетенный». Из них лишь последний обладает нравственностью (может даже – обостренной, что свойственно неоантропам). Интеллектуальные способности, эмоции, воля, темперамент, считает П.Ф. Лесгафт – это все производные качества. Как утверждает И. Смирнов, человек отличается от животного нравственностью – и с ним трудно не согласиться.

Внешне представители четырех человеческих видов очень похожи – популяционная генетика трактует это явление как существование видов-

двойников. Главное же различие между ними – мотивационное, различие в истинных побуждениях к определенному поведению. Хищная мотивация есть причина безудержного стремления к власти, к подавлению и доминированию, получению личной выгоды, к совершению преступлений. Суперанималы – потомки адельфофагов-каннибалов – и суггесторы различаются лишь способами реализации своих хищных побуждений: для первых характерны насилие и агрессия, для вторых – эгоизм и циничность, склонность к ненасильственным преступлениям, в частности к коррупции.

В рассматриваемом контексте вид понимается классически – это биологическое понятие, которое можно определить как совокупность особей, способных давать репродуктивное потомство. Многочисленные клинические наблюдения и жизненные факты свидетельствуют, что гибриды хищных и нехищных видов во 2-3 поколениях становятся бесплодными, хотя в первом возможен феномен гетерозиса – повышенной жизнеспособности и активности. Л.Н. Гумилев описывал его как пассионарность, а О.Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и др. рассматривали эти процессы с позиции теории дегенерации.

Вторая сигнальная система позволяет хищным человеческим видам скрывать свои истинные побуждения, но, тем не менее, соответственно именно этим особенностям мотивации выстраивается система доминирования и иерархии во всех человеческих сообществах. В настоящее время предельно жестокие, основанные на физическом насилии властные режимы суперанималов – деспотии, тирании – уже почти полностью ушли в прошлое и остались лишь в «неофициальном» криминальном подполье. Властные структуры сейчас стали вотчиной суггесторов; в частности, именно они являются настоящей психологической причиной коррупции, которая становится в современном обществе проблемой № 1. Поэтому бесполезно бороться с коррупцией как общественным феноменом, в этой борьбе необходимо сосредоточиться на индивидах, склонных к ней. В первую очередь нужно научиться четко определять тех, у кого такие формы поведения являются врожденными, то есть представителей хищного вида суперанималов и суггесторов. Конечно, никакая антикоррупционная психотерапия в этих случаях не поможет, но коррупционное поведение может быть также результатом социального научения нехищных диффузных людей в силу их очень высокой внушаемости. В такой ситуации эффективными будут специально разработанные психотерапевтические и психопрофилактические технологии (Морогин, 2015).

Конечно, история становления человека современного типа – это всегда интеллектуальная гипотетическая реконструкция, поскольку в распоряжении исследователей пока нет машины времени, которая позволила бы вернуться в далекое человеческое прошлое и посмотреть, как все было на самом деле. Тем не менее, палеопсихологическая теория антропогенеза, основы которой заложены в трудах Б.Ф. Поршнева – единственная, кото-

рая не требует для своего объяснения привлечения креационистских моделей. Все иные теории происхождения человека так или иначе апеллируют к акту творения.

Литература

Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997.

Лесгафт П.Ф. Школьные типы. Антропологический этюд // Избранные педагогические сочинения. М., – 1988. – С. 24-114.

Марков А.В. Эволюция человека. В 2 кн. Кн.1. Обезьяны, кости и гены. М.: АСТ; CORPUS, 2014а.

Марков А.В. Эволюция человека. В 2 кн. Кн.2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: АСТ; CORPUS, 2014б.

Морогин В.Г. Палеопсихологическая модель коррупции // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. Всеросс. научн.-практ. конф., Томск 15-16 апреля 2015 г. / под общ. ред. А.А. Вотинова. Вып.3; Томский ИПКР ФСИН России. Томск: Графика, 2015. – С.215-224.

Поринев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: ФЭРИ-В, 2006.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Книга по Требованию, 2011.

ФИХТЕАНСТВО И ГЕРБАРТИАНСТВО В МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ: ЙЕНСКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В БОЛГАРИИ

Няголова М.Д.

Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия, Болгария

В истории болгарской науки, прогрессивное развитие отечественной психологии относится к периоду от Освобождения страны от турецкого ига в 1878 году до Балканской войны в 1912 году. Одна из главных научных школ, принимающая участие в формировании болгарской психологической мысли это Йенская педагогическая школа. Историко-психологический анализ нашей статьи посвящен основным работам ведущих представителей данной школы.

Ключевые слова: история болгарской психологии, Йенская педагогическая школа в Болгарии, философские идеи И.Г. Фихте и И. Гербарта в болгарской психологии, немецкая идеалистическая философия и педагогика.

FICHTEANISM AND HERBARTIANISM IN METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY: JENA PEDAGOGICAL SCHOOL IN BULGARIA

Nyagolova M.D.

University of Veliko Turnovo “St. St. Cyril and Methodius”, Bulgaria

In the History of the Bulgarian science, the progressive development of Psychology refers to period from the Liberation of the country from the Ottoman rule in 1878 to the Balkan's war in 1912. The one of main schools that haven't formed the Bulgarian psychological thought is the Jena Pedagogical School. The historical and psychological analysis focuses on the complete works of its famous authors who worked during the studied period.

Keywords: History of Bulgarian Psychology, Jena Pedagogical School in Bulgaria, Philosophical Ideas of J. G. Fichte and J. Herbart in Bulgarian Psychology, German idealist Philosophy and Pedagogics.

В конце XIX века, университет в немецком городе Иена был давно известен по всему миру, своими научными традициями в области педагогики. О нем в Болгарии говорилось как о «знаменитом университете». Благодаря его высокому авторитету после освобождения страны от турецкого ига министерство просвещения Болгарии приняло решение направлять туда своих стипендиатов изучать педагогику. На протяжении пятнадцати лет в Иенском университете получают высшее образование больше двадцати ведущих болгарских специалистов в области педагогики и образования.

Возвращаясь в Болгарию в начале XX века именно они принимают активное участие в организации современной болгарской школы. Благодаря им впервые в стране вводится методика преподавания на уроках, основанная на теории формальных ступеней Гербарта – Циллера (Кирилова, 2001; 2003). До этого болгарские учителя не придерживались методических правил и вели свои уроки вполне спонтанно. Способ преподавания зависел от личного усмотрения каждого учителя.

Наряду с практической работой, представители Иенской школы подготовили целый ряд теоретических и практических пособий по методике преподавания. Начало этой издательской деятельности ставит книга «Теория и практика формальных ступеней» Василя Николчова (Николчов, 1902). Целостному дидактическому и педагогическому значению гербартианской педагогики и возможностям ее применения в болгарской школе, посвящена книга Дмитрия Грънчарова «Гербартианская педагогика» (Грънчаров, 1904). Стоян Чакъров рассматривает преемственность между теориями Гербарта – Циллера о формальных ступенях и И.Г. Фихте о самодеятельности школьников (Чакъров, 1903).

Фихтеанскую идею самодеятельности болгарские педагоги применяли не только в обучении, но и в процессе воспитания. В своих работах они

часто указывали на то, что именно она является краеугольным камнем прогрессивного «Йенского плана морального воспитания». Новизна этого плана основывалась не на интеллектуальном преподавании моральных правил, а на практических примерах в процессе общения внутри коллектива.

Наряду с углубленной работой в сфере обучения и воспитания школьников и профессиональной подготовки учителей большинство болгарских выпускников Йенского университета направили свои усилия и на разработку психологических проблем. В научных журналах они опубликовали ряд статей, объединительной нитью которых оказывалась фихтеанская, кантианская и неокантианская традиция немецкой науки. Большой интерес до сих пор вызывают психологические исследования таких авторов как Василя А. Манова (профессор педагогики Софийского университета), Атанаса Димитрова (преподаватель немецкого языка в Софийском университете), Саввы Велева (чиновник болгарского Министерства просвещения и преподаватель педагогического училища г. Кюстендила), Константина Свракова, Василя Николчова и других.

В Йенском университете в качестве докторской диссертации Васил Манов разработал вопрос о влиянии учебной нагрузки студентов в Германии и учеников гимназий в Пруссии на их умственную переутомленность (Кирилова, 2001). После своего возвращения в Болгарию он работает в педагогическом училище города Силистры. Одну из первых своих публикаций Манов посвятил историческому значению психологических взглядов Иоганна Гербарта. Он указывает, что именно в Йенском университете традиции психологии Гербарта получили свое подлинное развитие и стали основанием современной педагогики того времени. Вопреки своему метафизическому характеру психологическая теория Гербарта обеспечивает переход от чисто философских к экспериментальным подходам и, в частности, к применению математических формул. Манов подробно анализирует все основные категории психологии Гербарта и их значение. Указывает, что в Болгарии идеи немецкого ученого получили свое распространение в учебниках педагогики и психологии, по которым ведется обучение в педагогических училищах, но все еще мало их интерпретируют с целью настоящего понимания. В конце своего критического очерка он заключает, что Гербартианскую педагогику, в целом, можно считать уже устарелой, но принципы немецкого ученого в области психологии стоит развивать в реформированном виде (Манов, 1902). В то время, как Манов отправляет призыв отказаться от метафизического понимания классической психологии, другие авторы все еще находят в метафизике оригинальные идеи для понимания психического.

Показательна в этом отношении позиция другого выпускника Йенского университета – Саввы Велева. Он сопоставляет субстанциональное и актуальное понимание души. В своей статье, отличающейся дискуссион-

ным характером, он проанализировал рационалистическую и эмпирическую точки зрения о сущности субстанции.

Велев указывает, что Кант не принимал идею о субстанциональности души, но не исключено, что кантианское понятие душевных сил по своему содержанию не отличается сильно от понимания субстанции. Велев относится критически не только к «уже устаревшему взгляду Декарта» на понимание души в качестве субстанции, но и к идеям Вундта об актуальности психического. По его словам, Вундт только ограничивает понимание субстанции, но не отказывается от нее, когда речь идет о так называемом «внешнем наблюдении».

Как известно, Вундт считает, что в сфере чувственного опыта (*sinnlichen Erfahrung*) понятие субстанции имеет вполне гипотетический смысл. Основываясь на этом выводе, он предлагает взамен субстанционального «актуалистическое» понимание психического. Единство сознания обеспечивается связью между психическими явлениями и содержанием их проявлений (Вундт, 1894). Ссылаясь на Верануса, Велев заключает, что не связь психических явлений обеспечивает единство психического, а наоборот: единство психического делает возможной эту связь (Велев, 1901). Заключительный вывод автора статьи поддерживает его убеждение о перспективном значении метафизического понимания психического.

Намного ближе к психологическим идеям Вундта оказывается Атанас Димитров, который в 1898 году защитил в Йене свою докторскую диссертацию, посвященную психологическим основам этики Фихте (Димитров, 2005; 2006).

Он проводит углубленный анализ этической концепции Фихте и доказывает, что в ее основе лежит психология, а объединительным звеном всей фихтеанской философской системы оказывается теория теоретического и практического «Я». В плане психологии нравственность связана с мышлением субъекта, а «чувственный мир» является особой частью «морального мира» (Димитров, 2005; 2006).

В 1902 году, А. Димитров опубликовал на болгарском языке большую теоретическую статью о системе наук Вундта. Сначала он подробно и критически представляет системы наук, созданные Аристотелем, Беконем, Бентамом, Гегелем, Контом и Спенсером. Во второй части статьи анализирует систему Вундта и выявляет ее превосходства в сравнении с этими авторами (Димитров, 1902).

После этой теоретической статьи А. Димитров опубликовал результаты своей разработки двух «более практических» проблем психологии: о темпераментах и о сущности внушения и гипноза. В интересной публикации, рассматривающей вопросы внушения и гипноза, автор придерживается мнения Вундта о том, что внушение является ассоциацией или объединением представлений, осуществляющемся одновременно с сужением со-

знания до круга тех представлений, которые принимают участие в ассоциации (Димитров, 1903, с.503).

Как известно, Вундт рассматривал внушение как сознательный процесс (Вундт, 1894). Поэтому и автор статьи чаще всего цитирует публикации французского психиатра И. Бернейма, но не ссылается, например, на Ж.-М. Шарко, утверждающего бессознательную суть этого феномена. А. Димитров подробно анализирует и прикладные аспекты трактовки внушения и гипноза в медицине, педагогике и юридической психологии. Его статья первая в Болгарии научная публикация, посвященная настолько значимым для начала XX века проблемам внушения и гипноза.

В этом отношении новизной представляется и его оригинальная публикация, посвященная психологии темперамента. Указывая, что корни этой проблемы необходимо искать в научной истории Древней Греции, Китая и Индии, автор специально отмечает, что в начале XX века она относится к дифференциальной психологии. Характеризируя основные виды темперамента по классической шкале Гиппократ – Галена, Димитров приводит много примеров и обобщений в результате своих собственных психологических наблюдений (Димитров, 1903, с.220-237, 304-312). Таким образом, от теоретических исследований он постепенно переходит к психологической практике.

Подобной линии научного развития следует и Савва Велев. После теоретических обобщений о сущности души он приступает к практическому изучению психики ребенка. В изданном им исследовании «детской души» он адаптирует ряд психологических методик западноевропейских ученых. Выражает свое убеждение, что самое важное место в экспериментальном исследовании индивидуальных проявлений психики ребенка необходимо отводить изучению характера.

Представители Йенской педагогической школы в Болгарии в целом считали, что педагогическую и психологическую практику всегда необходимо развивать в единстве с теорией. Поэтому и углубленное изучение научных идей И.Г. Фихте и И. Гербарта приводит к их применению в дидактической, воспитательной и исследовательской организации работы болгарской школы, педагогических институтов и университета.

Литература

Вундт В. Лекции о душе человека и животных. СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1894.

Велев С. Субстанционалност и актуалност на душата // Двадесети век, май 1901. – Кн.4. – С.235-246.

Велев С. Ръководство за изследване на детската душа. Пловдив, 1904.

Грънчаров Д. Хербартовата педагогика. Станимака: Печатница на Атанас Т. Кашкилов, 1904.

Димитров А. Разпределението на науките според проф. Wundt // Двадесети век, 1901. – Кн.2. – С.81-107. – Кн.4 – С.225-234.

Димитров А. Системата на естествените науки (по Вундта) // Двадесети век, 1902. – Кн.4. – С.49-54.

Димитров А. Психология на темпераментите // Мисъл. 1903. – Кн. III-IV. – С.223-327.

Димитров А. Внушение и хипноза // Мисъл. 1903. – Кн. VII. – С.497-507. – Кн.IX. – С.602.

Димитров А. Психологически основи на етиката на Й.Г. Фихте, развити от нейния общ характер. Докторска дисертация. Философски факултет. Йена, 1898 // Andral, 2005; 2006.

Кирилова Е. Дидактическото наследство на д-р Васил Манов. Велико Търново: Университетско издателство „Св. Св. Кирил и Методий“, 2001.

Кирилова Е. Теорията на формалните степени на Хербарт – Цилер в България. Велико Търново: Св. Св. Кирил и Методий“, 2003.

Манов В. Научната стойност на Хербартовата психология (Критически очерк) // Училищен преглед. 1902. – Кн.V. – С.329-342. – Кн.VI. С.339-423.

Николчов В. Теория и практика на формалните степени. Пловдив: Дружественна печатница „Труд“, 1902.

Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

Чакъров Ст. Построително обучение. Лом: Скоропечатница на М. Цонов и Лилов, 1903.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Панферов В.Н.

**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург**

В статье рассматривается проблема интегрального синтеза в психологическом познании на основе научных достижений социальной перцепции.

Определяются целостные конструкты психической организации человека и процесса психической деятельности, значение семиотики и психосемантики в познании психологии человека.

Ключевые слова: интегральный синтез, психологическое познание, психическая организация, психология человека, психологическая реальность, целостность, взаимодействие, социальная перцепция, семиотика, объективация.

INTEGRATED SYNTHESIS OF THE PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

Panferov V.N.

Herzen Russian State University, Saint Petersburg

The article considers the problem of an integral synthesis of the psychological knowledge based on the scientific achievements of social perception. Additionally, this article defines the framework human mental organization and processes of mental activity as well as the importance of semiotics and psycho semantics in human psychology.

Keywords: integral synthesis, psychological cognition, mental organization, human psychology, psychological reality, integrity, interaction, social perception, semiotics, objectification.

Логика интегрального синтеза в психологическом познании была востребована в прикладной и практической психологии, где необходимо обращаться к целостному проявлению психологии человека в ролях субъекта труда, общения, образовательной деятельности, партнера социального взаимодействия, клиента психологической помощи.

Б.Г. Ананьев в 60-е годы 20-го столетия вместе с сотрудниками НИИКСИ и факультета психологии Ленинградского государственного университета предпринял попытку комплексного исследования человека в понятиях индивид, личность, индивидуальность и «субъекта познавательной деятельности» на принципах академической психологии (1976). Качественно различные биологические, социальные и психические свойства человека не показали сколько-нибудь значимых корреляции между ними для обоснования каузальных зависимостей. Причина этой неудачи в отсутствии целостного конструкта психической организации как гомогенной структуры психических свойств человека, выступающего в качестве объекта познания и субъекта психологической деятельности.

Целостность человека как объекта и субъекта психологического исследования предполагает интегральный синтез его свойств на основе онтологического единства его телесной и психической организации при различении его объектной и субъектной роли в гносеологической формуле познания.

Идеей целостности телесной и психической организации человека руководствовался еще У. Джемс, но без успешной реализации (Джемс, 1991). Э. Кречмер, наиболее яркий представитель конституциональных теорий личности, рассматривал проблему телесно-психического единства в логике биологического детерминизма (Кречмер, 1924). Это продвинуло научное познание к поиску оснований для типологизации личности. Однако индивидуальность как главный смысл психологического познания че-

ловека была растворена в нескольких психосоматических конструктах больных людей.

Б.Г. Ананьев пытался представить дифференцированное единство объектной и субъектной роли человека в психологическом познании через понятие о человеке как предмете познания для всех наук. Психологии отводилась функция главного интегратора многопрофильных научных знаний о человеке (Ананьев, 1969). Прежнее понятие академической психологии о психике, на которое он опирался, оказалось зауженным для определения «психологии человека» как ее интегрального проявления. Это понятие появляется в социальной перцепции.

Эмпирические исследования целостности психологии человека как предмета психологического познания начинаются с изучения восприятия человека человеком (Бодалев, 1965) в лабораторном эксперименте (Панферов, 1966) и на полях социального взаимодействия многими советскими психологами (1978).

В этих исследованиях раскрывается сущность психологического познания человека, в структуре которого субъекты социальной перцепции обращают внимание на элементы физического облика партнеров как признаки их социальных и психологических качеств. Внешность в этом процессе выполняет знаковую функцию смысловых значений социально-психологических качеств субъектов социального взаимодействия.

Семиотическая формула «знак – значение – психологическое качество» становится наиболее продуктивной парадигмой методологии интегрального синтеза в социальной перцепции. Внешность как признак психологического качества имплицитно в социальном взаимодействии по законам коллективного бессознательного, хотя смысловые значения ее признаков подвергаются манипуляторским воздействиям средств массовой информации и искусства.

Интегральный синтез, заключенный в воспроизводстве целостности предмета познания, приобретает методологическое значение в научно-исследовательских процедурах психологического познания человека. Целостность предполагает определение внутренней структуры предмета познания, выделяющей изучаемое явление на общем предметном поле психической организации человека. Для этого необходимо понимать качественное своеобразие психических свойств и психологических явлений, возникающее в процессах предметно-практического и социального взаимодействия людей.

Если мы хотим изучать психологию человека, а не только дифференцированные свойства, функции и процессы психики, необходимо соблюдать принципы целостности, структурности, взаимодействия. Психология человека – это качественное выражение телесно-психического потенциала в предметно-практической деятельности и социальном взаимодействии людей. Психология человека – это проявление психической ор-

ганизации человека как субъекта общения в понятиях о его психологических качествах. Они проявляются в его внешнем облике, предметных действиях и деятельности, речи, поступках, поведении, продуктах деятельности. Эти формы материализации идеальной психологической реальности в методологии интегрального синтеза становятся объектами психологического познания. «Психология человека» это ключевое понятие методологии интегрального синтеза, определяющее предмет психологического познания в его качественном проявлении. Психология человека является онтологическим выражением психической организации человека в процессах взаимодействия людей с объектным миром своего бытия.

Категория «взаимодействие» выполняет методологическую функцию интегрального синтеза парадигмальных основ психологической науки (Панферов, Безгодова, 2015). Она позволяет, с одной стороны, дифференцировать по векторам взаимодействия источники психических свойств и психологических явлений, с другой стороны, интегрировать их качественное разнообразие в целостном конструкте психической организации человека (Панферов, 2015). В числе основных векторов субъектного взаимодействия человека с миром изучалось взаимодействие с организмом, с природными объектами, с самим собой, с другими людьми, с искусственными объектами (предметным миром), с культурной атрибутикой взаимодействия в совместной жизнедеятельности. На каждом из этих векторов взаимодействия возникают специфические психические свойства и образования, трансформирующиеся в психологические качества человека. Так, на векторе взаимодействия человека со своим организмом возникают психофизиологические образования. На векторе взаимодействия с объектами внешнего мира – психофизические образования. На векторе взаимодействия человека с самим собой – психорефлексивные образования. На векторе взаимодействия с предметным (рукотворным) миром – креативные образования. На векторе взаимодействия с людьми – коммуникативные образования. На векторе взаимодействия с культурной атрибутикой – ментальные образования. Каждый из векторов взаимодействия характеризует одну из шести граней целостной психической организации человека. Сложение их образует кубическую модель психической организации, указывающую на безусловную возможность внутренних связей каждого психического свойства с каждым. Конструкт взаимодействия позволяет по логике интегрального синтеза моделировать каузальные отношения между психологическими качествами субъекта в индивидуальной структуре его психической организации. Это поворачивает психологическую науку от среднестатистического обезличивания в современных исследованиях к индивидуальности.

В исследованиях социальной перцепции обнаружилось, что психологическое познание человека обращено к его телесно-психической организации как потенциалу возможностей партнеров социального взаимодей-

ствия. Такое познание человека человеком происходит в виде социально-психологической интерпретации личности (СПИЛ) внешних форм проявления в трудовой и общественной деятельности партнеров. В СПИЛ происходит целостное отражение субъект-объектного единства человека и воспроизводится психология человека как онтологический феномен, характеризующий индивидуальные достоинства и недостатки партнера. В СПИЛ знаковая сущность элементов-признаков внешнего облика человека раскрывается в его психологических качествах. Внешние признаки партнеров социального взаимодействия являются носителями их психологической сущности, познаваемой по законам психосемантики. Это указывает на семиотическую объективацию идеальной психологической реальности, с которой можно и нужно иметь дело при конструировании исследовательских процедур и специализированного инструментария в психологическом познании (Петренко, 1988). Это важный момент трансформации идеальной психологической реальности в виртуальные формы существования.

Все многообразие вещественного мира и человека в нем предстают для субъекта психического отражения как знаковая реальность, заключающая в себе психологические значения, раскрывающие смысл существования человека как индивида, личности и индивидуальности. Человек в своем внешнем проявлении – это не только физический и биологический объект природы, но и знаковая система, заключающая в себе психологические значения, которые раскрываются в повседневном психологическом познании людьми друг друга. В производстве таких значений заключается специфика психологической деятельности в виде семиотической объективации.

Семиотическая объективация психического отражения является универсальным способом существования психологической реальности. В знаковой объективации происходит информационное оформление идеальных психических состояний, переживаний, образов и представлений в семиотические формы существования. Семиотические отношения в формуле «знак – значение – смысл» раскрывают механизм собственной психической деятельности. В силу своей универсальности эта формула позволяет воспроизвести целостный конструкт психического процесса и ответить на главный вопрос о переходе (трансформации) физического воздействия объекта на органы чувств человека в психический образ этого объекта. Ответ на этот вопрос имеет решающее значение для моделирования научно-исследовательских процедур, где эмпирические референты инструментария должны содержательно соответствовать предмету исследования как знак значению. Эта проблема проистекает из идеальной сущности предмета психологического познания, которая скрыта как «вещь в себе» во внутреннем плане сознания. Поэтому она должна быть обозначена релевантными признаками этого предмета. Идеальная психологическая реальность открывается для наблюдения в различных формах экстернизации субъ-

ектной активности человека. В числе таких форм являются телесные движения, предметные действия и деятельность с ее продуктами, поступки и поведение, речь вплоть до искусства и культуры, как считал В.М. Бехтерев (Бехтерев, 1991). Это внешние формы проявления идеальной психологической реальности, которые в научно-исследовательских процедурах превращаются в объекты психологического познания как продукты психической деятельности.

В результате исследователям психической организации человека приходится иметь дело с материальными формами проявления идеальной психологической реальности, между которыми предполагается причинно-следственная связь. Взаимозависимость этих двух форм мыслится чаще всего в логике материалистической детерминации идеальных форм психической деятельности. Свойства объекта отражения в этой логике измеряются по его физическим параметрам, а свойства психических образов по откликам испытуемых в виде фиксируемых реакций или высказываний. В этой логике академическая психология абстрагируется от фактора «субъектности», селективирующего содержание психического образа. Возникает вопрос о вмешательстве человека в роли субъекта психической деятельности в процесс психического отражения. Это главный вопрос психологической науки, который обходят в психофизической и психофизиологической парадигме.

Если семиотическую формулу наложить на психофизическую модель психического процесса Веккера, то мы получим очертание механизма, воспроизводящего целостность психической деятельности человека. Веккер рассматривал психическое отражение как информационный процесс (Веккер, 1998). Он считал, что при восприятии объекта на границе соприкосновения его физических свойств с органами чувств возникают своеобразные психические изображения, непохожие по конфигурации на сам объект отражения, но выполняющие функцию «сигнала» о нем. Это по определению Веккера является «кодом» объекта, который содержит информационные признаки самого объекта. В центральных отделах мозга происходит «декодирование» психического изображения. С нашей точки зрения это может происходить по законам апперцепции, в чем, собственно и проявляется факторная функция субъективной вариативности психического образа и соответствующая индивидуализация субъектного отклика человека на похожие объекты взаимодействия.

Если воспроизводство целостной модели психического отражения как процесса психической деятельности, совершаемой человеком в качестве субъекта, дополнить логикой семиотики и психосемантики, то по результатам социальной перцепции можно сказать, что психическая деятельность человека включает ряд последовательных откликов в виде отражения, отображения и выражения. Основным откликом отражения является «психическое изображение», которое выполняет функцию знака, содер-

жащего в себе признаки натурального объекта взаимодействия. Основным откликом отображения является ассоциация этих признаков (знака) с усвоенными человеком значениями знакомых объектов. Основным откликом выражения является осмысленный образ-представление, осложненный потребностной мотивацией человека в этом объекте. В этом случае субъект отбирает качества объекта, важные для него в предметно-практическом и социальном взаимодействии. Итак, целостный конструкт психической деятельности человека представляет единство отражения, отображения, выражения и может воспроизводиться в исследовательских процедурах по формуле «знак – значение – смысл – отношение».

Литература

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1969.
- Бехтерев В.М.* Объективная психология. М., 1991 (по изд. 1907-1912).
- Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. Л.: ЛГУ, 1965.
- Веккер Л.М.* Психика и реальность. М., 1998.
- Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения / под ред. О.Г. Кукосяна. Краснодар, 1978.
- Джемс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991.
- Кречмер Э.* Строение тела и характер. М.; Л., 1924.
- Панферов В.Н.* Восприятие изображений человеческих лиц // 18-й Международный психологический конгресс. Т.3. М. – 1966. – С.399-400.
- Панферов В.Н., Безгодова С.А.* Методология интегрального синтеза в психологической науке // Психологический журнал. 2015. – №1. – С.20-33.
- Панферов В.Н.* Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. СПб: РГПУ им. А.И.Герцена, 2015.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
- Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов / под ред. А.А. Бодалева, М.Д. Дворяшиной, И.М. Палей. Л.: ЛГУ, 1976.

КОНСТРУКТИВИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ МОДЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЯ В ПОЗНАНИИ

Петренко В.Ф.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
*Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ,
грант №14-06-00212*

Автор исходит из представления о том, что знания не являются калькой (отражением) реальности, а конструируются субъектом на основе опыта взаимодействия с миром и зависят от мотивации субъекта

познания, языка описания, операциональных средств и т.п., что определяется культурой общества и личностными особенностями субъекта познания, его картиной мира.

Ключевые слова: знание, конструктивизм, жизненный мир, множественность истины, картина мира, личностные конструкты.

CONSTRUCTIVISM AS METHODOLOGY OF MULTIPLE MODEL DESCRIPTION AND DESIGN IN COGNITION

Petrenko V.F.

Lomonosov Moscow State University, Russia

The author proceeds from the idea that knowledge is not a copy (reflection) of reality and constructs by the subject based on the experience of interaction with the world and depends on the motivation of knowledge of the subject, description language, operational means, etc., which are determined by culture, society and personality features of the subject of knowledge, his picture of the world.

Keywords: knowledge, constructivism, lifeworld, multiplicity of truth, world, personality constructs.

Термин конструктивизм (constructivism) используется в столь широких областях науки, культуры и искусства, что его можно рассматривать как омоним, за которым стоят совершенно разные словоупотребления. Тем не менее, можно полагать, что есть нечто общее на уровне метафорических связей и соответствий в использовании этого термина в философии, психологии, социологии, математике, архитектуре, поэзии и живописи. И это общее – построение субъектом-творцом идеальных (как в математике или философии) или материальных (как в архитектуре) конструкций, исходя из функционально необходимых задач в деятельности. Например, в понимании Ле Корбюзье, «дома как машины для жилья» в архитектуре, или конструкта (познавательного эталона) как функционального элемента в построении модели мира, себя, других людей – в психологической теории личностных конструктов Дж. Келли (2000).

Термин «конструктивизм» (хотя его содержание восходит еще к И. Канту) вошел в активное употребление в конце 1970-х годов для обозначения теоретических и методологических установок в гуманитарных науках, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении «картины мира» данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов в производстве научных знаний. Как философия познания конструктивизм находится в скептической позиции относительно онтологических представлений классической науки.

Согласно методологическому принципу конструктивизма в философии, психологии и социологии (Дж. Келли, Ж. Пиаже, А. Шюц, К. Герген, П. Бергер, Т. Лукман, В.С. Степин, У. Матурана, Ф. Варела, Р. Ватславик, И. Глазерфельд), знания не содержатся непосредственно в объекте (в «объективной действительности») и не извлекаются из нее в ходе «движения от относительной к абсолютной истине», а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимно дополнительными. В этом плане конструктивизм стоит на позициях плюрализма или множественности истины, и находится в оппозиции к ленинской «теории отражения» и родственной ей «корреспондентной» теории истины. (см. понятие «истины» Касавин (2001)).

Иллюстрацией противопоставления позиций конструктивизма и реализма, а также диалектического материализма, может служить заочный спор двух выдающихся психологов: швейцарского психолога Ж. Пиаже, утверждавшего, что в логике выражается специфика деятельности субъекта и различные культуры могут иметь несовпадающие логики, и отечественного психолога П.Я. Гальперина, утверждавшего, в полном соответствии с «ленинской теорией отражения», что логика скрыта в самих объектах познания и их отношениях. Немецкий философ и культуролог О. Шпенглер в фундаментальной работе «Закат Европы» писал о существовании различных логик: о логике Аристотеля, арабской логике, логике индуизма.

В рамках постнеклассической философии (термин и теория В.С. Степина (2000)), разновидностью которой выступает и методология конструктивизма, на продукт познания (концепции, теории, модели) влияют не только особенности объекта познания, но и субъекта познания (с его культурой, ценностно-мотивационной сферой и языком описания), а также специфика инструментов познания (начиная от органов чувств и перцептивных эталонов субъекта и заканчивая наличием сложных технических приспособлений, таких как электронный микроскоп, циклофазотрон или радиотелескоп). Операциональные (инструментальные) средства познания определяют каркас познавательных моделей, где наряду с информацией, идущей от объекта (согласно классической науки извлечь можно то, что позволяют органы чувств и инструментальные орудия), в свернутой форме присутствует и ценностно-мотивационная составляющая познания (определяющая зону поиска и его ограничений) в конструировании моделей мира. Знания и информация о мире нетождественны. На знание о мире влияют культурно-исторические аспекты бытия познающего субъекта и понимаемый в широком плане язык его описания, зависимый от специфики лексики и грамматики естественного языка, от уровня развития математических формализмов и визуальных средств, включая кино, телевидение, Интернет. Образ, картина мира оказывается производной от ценностно-

мотивационной сферы (единичного или коллективного) субъекта познания, степени развития и характера инструментальных средств познания, от модельного языка в котором создаются образы познаваемого.

Понятие «конструктивизм» не имеет четко очерченных смысловых границ и не представляет собой некую авторскую концепцию. Это мировоззрение, скорее, реакция на наивный реализм и упрощенный материализм. Этот концепт (термин Ж. Делеза) содержит ряд конструктивных идей в том или ином сочетании встречающихся у целого ряда мыслителей и ученых. Так, идея активности познающего субъекта проходит красной линией от И. Канта и Ф. Гегеля до отечественных вариантов теории деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий), и основывается на идеи возможности активного преобразования социального мира у К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Идея опосредующей роли языка в познании восходит к В. Гумбольдту, полагавшему, что «различные языки не разные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его», к идеям Э. Сепира – Б. Уорфа, сформулировавшим гипотезу «лингвистической относительности», полагающую определяющую роль того или иного национального языка в особенностях мышления людей различных культур и в содержании их картины мира. Близка этой позиции и культурно-историческая теория Л.С. Выготского (1982), подчеркивающая эволюцию человеческого познания и его обусловленность культурно-специфичными формами общественного сознания (образованием, наукой, искусством).

В рамках разделения «наук о природе» (естественных наук) и «наук о духе» (гуманитарных наук) в конце XIX века В. Дильтей ввел понятие «социальной реальности», которое затем получило широкое применение в работах А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, включавших в это понятие субъективные представления, элементы веры и вымысла.

«...Социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения, поскольку так их определяют участники, и которые ускользают от чувственного наблюдения. Для жителей Салема в XVII столетии колдовство не было обманом, а элементом их социальной реальности, и вследствие этого, оно является предметом изучения общественной науки» (Шюц, 1994, с.487). Как полагают отечественные историки И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «Социальная реальность есть продукт человеческих действий, поэтому к знанию социальной реальности не применим тезис о предсуществовании объекта познания по отношению к познающим субъектам, который лежит в основе религиозного и естественно-научного знания. С точки зрения феноменологической социологии, любое знание в некотором смысле тождественно самому объекту: объект это существующие на данный момент коллективные представления о нем» (Савельева, Полетаев 2003, с.97). Понятие конструируемой «социальной реальности» разви-

ваемое социологами и историками, отрицающее «объективную» социальную действительность близко понятию «психологической реальности» в работах В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили (1977), где навязчивым и патологическим процессам, бессознательным предубеждениям и иллюзиям также не отказывается в статусе психической реальности, ибо наличие их в сознании субъекта оказывает влияние на его деятельность и принимаемые им решения.

Идея того, что социальная реальность в значительной мере определяется тем, что мы думаем о ней, постепенно входит в общественное сознание через журналистику и масс медиа. «Современная дипломатия, – пишет корреспондент «Новой газеты», – если она хочет быть эффективной в отстаивании интересов страны... должна принять законы телевизионного ньюсмейкерства. Широкие улыбки, остроумные, но незлые реплики, легкие и прямые аргументы – все то, от чего наших политиков почти физически тошнит. Это сильно противоречит нашему глубоко культурному стремлению разделять «на самом деле» и «на словах». Однако мир теперь живет словами, и они определяют то, что есть «на самом деле»» (Коровин, 2008, с.5).

Конструктивизм как понимание того, что познающий (единичный или коллективный) субъект создает модели мира, которые, по принципу кольцевой причинности, определяют ту социальную реальность, в которую он погружен, содержит ряд базовых идей, выдвинутых и развитых рядом выдающихся гуманитариев.

Идея конструирования моделей в познании содержится в работах швейцарского психолога Ж. Пиаже, использовавшего язык логики и теории множеств для описания психологических когнитивных структур мышления, а также американского психолога Дж. Келли, определившего свою теорию «Личностных конструкторов» как «конструктивистский альтернативизм», подчеркивая тем самым множественность возможных моделей мира, себя и других людей. Келли рассматривает построение картины мира обычным человеком по аналогии с ученым, создающим гипотезы о мире, проверяющим их адекватность и корректирующим их. Важно подчеркнуть, что конструктивистский подход создает собственный язык (тезаурус) методологии. В рамках конструктивизма принято говорить не об истинности или ложности теории (модели), а о ее соответствии (или не соответствии) критериям научности и рационального мышления, научной картине мира, о ее конвергентной валидности в сопоставлении с теоретическими построениями смежных областей знания, о ее прогностической (эвристической) силе, о широте охвата круга феноменов, ею объясняемых, о ее внутренней непротиворечивости, лаконичности и даже красоте. Картина мира выступает не слепком с действительности, а одной из удобных форм ее описания. «Это карта, а не территория», – пишут, вслед за К. Роджерсом, основатели нейролингвистического программирования Р. Бэндлер и Д. Гриндер

(1995). В рамках методологии конструктивизма понятие самой действительности можно рассматривать как сложную методологическую культурно-историческую конструкцию, где познающий субъект и его познавательные действия, получаемая эмпирическая фактология, ее осознание и теоретическое конструирование реальности, рефлексия субъектом собственного познания и его мотивов, влияние культурных стереотипов и представлений, влияние языка и социальный заказ в познании входят как единый контур в сложную динамическую систему познавательной деятельности, продуктом, которой и является так называемая «объективная реальность» или «действительность».

Даже собственное «Я», ощущаемое человеком как безусловно достоверная реальность, как та «объективная действительность», с которой начинается день, стоит человеку только проснуться, в методологии конструктивизма рассматривается как сложная конструкция деятельности самосознания, включающая осознаваемые и бессознательные компоненты. «Я» конструирует не только свой автопортрет (образ «Я»), но, обладая свободой выбора и совершая поступки, конструирует и само себя. Нобелевский лауреат Д. Канеман выделяет Я-переживающее (чувствующее), и Я-интерпретирующее, творящее автобиографическую память как версию рассказа о собственном прошлом. В нарративной психологии и психотерапии (Дж. Брунер, Т.Р. Сарбин, Д. Макадамс) иная трактовка, иная версия собственного прошлого пациента, инициированная психотерапевтом, смена акцентов в выделении наиболее значимых событий жизненного пути, ведет к изменениям и трансформациям личности пациента, психокоррекции его травмирующих и невротических переживаний. Автобиографическая память трактуется в нарративной психологии не как склад воспоминаний прошлого, застывших в своей неизменности, а, скорее, как динамический механизм, конструирующий версии прошлого, исходя из актуальных задач настоящего и потребностей саморазвития личности.

Принцип множественности истины наиболее присущ постмодернизму (М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ж.-Ф. Лиотар), но его истоки можно найти как в религиозной философии Востока, так и Запада. Так, в буддизме, в частности, дается на эту тему поэтический образ: «То, что является рекой Ганг для человека, будет потоком гноя и нечистот для голодного духа и потоком амброзии для божества». И, как отмечает выдающийся отечественный востоковед Е.А. Торчинов, буддисты школы йогочары не считали возможным утверждать, что за этими субъективными «Гангами» находится некий объективный, «правильный» Ганг» (Торчинов, 2005, с.53). Реалистизм познания можно найти уже у древних греков: в высказывании Гераклита о том, что нельзя дважды войти в одну реку. В эпоху Средневековья Фома Аквинский высказал мысль, что Истина для Бога гораздо полнее и объемнее, чем истина для человека. Сопоставление картины мира людей разных культур привело К. Леви-Брюля к заключению об отличии

мышления людей примитивных культур от мышления современного человека и введению понятия «прологическое мышление». Различие мировосприятия, присущее людям разных эпох и культур, описано в работах О. Шпенглера, французской исторической школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр), работах А.Я. Гуревича. На методологическую парадигму конструктивизма, бесспорно, влияют теория относительности А. Эйнштейна и принцип «дополнительности» Н. Бора, учитывающие позицию наблюдателя (исследователя и интерпретатора) и постулирующие возможность сосуществования и взаимодополнения альтернативных теорий и моделей. Как полагает буддизм, альтернатива великой Истине тоже великая Истина.

А. Вежбицкая (1996) показала, что не существует объективных, т.е. безличных высказываний, и высказывания типа «смеркается», подразумевают наличие некоего субъекта, находящегося в некоторой точке пространства и времени, в восприятии которого осуществляется этот процесс. Позиция наблюдателя, его средства наблюдения, система ценностей и язык описания необходимо участвуют в построении познаваемой реальности. В этом плане можно сформулировать один из ведущих принципов конструктивистской парадигмы, согласно которой ученый не только изучает познавательную реальность, но и создает, конструирует ее. Радикальный конструктивизм (конструкционизм в терминах Гергена) идет дальше и согласно К. Кнорр-Цетиной ученые замкнуты в пространстве лаборатории и производят там собственную «научную действительность», которая и является единственной научной реальностью.

Согласно базовому постулату Дж. Келли (2000), «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам тех конструктов, по которым происходит антиципация событий». Близкую мысль выразил С.Л. Рубинштейн в утверждении о «единстве сознания и деятельности». Система значений, категорий человеческого сознания опосредует восприятие и осознание социальной реальности. Введение новых понятий, трансформация категориальной сети мировосприятия, тем самым, согласно принципу Дж. Келли, меняет и само человеческое поведение, что согласно кольцевой причинности изменяет, в свою очередь, и саму социальную реальность. К.Дж. Герген выразил эту мысль следующим образом: «С точки зрения конструкциониста, социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации» (Джерджен, 2003, с.43).

Действительно, в современных научных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи, пишет

социолог Н.Е. Покровский, сообщество ученых исполняет не только функцию экспертов, но и «драматургов» самого действия.

История стекает с кончика пера мыслителя, озвучивается политиками и средствами массовой информации, входит в сознание людей и реализуется многомиллионными массами: «В начале было Слово» (Библия). Сходную мысль о сотворении мира мыслителем я встретил у известного американского экономиста Дж. Кейса: «Идеи экономических и политических мыслителей, и когда они правы, и когда они ошибаются, имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром – безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творчества какого-нибудь академического писака, сочинившего несколько лет назад» (цит. по Гринберг 2008, с.586).

Соглашаясь, с близкой мне по духу цитатой, я хотел бы, тем не менее, отметить, что идеи все же «приходят с неба» и принадлежат тем «академическим писакам» о которых, несколько пренебрежительно, отозвался Кейс, а политики их чаще всего только озвучивают, подчас неосознанно занимаясь плагиатом, впрочем, «каждому свое».

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1982.

Гринберг Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник Российской академии наук. 2008. – Т.77. – №7.

Гриндер Д., Бэндлер Р. Структура магии. М.: КААС, 1995.

Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы психологии, 1977.

Карицкий И.Н. Понятие субъекта и объекта в философии и психологии // Методология и история психологии. 2010. – Вып.1. – С.69-101.

Касавин И.Т. Истина // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001.

Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб: Речь, 2000.

Коровкин В. Обама и мы // Новая газета. Свободное пространство. 2008. – №44.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Назаретян А.П. Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. – №4. – С.105-108.

Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. – №3. – С.113-121.

Петренко В.Ф. Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М.: Канон, 2007. – С.435-463.

Петренко В.Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. 2010. – Вып.3. – С.5-12

Савельева И.М., Полетаев А.В. Конструирование прошлого. // Знание о прошлом: в 2 т. Т.2. СПб.: Наука, 2003.

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Торчинов Е.А. Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2005.

Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия / ред. сост. Е.В. Екимова. М.: ИНИОН РАН, 1995. – С.74-93.

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. М.: МГУ, 1994. – С.481-496.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В СМД-ПОДХОДЕ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Пископнель А.А.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Россия

Особенности СМД-подхода к проблеме сознания связываются, прежде всего, с двумя обстоятельствами.

Первое из них – выход к проблеме сознания со стороны логики (методологии), с ее основным предметом – мышлением, – а не со стороны психологии.

Второе – это то, что сознание с самого начала выступало не в качестве реально-эмпирического феномена во всем богатстве его качественных проявлений и специфического предмета исследований, а, прежде всего, как концептуальное средство, инструментально. Это подход к проблеме сознания со стороны его интеллектуального базиса в соответствии с концепцией знаково-семиотической и коммуникативной природы сознания и знания.

Ключевые слова: сознание, подход, логика, деятельность, парадигматика, синтагматика, организованность, мышление, понимание, рефлексия, знак, образ, смысл, субстрат

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN THE THINKING ACTIVITY SYSTEM APPROACH AND MODERN PSYCHOLOGY

Piskoppel A.A.

Lomonosov Moscow State University, Russia

The specific features of TAS-approach to the problem of consciousness are connected to primarily two circumstances. The first is coming to the problem of consciousness from logic (methodology) with thinking as its main subject matter and not from psychology. The second is that consciousness from the very beginning was considered not as a real empirical phenomenon in all variety of its qualitative features and a specific research object but primarily as a conceptual instrument. This is an approach to the problem of consciousness from its intellectual basis in accordance with the conception of semiotic and communicative nature of consciousness.

Keywords: activity, sign, logic, thinking, image, organizedness, paradigmatics, approach, understanding, reflexion, syntagmatics, consciousness, meaning, substratum

1. Сравнительно недавно журнал «Методология и история психологии» опубликовал ряд статей с обсуждением хода и результатов решения проблемы сознания в психологии. Они, на наш взгляд, лишней раз продемонстрировали как противоречивость и неоднозначность современных представлений о феномене сознания человека, так и разнообразие подходов к его анализу (см., напр.: «В связи с колоссальным многообразием исследовательских материалов по проблеме сознания, можно в качестве характеристики этого изобилия денотировать оксюморонное словосочетание – структурированный хаос» (Акопов, 2009, с.130)). Некоторые авторы на этом основании поставили под сомнения даже сам смысл обсуждения проблемы сознания на данном этапе (напр.: Агафонов, 2009).

В ходе обсуждения были представлены две основные и прямо противоположные точки зрения на результаты исследования сознания в психологии: оптимистическая и пессимистическая. Согласно оптимистической точке зрения «современные исследования сознания идут успешно и включают включают множество эмпирических программ в когнитивной науке, науках о мозге и родственных науках» (Велманс, 2009, с.53). Согласно пессимистической остается лишь надеяться, что «спустя столетие, пусть так и не сумев определить, что такое сознание, мы сможем многое узнать о том, как оно работает, научившись понимать вещи, которые невозможно вообразить. Боюсь, что к этому мне больше нечего добавить» (Агафонов, 2009, с.164). При этом вместо оценки достижений «в когнитивной науке, науках о мозге» некоторые специалисты предлагают «сделать другой вывод: признать тупиковость этого пути научного поиска, подменяющего

проблему сознания как специфического культурно-исторического социального феномена анализом его естественно-научного базиса и в силу этого покидающего почву собственно психологического познания» (Ждан, 2009, с.59).

Если бы пришлось подводить его общий итог, то он мало бы отличался от того, к которому столетие назад пришел П.Наторп. Согласно ему существование сознания, хотя оно и представляет собою основной психический и вполне достоверный факт, может быть обнаружено посредством анализа, но не поддается определению и выводимо только из самого себя.

Для того, чтобы сравнение подходов стало в перспективе возможным, нужно, на наш взгляд, как минимум довести подходы к сознанию до такой степени оформленности, которая позволила бы сопоставить и оценить как достоинства, так и недостатки каждого из них, их реальные возможности и принципиальные ограничения.

2. Одним из таких подходов является СМД-подход, междисциплинарный подход, рассматривающий проблемы сознания с точки зрения представления о социокультурной реальности как соорганизации различных форм человеческой коллективной «мыследеятельности».

Подход к проблеме сознания, сложившийся в рамках ММК (Московского методологического кружка), не является целиком и полностью оригинальным. Отдельные его идеи и принципы выдвигались и отстаивались на протяжении всей истории философско-психологической мысли. Важно, что не они сами по себе и не непосредственное обращение к проблеме сознания стали основанием для этого подхода, а разработка первоначально методологии науки, а затем и общей методологии (СМД-методологии или неклассической методологии).

3. Сознание с самого начала выступало здесь не в качестве конкретно-эмпирического феномена во всем богатстве его качественных проявлений и специфического предмета исследований, а, прежде всего, как концептуальное средство, инструментально. Интерес к проблематике сознания первично был связан с теоретической необходимостью определить место категории сознания среди таких категорий как разум, интеллект, мышление, деятельность, понимание, рефлексия и т.д. И лишь вторично он диктовался потребностью обращения к сознанию как к специфическому феномену и предмету исследований. Важно также, что одной из предпосылок такого подхода стало представление, непосредственно восходящее к культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, что фило- и онтогенез сознания тесно связан с его (сознания) интеллектуализацией. Это был выход к проблематике сознания со стороны его интеллектуального базиса.

На разных этапах развития подхода сохранялась, прежде всего, общая установка самого подхода к интерпретации феномена сознания, отрицающая традиционную постановку проблемы в том виде, в каком ее поставил еще Рене Декарт, игнорировавший различие и противопоставленность

механизмов, содержаний и субстрата сознания и отождествивший понятия (в их современном выражении) психики, сознания и мышления.

Эти различие и противопоставленность исходно связывались с онтологическим полаганием, что механизмы и содержания сознания, с одной стороны, и субстрат его носителя, с другой, принадлежат разным действительностям и как таковые подчинены существенно разным законам (формам детерминации) функционирования и развития.

Это позволяло с самого начала радикально противопоставить проблемы содержаний и механизмов преобразования содержаний сознания проблемам его (сознания) нейрофизиологической «подложки» (субстрата). Поэтому на вопросы М.Велманса «как понять каузальные взаимосвязи между сознанием и материей, и в частности каузальные взаимосвязи между сознанием и мозгом» и «какие формы материи связаны с сознанием, в частности каковы нейросубстраты сознания в мозге человека» (Велманс 2009), последовал бы вполне определенный ответ – таких непосредственных каузальных связей нет и быть не может, между ними существуют связи другого категориального порядка. Поэтому решение подобных, вполне реальных для естественно-научного умознания и знания (натурализма) проблем, не имеет решающего значения для решения содержательных проблем сознания.

Для интерпретации подобных отношений Н.Гартман в своей «новой онтологии» предложил «основной категориальный закон»: «Более высокая категория более слаба, более обусловлена, зависима. Но потому она не дана посредством ряда более низких. Скорее, она по сравнению с ними всякий раз представляет собой нечто новое. Она возвышается над ними как форма над индифферентной к ней материей. Короче, более высокий принцип по сравнению с более низким всегда и необходимо «свободен». Он имеет поверх того неограниченное свободное пространство» (Гартман, 2002, с.630).

4. Имея ввиду два разных плана объективации содержания соответствующих понятий, СМД-методология изначально отдала предпочтение интерсубъективному плану, плану «общественных» (культурных) организованностей, социокультурной реальности как ведущему. Если иметь в виду собственно психологическую традицию, то это было, в определенном смысле, продолжение линии У.Джемса с его отрицанием субстанционального и утверждением функционального истолкования сознания.

Связано это было с тем, как отмечалось выше, что выход к проблеме сознания лежал со стороны логики (методологии), с ее основным предметом – мышлением, – а не со стороны психологии. В ранних работах, ориентированных на создание «теории мышления» (1950-60), мышление рассматривалось под углом зрения выявления «объективной структуры мыслительной деятельности» и понятие сознания вообще не привлекалось для объяснения генезиса мыслительных операций и процедур. Предполага-

лось, что обращение к сознанию как объяснительной категории означает уступку субъективизму.

«Основная идея состояла в том, что в противоположность всему тому, чему учили философы и после Нового времени, в противоположность всему тому, о чем учили Декарт, Гоббс, Локк, Лейбниц, Кант и все другие, мышление не растет на базе восприятия, вообще мышление не может ставиться в один контекст, в одну структуру «отражение-мышление», точно так же, как восприятие и отражение не есть познание» (Щедровицкий. 1996, с.135).

На необходимости различать и противопоставлять разные действительности сознания (применительно к познанию) настаивал еще Х.Ортега-и-Гассет. Для него «видение противоположно познанию. "Видеть" – значит с помощью глаз обозревать то, что находится здесь, а познавать – значит искать то, что не находится здесь: сущность вещей... У нас есть чувства, у нас есть память, в которой хранятся их данные, у нас есть опыт, в котором происходит отбор и отсеивание этой памяти. Все это – врожденные механизмы человеческого организма, которыми человек пользуется, хочет он того или нет. Однако все это не познание. Не являются им и другие способности, справедливо получившие название умственных, например отвлечение, сопоставление, умозаключение и т. д. Ум, или совокупность всех этих способностей, которыми одарен человек, – это также полученный им механизм, несомненно, в той или иной степени служащий познанию. Однако само познание не способность, не дар и не механизм, а, напротив, задача, поставленная перед собой человеком» (Ортега-и-Гассет, 1929).

5. Противоречие подобного онтологического полагания с феноменологической очевидностью их единства в психике индивида снималось за счет категориального противопоставления парадигматического и синтагматического плана существования любого социокультурного явления. Противопоставленность относилась лишь к парадигматическому плану, на уровне же синтагматики (психики отдельного человека) они рассматривались как «неслиянные и нераздельные».

Как интрапсихические организованности мышление, понимание, рефлексия и т.п. суть функциональные органы («способности», «высшие психические функции» и т.п.) психического аппарата личности, являющиеся средствами организации ее жизнедеятельности, подчиненными ее жизненным планам и ее биографическому жизненному пути.

6. Для анализа сознания вводилось различие «чистого» и «организованного» сознания. «Чистое» сознание – это познавательная абстракция, образованная отвлечением от всех форм сознания, определяемого со стороны интерпсихических, культурных организованностей, сознание «неорганизованное» – «живая основа сознания» (аналог – «чистая способность воображения» И.Канта или «чувственная ткань сознания» А.Н.Леонтьева). Чистое сознание бессодержательно и бесструктурно, это сам механизм от-

ражения и воображения в чистом виде, сознание с имманентными законами существования.

7. «Организованное» сознание – это сознание определенное, прежде всего, интерпсихическими, культурными организованностями – парадигматическими системами Коммуникации, Мышления, Понимания и т.п. Усвоенные и присвоенные в процессе «образования» и ставшие способностями индивида (личности), они используются в дальнейшем при решении жизненных задач в качестве средств достижения тех или иных его целей. Ответственность за организацию сознания (самосознание), функция организации сознания возлагается в этом случае на рефлексию, она рассматривается в качестве базового механизма, обеспечивающего развитие сознания и деятельности (мыследеятельности). Это развитие представляет собой, прежде всего рефлексивную переорганизацию сознания на основе опыта решения жизненных задач.

8. Отличие существования таких, уже личностных, организованностей сознания от их общественных, культурных прообразов состоит в том, что в сфере сознания они имеют другую категориальную природу – смысловую.

То, что обычно подразумевают под творческой активностью, спонтанностью сознания связано с произвольным и свободным «производством» смыслов. Но обратной стороной свободного смыслообразования сознания (воображения) является его замкнутость, поскольку сами по себе свободные, произвольно созданные субъективированные смыслы самоочевидны, самодостаточны и не имеют отношения ни к объективности, ни к истинности. Только объективированные смыслы могут быть верифицированы и оценены на предмет их истинности или реализуемости («чистое» сознание не только познавательная абстракция, но и один из предельных режимов работы сознания, который обычно сознается с феноменами чистого воображения (фантазирования)).

9. Человек не робинзон, а общественное существо, и предпосылкой обычной человеческой жизни является совместная жизнь и содеятельность в коммуникации с другими людьми. Содеятельность возможна только при обмене смыслами в коммуникации, но смыслы как таковые неотчуждаемы от породившего их сознания. Непосредственный обмен смыслами, общение сознаний в норме невозможно. Для того, чтобы преодолеть замкнутость сознания, его смыслы должны быть объективированы. Объективированность смыслов в коммуникации – это их выражение в некотором сообщении (тексте). Насущная необходимость объективации накладывает в обратной перспективе вполне определенные требования и ограничения на смыслы, на их мыслительное преобразование и подчинение общественно значимым законам коммуникативного взаимопонимания в «организованном» сознании.

10. Как известно, «психологическая теория деятельности» исходит из приоритета предметной деятельности в ее чувственно-практической форме в качестве фундаментального условия формирования психического отражения (психики) и его выражения. Развитие психической организации (аппарата) здесь напрямую связано с развитием предметного содержания деятельности, а в качестве центральной категории выступает субъективный образ предмета. СМД-методология центрирована на другом фундаментальном условии, для нее структуры совместной деятельности и связанной с ними коммуникации образуют то «пространство», в котором существует интеллект, мысль и мышление, речь и язык, психика, сознание и т.п. А в роли центральной категории выступает не субъективный образ, а социокультурный знак, как средство коммуникации-общения. Образы (и образная организация) сознания рассматриваются здесь в качестве вторичных образований.

11. Приоритет содеятельности и коммуникации, как ее неперемного условия, тесно связан с концепцией знаково-семиотической и коммуникативной природы знания и сознания и фундаментальности функции понимания.

Фундаментальный характер функции понимания, по сравнению с мышлением, определен здесь тем, что в обычных условиях, т.е. в жизненных случаях коммуникации между людьми, когда ситуация содеятельности актуально содержит все свои образующие в чувственно-предметной форме, в коммуникативном тексте достаточно прямого указания на те или иные объекты непосредственного оперирования, т.е. лишь владения языком общения. И лишь тогда, когда такое непосредственное указание оказывается невозможным, т.е. невозможно завершить интенциональный акт интерпретации знаковой формы сообщения, возникает нужда в мышлении, исходное назначение которого состоит в том, чтобы сконструировать соответствующее идеальное содержание (идеальный объект), далеко выходящее за рамки конкретной ситуации коммуникации.

Литература

Агафонов А.Ю. Сознание: где искать «черный ящик»? // *Методология и история психологии.* 2009. – Вып.1. – С.151-165.

Акопов Г.В. Классическая и/или неклассическая психология сознания // *Методология и история психологии.* 2009. – Вып.1. – С.130-136.

Велманс М. Как отличать концептуальные моменты от эмпирических при изучении сознания // *Методология и история психологии.* 2009. – Вып.3. – С.42-54.

Ждан А.Н. Пути и принципы исследования сознания в истории психологии // *Методология и история психологии.* 2009. – Вып.1. – С.47-60.

Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/orteg01/index.htm> (1929).

Щедровицкий Г.П. Эпистемологические структуры онтологизации, объективации, реализации (1980) // Вопросы методологии. 1996. –№3-4. – С.123-164.

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Попов Л.М., Ибрагимова Е.Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

В статье рассматривается динамика предмета психологии личности в доэкспериментальный период ее становления с переходами от изучения внутреннего мира как целостности к его отдельным частям. Терминологически понятия «человек», «личность», «субъект» выступают как синонимы. Показано, что дифференцированный подход – это будущий номотетическая ветвь психологии личности, а целостный – идеографическая. Раскрыта динамика представлений о регулятивной характеристике психической жизни, субъектной составляющей и нравственного содержания внутреннего мира личности.

Ключевые слова: предмет психологии личности, человек, личность, субъект, внутренний мир и процессы, аффективные детерминанты, субъектность, нравственные детерминанты.

SUBJECT OF PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Popov L.M., Ibragimova E.N.

Kazan (Volga region) Federal University, Russia

The article deals with the ideas of the subject of psychology in its dynamics in the period of pre-experimental formation of the science. The attention is drawn to the moving from the study of inner world as whole to analysis of its separate parts. The terms of "human", "personality", "subject" are used as synonyms. It is shown that differentiated approach is the future nomothetic branch of psychology of personality; and the holistic approach is the ideographic branch. The article describes the evolution of ideas of regulatory characteristics of psychic life, as well as of subjective component and moral content of inner world of a person.

Keywords: subject of psychology of personality, human, personality, subject, inner world and processes, affective determinants, subjectivity, moral determinants.

Каждая наука имеет предмет исследования. У естественных наук он более стабилен, чем предмет любой социально-гуманитарной науки. Психология как отрасль философии начинает складываться в европейской культуре во времена античных мыслителей, когда предметом психологии является душа. Позднее предметом психологии становится сознание, поведение. Интерес к личности отдельного человека существует на всем протяжении формирования психологического знания. В России он особенно возрос во второй половине XX века. Таким образом, «психология личности» оформляется в самостоятельную отрасль психологии.

В номенклатуре диссертационных специальностей психология личности до сих пор соединена с общей психологией. Отсюда рассмотрение вопроса о предмете психологии личности вполне уместно пересекается с «предметностью» общей психологии в истории.

Общая психология как отрасль знаний о человеке обладает всеми признаками самостоятельной науки: предмет, понятийный аппарат, методы получения данных и их обработки с учетом математического аппарата, ряд психологических законов. Признание научности общей психологии позволяет говорить о ее фундаментальности (Попов, Ибрагимова, 2011).

Человек, как элемент бытия, фундаментально изучается психологами, прежде всего, как носитель внутреннего мира, который складывается под влиянием внешних и внутренних условий. Не менее важным в психологии становится исследование включенности человека в отношения с миром, которые строятся в виде разнообразных актов активности человека и проявляются в деятельности, познании, поведении, общении, а также в самодеятельности, сопряженной с целым арсеналом самопроцессов.

По мере нахождения фундаментальных основ человеческой деятельности, поведения и механизмов формирования психики, все более отчетливым становится осознание необходимости не столько фундаментально знать психику человека, сколько применять эти знания для преобразования его самого и тех процессов, которые он осуществляет.

Необходимость преобразования человека послужила критерием того, что исследования психики и активности человека следует рассматривать и в рамках общепсихологических закономерностей, безотносительно к конкретному человеку и в рамках психологии отдельного человека, что часто соотносится с психологией личности.

Истинность полученных данных в общей психологии обуславливается тщательным исследованием какого-либо элемента, группы элементов психики. Здесь важны объем и однородность выборки, статистическая достоверность результата, полученного в ходе факторного, корреляционного анализа. Благодаря этому познаются механизмы, закономерности функционирования психики человека вообще. Однако, получается знание «для всех и ни для кого» в отдельности. Направление, которому следуют психологи «общей психологии», - номотетическое, близкое к направлениям

естественных наук, где преобладает количественный анализ (Нуркова, Березанская, 2004, с.16). В наших терминах – это следование абстрактно-аналитической стратегии в деятельности психолога (Попов, Голубева, Устин, 2008, с.62).

В психологии личности, скорее всего, необходимо получить знание «для данной конкретной личности» и вести именно с ней преобразующие действия. Это идиографическое направление (Нуркова, Березанская, 2004, с.16), которое в нашей терминологии рассматривается как следование стратегии целостного подхода (Попов, Голубева, Устин, 2008, с.62) в работе психолога с человеком, личностью и которое в силу доминирования качественного анализа явления более свойственно гуманитарным наукам.

Исходя из возможности получения знаний о человеке, его активности в рамках номотетического и идиографического подходов может быть и определен предмет психологии личности. В свою очередь, такой выбор может соответствовать теоретическим или практическим стратегиям психолога, т.е. которых могут происходить «колебания» предмета психологии личности. Это – внутренний мир человека, познавательно-преобразующие процессы, аффективно-нравственные и другие детерминанты регулятивного плана.

Есть основания считать, что психология личности, по аналогии с другими отраслями психологии имеет более прикладную направленность, чем общая психология. Каждая из «прикладных» психологий в связке «человек во взаимодействии с миром и с самим собой» при одном и том же субъекте имеет свой объект. На основании работ Е.А. Климова по психологии труда (Климов, 1996) можно говорить о пяти типах объектов. В ходе взаимодействия с самим собой в качестве объекта может быть выделен объект «Я-сам», что вполне созвучно с положением У. Джемса о двойственности самосознания, которое является одновременно и объектом и субъектом (Джемс, 2009, с.14). Выделение «такого» объекта обусловлено тем, что при взаимодействии с самим собой «Я» являюсь одновременно и субъектом, и объектом. Во взаимодействии «Я с самим собой» имеется два начала, обнаруженные нами при работе методом «Интервью с самим собой»: познавательное и самопреобразующее (Попов, Ибрагимова, 2012). Так, познание себя осуществляется по канонам номотетического подхода, т.е. дифференцированно, с детализацией «своего Я» по интеллекту, эмоциям, мотивации. Когда же речь заходит о саморазвитии конкретного испытуемого, тогда идет переход с позиции дифференцированного самоанализа на позицию целостного анализа себя, где испытуемый рассматривает себя не как существо, наделенное отдельными психическими функциями, а как целостную личность, которая должна измениться полностью.

Методологическое положение о том, что психология вполне умещается в связке «Человек и мир», позволяет нам еще раз выделить основные психологические элементы этой связки: внутренний мир человека, процесс

взаимодействия человека с миром и с самим собой, детерминанты, оказывающие существенное влияние на этот процесс. Внутренний мир человека в доэкспериментальный период был представлен душой, сознанием. Процессы взаимодействия – созерцанием в виде познания и преобразованием в виде деятельности, рефлексов, поведения. Процессы взаимодействия, которые были обусловлены «внутренней силой» самого субъекта, рассматривались как самопроизвольные действия и в последующем могут быть рассмотрены как самопроцессы: саморегуляция, самореализация, самодеятельность, саморазвитие, самодетерминация. К числу детерминант можно отнести те факторы, которые оказывают влияние на выбор объектов взаимодействия человека и состояние человека (система ценностей, нравственная позиция, эмоциональные состояния и другие).

Наряду с задачей методологического обоснования многомерности вопроса о предмете психологии личности мы ставим задачу исследовательского характера: показать динамику представлений мыслителей в доэкспериментальный период психологического знания о предмете общей психологии и психологии личности.

В период эмпирического постижения психологии человека (XVIII век) понятие «психология отдельного человека» стало связываться с понятием «психология личности», которая совершает созерцательные (познание) и преобразующие действия (деятельность). Именно в этот период складывается понимание личности, принадлежащее Дж. Локку: «Личность есть разумное, мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексивность» (Ждан, 1997, с.100).

Представления о психологических компонентах внутреннего мира, процессах его проявления и о детерминантах внутреннего плана стало складываться еще в античный период формирования знаний о человеке. Внутренний мир мыслителями античного времени был представлен понятием «душа», которая рассматривалась как материальное (Демокрит, Эпикур) или идеальное (Платон) образование. При дискуссионном понимании происхождения души ценным, на наш взгляд, было двойственное понимание структуры души: дифференциальное, которое и ложится в основу номотетического подхода, и – целостное, которое ближе идиографическому подходу. Номотетический подход в античный период представлен в «Диалогах» Платона и трактате «О душе» Аристотеля.

Разумная, рациональная часть души, согласно работам авторов доэкспериментального периода складывается в процессе познания. Здесь доминирует дифференцированный подход. У стоиков – это внешнее и внутреннее мышление (Ждан, 1997, с. 28), у Платона познание представлено мнением (низшее, чувственное познание), рассудком (мышление образами) и умом, которое связано со способностью к оперированию (Ждан, 1997, с.37-38). Более обстоятельно и дифференцированно познание представлено у Аристотеля. Им выделяется в рамках чувственного познания способ-

ность к общему чувству (движение, покой). Мышление представлено низшим (мнение) и высшим уровнем, к которому отнесено интуитивное мышление.

В отличие от дифференцированного подхода к душе мыслителей – философов, мыслители христианского – религиозного направления (апостол Павел, А.Августин и др.) душу всегда рассматривают как неделимую целостность, которая занимает свое место в триаде человеческой организации: дух – душа – тело.

Еще более целостное представление о внутреннем мире человека представлено через категории «характер, темперамент». На основе наблюдения за людьми и их действиями ученик Аристотеля Теофраст выделил 30 характеров (Ждан, 1997, с. 50-51). Автор теории темперамента Гиппократ идею целостного рассмотрения человека психофизиологического типа воплотил в четырех типах людей, согласно их темпераменту.

На этапе перехода «душевной» психологии к этапу психологии сознания внутренний мир в работах Р.Декарта, Дж. Локка, Г.Гегеля, Б.Спинозы ассоциируется с понятием сознание. Именно здесь внутренний мир человека и психика (сознание) выступают синонимами у Р.Декарта (Ждан, 1997, с. 85). Сознание, по мысли Дж. Локка, – это та духовная сила, которая объединяет наличные переживания, делает из них личность... (Ждан, 1997, с. 100). Этот, своего рода, целостный взгляд на сознание как проявление внутреннего мира, переходит в его дифференцированное воплощение у Г.Гегеля (Ждан, 1997, с. 130).

Более личностной частью внутреннего мира в доэкспериментальный период являются аффекты, которые в современной трактовке представлены эмоциями, состояниями, переживаниями, потребностями и волей. Платон, вводя аффекты в состав души, называет их «яростным духом» (Ждан, 1997, с.36).

В работах философов-стоиков времен Сократа представлена классификация аффектов. Стоики, более чем другие мыслители не только перечисляют наблюдаемые аффекты, но делают выводы о динамике нарастания аффективных состояний и что еще более ценно – переходят от созерцательной позиции к преобразовательной.

В трактовке Р.Декарта аффектам дается определение «страсти», их назначение состоит в том, чтобы сигнализировать душе: что полезно телу, а что вредно (Ждан, 1997, с. 36).

Особую ценность в характеристике процессуальных проявлений внутреннего мира личности представляют те, которые в традициях современной психологии личности могут быть отнесены к ее субъектности. Мы рассматриваем субъектность как свойство субъекта быть «инициатором в познании, общении, поведения, деятельности, созерцании» (Брушлинский, 1994, с.4).

Первые упоминания субъектного начала в действиях человека отмечаются Платоном: «Человек обладает силой подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности» (Ждан, 1997, с.36). Более выраженное субъектное начало представлено в материалистическом учении о «самопроизвольном» поведении атомов Эпикура: «каждый человек наделен элементом свободы воли...он не только находится под воздействием внешних сил, но является и активным действующим субъектом, смеющимся над судьбой, исполняющим намерения и достигающим блага при жизни» (Ждан, 1997, с.31- 32).

В последующем это инициативное начало в действиях человека связано с понятием «apperception», которая, по Лейбницу, является совместным действием «внутренних предрасположений и внешних впечатлений» (Ждан, 1997, с.103). И.Кант, развивая учение Лейбница, считал, что апперцепция – это активная сила, которая осуществляет синтез первоначально хаотических представлений... в целостное знание (Ждан, 1997, с. 127-128).

Продолжая усиливать значимость самопроизвольного начала в человеке И.Г.Фихте считал, что «сущность «Я» составляет деятельность: мы не потому действуем, что познаем, но мы познаем потому, что предназначены действовать... субъект – прежде всего действующий субъект» (Ждан, 1997, с.129).

Внутренний мир человека и его действия во вне невозможно представить без нравственной составляющей. В этике, как области специального знания о регуляции поведения личности среди других людей, особо ценится не столько знание человека о добродетелях и пороках, сколько субъектное воплощение этих знаний в поступках и деяниях. Среди главных добродетелей со времен Сократа, Платона, Аристотеля выделяются: мудрость (рассудительность), справедливость, мужество, умеренность. Наиболее субъектной из них становится рассудительность, так как она характеризует умение человека «находить конкретные пути и средства для достижения нравственно прекрасных целей...» делать сознательный выбор, совершать поступки, ведущие к цели (Гусейнов, 200, с.116-118).

Делать сознательный выбор в пользу добродетели и порока человеку помогает такая внутренняя сила как воля, а волевое действие, согласно Аристотелю, является тщательно рассчитанным, свободным и ответственным (Ждан, 1997, с. 50). За счет введения категории воли просматривается тенденция перехода от созерцательной позиции – описание внутреннего мира к преобразующей.

В «Исповеди» А. Августин (Августин, 1997, с.178) пишет: «Две воли боролись во мне, одна плотская, другая духовная и в этом борении разрывалась душа моя». По материалам «Исповеди», в основе которых лежат самоаналитические впечатления Августина о себе как целостном «Я», подтверждается наш тезис о том, что понятия целостность и преобразование

коррелируют друг с другом, а молитвенное обращение к Богу является прообразом интроспекции.

Литература

- Августин А.* Исповедь. М.: Канон+, 1997.
- Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.
- Гусейнов А.А.* Добродетель // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А.Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.
- Джемс У.* Личность и ее составляющие // Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря, В.В. Архангельской. М.: АСТ: Астрель, 2009.
- Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М.: Российское педагогическое агентство, 1997.
- Климов Е.А.* Введение в психологию труда. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Нуркова В.В., Березанская Н.Б.* Психология. М.: Юрайт-Издат, 2004.
- Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М.: ИП РАН, 2008.
- Попов Л.М., Ибрагимова Е.Н.* «Интервью с самим собой» – метод экспериментального исследования личности // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / отв. ред. В.А.Барабанщиков. М.: ИП РАН, 2012. – С.443-447.
- Попов Л.М., Ибрагимова Е.Н.* Проблема объекта в диссертациях по психологии // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. – Т.153. – Кн.5. – С.34-41.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ В РОССИЙСКОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ

Семенов И.Н.

**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия**

В работе представлены результаты историко-научного анализа взаимодействия психологии с философией и естествознанием в процессе развития российского человекознания в XIX-XXI вв. Предлагается периодизация развития связей психологии с философией, характеризуются их методологические аспекты и показано конструктивное значение для человекознания.

Ключевые слова: психология, философия, методология, история, взаимодействие, логика развития, российское человекознание, периодизация, идеология, теория, эксперимент, мышление, рефлексия, деятельность.

METODOLOGICAL ASPECTS OF PSYCHOLOGY AND PHILOSOFY IN THE RUSSIAN HUMAN STUDY

Semenov I. N.

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

The paper presents the results of historical and scientific analysis of the psychology of interaction with philosophy and natural science in the process of development of the Russian human study in the XIX-XXI centuries. The author proposes the periodization of the development of links of psychology with philosophy, characterizes their methodological aspects and demonstrates the constructive significance for human study.

Keywords: psychology, philosophy, methodology, history, interaction, logic of development, Russian human study, periodization, ideology, theory, experiment, thinking, reflection, activity.

В истории своего развития психология по-разному взаимодействовала со смежными науками: то черпая – как у философии и обществоведения – ценностные установки, познавательные ориентиры и понятийные средства, то ассимилируя – как у естествознания и техникзнания – объяснительные принципы, исследовательские методы, инструменты верификации и технологические алгоритмы. Проблему составляет изучение методологического значения связей психологии с философией и построение периодизации их взаимодействия на фоне панорамы истории российского человекознания. Становление российской психологии как науки началось в последней трети XIX в. в социокультурном контексте отмены крепостничества и духовного подъема в обществе в связи с победой над Турцией и освобождением славянских народов. Немалую роль в этом культурном подъеме сыграло развитие философско-психологической мысли в Петербургском и Московском университетах и открытие в них Философского и Психологического (РПО) обществ, обладавших своими уставами, научной автономностью и свободой при обсуждении теоретических вопросов.

Это имело важное методологическое значение для становления психологии как эмпирической науки. Поскольку преподавание философии и психологии на университетских кафедрах велось по программам, утверждавшимся в духовных академиях с богословских позиций, то все же на фоне этого официоза свободные дискуссии в РПО могли сосредоточиться на открытом обсуждении научно значимых проблем. Эти дискуссии в РПО (например – о свободе воли в 1890-1900-е гг.) велись на основательной философской базе. Ибо психологию в университетах преподавали профессора философии, причем, в междисциплинарном ключе с участием: гуманитариев, естественников, педагогов, врачей, психиатров, писателей, богословов, философов. Это изначально задавало становлению российской психологии

духовно-нравственный (Ф.М.Достоевский, В.С.Соловьев, Л.Н.Толстой) и антропологический (К.Д.Ушинский, Н.Г.Чернышевский) векторы ее развития в качестве доминанты человекознания.

В развитии психологии в России XIX-XXI вв. дифференцируется ряд периодов ее методологического взаимодействия с философией. Оно определялось не только внутренней логикой развития психологической мысли (К.Д.Кавелин, М.М.Троицкий, Н.Я.Грот) и зарождения (И.М.Сеченов, В.М.Бехтерев, Н.Н.Ланге) эмпирической психологии в процессе ее отпочкования от философии и взаимодействия с естествознанием, но также и с такими внешними факторами, как: социокультурные поиски в сфере человекознания и искусствознания (Богоискательство, Серебряный век, Авангардизм, Пролеткульт, Соцрализм, Постмодернизм и т.п.), социо-идеологические катаклизмы экзистенциально-политического развития общества (восстания, реформы, войны, революции, коллективизация, репрессии, «оттепели», «перестройки», капитализация, кризисы и т.д.). Нами предлагается следующая периодизация связей психологии с философией.

Первый период отделения (в пореформенной России 1860-1870-х гг.) психологии от философии в этико-гносеологическом плане связан с «вынесением за скобки» богословской трактовки проблематики души в целях ее философского анализа (П.Д.Юркевич) и антропологического (Н.Н.Страхов, К.Д.Ушинский) анализа. **Второй** период становления человекознания связан с поиском (в 1870-1890-е гг.) рационально-философских (М.М.Троицкий, Н.Я.Грот) оснований формирования психологии как эмпирической науки (И.М.Сеченов, В.М.Бехтерев) в полемике с богословским усилением спиритуализма в идеалистической философии (М.И.Владиславлев, В.С.Соловьев). Это вылилось в борьбу за эмансипацию от богословия преподавания философии и психологии в государственных университетах. **Третий** период развития человекознания связан с поиском (в 1890-1910-е гг.) как трансцендентальных оснований (Е.Н. и С.Н.Трубецкие, Л.М.Лопатин, Н.О.Лосский) философско-психологического анализа душевных процессов, так и методологических средств построения психологии как экспериментальной науки (А.И.Введенский, Н.Н.Ланге). Это реализовалось в государственно-общественной организации научных институтов для фундаментальной экспериментатики в психоневрологии в 1907 г. (В.М.Бехтерев) и в психологии в 1912 г. (Г.И.Челпанов), а также прикладных лабораторий: психолого-психиатрических (А.Ф.Лазурский, С.С.Корсаков, А.А.Токарский) и психолого-педагогических (Н.Н.Ланге, П.Ф.Лесгафт, А.П.Нечаев). Философско-теоретическая рефлексия становления эмпирической психологии в контексте человекознания привела к его теоретическому (А.П.Несмелов, Н.Я.Пэрна) и методологическому (А.П.Космин) обобщению.

Четвертый период связан с крушением (в 1920-1940-е гг.) русской духовно-идеалистической философии и рационально-трансцендентального

человекознания (Л.М.Лопатин, Н.О.Лосский), а также с кризисом феноменологизма (М.М.Рубинштейн, Г.Г.Шпет) и эмпиризма (Г.И.Челпанов, А.П.Нечаев) в психологии в контексте ее материалистической идеологизации (П.П.Блонский, К.Н.Корнилов) и ее психотехнической (А.К.Гастев, И.М.Шпильрейн, С.Г.Геллерштейн) и педологической (В.Я.Басов, А.Б.Залкинд) реализации. Наметившийся переход от вульгарного материализма (А.И.Варьяш) к диалектическому (А.А.Богданов, А.М.Деборин) привел к конструктивной ассимиляции (В.Ф.Асмус, Д.Лукач, И.К.Луппол) достижений марксистской философии и к разработке на ее основе культурно-исторической (Л.С.Выготский, А.Р.Лурия) и деятельностной (С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев) методологии советской психологической науки. Ее экспериментально-теоретические достижения на фоне концептуально-методологической ассимиляции мировой психологии были обобщены в 1940 г. С.Л.Рубинштейном в его по сути философско-психологической системе (Семенов, 2009а).

Начавшийся вследствие политической «оттепели» **пятый** период (в 1950-1970-е гг.) развития советской психологии связан с реабилитацией ее классического наследия (В.Я.Басов, П.П.Блонский), в т.ч. философско-методологического характера (Л.С.Выготский, С.Л.Рубинштейн) и его творческого развития на основе комплексного (Б.Г.Ананьев, П.К.Анохин) и системно-деятельностного подходов (А.Н.Леонтьев, Б.Ф.Ломов) в человекознании. Оба подхода исходили из диалектико-материалистической трактовки марксизма в советской философии (Б.М.Кедров, П.В.Копнин) и его фундаментального развития в философии неомарксизма изучения «идеального» (Э.В.Ильенков, В.С.Библер, А.С.Арсеньев), сознания (С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, А.Г.Спиркин) и научно-познавательной деятельности (В.А.Лекторский, В.С.Степин, В.С. Швырев). Важную роль в этом сыграла переориентация философских изысканий от неомарксистской трактовки «диалектики как логики и теории познания» через разработку «содержательно-генетической логики» (А.А.Зиновьев, М.К.Мамардашвили, Г.П.Щедровицкий) и «методологии теории деятельности» (Г.П.Щедровицкий, Н.Г.Алексеев, В.А.Лефевр) к построению средств системного подхода (И.В.Блауберг, В.Н.Садовский, Э.Г. Юдин) применительно к человекознанию (Б.Г.Ананьев, П.К.Анохин, Л.М.Веккер), в т.ч. в психологии, педагогике, эргономике (Н.Г.Алексеев, Ф.Е.Василюк, В.П.Зинченко, Б.Ф.Ломов, Я.А.Пономарев, В.Н.Пушкин, И.Н.Семенов, В.Д.Шадриков, Б.Г.Юдин). При этом происходила философско-психологическая концептуализация деятельностного подхода в его двух основных вариантах: предметно-операциональном (А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин, В.П.Зинченко), производном от культурно-исторической теории Л.С.Выготского и – субъектно-процессуальном (К.А.Абульханова, А.В.Брушлинский) в школе С.Л.Рубинштейна. Взаимодействие обеих трактовок деятельности было конструктивным применительно к изучению

мышления (Н.Г.Алексеев, В.В.Давыдов, И.Н.Семенов, О.К.Тихомиров), личности (Л.И.Анцыферова, А.Г.Асмолов, Б.С.Братусь, Б.В.Зейгарник), деятельности (Б.Ф.Ломов, А.В.Петровский, В.Д.Шадриков). Например, с учетом этого и взаимодействия философии, логики с психологией в трудах Г.П.Щедровицкого (ее методологический анализ см.: Семенов, 2007, 2014) нами велось теоретико-экспериментальное изучение рефлексивной организации творческого мышления (Семенов, 1982).

Начавшийся еще до «перестройки» **шестой** период (в 1980-1990-е гг.) развития отечественного человекознания связан с оригинальной разработкой фундаментальной философской проблематики (В.Ф.Асмус, П.П.Гайденок, В.А.Лекторский, А.Ф.Лосев, М.К.Мамардашвили, В.С.Степин, В.С.Швырев), ассимиляцией современных достижений зарубежной философии и психологии, а также с реабилитацией духовного наследия русской философии Серебряного века (В.С.Соловьев, Е.Н. и С.Н.Трубецкие, Н.А.Бердяев, Н.О.Лосский, И.А.Ильин). При этом имело место взаимообогащение философской и психологической мысли в тесном взаимодействии методологов (Н.Г.Алексеев, В.П.Кузьмин, В.А.Лефевр, М.К.Мамардашвили, В.М.Розин, И.Т.Фролов, Г.П.Щедровицкий, Б.Г.Юдин) и психологов (В.В.Давыдов, В.П.Зинченко, В.Е.Лепский, Б.Ф.Ломов, Я.А.Пономарев, В.В.Рубцов, И.Н.Семенов, В.И.Слободчиков и др.).

Современный **седьмой** период (в 2000-2010-е гг.) связан с разработкой философских основ быстроразвивающихся областей фундаментального – например, психологии рефлексии и смысла (Семенов, 2014, 2015) – и прикладного психологического знания и с их методологизацией как инновационных сфер человекознания. Этому способствует систематическое обсуждение философско-методологических проблем психологии на конференциях, организуемых в РПО (В.Ф.Петренко, В.А.Мазилев, И.Н.Карицкий, А.В.Юревич и др.) и в журналах: РАН, МГУ, ЛГУ, НИУ ВШЭ, МГППУ, «Вопросы методологии», «Кентавр», «Методология и психология», «Мир психологии», «Культурно-историческая психология», «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования», «Рефлексивные процессы и управление» и др. При этом растет публикация монографий по методологии развития психологического познания и его взаимодействия с философией, в т.ч. например, на материале обобщения достижений такой инновационной области современной психологии, как системодетельностное изучение рефлексивного мышления (Семенов, 2014) и смысловой сферы личности (Семенов, 2014) с позиций научной школы рефлексивно-гуманитарной психологии творчества (Семенов, 1991), развивающейся в контексте философии образования (Алексеев, Семенов, Швырев, 1997; Бухарова, Семенов, 2015) и в русле ведущих ориентаций прогресса современной науки (Семенов, 2000, 2009б; Семенов, Степанов, 1982, 1983; Ссорин, Семенов, 2013).

Эксплицированная панорама и анализ методологических связей психологии с философией приводят к **выводу**, что при их ослаблении снижался теоретический уровень психологического познания вследствие его деметодологизации, которая чревата ползучим эмпиризмом в экспериментатике. Периоды же их тесного взаимодействия характеризуются конструктивными достижениями в истории отечественной психологии как доминанты человекознания.

Литература

Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Швырев В.С. Философия образования // Высшее образование в России. 1997. – №3.

Бухарова А.А., Семенов И.Н. Обзор концепций рефлексии и образования М.Шелера с позиций рефлексивной психологии. // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. – №4-5. – С.18-63.

Семенов И.Н. Методологические проблемы системного исследования организации мыслительной деятельности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник-1982. М.: Наука, 1982. – С.301-319.

Семенов И.Н. Методологические основы Московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества. // Методологические концепции и научные школы в СССР (1951-1991). Новосибирск: НГУ, 1991. – С.35-56.

Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления рефлексии и познавательной активности. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000.

Семенов И.Н. Фундаментальная роль методологии Г.П.Щедровицкого в междисциплинарном взаимодействии философии и логики с рефлексивной психологией и педагогикой // Рефлексивные процессы и управление. 2007. – №1.

Семенов И.Н. Панорама развития философско-психологической системы С.Л.Рубинштейна в современном человекознании. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009а. – №3. – С.106-116.

Семенов И.Н. Системно-методологическая и историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии // Прогресс психологии: критерии и признаки. (Методология, теория, история психологии). М.: ИП РАН, 2009б. – С.210-236.

Семенов И.Н. Системоделятельная методология и рефлексивная психология мышления. М.: Институт развития им. Г.П.Щедровицкого. 2014.

Семенов И.Н. Философские трактовки смысла как методологические средства его рефлексивно-психологического изучения // Мир психологии. 2014. – №1. – С.141-153.

Семенов И.Н. Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2015. – №3. – С.22-39. – №4. – С.98-113

Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Философско-методологические проблемы современной науки // Вопросы философии. 1982. – №4.

Ссорин Ю.А., Семенов И.Н. Панорама философско-энциклопедических трактовок рефлексии и проблемы их использования в психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. – №1.

Seменов I.N., Stepanov S.Yu. Methodological orientations in Psychology of the creative thinking // Logic, methodology and philosophy of the science (Papers of Soviet scientists for VII International congress. Zalzburg. 1983). М.: Nauka, 1983.

ВСЕВОЛОД БАСОВ (1892-1937 (?)) – НОВОЕ ИМЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДОЛОГИИ

Сорокина М.Ю.¹, Стоюхина Н.Ю.²

¹Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Россия

²Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-06-10221

Статья вводит в научный оборот имя одного из представителей российской провинциальной психологии и педологии начала XX века Всеволода Николаевича Басова. Рассматривается его научно-организационная и научная деятельность, приводятся новые биографические факты на основе документов российских архивов.

Ключевые слова: В.Н.Басов, М.Я.Басов, В.М.Бехтерев, Е.В.Антипова, история российской психологии, провинциальная психология, педология, тестология.

VSEVOLOD BASOV (1892-1937 (?)) – NEW NAME IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN PSYCHOLOGY AND PEDODOLOGY

Sorokina M.Yu.¹, Stoyukhina N.Yu.²

¹Alexander Soljenitsyn Center For the Study of the Russia Diaspora, Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

The article introduces a new name of the representative of the Russian regional psychology and pedology of the early twentieth century - Vsevolod Basov. The article deals with his scientific organizational and scientific activities and suggests new biographical facts based on the Russian archival documents

Keywords: V.Basov, M.Basov, V.Bekhterev, H.Antipoff, history of the Russian psychology, Russian regional psychology, pedology, testology,

История становления российской «провинциальной психологии» в начале XX века – одна из малоизвестных, но весьма важных, страниц истории отечественной психологической науки (Стоюхина, 2013). Ее бурное развитие после 1917 г., особенно в таких предметных областях, как психотехника, педология и др., остается недооцененным в современной историографии и требует дальнейшего детального изучения на основе новых архивных документов. Наше сообщение и посвящено введению в научный оборот нового имени в истории российской «провинциальной психологии» начала XX века.

Есть такие имена реальных исторических фигур, как правило, иностранного происхождения, которые вроде бы знакомы, и мы называем их, не задумываясь о человеке, который стоит за фамилией. Не повезло, например, известному швейцарскому ученому-психотехнику Франциске Баумгартен (1883-1970) – ее нередко считали и считают мужчиной. Так и пишут: «Ф. Баумгартен заметил...». Из отечественных ученых, пожалуй, более всех «пострадал» педолог из Орла Всеволод Николаевич Басов. Будучи современником, ровесником и коллегой ученика В.М. Бехтерева, известного петроградско-ленинградского психолога Михаила Яковлевича Басова (1892-1931), педолог-провинциал Всеволод Николаевич для потомков растворился в тени знаменитого однофамильца. Даже историки психологии нередко путают их обоих, приписывая авторство работ Всеволода Николаевича Михаилу Яковлевичу (Парамонова, 2010, с.136).

Между тем, с 1920 по 1930 г. Всеволод Николаевич Басов сумел создать на базе Орловского губернского отдела народного образования и возглавить целую систему педологических институций – педологическую и экспериментально-психологическую лаборатории, научно-педологическое общество, «Педологический журнал», который редактировал совместно с великим В.М. Бехтеревым. Этот журнал, являясь одним из ведущих научно-педологических изданий своего времени, публиковал работы известных специалистов из многих университетов и институтов Москвы и Ленинграда, Казани и Симферополя. Несмотря на это, весомый вклад В.Н. Басова в развитие педологии не оценен современными исследователями истории психологии и педагогики (лишь Балашов, 2012, с. 18, 102 и Даниличева, 2004, с.17 ссылаются на него).

Научной биографии В.Н. Басова пока не существует. В одном источнике сообщается, что во второй половине 1930 годов он преподавал русский язык на заочном отделении Всесоюзного института повышения квалификации (Книга памяти, 1994), а в новейшей монографии утверждается, что Басов был врачом (Балашов, 2012, с.18). Между тем, в знаменитом «The Psychological Register» (1929) американского психолога Карла Мер-

чисона В.Н. Басов, наряду с Б.Г. Ананьевым, Д.Н. Узнадзе, А.Р. Лурия и др. выдающимися советскими психологами, присутствует, да еще в трех транслитерациях – Basov, Bassow, Basoff. До недавнего времени именно это издание давало наиболее точные биографические сведения об ученом.

Выявленное нами в архиве Московского университета личное дело студента В.Н. Басова позволяет существенно дополнить эти данные (ЦГАМ. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 329. Д. 226). Всеволод Николаевич Басов родился 10 / 22 ноября 1892 г. в селе Кривчиково Кромского уезда Орловской губернии. Его родители, Николай Стратонович и Ольга Герасимовна Басовы, отдали сына в 1903 г. в престижную Алексеевскую мужскую гимназию г.Орла, после окончания которой в 1915 г. он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Здесь он учился одновременно со многими в будущем выдающимися филологами – Р.О. Якобсоном, П.Г. Богатыревым и др. Таким образом, сведения о его профессиональном филологическом образовании документально подтверждаются. Интересно, что в том же 1915 г. В.Н. Басов, еще гимназистом в Орле интересовавшийся новым международным языком эсперанто, стал активным членом Московского общества эсперантистов. В студенческие годы, наряду с учебой, он заведовал книжным магазином эсперантистов на Тверской улице в Москве, публиковался под псевдонимом «V. В.» и редактировал журнал «Ля Ондо дэ Эспэранто» (La Ondo de Esperanto, Волна эсперанто) (Масанов, 1960, с. 54).

Самый интригующий период в биографии Басова связан с годами гражданской войны. Как случилось, что филолог-русист вернулся из Москвы в Орел педологом и с такими связями, которые позволили ему выступить в качестве организатора науки в масштабах всей страны? К сожалению, ответы на эти вопросы пока остаются не проясненными. Однако, на основе его опубликованных статей можно предположить, что именно понимание педологии как интегральной междисциплинарной научной дисциплины, объединяющей широкий круг специалистов – психологов, педагогов, врачей, физиологов, антропологов и др., стало базой для его деятельности. С большим воодушевлением Басов утверждал в 1923 г.: «В настоящее время педология рассматривается как конгломерат наук, изучающих, между прочим, и ребенка, но как вполне самостоятельная наука. В то время как все науки, говорящие о ребенке, не ставят последнего предметом своего исключительного внимания, педология, наоборот, объектом своего изучения берет ребенка... Биология, психология, медицина и другие науки способствуют развитию педологии, предоставляя ей свои материалы» (Басов, 1923, с. 1-2).

Первым известным педологическим трудом В.Н. Басова стали «Антропометрические стандарты по городу Орлу», опубликованные в этом городе в 1922 г. и затем неоднократно переиздававшиеся. Издание представило результаты обследования более трех тысяч детей, прошедших через

Орловскую детскую профориентационную амбулаторию и Педологическую лабораторию Губоно. Причем оно было проведено с использованием новейшей для того времени методики, разработанной под руководством заведующего Центральным антропометрическим бюро, вскоре профессором Московского университета, В.В. Бунаком (1891-1979).

Стоит отметить, что В.Н. Басов был не одинок в своих начинаниях. Как известно, инициатором массовых обследований физического развития детей в России был русско-швейцарский врач-гигиенист Ф.Ф. Эрисман (1842-1915). Проведенные им в 1879 г. антропометрические измерения у детей и подростков разного возраста явились основой для получения первых репрезентативных данных о физическом развитии молодого поколения. В годы гражданской войны и после нее российские педологи провели гигантскую работу по обследованию физического состояния детей, создав своего рода детские ЦСУ в каждом городе, что позволило медикам, педагогам и психологам следить за ростом и развитием как отдельных детей, так и определенных групп детского населения.

Важной составной частью этой работы в Орле стало сравнение полученных результатов с аналогичными данными, полученными до 1917 г. – в ходе антропометрического обследования поступавших в знаменитый Орловский Бахтина кадетский корпус с 1908 по 1917 г. Оказалось, что «наши школьники из семей служащих отстают от них в среднем несколько меньше, чем на 2 года, а дети из семей рабочих несколько более, чем на 2 года. Однако, эта разница постепенно уменьшается с возрастом. Можно предполагать, что физическое развитие наших детей до 13-летнего возраста, вследствие перенесенного голода и других неблагоприятных для развития факторов, имевших место в связи с войной и интервенцией, задержано почти на 2 года по сравнению с детьми, родившимися до последней войны в хорошо обеспеченных тогда семьях» (Басов, 1922, с. 2).

В то же время проводившееся в 1921 г. Е.В. Антиповой исследование группы дошкольников Петрограда (от 4 до 9 лет) на «установление их умственного уровня» по методу Бине-Симона при сопоставлении его результатов с аналогичными данными, полученными сотрудниками А. Бине и Т. Симона в Париже перед Первой мировой войной, показало, что, несмотря на физическую ослабленность организмов и тяжелые моральные потрясения, интеллектуальный статус российских дошкольников не дал резких отклонений от нормального уровня психического развития. «Мы констатировали, — писала будущий выдающийся русско-бразильский психолог в «Педологическом журнале» В.Н. Басова, — даже некоторое повышение уровня (в среднем на 0, 41) в сравнении с парижскими данными довоенного времени. Полагаю, что не голословно было бы утверждать, что такое повышение отчасти зависело от сравнительно хорошей постановки в России, еще в 1921 г., дошкольного образования, а, кроме того, от той житейской мудрости, которая приобретается теперь детьми с ранних лет. Предо-

ставленные самим себе больше, чем раньше, сызмала вынужденные ориентироваться в окружающей их жизни, дети тем самым активно, на самом деле упражняют те черты корня интеллекта, которые Бине назвал пониманием, обсуждением, направлением и изысканием» (Антипова, 2014. с. 297-298).

С начала 1920-х гг. не только педологические учреждения образуются по всей стране, но и создается обширная сеть педологической печати. Перечень периодических педолого-педагогических изданий (далеко неполный) насчитывает многие десятки названий. Но даже фоне такого издательского великолепия издаваемый В.Н. Басовым «Педологический журнал», орган Орловского педологического общества, выходящий всего два года – 1923 и 1924 – был очень известен.

Его первый номер привлек внимание самого В.М. Бехтерева, который предложил объединить издаваемый им в Ленинграде журнал «Вопросы изучения и воспитания личности» с журналом Орловского общества. «Педологический журнал» выходил под ред. В.Н. Басова и В.М. Бехтерева в 1923-1924 гг. Всего вышло шесть номеров журнала, по три каждой год.

В конце 1920-х гг. фокус научных интересов В.Н. Басова и возглавляемой им лаборатории переместился в область тестологии. Вместе с педологическим и психотехническим кабинетом Детской профилактической амбулатории Губздрава они проводили обширные тестирования в орловских учебных заведениях. В 1929 г. под редакцией В.Н. Басова были изданы два сборника по практической педологии, охватывавшие все значимые области педологии.

В 1930 г. В.Н. Басов переехал в Уфу, где стал профессором педологии и педагогики Башкирского государственного педагогического института им. К.А. Тимирязева (БГПИ), открытого в марте 1929 г. к 10-летию Советской Башкирии. Здесь функционировали пять отделений: физико-математическое, естественное, педолого-педагогическое, общественно-экономическое и литературное. Однако обследование института Наркомпросом в 1931 г. показало, что в башкирскую глубинку специалисты ехали очень неохотно и на момент обследования в БГПИ работали лишь два профессора, одним из которых и был В.Н. Басов (Ергин, 2009).

Сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, прозвучавший на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП (б), открыл простор для произвола и беззакония. В национальных республиках он прежде всего обернулся репрессиями против носителей «местного буржуазного национализма».

В 1937 г. в Уфе была вскрыта «контрреволюционная буржуазно-националистическая повстанческая террористическая организация, связанная с пантюкистским контрреволюционным центром и троцкистско-

зиновьевской организацией» и по этому делу в 1938 г. расстрелян директор БГПИ Ш.С. Абзанов.

По-видимому, именно эти события послужили причиной отъезда, а фактически бегства, В.Н. Басова из Уфы обратно в Орел. Примерно к апрелю 1937 г. он уже находился в Орле и безуспешно пытался устроиться на самую скромную работу – учителем русского языка в школу. Последние месяцы на свободе В.Н. Басов числился преподавателем русского языка на заочном отделении Всесоюзного института повышения квалификации. В том же 1937 г. он был арестован и осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба В.Н. Басова пока неизвестна.

Литература

Антипова Е.В. Умственный уровень дошкольников: (Исследование по методу Бинэ-Симона) // *Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892-1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, 2014.*

Балашов Е.М. Педология в России в первой трети XX века. СПб.: Нестор-История, 2012.

Басов В.Н. Антропометрические стандарты по городу Орлу. Орел, 1922.

Басов В.Н. Педология – наука о ребенке // *Педологический журнал. 1923. – №1. – С.1-8.*

Даниличева Н.А. Очерки истории школьной психодиагностика. СПб.: Гуманистика, 2004.

Ергин Ю.В. У истоков университетского образования: Очерки о предыстории Башкирского государственного университета. Уфа, 2009.

Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине / сост. под рук. Ю.Н. Балакина. Т.1. Орел, 1994.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т.4. М., 1960.

Парамонова А.А. Открытие детства в России. Развитие научного знания о ребенке в истории отечественной психологии конца XIX – начала XX вв. / А.А. Парамонова. Ижевск: ERGO, 2010.

Стоюхина Н.Ю. Проблемы изучения истории «провинциальной психологии» // *Мир науки, культуры, образования. 2013. – №1 (38). – С.153-155.*

ИЗ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ СОВЕТСКОЙ РЕКЛАМЫ

Стоюхина Н.Ю.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

Автор пишет о малоизвестных эпизодах из истории советской психологии рекламы в 1920-х годах, в частности, о психологах И.П. Дьякове, В.И. Смирнове и Д.И. Рейтынбарге. Анализируя опыт зарубежных коллег, они ввели новые знания, приспособленные для советских реалий.

Ключевые слова: психология реклама, плакат, советские психологи, воздействие, эстетика рекламных образов.

FROM THE HISTORY OF THE PSYCHOLOGY OF THE SOVIET ADVERTISING

Stoyukhina N.Yu.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

The author writes about little-known episodes from the history of Soviet psychology of advertising in the 1920's, particularly about phycologists I.P. Dyakov, V.I. Smirnov, and D.I. Reytynbarg. Summing up the experience of foreign colleagues, they introduced a new knowledge adapted for the Soviet realities.

Keywords: Psychology of advertising; poster; Soviet psychologists; impact; aesthetics of advertising images.

Конец 1920-х – 1930-е гг. стал для отечественной психологии периодом, когда состояние науки и общества сложилось в особую конфигурацию с характерными явными или скрытыми научными и социальными метаниями в поиске своего пути. Наша статья обозначит лишь некоторые факты в психология рекламы.

После 1917 г. не-психологами было написано множество работ по психологии рекламы (Стоюхина, 2012; Стоюхина, 2015); писали художники (Моор), публицисты (Л. Сосновский, Л. Зивельчинская, В. Герценберг), пропагандисты (С. Третьяков, Л. Вражин). Они в изобилии использовали психологические термины. Внимание психологов к этой отрасли психологии можно датировать с публикации работы Г. Мюнстерберга «Основы психотехники», где он, как одну из сторон психотехники – психологии воздействия, психологии рекламы – отмечает обязательное участие в ней психологов. Первые работы о психологии плаката и рекламы, написанные психологами, основывались, по большей части, на переводной литературе, использовавшей уже известные мысли Г. Мюнстерберга, У.Д. Скотта, Т. Когена и пр. Большую роль играла информация из-за границы.

Пожалуй, первой советской книгой с титульным названием «психология рекламы» является работа инженера М.Д. Мануйлова, приверженца идей НОТ (Мануйлов, 1925), давшей «некоторый теоретический и практический анализ рекламного дела, намечая единственный правильный путь к тому, чтобы найти покупателя» (Мануйлов, 1925, с.6). Текст книги М.Д. Мануйлова компилятивен, несамостоятелен, часто запутан, но, например, глава «Логика в рекламе» представляет интерес. Автор поднимает вопрос противостояния внушению в рекламе; описывая феномен внушения в рекламе, он уделяет большое внимание принципам расположения изделий в витринах при розничной продаже, обстановке внутри магазина, психологическому мастерству продавца, обозначает некоторые проблемы руководителя отдела рекламы: хорошее знание товара, производства, тонкостей фактического сбыта в каждом определенном месте.

С середины 1920-х гг. советские психологи начинают работу по обобщению теоретических и экспериментальных знаний по психологии рекламы, проведенных за рубежом, и делают свои исследования, издавая свои книги и статьи.

Психолог И.Н. Дьяков (Стоюхина, 2013), впоследствии известный как основатель и разработчик правил безаварийного движения городского автотранспорта, поставил главный вопрос организации широкой массовой рекламы: как сочетать чисто практические цели рекламы с требованиями художественного вкуса? возможна ли и как возможна художественная реклама? (Дьяков, 1925) Разделив всю имеющуюся рекламу по эстетическому признаку на три группы: 1) антихудожественная, 2) безразличная и 3) художественная, И.Н. Дьяков признал наиболее удачной с коммерческой точки зрения именно художественную рекламу, т.к. «антихудожественные, оскорбляющие наше эстетическое чувство рекламы вызывают и отрицательный коммерческий результат. Между художественной и практической стороной рекламы совершенно не наблюдается того противоречия, о котором говорит упомянутая теория» (там же, с.41). Если эстетический элемент рекламы заключается в ее внешних свойствах, которыми она легко и непроизвольно привлекает к себе наше внимание, то «искусство художественной рекламы, прежде всего, представляет собою искусство возбудить наше внимание, одною своею красочной формой, но не воздействием на какие-нибудь наши практические инстинкты» (там же, с.42). Вывод, который делает И.Н. Дьяков: «реклама вполне соединима с эстетикой. Искусство художественной рекламы не только вообще возможно, но и составляет могучее орудие ее коммерческого успеха» (там же, с.43).

И.Н. Дьяков вводит понятие «художественного минимума», гарантирующего внешний вид города от нехудожественной рекламы, достигающегося с учетом национальных, классовых, половых, возрастных, образовательных и прочих различий, обуславливающих собою различия в восприятии рекламы между этими группами населения. Экспериментальные ис-

следования, которые ведут психологи по восприятию рекламы, по мнению И.Н. Дьякова, крайне несовершенны и представляют собой только первые шаги в изучении практического действия рекламы, степень ее заметности и привлекательности для человека, действенная реклама как агитационное, призывающее к определенным действиям средство искусства, исследована еще хуже. Формы художественной рекламы и методы ее воздействия должны непрерывно развиваться и изменяться, по мере того как развивается и изменяется общая обстановка, темп и условия нашей жизни, что заставляет рассматривать задачу изучения условий воздействия и восприятия посредством рекламы как задачу постоянно возникающую. Он считал, что, несмотря на огромные затраты для исследований в СССР, расходы по рекламе не значительные; они «компенсируются и восстанавливаются тем обстоятельством, что у нас реклама имеет и должна иметь гораздо более высокие образовательные и воспитательные задачи, чем на Западе, и поэтому расходы на нее необходимо должны остаться относительно огромными» (Дьяков, 1925, с.48) и призывал смотреть на этот вопрос как на предмет самых настоятельных забот руководящих органов городского хозяйства, регулирующих как внутреннюю, так и внешнюю стороны городской жизни.

Книга «Основы психотехники политпросветработы» белорусского психолога и психотехника А.А. Гайворовского, сегодня забыта, как и ее автор (Стоюхина, Кандыбович, 2009). Заслуживает внимания актуальная до сих пор глава «Плакат и методы его изучения», где рассматривается плакат «с точки зрения его психологической активности». Автор именно так и поступает: через психологические понятия «внимание», «восприятие», «запоминание», «чувственно-волевая установка» показывает силу воздействия плаката. Романтично и метафорично он говорит об изучаемом им явлении: «Плакат, как и реклама, это или вор, который крадет у нас время, предназначенное для других целей, или нищий, которому мы сами даем крохи этого времени, когда оно нам не нужно» (Гайворовский, 1928, с.96), предлагая оценивать плакат с двух точек зрения, тесно связанных: 1) с точки зрения его художественной, эстетической ценности и 2) с точки зрения его психологической активности (силы его психологического воздействия).

Плакат похож на картину – он также выполняет художественную задачу, но у него есть своя практическая целевая установка, и, кроме его изобразительной формы, у него есть и текст; здесь он приближается к торговой рекламе: «и тут и там художественные задачи подчинены практическим целям привлечь внимание, организовывать глаз зрителя, содействуя раскрытию заключенного в тексте содержания. Изобразительная форма подчинена тексту, обусловлена им, должна сливаться с ним в одно целое» (Гайворовский, 1928, с.90). Агитационно-пропагандистский плакат (афиша, перечень библиотечных правил, толкователь непонятных слов)

имеет сходство с рекламой, а дискуссионный или популяризирующий плакат значительно отличается в задачах: политпросветский плакат не заинтересован в пропаганде «фирмы». Однако, политпросветский плакат и торговая реклама являются только различными видами «оптической» пропаганды, что позволяет пользоваться при их оценке и анализе их свойств похожими психологическими методами и применять те знания, которые добыты при исследовании воздействия рекламы, к оценке качеств плаката. Автор заметил, что ситуация с исследованиями по вопросам воздействия торговой рекламы стали изучаться с помощью психотехнического экспериментального исследования и корреляции с практикой жизни, а вот «попытки приложения данных общей экспериментальной эстетики к области изучения плаката сравнительно редки» (Гайворовский, 1928, с.91). Вопросы анализа художественной ценности плаката равны, по мнению А.А. Гайворовского, вопросам его психологического воздействия, т.к. плакат не имеет самостоятельных художественных задач. Специальная задача плаката и первое элементарное условие восприятия его – привлечение внимания. Процесс восприятия плаката протекает благоприятно, когда форма психологически соответствует содержанию, сливается с ним; рисунок и изобразительная форма максимально четкие и выразительные; элементы и детали в плакате воспринимаются как целое; плакат не вызывает противоречивых ассоциаций; «рисунок символически модернизированный или с сильным уклоном в кубизм и футуризм является опасным в культпросветительном плакате» (Гайворовский, 1928, с.98), поэтому лучше исходить от лубка и простых четких форм в плакатах «широкого потребления».

Необычный взгляд на психологию плаката с точки зрения бихевиоризма предложил психолог В.И. Смирнов. Задача автора – показать необходимость научного изучения и научного построения плаката, т.к. в существующих плакатах он отмечает: «крайнюю сложность, связанность, недифференцированность и хаотическую загроможденность рисунка ненужным; случайность рисуночного материала и его малую специфичность или маловажность для темы плаката; невыразительность фигур и лиц; отсутствие закономерности в расположении зрительных масс, обуславливающее длительное блуждание взгляда по случайным направлениям; ...некоторая пустота, недостаточное использование места; ...чрезмерное подавляющее влияние красок при бедности и невыразительности рисунка, в то время как будущее – за плакатным искусством. Общая его оценка «нехудожественность, шаблонность, чрезмерная сложность и запутанность, невыразительность, отсутствие классовой четкости» (Смирнов, 1929, с.60). Приведенные соображения убедительно говорят о необходимости научного изучения и научного построения плаката, что с успехом делается в Западной Европе и Америке.

Автор обозначает подходы к изучению плаката через искусство и политику, но «проблема плаката есть в основном психологическая про-

блема», потому что «плакат есть средство воздействия на зрителя, на его поведение... Плакат есть стимул, действующий на психику, и восприятие его есть процесс реагирования или переходный момент, ведущий непосредственно к ответным реакциям» (там же). Под эффективностью автор понимает способность плаката вызвать нужные нам реакции.

Самым ярким и плодотворным ученым, развивающим психологию рекламы был Д.И. Рейтынбарг, работавший с 1923 г. в Лаборатории промышленной психотехники НКТ СССР, руководимой И.Н. Шпильрейном, в дальнейшем, с 1925 по 1935 г., заведовал Кабинетом по борьбе с промышленным травматизмом в Московском институте охраны труда.

Изучение Д.И. Рейтынбаргом рекламного воздействия началось с исследования восприятия у деревенских избачей на выставке ВСНХ в Москве, целью которого была демонстрация перед аудиторией простейшего эксперимента и учет воздействия московской рекламы. Испытуемым (120 человек) предлагалось назвать любые две запомнившиеся рекламы. Все ответы он поделил на категории: общественно-политическая реклама, торгово-промышленная, зрелищная, литературно-культурная и отмечал особенности восприятия рекламы различными группами: рабочие, служащие, учащиеся, избачи, мужчины, женщины и пр. Ученый предлагает уточненное определение плаката, исходя из трех его свойств: «произведение изобразительного и словесного (может быть одного изобразительного, или одного словесного, или комбинации этих двух видов искусств) искусства, посвященное одной теме и рассчитанное при помощи открытого воздействия практически изменять поведение людей» (Рейтынбарг, 1930, с.29), а также четкость изображения, яркость, различимость на расстоянии, объективность, «эпичность» в отличие от лиричности и субъективности картины. Особое место плаката в системе пропаганды отметили американцы: он превосходит по своим размерам прочие печатные средства пропаганды; допускает возможность пользоваться наиболее удачными сочетаниями красок; освещаемый ночью, он действует круглые сутки; доступен неграмотному и малограмотному зрителю; всегда доступен обозрению всем без каких-либо затрат; один экземпляр плаката обслуживает огромное количество людей.

Фактически, Д.И. Рейтынбарг выступал как методолог и методист психологии воздействия в рамках психотехники (Стоюхина, Мазилев, 2015), используя в качестве объекта воздействия – плакат и рекламу. Он ввел определение «свободной воздейственной деятельности» – «деятельности, направленной на других людей с целью склонить этих людей добровольно исполнить задачи, которые ставит перед собой субъект воздействия (лицо, учреждение, организация)» (Рейтынбарг, 1931, с.55), в отличие от воздействия принудительного – воздействия физического, гипноза, воздействия законов природы и воздействия государственных законов.

В августе 1927 г. психология рекламы была институализирована: в Москве на территории сельскохозяйственной выставки открылась «Полиграфическая выставка 1927 г.» со специальным отделом рекламы и пропаганды, к устройству привлекли членов Ассоциации работников рекламы при Доме печати (АРР). Сама по себе Ассоциация работников рекламы при Доме печати была связана с Обществом работников научной организации труда Москвы (ОРН), Кабинетом по изучению рекламы и пропаганды при Государственной академии художественных наук (ГАХН) и Центральным музеем охраны труда и социального страхования Москвы. О состоявшемся организационном собрании АРР в Москве напечатали в майском номере журнала «Die Reklame» – печатном органе Союза германских работников рекламы. В Центральном музее охраны труда и социального страхования проходили экскурсии для членов АРР, слушались доклады работников музея о постановке пропаганды охраны труда и безопасности в СССР. В Совете съездов торговли и промышленности состоялся доклад Дрюбина (АРР) о социально-экономических предпосылках капиталистической и советской рекламы, где было постановлено: 1) вопрос о рационализации рекламы подвергнуть подробному рассмотрению; 2) создать при Совете съездов специальную конвенцию по вопросам рекламы. На объединенном заседании АРР с Кабинетом Рекламы и Пропаганды ГАХН было заслушано сообщение Д.И. Рейтынбарга «Ритм и резонанс как экономический принцип в рекламе (Паули, Германия)».

Литература

Гайворовский А.А. Основы психотехники политпросветработы. Минск, 1928.

Дьяков И. Искусство художественной рекламы в городской жизни России и Запада // Коммунальное хозяйство. 1925. – №7. – С.40-48.

Мануйлов М.А. Психология рекламы. М.: Гостехиздат, 1925.

Рейтынбарг Д.И. Реклама книги // Прикладная психология / под ред. проф. И.Н. Шпильрейна. М., 1930. – С.55-73.

Рейтынбарг Д.И. Плакат по безопасности труда в СССР и за границей. М., 1931.

Смирнов В.И. К психологии плаката // Психология. Т.II. – Вып.1.– 1929. – С.59-69.

Стоюхина Н.Ю., Кандыбович Л.А. Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20-30-е гг. XX столетия). Минск: Тесей, 2009.

Стоюхина Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия. М.: Логос, 2012.

Стоюхина Н.Ю. Психолог И.Н. Дьяков – ученик профессора Г.И. Челпанова: один из многих // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. – №5-6. – С.72-96.

Стоюхина Н.Ю. Советские психологи о рекламе: 1920-е гг. // Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society. Materials of the V International scientific conference, on May 25-26, 2015. Prague: Vêdecko vydavatelské centrum «Sociosfera-CZ», 2015. – P.108-118.

Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Психотехник Д.И. Рейтынбарг – основатель психологии воздействия в СССР // Системная психология и социология. 2015. – №2(14). – С.89-99.

ДВА ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ВЫСШЕЙ ФОРМЫ ПСИХИКИ

Сусоколова И.А.
Бремен, Германия

Рассмотрены достижения эмпирического и теоретического подходов в изучении высшей формы психики. Эмпирические модели структуры интеллекта не позволяют, ни уловить качественную специфику креативности, ни обособить разброс ее количественных признаков. Теоретическое выделение единицы анализа высшей формы психики дало возможность построения модели творчества, адекватно отражающей его качественный и количественный аспекты.

Ключевые слова: эмпирический и теоретический подходы, креативность, творчество, модель.

TWO APPROACHES TO UNDERSTANDING THE HIGHEST FORM OF PSYCHIC

Sousokolova I.A.
Bremen, Germany

Two ways of understanding the highest form of psychic, namely the empirical and theoretical approaches to creativity, are discussed. Empirical models of the structure of intellect do not allow studying creativity in a qualitative way; in particular they yield no range of quantitative indicators of creativity. The introduction of a theoretical unit for the analysis of the highest form of psychic has enabled the construction of a model of creativity which reflects its qualitative and quantitative aspects adequately.

Keywords: empirical and theoretical approaches, creativity, model.

1. Формирование психологии как объяснительной науки требует выявления существа и раскрытия механизма того феномена, который определяет родовую сущность человека. Л.С.Выготский указал два пути продвижения психологических исследований, стремящихся к вычленению высшей формы психики: прямой и обратный (Выготский, 1982, т.1).

2. Прямой путь усложнения структуры и функций, которым шла природа, представляет эмпирический подход. Продвижение прямым путем обеспечивается разложением сложных психических единств на элементы. При этом «получаются продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому» (Выготский, 1982, т.2, с.13); они не содержат свойств, присущих целому, и обладают свойствами, не характерными для него. Предмет эмпирического исследования всегда представлен неполно, т.к. признаки, служащие для описания искомым феноменов, накапливаются постепенно. Гипотетические признаки одного явления выделяются относительно предполагаемых признаков другого. Наглядность описания повышается, когда признаки сгруппированы «диаметрально противоположным» образом.

Выдвижение дихотомии рефлексия – рефлекс (Descartes, 1953) заложило начала двум типам эмпирических методов. На базе идеи рефлексии оформились самонаблюдение и интроспекция. На идее рефлекса основаны тесты, построенные по стимульно-реактивной схеме. Взаимодействие результатов субъективных и объективных методов обеспечивает поступательное формирование набора непротиворечивых признаков искомым феноменов. Самонаблюдение и интроспекция позволяют исходно вычленять признаки, поддающиеся количественным оценкам, на основании чего разрабатываются тесты. Разумная интерпретация результатов измерений дается в свете данных рефлексии.

В силу невозможности одновременно и действовать, и наблюдать свою деятельность, интроспекция опирается на память. Объективные измерения исконно основаны на ретроспективе. В опытах психофизиков при последовательном предъявлении стимулов испытуемый должен помнить ощущение от предыдущего предъявления для сравнения его с последующим. При одновременном предъявлении стимулов их симультанное ощущение невозможно, и сознание перескакивает с одного на другой, запоминая отдельно каждый из них для их сравнения.

Результаты интроспекции и измерений, апеллирующие только к формальному аспекту пространства и метрологическому времени (Сусоколова, 2015), предстают или как «простейшие элементы», или как «первичные акты сознания», что привело к расщеплению в эмпирической психологии структурального и функционального аспектов единого феномена.

Уловив наблюдением связь низших и высших психических проявлений, Ф.Гальтон смело распространил опыт психофизиков и психофизиологов на количественную оценку высших форм психики. Для измерения признаков различных уровней сложности он предложил использовать тесты, требующие в ограниченное время дать только ответ на данное задание. Количественная оценка качественно разнородных признаков дает основание для их объединения. Для упорядочивания формальных оценок множества разнообразных признаков он приспособил основанные на вероятности

статистические закономерности, чем обеспечил переход психологии в ранг объективно-эмпирической науки (Galton, 1865). Математический аппарат играет ведущую роль в конструировании совокупной формы искомого психического феномена. Количественное соотношение «элементарное – комплексное» подменяет качественное соотношение «низшее – высшее». Но статистика позволяет объединять измеренные элементы лишь в статичные структуры.

Гальтон изначально поместил гениальность на вершину пирамиды психических свойств, видя в ней высшее качество, исчерпывающее всю духовную природу человека (Galton, 1865, с.322). Но гениальность тогда понималась как свойство немногих избранных, а для ее статистического исследования необходим был универсальный элемент. Полагая, что «гений – это человек одаренный высшими способностями» (Galton, 1952, с.viii), в роли такого элемента Гальтон выбрал умственные способности, т.к. их можно обнаружить в какой-то степени у всех людей и их количественные оценки можно упорядочить таким образом, чтобы «бóльшая адаптационная эффективность» гениальности была представлена их наиболее высокими величинами. Тем самым, следуя эмпирическим путем, он закономерно выразил признаки высшей формы (гениальности) в терминах предшествующей формы (интеллекта). А учет только измеряемых показателей свел ее к высоким показателям умственных способностей. (Хотя Гальтон указал на определенные черты характера, свойственные гениальному человеку, но он не смог найти для них измеряемых показателей (подробно см.: Богоявленская, Сусоколова, 2011).)

В силу постепенности накопления эмпирических признаков, отнесенных к искомому феномену, показатель вместительности играет ведущую роль в оценке его значимости. Количественно самая комплексная форма психики (интеллект) становится генеральной, вытесняя качественно высшую форму (гениальность, креативность) с вершины иерархии психических свойств. Термин «интеллект» стал самым емким и постепенно наполнялся измеряемыми признаками - факторами, каждый из которых предположительно отражал лишь гипотетическое частное проявление этого феномена. Для упорядочивания независимых равнозначных факторов Дж.Гилфорд предложил, в частности, модели: «Структура интеллекта» (СИ) (Guilford, 1956, 1967, 1988) и «Структура интеллекта в решении проблем» (СИРП) (Guilford, 1967).

В соответствии с основным принципом эмпирического подхода автор моделей был убежден в том, что «всегда был значительный интерес к отношению между креативностью и интеллектом, особенно до той степени, до которой последний объясняет первую» (Guilford, 1959, с.152). В модели СИ, представляющей статичную структуру наиболее комплексной формы психики, Гилфорд нашел среди факторов интеллекта «логические места» для факторов креативности (Guilford, 1967). Но взаимное располо-

жение факторов креативности и интеллекта не однозначно: факторы креативности выделены как некоторый вид факторов интеллекта; они рядоположны факторам интеллекта; креативные способности включают в себя умственные способности (Сусоколова, 2014, с.19-20). Позже были предложены пять способов формального расположения эмпирически установленных факторов: факторы креативности образуют подмножество факторов интеллекта; факторы интеллекта – подмножество факторов креативности; факторы креативности и интеллекта – частично перекрывающиеся множества; факторы креативности и интеллекта – в сущности одно и то же (совпадающие множества); факторы креативности и интеллекта не имеют никакого отношения друг к другу (непересекающиеся множества) (подробно см.: Сусоколова, 2015, с.23). Но такое статичное пространственное «вместилище» формально-логических признаков креативности и интеллекта ни в коей мере не приближают к пониманию содержательного взаимодействия между ними.

Следуя канону эмпирического подхода для описания групп факторов, полученных из тестов известного вида, Гилфорд предложил парное сочетание ранее известных атрибутов «дивергентный» и «конвергентный» (Guilford, 1956). Он не вывел их как понятия, определяющие содержание выделенных феноменов. Гилфорд наглядно представил дихотомию: «конвергентная продуктивность» (КП) измеряется тестами, требующими одного ответа и «дивергентная продуктивность» (ДП) измеряется тестами, требующими множества равноправных ответов. КП была принята как основной психометрический признак интеллекта, а ДП – как основной признак креативности. Главными измеряемыми показателями ДП считались беглость и гибкость, указанные еще Гальтоном (Galton, 1880).

Гилфорд обозначил формальный аспект связи между дивергентностью и креативностью: «самое большое значение дивергентных способностей в их связи с креативным мышлением, когда без большой точности нужно осветить много альтернативных идей» (Guilford, 1977, с.108). Перечисление множества возможных ответов стало психометрическим клеймом гения. Абстрагирование существенного признака предмета представляет ключевой момент мышления. Перечисление любых признаков предмета – прерогатива памяти. Неудивительно, что уже в первых опытных исследованиях обнаружилась мнемическая основа признаков креативного воображения (Hargreaves, 1927, с.63).

Последующие психометрические исследования подтвердили, что измеряемые признаки креативности сводятся к памяти. Последний вариант модели СИ, объединивший 180 ячеек, по подсчетам Гилфорда включал 120 различных факторов, непосредственно связанных с памятью. «Обе изначально присутствующие операциональные категории – ДП и КП», - писал Гилфорд, «сильно зависят от возвращения единиц информации из кладовой памяти и, следовательно, могут быть добавлены к области памяти»

(Guilford, 1988, с.91). Увидев «логическую связь» ДП с памятью, Гилфорд указал на очевидное сходство тестов беглости (одного из основных признаков ДП) с тестами на вспоминание (Guilford, 1967, с.306). Тем самым, ДП, принятая как главный показатель креативности, является элементом структуры интеллекта и олицетворяет память. Интерпретация сложных явлений в терминах их компонентов представляет собой лишь метафору, которая не может их объяснить - выявить сущность и раскрыть механизм.

Пытаясь восстановить единство структурального и функционального аспектов интеллекта, Гилфорд использовал объективно измеренные факторы из модели СИ для представления субъективно сообщенных в самоотчетах творцов этапов решения проблем и креативной продуктивности в общей операциональной модели СИРП (Guilford, 1967). Гилфорд был убежден, что эти «самые комплексные интеллектуальные действия ... имеют так много общего, что, по существу, являются одним феноменом» (Guilford, 1967, с.312). В силу того, что выражение отдельных сегментов решения проблем в терминах равнозначных независимых факторов отражает отсутствие содержательной связи между ними, направление мыслительных актов определяется лишь формально-логическим порядком смены шагов решения: осознание проблемы, выдвижение вариантов ответов, их оценка. По формальным оценкам интеллект не отличим от креативности: «модель СИРП не показала никакого различия между КП и ДП» (Guilford, 1967, с.316).

Предложенные в психометрии модели СИ и СИРП, апеллирующие только к формальному аспекту пространства и метрологическому времени, не позволяют ни уловить качественную специфику креативности, ни обособить разброс ее количественных признаков.

3. Обратный путь, представляющий теоретический подход, исходит из определения высшей, ставшей формы психики. Отражая существо изучаемого феномена, определение опирается на вычленение единицы этого сложного единства, которая в отличие от элементов «обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и является далее неразложимой живой частью этого единства» (Выготский, 1982, т.2, с.15). Знание высшей формы позволяет увидеть ее признаки во всех предшествующих формах (Выготский, 1982, т.1, с.294), что дает четкие ориентиры ее развития.

С позиций теории деятельности впервые была выделена единица психологического анализа творчества – интеллектуальная активность (ИА), понимаемая как самодвижение мыслительно-познавательной деятельности, приводящее к выходу за пределы заданных ситуативных требований (Богоявленская, 2002). Единица выделена не в сравнении с признаками другого психического явления (как в эмпирическом подходе), а относительно осуществления человеком самой деятельности, освоения и развития ее предметного содержания. В концепции творчества как развития деятельности по своей инициативе разъясняется, что результат творческой де-

ятельности шире, чем исходная цель, и не определяется только ресурсами кладовой памяти, хотя опирается на них (Богоявленская, 2002).

Отнесенность ИА к ядерным образованиям личности была доказана экспериментально (Богоявленская, Сусоколова, 2011). Не объяснимый лишь признаками интеллекта, феномен ИА отражает свойство целостной личности, неразрывное взаимодействие интеллектуальной и аффективной сфер в их единстве, которое и определяет характер творческого акта. Являясь базовым компонентом ИА, умственные способности проявляются в ней не непосредственно, а лишь преломляясь через мотивационную структуру личности, которая либо тормозит, либо стимулирует их проявление. Анализ внешней и внутренней по отношению к познанию мотивации показал, что в основе творчества лежит познавательный мотив (Богоявленская, 2002).

Знание существа высшей формы психики избавило психологию от заимствования универсальных способов измерения из других областей знаний и позволило разработать специфический психологический метод диагностики творчества как действия, теряющего форму ответа (Богоявленская, 2002). Как принципиально новая схема эксперимента метод «Креативного поля» моделирует познавательный процесс получения нового знания, как развитие строго контролируемого количества и качества знаний, которым каждого испытуемого предварительно обучают. Экспериментальные задания образуют построенную на едином принципе систему, использующую общий материал, что позволяет представить целостный мыслительно-познавательный процесс освоения и развития единого предметного содержания. Решения испытуемым задач, предъявляемых в строго определенном порядке, отмечают вехи поступательного развития единого содержания, что отражает событийное время. (Событийное время выражает последовательную смену эпизодов развития целостного содержания и измеряется числом специально распознаваемых и регистрируемых событий, принадлежащих общему процессу, независимо от метрологической длительности каждого из них или промежутков между ними (подробно см.: Сусоколова 2015)).

Опытное пространство состоит из двух слоев. Очевидный слой образует заданная деятельность по решению задач. Неочевидный для испытуемого слой, куда он может выйти, преодолев границы заданного, порождается его собственной деятельностью по выявлению скрытых закономерностей, содержащихся во всей системе задач, но открытие которых не требуется для их решения. Момент порождения нового содержания (переход из очевидного слоя в неочевидный) отражает «ахроничный» аспект событийного времени. Фиксируются способ и время решения каждой задачи - звенья в единой цепи событий, на основании чего подсчитывается количественный показатель ИА. Соотнесение времени решения с результатом отражает индивидуальные качественные и количественные различия мысли-

тельно-познавательной деятельности. Математический аппарат придает строгую форму четко определенному содержанию.

Теоретическое выделение единицы анализа высшей ставшей формы определило возможность построения модели творчества, адекватно отражающей его качественный и количественный аспекты.

Литература

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.

Богоявленская Д.Б., Сусоколова И.А. Психометрическая интерпретация творчества. Научный вклад Дж.Гилфорда. М.: МГППУ, 2011.

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6т. М.: Педагогика, 1982-1984.

Сусоколова И.А. Развитие формализованных моделей в эмпирической психологии // Одаренный ребенок. 2014. – №5. – С.6-24.

Сусоколова И.А. О формальных основаниях моделирования творчества // Одаренный ребенок. 2015.– №2. – С.11-30.

Descartes R. Oeuvres et letters. France: Gallimard, 1953.

Galton F. Hereditary Talent and Character // MacMillan's Magazin. 1865. –V.XII. – P.157-166, 318-327.

Galton F. Statistics of mental imagery // Mind. 1880. – №5. –P.301-318.

Galton F. Hereditary genius: an inquiry into its laws and consequences. NY.: Horizon Press, 1952.

Guilford J. The structure of intellect // Psychological Bulletin. 1956. – V.53.– №4. – P.267-29.

Guilford J.P. Traits of creativity // Creativity and its cultivation / Ed. H.H.Anderson. Oxford, England: Harpers Creativity and its cultivation. 1959.– P.142-161.

Guilford J. The nature of human intelligence. NY.: McGraw-Hill, Inc. 1967.

Guilford J.P. Way beyond the IQ: guide to improving intelligence and creativity. Buffalo: The Creative Education Foundation, Inc., 1977.

Guilford J.P. An odyssey of the SOI model. Autobiography of Dr. J.P. Guilford. Tokyo: International Society for Intelligence Education. 1988.

Hargreaves H. The "Faculty" of Imagination // The British Journal of Psychology. Monograph Supplements. 1927. – Vol.X.

ИЗ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ В СЕРБИИ: ОБЗОР РАЗВИТИЯ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тодорович Е.¹, Чабаркана М.Д.²

¹Университет Ниша,

²Университет Белграда, Сербия

Эта статья была выполнена как часть исследования по проекту 179002D, финансируемого Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия

Когда мы говорим о развитии психологии в Сербии, то можно различать три периода: ранний период – охватывающий середину 19-го века до 1918 года; средний – между двумя мировыми войнами, и третий период – после окончания Второй мировой войны. В конце XIX – начале XX вв. психология в Сербии не изучалась как самостоятельная наука, а только в рамках философии и теологии. Первые лекции по психологии были проведены еще в Лицее и в Великой школе (1838-1863 гг.). Первым профессором психологии, преподававшим тогда философию с логикой, психологию и педагогику, был Константин Бранкович. Психология в это время существовала и в учебном плане Духовной семинарии (1863 г.) После отмены Лицея и создания Великой школы (1863-1905 гг.) дисциплина Психология входит в учебные планы философского, юридического и технического факультета, а позже как отдельная группа остается на философском факультете. Значительной датой считается 17 июля 1928 г., когда в Белградском университете была создана 26-я группа психологии. Дальнейшее развитие психологии у нас связано с формированием Королевства Югославии, которое в 1918 году было создано как Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, а позже с 1929 года как Королевство Югославия. Тогда психология развивалась главным образом в столицах югославских республик: в Сербии (Белград), в Хорватии (Загреб) и в Словении (Любляна).

Ключевые слова: история психологии, Белградский университет, Сербия, Югославия.

THE HISTORY OF PSYCHOLOGY IN SERBIA: REVIEW OF DEVELOPMENT BEFORE THE SECOND

Todorović J.¹, Čabarkapa M.D.²

University of Nis,

University of Belgrade, Serbia

When we discuss on development of Psychology of Serbia, three periods are possible to distinguish: an early period refers to the middle of 19th century to 1918; a middle period- between two world wars, and the third period – after the Second World War. At the end of 19th and at the beginning of 20th century,

psychology in Serbia did not exist as an independent science. It was studied only within philosophy and theology. The first lectures from Psychology were held in Lyceum and in Great school (1838-1863). The first professor of Psychology who taught philosophy of logics, psychology and pedagogy, was Konstantin Brankovic. Psychology, at that time, was a part of Curriculum of Seminaries (1863). After the abrogation of Lyceum and setting up of Great school (1863-1905), Psychology as a discipline entered into educational plans of faculties of Philosophy, Law as well as of Technical faculty. Later, as an independent department, Psychology stays at University of Belgrade. A significant date is July, 17th 1928 when the 26th group of psychology was formed at University of Belgrade. Further development was connected to the forming of Kingdom of Yugoslavia founded in 1929, previously Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians which was founded in 1918. Since then, psychology has been developed in the capital cities Belgrade, Zagreb and Ljubljana.

Keywords: history of psychology, University in Belgrade, Serbia, Yugoslavia.

Развитие психологии, как науки и профессии в Сербии во второй половине 19-го и до первой половины 20-го вв. отставало от развития в других странах, таких как Германия, Россия, Англия, Франция и США, являвшихся тогда в этом отношении самыми передовыми. За этот период на нашем пространстве не было сформировано никаких специальных психологических школ либо направлений, но прослеживался значительный научный вклад в отдельные результаты исследований, которые в значительной степени опирались на мнения и теории зарубежных авторов.

Начало развития психологии у нас связано с Королевством Югославии, которое в 1918 году было создано как Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, а позже как Королевство Югославии. Можно говорить о трех периодах этого развития (Тодорович, 2002.): ранний период, охватывающий середину 19-го века до 1918 года; средний, между двумя мировыми войнами и третий период – после окончания Второй мировой войны, когда психология развивалась главным образом в крупных республиканских центрах Сербии (Белград), Хорватии (Загреб) и Словении (Любляна). Период от последнего десятилетия прошлого и начала 21-го века может быть отмечен, как четвертый период развития отечественной психологии, потому что после распада бывшей Югославии, крупных изменений происшедших в Европе, распада бывшего СССР и в результате процесса глобализации в мире произошли значительные реформы в системе высшего образования, что повлияло на состояние и перспективы развития современной психологии как науки и практики в Сербии. Однако мы сейчас не будем говорить об этом, потому что наша главная цель в этом исследовании – рассмотреть начало и развитие психологии в Сербии до Второй мировой

войны, что менее известно широкой общественности, а также тем специалистам и психологам, особенно не занимающимся историей психологии.

В конце XIX – начале XX вв., психология в Сербии не изучалась, как самостоятельная наука, а только в рамках философии и теологии, хотя в Европе, особенно в Германии, в это время под влиянием лаборатории Вундта в Лейпциге (1879 г.), она стала развиваться как отдельная экспериментальная наука. С тех пор психология в Сербии, в основном, следовала за ходом развития мировой психологии, причем в средний период (между двумя мировыми войнами) и в социалистический период (после 1945 г.) доминировали влияния из Европы и Советского Союза, в то время как в новейший период все чаще присутствует влияние американской психологии.

По имеющимся источникам истории у нас (Ротер, 1977; Рот и Стеванович, 1984; Тодорович, 2002) значительной датой считается 17 июля 1928 г., когда в Белградском университете была создана XXVI группа психологии. В течение 1928-1929 гг. занятия по психологическим дисциплинам проводил д-р Борисав Стеванович. Однако, психология как дисциплина существовала и до создания группы по психологии.

До создания Педагогического училища в 1871 г., Духовная семинария была единственным учебным заведением по подготовке учителей. При Семинарии, созданной в 1863 г., психологию и физиологию преподавал архимандрит Феодосий, а позже Яничие Попович.

После отмены Лицея и создания Великой школы (1863-1905 гг.) дисциплина «Психология» входит в учебные планы философского, юридического и технического факультетов, а позже, как отдельная группа, остается на философском факультете. Занятия по психологии в Великой школе вел Милан Куянджич – Абедар, который был дипломатом и министром образования. Милан Куянджич был учеником Константина Бранковича и его преемником на кафедре психологии Великой школы, преподающим историю, философию, психологию, эстетику и педагогику. В это время психология и логика включали в себя то, что в настоящее время классифицируется как общая психология. Для этих дисциплин Милан Куянджич составил программу, которая совпадает с его книгой "Краткий обзор мировой гармонии" (1872 г.), которая включает в себя две части: "Наука о сознании" и "Наука о чувстве". Куянджич ратовал за единство наук о сознании и чувствах, т.е. психологии, из которой впоследствии развиваются логика и математика. Этим он придавал большое значение психологии как науке, которая обеспечивает широкую основу для других наук.

Преемником Милана Куянджича на кафедре психологии Великой школы был Алимпие Василевич. Он написал первый учебник психологии для высших школ "Психология как наука, предназначенная для использования в школах" (1870 г.), который использовали в Сербии в 19 веке. Он был основан на эмпиризме и познаниях английского эмпиризма и ассоциа-

низма (Бэн, Юм, Локк, Спенсер, Бэкон, психология Вундта, рефлексы головного мозга Сеченова и позитивизм Троицкого). Василевич в своих взглядах опирался на психологию позитивистской ориентации (Попович, 1972). Первый учебник по психологии в Сербии "Эмпирическая психология" опубликовал в 1959 г. профессор гимназии в Сремских Карловцах Михайло Ристич.

После Алимпия Василевича занятия по психологии в Великой школе вели Любомир Недич, известный как основатель сербской литературной критики и Бранислав Петрониевич, который, между прочим, является автором книги "Основы эмпирической психологии" (1910 г.). Петрониевич преподавал психологию в Великой школе и в Университете (1905 г.) как строго эмпирическую науку, считая ее основой логики, эстетики и этики, зависящей от теории познания, но независимой от метафизики. Очень интересно его понимание, что психология не зависит от физиологии, но физиология зависима от психологии, что противоречит некоторым современным тенденциям, которые утверждают, что психология полностью зависит от физиологии.

С 1925 г. некоторые курсы психологии на Философском факультете в Белграде ведет Никола Попович, который после ухода на пенсию Петрониевича вел занятия в группах по философии и педагогике.

Учебная программа довоенного и первого послевоенного поколения студентов – слушателей лекций по психологии, выглядела следующим образом:

- 1) экспериментальная психология (основная специальность);
- 2) физиология, история, философия и логика (4-6 семестр), сдавалась в это время как единый экзамен;
- 3) физика и химия, или ботаника и общая биология, или зоология и общая биология (факультативные дисциплины).

Борислав Стеванович (1891-1971) защитил докторскую диссертацию в 1926 году в Лондоне под руководством профессора Эвелинга. Тема его докторской диссертации была "Экспериментальное исследование психических процессов в суде". Стеванович вел курсы: "Введение в экспериментальную психологию", "Измерения индивидуальных способностей", "Экспериментальная психология мышления и воли" и "Педагогическая психология". Психологию, предназначенную для подготовки педагогов, преподавал Вичентие Ракич. Никола Попович преподавал психоанализ Фрейда и индивидуальную психологию Адлера на кафедре философии. Педагогическую и детскую психологию в послевоенный период преподавал Борислав Стеванович.

В период до Второй мировой войны на кафедре психологии получили диплом всего лишь 6 выпускников, среди которых Жижя Васич и Милош Йовичич ("Развитие понимания причинно-следственных связей у детей", докторская диссертация защищена в 1957 г.)

В то время основным издателем психологической литературы была Сербская Королевская академия наук, явившаяся издателем книг Борисава Стевановича. Его ведущие труды: "Измерение интеллекта"; "Количественный анализ понятия интеллекта" (Образовательный вестник); "Качественный анализ понятия интеллекта" (Образовательный вестник); "Развитие детского интеллекта"; "Белградский пересмотр шкалы Бине-Симона" (СКА 1934).

Свои произведения Б. Стеванович публиковал и в Лондоне. После нескольких лет учебы в Англии он получил докторскую степень. Но Б. Стеванович не был первым и единственным ученым, укрепившим основы научной психологии в Сербии. Свой вклад в эту область образования внесли известные педагоги: Любомир Протич, д-р Вичентие Ракич, Милан Шевич ("Почему учащиеся поднимают руку на себя и на своих учителей?").

В начале прошлого века, 7 августа 1906 года, состоялась встреча выпускников 16-го поколения Белградского учительского училища, основавших Сербское общество детской психологии, первым президентом которого был Сретен Пешич, а делопроизводителем Сима Еврич. Уже в следующем году увидел свет "Вестник сербского общества по детской психологии". Он издавался в 1907-1910 гг. Официальная штаб-квартира общества находилась при Высшей школе в Белграде. "Вестник" сотрудничал с Эрнстом Мейманом и Паей Радосавлевичем (в 1876-1958 гг., преподавал психологию и педагогику в Университете в Нью Йорке).

В это время Стэнли Холла и Эрнста Меймана признали почетными членами Сербского общества детской психологии. Когда речь идет о международном сотрудничестве, кроме Меймана с "Вестником" сотрудничали Вильгельм Амант, ученый из Вюрцбурга, и Эдуард Клапаред, профессор из Женевы, и т.д.

Впервые детская психология в нашей стране связана с именем Симы Еврича, который в 1921 году опубликовал "Основы детской психологии". Он родился в 1873 году в Парачине. Учительское училище окончил в Белграде, позже философский факультет в Йене. Умер в 1944 г. Работал учителем в Сербии, закончил свою карьеру в качестве преподавателя «Женского педагогического училища» в Белграде.

Педагогическая теория до появления Вичентия Ракича находилась под сильным влиянием немецкой гербартовской педагогики. Ракич представляет педагогические идеи, актуальные в мире. Борисав Стеванович ввел психологические дисциплины в формирование учебных программ педагогики и таким образом психология была поставлена в основу образования. Практически вторым направлением деятельности Б. Стевановича было издательство работ в области педагогики. Он является одним из основателей кафедры педагогики после войны на философском факультете в Белграде и в Институте педагогических исследований в 1936-1937 гг. Он про-

водил курсы: 1) "Современные образовательные идеи, движения и институты"; 2) "Характер и его формирование"; 3) "Индивидуальные психологические характеристики и воспитание". Стеванович был сторонником тезиса самообразования и непрерывного образования, так что его можно считать предтечей в нашей стране современного взгляда на обучение в течение всей жизни (Life-long learning).

Профессор Байа Байич защитил докторскую диссертацию в Сорбонне на тему "Психология грез". Его профессорами были Валлон, Дима, Жане. В 1930 г. получил звание доцента психологии философского факультета в Скопье (Македония) и стал руководителем семинара экспериментальной психологии. Также преподавал психологию на философском факультете в Скопье. Во время войны (1941 г.) перешел на философский факультет в Белграде, но в 1943 г. был уволен и арестован. Благодаря вмешательству некоторых известных профессоров через два месяца тюрьмы вышел на волю. С 1945 года являлся профессором белградского философского факультета, преподавал общую психологию. Его известными трудами являются "Общая психология", "Понимание детского фильма сельскими и городскими детьми", "Наблюдение".

В 1945-1951 гг. в работе группы психологии философского факультета в Белграде был перерыв. Только после 50-х годов прошлого века психология в Сербии и бывшей Югославии переживает стремительный этап развития в педагогическом и издательском направлении, опираясь в основном на советские (СССР) и европейские (Германия, Франция, Англия) научные методологические традиции в этой области.

Литература

Тодорович М. История психологии в Сербии до 1918 г. Белград: Самостоятельное издание, 2002.

Ротер М. История психологии в Сербии и Воеводине. Нови Сад // Психологические новизны, Но-9, 1977.

Рот Н. Пятьдесят лет группы психологии. Белград // Психология, 1978.

Рот Н. О развитии психологии в югославских странах. Белград // Психология, 1984. – №3. – С. 5-20.

Попович В.М. Философски и научни рад Алимпија Васиљевића. Нови Сад, 1972.

СЕМЬ «ИЗМЕРЕНИЙ» ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

Толочек В.А.

Институт психологии РАН, Москва, Россия

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 14-28-00087*

Выделяется семь этапов в изучении профессионального становления субъекта (ПСС): отдельных качеств работников, профессионально важных качеств, стадий развития профессионала, развития субъекта и личности, карьеры и эволюции субъекта, факторов социальной успешности, мета-субъектных явлений.

Ключевые слова: ресурсы, социальные, условия, среда, субъекты, профессиональная, карьера, успешность.

SEVEN “DIMENSIONS OF PROFESSIONAL SUITABILITY (STATEMENT OF ISSUE)

Tolochek V.A.

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The seven stages in the study of professional formation of the subject (PFS) are provided: researching of certain worker's qualities, professionally important qualities, stages of professional development, development of subject and personality, career and evolution, factors of social success, meta-subjective phenomena.

Keywords: resources, social conditions, environment, subjects, professional, career, success.

Введение. С 1980-х годов в гуманитарных дисциплинах, объясняя эффективность труда, сохранность профессионального здоровья и профессионального долголетия, специалисты обращаются к понятиям «ресурсы», «потенциал», «потенциалы». Если «потенциал» связывают, прежде всего, с собственными возможностями человека как индивида, субъекта, личности, то в «ресурсы» включают довольно широкий спектр условий социальной среды – институты социальной поддержки, финансовые возможности семьи и др., также - физическое здоровье, образование, особенности личности и пр. Социальную успешность человека объясняют его обращением к новым для него дополнительным возможностям. Условия среды при этом приобретают качество «ресурсов» лишь при их своеобразной актуализации как внесубъектных ресурсов (Водопьянова, 2014; Личностный..., 2011; Поваренков, 2013; Толочек, 2007; 2009; Толочек, Журавлева, 2013; др.).

Наиболее противоречиво в источниках представлены описания условий социальной среды как возможных ресурсов. В описаниях факторов, определяющих социальную успешность, мы различаем четыре группы: 1. Индивидуальные ресурсы человека: способности, умения, знания, навыки, мотивация и т.п. 2. Ресурсы физической среды: пространство, время, информация, энергия. 3. Ресурсы социальной среды: знания, технологии, социальные институты, социальные нормы и т.п. 4. Ресурсы взаимодействия людей (Толочек, 2015; 2016).

Особенности нашего подхода к пониманию природы ресурсов: 1. В качестве ресурсов могут выступать как «внутренние условия» субъекта (по С.Л. Рубинштейну), так и «внешние условия» (или условия среды): а) интрасубъектные ресурсы – эффекты, возникающие вследствие становления новых психических структур, обеспечивающих возможность инструментального использования ранее не актуализированных субъектом своих особенностей; б) интерсубъектные ресурсы – эффекты взаимодействия субъектов совместной деятельности; в) внесубъектные ресурсы – эффекты взаимодействия индивидуальности человека с условиями социальной среды (например, с типичными условиями родительской семьи, своей семьи, рабочей микросреды, с условиями социальной мезо- и макросреды. 2. В качестве ресурсов выступают не сами по себе индивидуальные особенности субъекта (свойства личности, интеллекта, стратегии совладания, стили и пр.), не составляющие социальной среды (социальные институты и др.), а «другие», не актуализированные «внутренние условия» или «внешние», ранее не вовлеченные в функциональные системы субъекта. Механизмами становления новых систем мы считаем акты активного взаимодействия субъекта со средой (окружением), в ходе которого условия внешней и внутренней среды, первоначально не отраженные в составе функциональных систем субъекта, отражаются, что и приводит к становлению новых систем. Феномен ресурсов следует описывать именно как порождение, становление и функционирование новых психологических систем в процессах взаимодействия человека с новыми фрагментами среды (как «внутренней», так и «внешней»), как феномены, сопряженные с процессами адаптации человека в среде, а не только лишь с адаптацией к среде.

Ресурсы и «измерения» профессиональной пригодности. Обращение к феномену «ресурсов» позволяет проводить и более глубокий анализ изучаемых в психологии явлений, в т.ч. проблемы профессионального становления субъекта (ПСС) (Толочек, 2007; 2015; 2016). В истории вопроса выделим несколько этапов. Начало XX ст.: в качестве критериев профессиональной пригодности работника признавались отдельные качества, определяющие успешность решения отдельных задач – «профессионально значимые качества» (позже – «профессионально важные качества»). В середине XX ст. (второй этап) соответствие индивида требованиям профессии в целом рассматривали как соответствие его качеств психограмме

профессии. С 1970-х годов в отечественной психологии труда утверждается понятие «субъект» с определенным содержанием. На третьем этапе субъект понимается как специалист, успешно прошедший все должные стадии своего становления как профессионала. В 1980-1990-х внимание ученых сместилось к профессиональному развитию субъекта и личности в ее позитивных и негативных аспектах (четвертый этап). С середины 1950-х начинаются исследования феномена «карьера»; с 1990-х годов описание ПСС, как правило, проводится в контексте «карьеры» субъекта (пятый этап). На шестом этапе важнейшими задачами считаются аспекты совместной деятельности людей в организациях, а также рассматриваются факторы успешности человека в широком смысле – как социальной успешности (т.е., внимание переходит к вопросам полноты самореализации человека в разных сферах жизнедеятельности, к психофизиологической «цене» результатов труда и т.п.); рассматриваются условия и возможности интеграции человека с новыми динамично изменяющимися обстоятельствами труда и жизни, его способность использовать разные интра- и внесубъектные условия как ресурсы. Седьмым этапом может быть направленность анализа ученых на мета-субъектные явления профессиональной деятельности человека, раскрывающиеся через роль человека как субъекта, личности и индивидуальности в его воздействии на профессиональное становление других людей (как участие в обучении и подготовке молодежи, как продуктивное наставничество, как эффективное руководство, как становление и продолжение профессиональных династий и т.п.), роль в изменениях и развитии самой профессиональной сферы (как реорганизации производства, как инициирование и внедрение новых технологий деятельности и технологий обучения, как развитие специализаций, как появление смежных профессиональных сфер и т.п.).

На разных этапах исторического развития предметом исследования и его «измерения» становятся разные социальные, социально-психологические и психологические эффекты. Они порождаются как следствия концентрации определенных условий, как типичные для определенной организации пространства деятельности, для определенного уровня профессионального и личностного развития субъектов. Такие эффекты, типичные для определенного типа пространства и этапа развития субъектов, можно представить так: I – традиционный: стремление к рациональному использованию индивидуальных возможностей человека (как сокращение издержек производства); II – управление адаптацией человека к труду (как сокращение издержек производства); повышение эффективности деятельности работника вследствие определенности в трудовой деятельности (как становления профессии); III – эффекты аддитивности (использование возможностей рационального механистического объединения отдельных функций человека и отдельных видов деятельности); усиление потенциала работника вследствие специализации; IV – опыт усиления по-

тенциала специалиста и руководителя (посредством управления профессиональным развитием субъекта); Y – неаддитивности (опыты использования спонтанно и целенаправленно возникающих эффектов - сработанности, психологической совместимости и т.п.); YI – целенаправленное использование ресурсов определенных видов, систематический поиск и привлечение новых ресурсов, актуализация потенциала людей в процессах их взаимодействия; изучение эффектов синергии (рост продуктивности работы субъектов вследствие эффектов развивающего обучения, управления карьерой, использования команд в управлении и т.п.); YII - эффекты оперативного становления и передачи другим лицам технологий доступа к определенным ресурсам (вследствие расширения мерности пространства деятельности отдельных субъектов, актуализация роли «виртуальных других», фактора периодизации профессиональной карьеры и пр.); профессиональное и психологическое сопровождение процессов становления субъекта как профессионала и как личности.

Таблица. Эволюция представлений о феномене профессиональной пригодности субъекта

Задачи, трудовые функции	Качества субъекта	Пространство и время реализации (среда, окружение)	Психологические и социально-психологические феномены
1. Отдельные задачи, отдельные действия	Отдельные качества	Условное социальное пространство. Система «человек – задачи».	Профессионально значимые качества (ПЗК), профессионально важные качества (ПВК)
2. Трудовая деятельность (в целом)	Совокупность отдельных качеств (отраженных в психограмме)	Стабильные качества субъекта в обозримом пространстве и времени. Система «человек – профессия».	Профессиональная пригодность
3. Специализация в профессии	Структуры ПВК, развитие ПВК	Деятельность на конкретном рабочем месте в конкретной стадии развития организации. Система «человек – профессия»	Профессиональная пригодность, ПВК, компетенции
4. Последовательное решение профессиональных задач на протяжении жизни	Развитие качеств субъекта и личности.	Профессиональная деятельность на протяжении жизни. Система «человек – профессия».	Потенциал, ресурсы, профессиональное здоровье, профессиональное долголетие. Эффективность деятельности.
5. Совместная профессиональная деятельность в организации	Развитие качеств субъекта и личности. Поведение. Социальные роли.	Деятельность на конкретном рабочем месте в конкретной стадии развития организации. Система «человек – организация».	Организационное поведение, лояльность, карьера, корпоративная культура; неформальная и внеформальная структура.
6. Совместная про-	Развитие качеств	Деятельность на кон-	«Команды», «рабочие

фессиональная деятельность (взаимодействия в рабочих группах)	субъекта и личности. Социальные роли. Индивидуальность	кретном рабочем месте в конкретной рабочей группе. Система «человек – группа».	группы»; «групповые нормы»; моббинг и пр.
7. Профессио нальная сфера (в целом)	Качества субъекта и личности, индивидуальность. Социальные роли. Миссия.	Профессиональная и общественная деятельность (выходящая за границы отдельной профессии) на протяжении жизни. Система «человек – общество» и «человек – мир».	Наставничество, руководство, обучение; профессиональные династии; формирование и развитие субкультуры. Построение, развитие профессио нальной сферы.

Заключение. Исторические изменения «акцентов» социального заказа и, соответственно, приоритетов научных исследований сопряжены с открытием, изучением и использованием новых социальных, социально-психологических и психологических феноменов. Научная рефлексия исторических тенденций позволяет спонтанные процессы поиска новых ресурсов развития общественного производства (и, ожидаемо, общества) делать более целенаправленным, предсказуемым, меньшими в их социальных издержках.

Литература

Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий): Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2014.

Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Поваренков Ю.П. Психология профессионального становления личности. Саратов: Изд-во СГПУ, 2013.

Толочек В.А. Профессиональная успешность субъекта: психологические и социальные контексты // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н.Савченко и Г.М.Головиной. М.: ИП РАН, 2007. – С.69-81.

Толочек В.А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2009. – №3. – С.27-61.

Толочек В.А., Журавлева Н.И. Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. – №1. – С.91-107.

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: ИП РАН, 2015.

Толочек В.А. Психология труда. СПб.: Питер, 2016.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ГОРДОСТЬ, СКОРБЬ И ЗАБВЕНИЕ

Тульчинский Г.Л.

Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, Россия

В работе представлено рассмотрение роли и значения исторической памяти, в первую очередь – опыта скорби и забвения. Специальное внимание уделяется систематизации символических презентаций прошлого.

Ключевые слова: гордость, забвение, идентичность, историческая память, скорбь.

HISTORICAL MEMORY: PRIDE, SORROW AND OBLIVION

Tulchinskii G.L.

Higher School of Economics” – Saint-PetersburgSaint-, Russia

The paper presents the analysis of the role and importance of historical memory – the experience of sorrow and oblivion firstly. Special attention is given to systematization of the symbolic presentations for the past.

Keywords: historical memory, identity, oblivion, pride, sorrow.

Историческая память – некие общепринятые представления о прошлом страны, нации, ходе их развития, которые транслируются, обсуждаются в публичном пространстве, формируя социально-культурные идентичности, способствуя осознанию общих проблем, целей, консолидируя и мобилизуя представителей различных поколений на достижение этих целей. Роль общей исторической памяти социума сродни роли памяти в формировании и самом факте существования индивидуального сознания. Объем и качество памяти достаточно точные критерии интеллектуального и нравственного развития личности, ее уровня образования и профессиональной подготовки. Сам факт самосознания, свидетельство вменяемости личности выражается в способности вспомнить далекое и недавнее прошлое, имена и даты, собственную биографию, своих близких, отношения с ними, рассказать об этом...

Недаром подавляющее большинство практик самопознания (исповеди, дневники, автобиографии, воспоминания, «истории по жизни» и т.п.), так или иначе, но связаны с практиками воспроизводства памяти, рефлексии над ее содержанием, в виде рассказов, дискурсивного развертывания (Личность..., 2009; Скриптизация..., 2008; Тульчинской, 2007). Аналогично и с исторической памятью социума, которая является важнейшим фактором консолидации социума, формирования культурной и гражданской идентичности каждого из его членов. Без нее не может быть ни социальной группы, ни государства, а согласие по поводу памяти прошлого – цен-

тральный, ключевой момент формирования идентичности: социальной, национальной, культурной.

Содержание исторической памяти достаточно хорошо изучено и систематизировано. Это тематика истории происхождения народа, государства, откуда «есть пошла наша земля», славные события истории. С такими событиями связываются места, а также даты, позволяющие праздновать эти события, отмечать их юбилеи, приобщаться к ним. Главными персонажами при этом являются «отцы – основатели», исторические деятели, сыгравшие ключевую роль в формировании и развитии этноса. К ним примыкают герои, которым мы обязаны своим существованием, и которые являются образцами нравственного и поведенческого подражания. В «Пантеон» исторической наррации входят также деятели культуры, искусства, замечательные труженики, спортсмены. Этот перечень дополняют изделия рук человеческих – как предмет особой гордости: от артефактов традиционных и этнографических искусств и ремесел – до достижений современной технологии.

При этом преимущественное внимание уделяется успехам, героизму и другим предметам гордости в историческом прошлом. Однако историческая память не может не включать в себя и трагедии, пережитые социумом горе, беду, ужас. Речь идет о темах печали, возможно – стыда, а то и того, что хотелось бы забыть, не думая о плохом. Не будучи включенными в историческую память, не осмысленные ею, эти темы образуют незалеченные травмы общественного сознания, его «невротичность», обусловленную невозможностью дистанцироваться от прошлого, зафиксировать его, уверенно жить дальше. Такое прошлое постоянно присутствует, вызывая навязчивые повторы.

Ярким примером такой невротичности является современное российское общественное сознание с его патологией незалеченных исторических травм, неопределенностью отношения к прошлому – как давнему, так и новейшему. Это проявляется не только на уровне искусства и СМИ, в радикальных пересмотрах учебников и учебных программ, но и в переименованиях городов и улиц, разрушении памятников, охранных зон, даже на уровне вынужденно замалчиваемых тем семейной памяти. В не столь давнем советском прошлом дело доходило до уничтожения и фальсификации документов – например, дат и причин смерти репрессированных.

Люди живут рядом, на той же территории, но у них нет ясного отношения к прошлому, его понимания, нет памяти общего страдания и освобождения от него. Каждая этническая, конфессиональная, профессиональная, политическая социальная группа культивирует свои версии прошлого, что приводит к идеологическим «войнам памяти», которые, в свою очередь, порождают новые и новые интерпретации. В результате прошлое оказывается не изжитым. Оно длится в настоящем, порождая страх возвращения, страх перед будущим. Прошлое сливается с будущим, парали-

зую настоящее (Эткинд, 2016, с.66). Как говорил Д.Сантаяна – кто не помнит прошлого, тот обречен повторять его.

Ранее на материале армянского и еврейского народов была показана роль в их исторической памяти Великой жертве, грандиозной трагедии, причиненной Страшным Врагом, сплотившей каждый из этих народов (Тульчинский, 2015). Речь идет о геноциде как мощного фактора формирования национального самосознания. Возможно, этот пример объясняет и некоторые проблемы с формированием российского самосознания и идентичности. Так, образ Великого врага в отечественной истории носит «блуждающий», несфокусированный характер. Более того, вчерашний враг неоднократно становился другом, и – наоборот. В образе такого то ли друга, то ли врага» побывали Германия, Франция, Австрия, Англия, США, евреи, «лица кавказской национальности»... Проблема и с Великой Жертвой. Точнее, сама эта Жертва была, и неоднократно... Татаро-монгольское иго – это жертва, или это был опыт новой государственности? Великая Отечественная война – несомненно, великая жертва, великая Победа народа, присвоенная режимом... Большевицкая революция, Гражданская война, советский эксперимент, сталинский террор – Великая жертва. Но и тут возникают проблемы с ее осмыслением: во имя чего и кому она принесена.

Однако парадоксальность исторической памяти еще и в том, что, будучи акцентированной и культивируемой, она становится опасной, способствуя росту конфликтов, их обострению. Овладевая общественным сознанием, память старых обид ведет к тому, что терпимость и нелегкая работа прощения у потомков заменяется разбереживанием застарелых ран, решимостью отомстить за реальные или домысливаемые травмы. В результате историческая память несет не мир, но войну – нередко еще более трагическую, создающую новые пласты ненависти у новых поколений.

Так, в XIX столетии в связи с колониалистской экспансией возникла трактовка арабскими историками средневековых крестовых походов как проявления пагубных намерений западных стран по отношению к исламскому миру. А в наши дни это стало уже расхожим клише радикальных исламистов. В своей записанной через два месяца после терактов 11 сентября речи Усама бен Ладен связал начавшееся американское вторжение в Афганистан с продолжением войн крестоносцев против исламского мира. Более того, одним из проявлений этой злокозненности западных «крестоносцев» рассматривается возникновение и существование государства Израиль. То есть, крестоносцы предстают как прото-сионисты!

Убедительными примерами деконструктивности культивируемой исторической памяти, стимулирующей новые и новые витки недоверия и насилия, могут служить не только большая часть стран Ближнего Востока, но и страны бывшей Югославии, Северная Ирландия, Шри-Ланка, Украина.

Память может быть союзником справедливости, но это не очень надежный путь к миру и согласию, в то время, как забвение способно открыть такой путь. Хорошим примером может служить Pacto del olvido (пакт забвения) в Испании 1970-х между сторонниками и противниками генерала Франко после его смерти. В развитие идей пакта в 1977 году был также принят закон об амнистии, согласно которому убийства и зверства, совершенные с обеих сторон во время гражданской войны, были защищены от судебного преследования. В результате испанское общество не только смогло достичь политического урегулирования, но и успешно пройти путь демократической модернизации. При этом показательно, что при переименовании проспектов и бульваров, названных именами генералиссимуса и его окружения, использовались имена не республиканских героев и мучеников, а деятелей более давнего королевского прошлого Испании. Не менее показательна и то, что предпринятые в 2008 году известным судьей Б.Гарсоном усилия по расследованию гибели сотен тысяч людей, убитых фашистами за время гражданской войны и франкистского правления, эксгумации массовых захоронений, не нашли поддержку высших судебных инстанций страны. Б.Гарсон был временно отстранен от судебной деятельности, и в 2014 году окончательно ушел в общественную деятельность. В этом же ряду можно отметить и отчаянные усилия правительства Н.Манделы и его сторонников по примирению постколониального социума Южной Африки.

В этой связи представляется важным различать в мемориальной культуре две логики: (А) память гордости победами, триумфами, и (В) память скорби, беды, жертв. Во втором случае речь может идти различных практиках.

Это могут быть практики забвения, замалчивания, что, как уже говорилось выше, вряд ли может рассматриваться как решение конструктивное и дальновидное. С ходом истории, а то и в современности будут найдены артефакты, свидетельства, порождающие недоверие и конфликты.

Это могут быть исторические и социологические исследования, переводящие соответствующие темы в плоскость научного анализа, объяснения с последующим «архивированием» этой памяти, изживанием прошлого на уровне научного осмысления, что не исключает, а даже предполагает включение результатов такого осмысления в учебные программы достаточно высокого уровня. Наконец, это могут быть символические презентации этой памяти, связанные или с глубокой рефлексией (сознательной скорбью и печалью), или без такой рефлексии (как просто нечто, достойное сожаления) (Рубцова, 2015).

Сказанное можно пояснить с помощью предложенной Х.Уайтом, К.Берком и продолженной В.Цымбурским модели выстраивания исторической наррации в соответствии с комическим и трагическим жанрами (Цымбурский, 2011). Немного модифицировав модель, можно говорить о

четырёх возможных «жанрах» презентации исторической памяти, в зависимости от двух пар их характеристик: презентации победы (торжества) или поражения (неудачи), которые подаются либо как сопричастность (идентичность) с данным содержанием, либо отстраненно, как чуждое.

- Гордость, радость и восхищение героизмом победителей, сопричастность победе.

- Неизбежность расплаты врага за временный успех.

- Скорбь, героизм мученичества как sacrifice – жертвы-во-имя-чего(кого).

- Трагизм рока, бессмысленного распада и хаоса, victim – жертва-от-чего (кого)-то.

Такое рассмотрение позволяет существенно систематизировать представления о содержании исторической памяти, а также форм ее презентации. Такие формы презентации заслуживают особого внимания, в первую очередь, исследования диахронического плана, которые могут уточнить соотношение динамичных медийных презентаций с долговременной культурной памятью, а также с нарративами «средней динамики», транслируемыми в образовательных программах, сфере искусства.

Литература

Личность как автопроект (круглый стол) // *Философские науки*. 2009. – №9. – С.5-78; – №10. – С.5-71.

Рубцова О.В. Триумфальное и травматическое внутри городских практик меморизации: анализ постсоветского опыта // *Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в массовой культуре*. Пермь: ПГГПУ, 2015. – С.40-42.

Скриптизация: откровение, укрывание и вменение бытия (круглый стол) // *Философские науки*. 2008. – №8. – С.25-145. – №9. – С.80-93.

Тульчинский Г.Л. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб.: Алетейя, 2007.

Тульчинский Г.Л. Геноцид в национальном самосознании // *От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 т. Т.1.* / отв. ред. Д.Б.Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. – С.130-132.

Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011.

Эткинд А. Кривое горе. Повесть о непогребенных. М.: НЛЮ, 2016.

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

Турчин А.С.

Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ, Россия

В статье рассматривается проблема интеграции в области методологических основ деятельностного и акмеологического подходов в психологии. Сделан вывод о необходимости разработки теории, учитывающей позитивный опыт отечественной общей, экспериментальной и педагогической психологии, базирующейся на понятной педагогам-практикам методологической и теоретической основе. Такими основаниями выступают принципы активности, предметности, неадаптивной природы человеческой психики. Они представлены в акмеологической теории фундаментального общего образования Н.В. Кузьминой и частных (отраслевых) акмеологиях, разрабатываемых ее сотрудниками и учениками.

Ключевые слова: семиотика, акмеология саморазвитие, стагнация, методология, профессионализация, текстовая деятельность.

ACMEOLOGICAL AND ACTIVITY APPROACHES IN PSYCHOLOGY

Turchin A.S.

St. Petersburg military Institute of internal troops the ministry of internal affairs of the RF, Russia

The article considers the problem of integration in the area of methodological principles of the activity and acmeological approaches in psychology. The conclusion is made regarding the need to develop the theory which takes into account positive experience of national general, experimental, and pedagogical psychology, which is based on the transparent to expert teaching staff methodological and theoretical basis. Among such bases are the principles of activity, objectivity, non-adaptive nature of the human psyche. They are presented in acmeological theory of fundamental general education by N.Kuzmina and private (sector) acmeology researched by its staff and students.

Keywords: semiotics, acmeology self-development, stagnation, methodology, professionalization, text activity.

В последние годы возникла необходимость теоретического осмысления связи акмеологической теории фундаментального образования с методологическими основами отечественной психологической науки и, прежде всего, с психологической теорией деятельности. Открытость интегративным тенденциям в психологической науке повышает актуальность и практическую значимость акмеологического подхода в условиях реформирова-

ния системы образования в современной России, сохранив при этом наиболее важные достижения разработчиков теоретических и прикладных аспектов проблем, связанных с пониманием образования, как особой производительной силы (Кузьмина, 2016).

Предыстория акмеологии и психологической теории деятельности начинается в 20-х годах XX века, когда на волне борьбы за новую науку ряд ученых-психологов поставили задачу разработки теории, давшей начало акмеологическому и деятельностному подходам в педагогической психологии. В 50-х гг. Б.Г. Ананьев и Н.В. Кузьмина обосновали в качестве основного в психологии учителя понятие «педагогические способности», ставшего системообразующим в акмеологической теории фундаментального образования. Рассмотрение проблемы педагогических способностей в контексте деятельности, как процесса преодоления трудностей (нормативных и сверхнормативных) личностью, ставящей во главу угла интересы обучаемых, способствующей их самосозиданию и соразвитию, привело к выдвиганию положения об истинно педагогической направленности личности, как показателе самосозидания и движения к личному акме.

При сохранении статуса акмеологии, как самостоятельной отрасли научного знания, представляется целесообразным проведение теоретического анализа концептуальных положений, сближающих акмеологический и деятельностный подходы в отечественной психологической науке, поскольку существует ряд крупных и частных вопросов, ответы на которые даны основоположниками общепсихологической теории деятельности.

Так, для акмеологии важен принцип познания, определенный С.Л. Рубинштейном как «анализ через синтез», характеризующий творческое освоение педагогом своей специальности. Путь теоретического познания, при котором предмет исследования как бы поворачивается к исследователю каждый раз новой стороной и постоянно «вычерпывается» новое знание (Рубинштейн, 1958), является основой акметехнологий развития личности в учебном процессе.

Деятельностный подход в последние десятилетия используется заметно реже в отечественной психологической науке. Однако разработчиками современных инновационных педагогических технологий целесообразно обращаться к его методологическим основаниям, которые важно учитывать при разработке программ конкретно-научных исследований. Эти принципы сложились как оппозиция принципам бихевиоризма (Асмолов, 1996), но в постнеклассической психологической реальности они создают ясные ориентиры, позволяющие различать скрытые формы редукционизма в педагогических заимствованиях.

Так называемое «традиционное обучение» сложилось в условиях дефицита высококвалифицированных кадров, когда в первые десятилетия в Советской России образование стало действительно массовым. Его унификация «сверху» на рубеже 30-х гг. XX века была вынужденной мерой и

прошла при поддержке основной массы учительства, ориентированного на «рецептурный подход» в условиях тотального контроля за педагогической деятельностью. Но и в 30-е и в последующие десятилетия XX века утверждалось принципиальное положение о том, что развитие субъектности должно изучаться в ходе освоения значимых для личности видов деятельности. Развивающее обучение конца XX века в России, показало, что требуется сохранение наиболее ценного в эмпирической практике учителей при одновременном «подтягивании» их теоретического уровня к осмысленному применению в практике основ акмеологической теории. Еще и по этой причине целесообразно указать психологические принципы, в процессе рассмотрения содержательной специфики которых можно перейти от простой критики традиционного обучения, к построению акмеологически ориентированного образования.

Принцип предметности как оппозиция стимульности. Традиционное или активизирующее обучение, которое иногда еще называют «понуждающим», в качестве дидактических стратегий использует варианты, представляющие комбинации педагогических условий и средств, которые в стандартных (усредненных) условиях могут применяться при фронтальной учебной работе, но формально не исключают и индивидуальный подход к обучению. На практике это означает, что учитель должен постоянно искать новые «стимулы» для воздействия на психику обучаемых, как бы соревнуясь с внешкольными источниками знания.

При этом индивидуальный путь познания не аналогичен обоснованному Н.В. Кузьминой процессу разработки и осуществления «индивидуального образовательного маршрута». Поскольку конкретно-педагогические дидактические стратегии индивидуального обучения соотносятся с индуктивным способом познания, они не гарантируют своевременного теоретического обобщения, а, следовательно, не предполагают верификации степени адекватности восприятия и понимания субъектами образования содержания и способов их освоения.

Понятие «индивидуальный образовательный маршрут» в большей степени соответствует именно психологическому принципу предметности, предметной отнесенности активности субъекта. Оно предполагает сознательную перестройку содержания учебного предмета, его конструирование на принципах науки, как это подчеркивается сторонниками теории учебной деятельности (Давыдов, 1981). Содержание или знаниевая основа, ее научность выступает средством предметной перестройки внутреннего плана сознания субъекта образования (Давыдов, 1996).

Принцип активности как оппозиция принципу реактивности. В качестве маркеров или контрольных точек состояния интеллектуального процесса при традиционном обучении рассматриваются внешние, чаще всего, вербальные реакции обучаемых. Иногда они напоминают эхо-эффект, характерный для вербальных реакций детей раннего возраста. В

младшем школьном возрасте это может выражаться в стремлении ученика к буквальному повторению высказываний учителя, как единственно верных. Одним из важных отрицательных следствий влияния принципа реактивности в традиционном обучении является отсутствие у значительной части обучаемых широкого переноса знания и (или) способа действия в смежную реальность (Гальперин, 1997). Данное следствие характерно как для учащихся школ, так и для многих студентов вузов.

Принцип активности выявляется в инновационном обучении на всех его этапах. Наиболее важным его воплощением является, по нашему мнению, не столько поощрение к проявлению личной инициативы, сколько ненаказуемость за ее результат. При традиционном обучении наказание за несоответствие результата ожиданиям обучающего воспринимаются как само собой разумеющееся.

При существующей массовой практике образования есть две формы проявления активности: 1) отрежессированная (за счет предварительной подготовки класса по типу ролевой игры); 2) спонтанная на грани субъективного открытия или провала, т.е. мало управляемая. Последнее обычно в популярной литературе преподносят как подлинное педагогическое творчество. Однако в данном случае речь идет не только об интеллектуальном поиске. Есть коллизии, которые вызывают аналогию с проблемой, поставленной Блаженным Августином в раннем средневековье: «Что важнее? Воля или разум?». Сам Августин считал, что воля, волевая регуляция деятельности важнее.

Если в первом типе (см. выше) проявления активности, внешне рационально выстроенном, волевая регуляция замаскирована «порядком» в классе на уроке, то во втором варианте проявления «неприкрытого творчества» на уроке довольно часто подтверждается мнение Блаженного Августина о примате воли. Так, лидер учебного звена может давить своим авторитетом, навязывая прочим ее членам свою версию ответа, не учитывая иные точки зрения. В этом случае не только возможны ошибочные ответы лидера и, следовательно, проигрыш в учебной дискуссии или соревновании всей его группы, но и, по сути, нарушается психолого-методическая основа коллективно распределенной формы учебной деятельности.

В школьной практике существует барьер между совместно-распределенной и коллективно-распределенной формами деятельности. В начале 80-х гг. этому вопросу было уделено достаточно много внимания в научной школе Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова. В частности этой проблемой активно занимались Л.И. Айдарова и Г.А. Цукерман. Однако в дальнейшем для массовой школы она не была технологизирована, что еще раз подтверждает мнение Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой и др. о том, что именно сфера педагогической коммуникации осваивается педагогами наименее успешно.

Как и в аналогии с детской ролевой игрой, когда педагог вначале репетирует с каждым ребенком роли второго плана и ведущую роль, чередуя их, так и в организации коллективно-распределенной деятельности, важно следить, чтобы каждый обучаемый освоил весь спектр учебных ролей или функций, которые не должны быть монополизированы кем-либо. Во-первых, каждый из членов микрогруппы должен владеть ими на уровне «не ниже хорошего», и, время от времени, роли должны меняться. Последнее не только отвечает принципу индивидуализации обучения, но и соответствует гендерному и возрастному подходам к обучению. Во-вторых, в силу действия закона неравномерности темпа развития психики и вероятностного характера выявления и (или) разблокирования акме-задатков, у членов микрогруппы могут меняться интеллектуальные возможности, что способствует принятию на себя субъектом образования ведущей роли.

Принцип неадаптивной природы психики как оппозиция принципу адаптивности. Традиционно адаптивность обучаемых, как предпосылка обучаемости, оценивается на основе средних показателей учебной успешности. При этом недостаточно учитывается вариативность темпа общего психического развития и конкретные акме-психологические предпосылки развития личности субъекта образования.

Данный принцип нашел отражение в ряде психолого-педагогических исследований, выполненных в русле теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина и Н.Ф. Талызиной, в том числе и наших экспериментах, направленных на освоение систем учебных понятий учащимися разных возрастов. В процессе данных исследований наиболее четко прослежена связь некоторых положений акмеологической теории фундаментального образования Н.В. Кузьминой и идей Я.А. Пономарева. Одно из центральных понятий акмеологической системы, разработанной Н.В. Кузьминой, а именно понятие «продукта», отражающего содержание процесса самосозидания своей личности субъектом образования, по нашему мнению, довольно точно соотносится с понятием «побочный продукт», предложенного Я.А. Пономаревым. Это положение в двух концепциях наиболее ярко свидетельствует об общих основах акмеологической и деятельностной парадигм образования.

По нашему мнению, «результат самосозидания» включает в себя отрефлексированное представление о «цене развития», отношение к предмету, цели и процессу деятельности и, по сути, «отношение» в более широком смысле слова, что позволяет усматривать общность и с научным подходом Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева. В дальнейшем, при экспериментальном изучении стадий семиогенеза, мы пришли к новой трактовке факта, отмечавшегося в исследованиях акмеолога О.С. Анисимова и педагога Л.В. Максимовой. При изучении динамики освоения замещения, кодирования, схематизации и моделирования фиксировалось парадоксальное явление, когда после успешного овладения учебным моделированием

большинство испытуемых отказывалось от его использования в учебной работе и возвращались к использованию схематизации.

В процессе теоретического анализа и на основе сопоставления данных различных эмпирических исследований мы пришли к выводу о необходимости пересмотра логического построения динамики уровней семантического развития (семиозиса), что потребовало отказа от идеи ортогенеза и построения новой концепции на основе принципа кладогенеза. В итоге моделирование и схематизация были исследованы как варианты семиозиса, опирающиеся на различные возможности успешных в освоённой деятельности субъектов образования, демонстрирующих возросшую возможность работать в плане реальных действий и символическом плане (на уровне логических схем и образов). Это позволило по-новому подойти к пониманию психологических механизмов индивидуализации обучения, определению различий в компонентах педагогического стиля деятельности, индивидуального образовательного маршрута и др.

Адаптивность обучаемых оценивается нами как акмеологическая характеристика, как предпосылка вариативного развития. При этом переход обучаемых к использованию в качестве учебных средств графических или знаковых моделей или схем рассматривается в качестве одного из маркеров выбора ими индивидуальных стратегий мышления, признаков наличия акмеологических предпосылок самостоятельной личности.

Поскольку педагогическое творчество и инновации в образовании отражают личностный и деятельностный аспекты процессов обучения и воспитания, требуется интегрирующая теория, учитывающая позитивный опыт отечественной общей, экспериментальной и педагогической психологии базирующейся на понятной педагогам-практикам методологической и теоретической основе. По нашему мнению, таковой может выступить теория, представленная в фундаментальной (Н.В. Кузьмина) и частных (отраслевых) акмеологиях, разрабатываемых ее сотрудниками и учениками. Наш вклад в этот процесс может выражаться в разработке акмеологии средств учебной деятельности.

Литература

Анисимов О.С. Знак, смысл, значение и структурирование внутреннего мира человека // Мир психологии. 2008. – №2. – С.14-26.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996.

Кузьмина Н.В., Турчин А.С., Жаринова Е.Н. Акмеологические технологии фундаментального общего образования. СПб.: Центр стратегических исследований, 2016.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958.

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ В. ВУНДТА НА МЕСТО ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУК

Федоров А.А.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Россия

В статье рассматривается эволюция взглядов В. Вундта на место психологии в системе наук. Показано, что сначала В. Вундт рассматривал психологию как естественную науку, затем как науку, находящуюся на пересечении естествознания и наук о духе, и, наконец, как исключительно науку о духе. Эволюция его взглядов объясняется идеалистическим характером его философии.

Ключевые слова: классификация наук, система наук, Вундт, естествознание, науки о духе.

THE EVOLUTION OF W. WUNDT'S VIEWS ON THE PLACE OF PSYCHOLOGY AMONG THE SCIENCES

Fedorov A.A.

Novosibirsk State University, Russia

The evolution of W. Wundt's views on the place of psychology among the sciences is discussed in the article. It is shown that initially Wundt considered psychology as a natural science, then – as a science at the point of intersection of natural sciences and mental sciences and finally – as a purely mental science. The evolution of his views is explained by the idealistic nature of his philosophy.

Keywords: classification of the sciences, system of the sciences, Wundt, natural sciences, mental sciences.

Проблема места психологии в системе научного знания является одной из важнейших в истории психологической науки. От ответа на вопрос о том, как психология связана с другими дисциплинами, во многом зависит ответ на вопрос о ее предметном поле. Оглядываясь на путь, пройденный психологией за последние полтора столетия, мы вынуждены признать, что удовлетворительного решения проблемы места и статуса психологии в системе наук пока нет. Существенно, однако, то, что в попытках решить эту проблему, современные психологи все чаще обращают свой взор в XIX столетие, век, когда психология начала свой путь к дисциплинарной самостоятельности. В качестве примера можно привести эпистемологическую систему, которую в 2003 г. предложил Грегг Энрикес (Henriques, 2003). В ней не только раскрываются взаимосвязи психологии с другими науками, но и предлагается вариант ее теоретического объединения. Свою новую

систему знаний Энрикес назвал системой древа знаний (Tree of Knowledge (ТоК) system). Эта линейная система, опираясь на интересную идею о теоретических точках соединения (одной из которых, в частности, выступает поведенческая инвестиционная теория, объединяющая радикальный бихевиоризм Б. Ф. Скиннера и когнитивную нейронауку), представляет прямое развитие идей последователей Конта, которые «втиснули» психологию между биологией и социологией.

В данной статье я хочу обратиться к наследию Вильгельма Вундта, которого традиционно считают автором первого проекта научной психологии. В первоначальном варианте, предложенном В. Вундтом, психология рассматривалась как «родная сестра» физиологии. С ней она разделяла общий методологический и методический подход и являлась одной из естественных дисциплин (*naturwissenschaftliche Psychologie*). Как писал сам Вундт, эта наука, получившая название физиологической психологии, начинается «с физиологических процессов и пытается продемонстрировать, каким образом они влияют на сферу внутренних наблюдений» (курсив мой. – А. Ф.) [Цит. по: (Лихи, 2003, с. 97)].

Стоит отметить, что у этой психологии было и другое название: «экспериментальная психология». Эти два названия с методологической точки зрения эквивалентны, поскольку согласно проекту Вундта новая наука, как и всякая естественная дисциплина, должна была строиться на строгих экспериментальных основаниях. Учитывая вышесказанное, нет ничего удивительного, что первый курс психологии, который В. Вундт читал в Гейдельбергском университете в 1862 г., назывался «Психология как естественная наука». Согласно данным, которые приводит биограф Вундта С. Даймонд, в Гейдельбергском университете «отец психологии» читал курс психологии 12 семестров, и в первых шести из них психология понималась им как естественно-научная дисциплина (табл.) (Diamond, 2001, p. 41).

Таблица. Курсы В.Вундта по психологии в Гейдельбергском университете

Название курса	Семестр
Психология как естественная наука	Летние семестры 1862, 1863, 1864; Зимние семестры 1864–1865, 1865–1866, 1866–1867
Физиологическая психология	Зимние семестры 1867–1868, 1872–1873
Психология, включая изучение психических расстройств	Летний семестр 1868; Зимний семестр 1868–1869
Психология	Зимние семестры 1869–1870, 1870–1871

Безусловно, на взгляды В. Вундта в этот период повлияла его работа ассистентом у В.Ф. Гельмгольца (с 1858 г.). (В. Вундт перестал быть ассистентом Гельмгольца в 1864 г. Как писал Стэнли Холл, первый президент Американской психологической ассоциации, Гельмголец хотел видеть на месте Вундта кого-то, кто лучше разбирается в математике и физике (Hall, 1912).) Интересно, что в это же время в лаборатории Гельмгольца работал и И.М. Сеченов. Вот как он описывает свои впечатления о В. Вундте. «В лаборатории (очень небольшой, с отдельной комнатой профессора и без отдельной комнаты его тогдашнего ассистента Вундта) работало четыре человека: два офтальмолога – Юнге (мой товарищ) и Кнап, немец с очень косыми глазами, фамилии которого не помню (и который возился несколько месяцев с миографом Гельмгольца), и я. Вундт сидел неизменно весь год за какими-то книгами в своем углу, не обращая ни на кого внимания и не говоря ни с кем ни слова. Я не слышал ни разу его голоса» (Сеченов, 1945, с.95). Очень показательно, что Гельмголец повлиял на оба первых проекта научной психологии (если таковыми считать проекты В. Вундта и И.М. Сеченова).

Материал читаемого в Гейдельберге курса «Психология как естественная наука» составил основу двухтомной работы В. Вундта «Лекции о душе человека и животных», первое издание которой вышло в 1863-1864 гг. Позже, в предисловии 1892 г. к ее второму изданию, Вундт отмечал, что он смотрит на эти «Лекции» как на грехи молодости, о которых бы с радостью забыл (Wundt, 1894). Как мы видим, за 30 лет взгляды Вундта на природу психологической науки претерпели существенные изменения. В данной же работе Вундт видел в психологии преимущественно эмпирическую науку, утверждая, что «каждый психологический эксперимент является в то же время физиологическим» (Ibid, p. 10). Последнее следовало из того, что, согласно взглядам Вундта, мы не можем экспериментировать непосредственно над самим разумом, но только над теми физиологическими органами, с которыми функционально связаны различные психические процессы.

В 1874 г. В. Вундт опубликовал работу «Принципы физиологической психологии», которая принесла ему большую известность. В ней он подошел к проблеме психологии, по своим собственным словам, «с большей скромностью и осмотрительностью» (Wundt, 1894, p. v). В ней психология более не рассматривается как исключительно естественная дисциплина. Вундт сближается с весьма популярной в то время позицией, согласно которой психология находится в точке, где пересекаются и переходят друг в друга наука о природе и наука о духе (Гефдинг, 1908). Как писал сам Вундт, «психология занимает среднее положение между науками о природе и науками о духе» (Wundt, 1874, p. 4). С одной стороны, психология использует те же самые методы и общие принципы объяснения, что и естественные науки; с другой, психология является основанием для наук о ду-

хе. Сама же физиологическая психология, по мнению Вундта, наполовину находится в группе естественных наук, поскольку изучает отношения между внешними и внутренними событиями.

Впрочем, Вундт недолго придерживался этой компромиссной позиции. Начиная с 1875 г., когда его пригласили читать лекции по философии в Лейпциге, он все больше сомневался в родстве физиологии и психологии и отдалялся от взглядов, которые развил под влиянием Гельмгольца. В каждом последующем издании «Принципов физиологической психологии» связь между этими науками становится все менее тесной (Diamond, 2001). Так, например, в пятом издании, вышедшем в Германии в 1902 г., атрибут «физиологический» обозначает лишь методологическую связь физиологической психологии и физиологии, т. е. заимствование первой у последней экспериментального метода. Как пишет Вундт, «поскольку физиологическая психология получает поддержку со стороны физиологии в разработке экспериментальных методов, она может быть названа экспериментальной психологией» (Wundt, 1904, p. 3). Но полное исключение Вундтом психологии из области естественных наук произошло гораздо раньше. В Лейпцигском университете, помимо ряда психологических курсов, Вундт преподавал историю современной философии, этику и логику (Hatfield, 1997). В рамках разработки философских проблем Вундт, в частности, обратился к проблеме систематизации научного знания, что позволило ему проанализировать проблему места психологии в системе наук в более широком контексте. В своем труде «Логика», вышедшем в 1883 г., Вундт разделил все науки на три главные группы: математику, науки о природе и науки о духе. Развернутая схема этой классификации наук, в которой психология полностью включена в группу наук о духе, была дана Вундтом во «Введении в философию», впервые опубликованном в 1889 г. Иными словами, в рамках лейпцигской системы он стал рассматривать психологию как науку о духе (*geisteswissenschaftliche Psychologie*), а именно как науку непосредственного опыта, включавшую в себя помимо физиологической (экспериментальной) психологии психологию народов (*Volkerpsychologie*) (Вундт, 1912). Если изначально термин «физиологическая психология» указывал на тесную связь психологии с естественными науками, то в лейпцигском варианте он означает лишь экспериментальный характер одного из отделов *geisteswissenschaftliche Psychologie*.

Таким образом, изначально Вундт рассматривал психологию как естественную науку, затем как промежуточную между естествознанием и науками о духе и, наконец, исключительно как науку о духе. Эволюцию взглядов Вундта на место психологии в системе наук можно представить следующим образом (рис.):

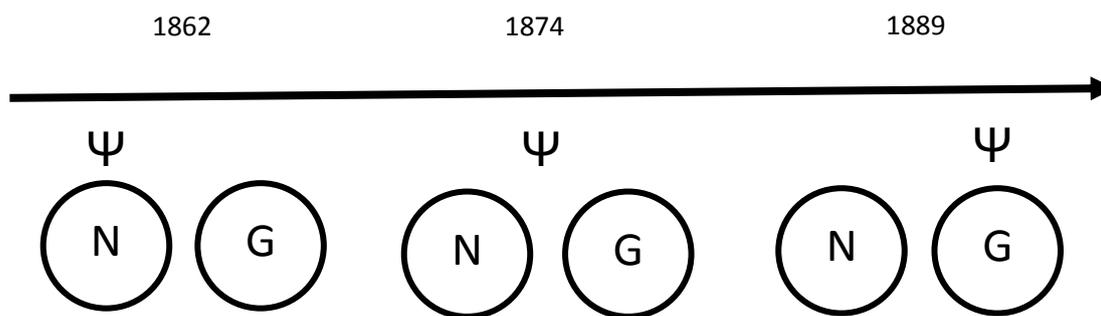

Рисунок. Эволюция взглядов Вундта на место психологии в системе наук
N – естественные науки; G – науки о духе; Ψ – психология

В итоге, в своем завершенном варианте психология В. Вундта представляет собой науку о духе, которая не имеет прямой связи с естественными дисциплинами. Влияние состояний тела на психику он объявляет несостоятельной метафизической гипотезой. Впоследствии У. Скрипчер, ученик Вундта и сооснователь Американской психологической ассоциации, сформулировал на основе этой идеи так называемую фундаментальную аксиому психологии, согласно которой «ментальные феномены не могут ни влиять на материальные феномены, ни подвергаться их влиянию» (Scripture, 1891, p. 310).

В целом, движение Вундта в сторону жесткого разграничения психологии от физиологии становится вполне понятным, если учесть идеалистический характер его философии. Свою собственную философскую систему он называл идеал-реализмом и утверждал, что монистическая система, в которой нуждается современная наука, «может быть только идеализмом» [Цит. по: (Diamond, 2001, p. 61)]. Признав связь тела и духа метафизической спекуляцией, В. Вундт разорвал органические отношения психологии и физиологии, что, впрочем, сыграло с ним роковую роль. Его идеи довольно быстро предали забвению и они так и не стали будущим психологии. По иронии судьбы Вундт стал не столько «первым», сколько «последним».

Литература

- Вундт В.* Очерки психологии. М.: Моск. книгоиздательство, 1912.
- Гефдинг Г.* Очерки психологии, основанной на опыте. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.
- Лихи Т.Х.* История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Сеченов И.М.* Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.: Изд-во АН СССР, 1945.
- Diamond S.* Wundt before Leipzig // Wilhelm Wundt in history: the making of a scientific psychology / Ed. by R.W. Rieber and D.K. Robinson. N.Y.: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001. – P.1-68.
- Hall G.S.* Founders of modern psychology. New York: Appleton, 1912.

Hatfield G. Wundt and psychology as science: Disciplinary transformations // Perspectives on science. 1997. – Vol. 5 (3). – P. 349-382.

Henriques G. The tree of knowledge system and the theoretical unification of psychology // Review of General Psychology. 2003. – Vol. 7 (2). – P. 150-182.

Scripture E.W. The problem of psychology // Mind. 1891. –Vol. 16 (63). – P.305-326.

Wundt W.M. Lectures on human and animal psychology. London: Swan Sonnenschein & Co, 1894.

Wundt W.M. Principles of physiological psychology: in 2 vol. London: Swan Sonnenschein & Co, 1904. – Vol. 1.

СТРУКТУРА И ХАРАКТЕР ДЕТЕРМИНАНТ ПСИХИЧЕСКОГО: К ИЗЛОЖЕНИЮ ВВОДНЫХ ТЕМ КУРСА ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Шадрин Н.С.

Павлодарский государственный педагогический институт, Казахстан

В статье рассматривается психологическая структура мира человека. Выделяются его уровни (мир индивида, мир субъекта и мир личности) и его базовые детерминанты (мотив, образ, общение и деятельность). На этой основе предлагаются некоторые новации в изложение психологии для студентов.

Ключевые слова: мир человека, события, детерминанты психики, мотив, образ, общение, деятельность, преподавание психологии.

THE STRUCTURE AND CHARACTER OF DETERMINATIONS OF THE PSYCHE: TO THE QUESTION OF THE EXPOSITION OF PRIMER THEMES OF GENERAL PSYCHOLOGY

Shadrin N.S

Pavlodar State Pedagogical Institute, Kazakhstan

Psychological structure of the world of man is shown in the article. His elevens (world of individual, world of subject and world of personality) and his base determinations (motif, edge, communication and activity) are found. On this base some innovations on the exposition of the psychology for students are pretext.

Keyworlds: the world of man, events, determinations of the psyche, motif, edge, communication, activity, exposition of psychology.

Проблему мира человека, личности (включая такие его ипостаси, как «жизненный мир», «внутренний мир») не отнесешь к числу второстепен-

ных. Так, В.А. Мазиллов и В.Д. Шадриков осмысливают внутренний мир человека даже как предмет психологии.

Правда, часто говорят, что единое научное понимание предмета психологии не достижимо (С.Д. Смирнов, Т.В. Корнилова, М.С. Гусельцева и др.) Но наблюдающийся сейчас дезинтегративный кризис психологии как раз и вуалируется идеей «полипарадигмального» характера психологии и отстаиванием принципа безбрежного «методологического плюрализма» психологических концепций и систем. В виду важности четкого раскрытия темы «предмет психологии» в курсе общей психологии для студентов-психологов такая позиция не может быть принята, не говоря уже о довольно обоснованной методологической критике идеи «полипарадигмальности» такими авторами, как В.А. Мазиллов, Е.Е. Соколова, В.В. Козлов, частично А.В. Юревич, которые настаивают на возможности интеграции психологии и единого понимания ее предмета. По А.В. Юревичу, каждый студент, изучающий психологию (а, на наш взгляд, и любой вдумчивый преподаватель-психолог) является «стихийным интегратором» психологического знания.

Но что представляет собой «мир» вообще? С излагаемых позиций мир в любой его форме предстает как особое пространство событий и лежащих в их основе детерминаций определенного типа (Рубинштейн, 1973, с.295; Шадрин, 2014а, с.36-43). Отсюда внутренний мир человека, личности как предмет психологии может быть определен как пространство психологических событий и явлений, разыгрывающихся на основе таких базовых детерминант психического, как мотивы, образы, формы общения и деятельности. Эти детерминанты (к ним принадлежит и личность) в свое время выделил М.Г. Ярошевский, осмысливая таким образом предмет психологии (Ярошевский, 1985, с.17).

Остановимся на понятии события в его психологической ипостаси. В рамках антропологического подхода в психологии и связанного с ним биографического метода феномен события становится важной характеристикой «жизненного пути» человека (Ш. Бюлер, Б.Г. Ананьев, Н.А. Логинова) (Ананьев, 2002; Логинова, 2001). Он также весьма значим в философии М. Бубера (см. его работу «События и встречи»), у М.М. Бахтина и выступает одним из центральных понятий онтопсихологии (В.В. Знаков). Выступая важной составляющей жизни личности, феномен «события» не может быть устранен и из анализа внутреннего мира человека.

По Н.А. Логиновой, вычлениются «события среды», «события-впечатления», «события-встречи», «события-поступки» и т.д. (Логинова, 2001, с.76-79). Жизненный путь, состоящий из ряда событий, мыслится у Б.Г. Ананьева в «пространстве и времени онтогенеза» (Ананьев, 2002, с.134). Специфика же психологических событий (ср. «переживания» у Дильтея и Шпрангера) в том, что они, выступая как внутренний аспект осуществления жизненных событий (аспект их регуляции, интеграции и

т.д.), разыгрываются во внутреннем мире человека на основе таких базовых психологических детерминант, как мотивы, образы, формы деятельности и общения.

С излагаемых позиций внутренний мир человека есть единство трех взаимосвязанных уровней, в которых упомянутые выше базовые детерминанты имеют несколько различный характер. По В.И. Кабрину, это мир индивида, мир субъекта и мир личности (впрочем, к этому он добавляет еще и мир человека как организма, особый статус которого у него не вполне ясен (Кабрин, 2010)). Это членение опирается на соответствующие идеи Б.Г. Ананьева.

Характер указанных базовых детерминант во всех этих мирах различен, что схематически можно отразить в виде таблицы (табл.).

Таблица. Внутренний мир человека, его базовые психологические детерминанты и их основные уровни

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ЧЕЛОВЕКА КАК «МИР МИРОВ»

Уровни жизни и активности человека	Базовые психологические детерминанты внутреннего мира человека на каждом из уровней индивидуальной жизни				Уровни миров человека
Личность	Мотивы 3	Образы 3	Общение 3	Действие 3	Мир личности
Субъект деятельности	Мотивы 2	Образы 2	Общение 2	Действие 2	Мир субъекта деятельности
Индивид	Мотивы 1	Образы 1	Общение 1	Действие 1	Мир индивида

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Помимо определения состава базовых детерминант психического, важной методологической задачей является также выявление характера действия этих детерминант в сложно-расчлененном мире человека.

Прежде всего, на всех указанных уровнях различна уже сама природа базовых психологических детерминаций. Так, их содержание на уровне мира субъекта и мира личности «вычерпывается», в процессе развития, из «большого» мира-пространства культуры. Причем это «вычерпывание» происходит в ходе разыгрывания самих детерминаций внутреннего мира (психика развивается в общении и деятельности, но свою роль здесь играют и образы, и мотивы и т.д.)

Важная роль тут принадлежит процессам интериоризации и экстериоризации. Но культура не является источником жестких детерминаций, выступая как «приглашающая сила» (В.П. Зинченко) для человека как субъекта и как личности и не определяя в его психической активности на

100% ничего. (В этом же плане А.Г. Асмолов говорит о присутствии «механизмов неопределенности» в культуре.)

Мир же индивида сопрягается с биологическим миром-пространством существования человека как организма, со средой его обитания (в настоящее время трансформированной техногенными воздействиями, но все еще пригодной для жизни человека на биологическом уровне), с механизмами реагирования на ее факторы (включая роль мозга и коры).

В целом действие всех детерминант на уровне мира индивида имеет достаточно жесткий характер – это методологический подход классической науки. Видя его недостаточность, психологи стремились отграничить психологию от естественных наук, акцентировали ее гуманитарный характер, а также свободу поведения человека, механизмы само-детерминации, которые, впрочем, имеют и свой генезис.

Вышериведенная таблица (в ней фактически содержится сетка категорий психологии, знакомство с которыми может стать важной задачей введения в психологию) стимулирует поиски ответа на вопрос о специфике базовых детерминант психического (мотив, образ, общение и действие) на каждом из трех уровней мира человека.

Так, действие мотива в мире индивида может осмысливаться в аспекте анатомо-физиологических механизмов мотивации – роль «центра голода» в гипоталамусе, реагирующего на концентрацию уровня белка в крови, особых подкорковых «центров рая» и «центров ада», а также «блока активации» в целом в регуляции активности человека. Обусловленные ими потребности (они «отражаются», в преобразованном виде, и на уровне личности) являются «настоятельными, внутренними и гомеостатичными» (Люсьен Сэв) и, как и остальные детерминанты индивидуального уровня, отвечают критериям жесткой детерминации, раскрытой в классической психологии (автоматизм рефлексов, по Р. Декарту и пр.)

Мотив на уровне мира субъекта выступает уже как мотив конкретного вида профессиональной деятельности, содержание которого определяется ее требованиями, а также предметными условиями ее осуществления (так, мотивы деятельности в профессиях типа «человек – человек» отличаются от мотивов, реализующихся в профессиональной деятельности типа «человек – техника» и т.д.)

Мотив же на уровне мира личности предполагает увязку ряда мотивов (доминирующие, подчиненные, ситуативные мотивы, отсюда феномен направленности и т.д.), а также глубинную связь мотива с более или менее масштабными формами активно-деятельного существования личности в социуме как «мире миров».

При этом физиологические и материально-бытовые потребности, связанные с поддержанием и воспроизводством локального, «фактического», в терминах экзистенциализма, существования личности не исчерпывают всех уровней мотивации личности! Более высокие ее уровни проявляются,

например, в конвенциональных нормах (правовых, профессиональных, нормах повседневного этикета и т.д.) и особенно в мотивах-ценностях.

Далее, в мире индивида образ осмысливается скорее как «сигнал», запускающий реакцию. В субъектном же мире он выступает как образ ситуации или предмета деятельности и даже как образ 3-мерного пространства, в личностном – более широко как «образ мира или его фрагментов», включая сложный социальный мир (Шадрин, 2014б, с.160). Культурно-деятельностная неклассическая психология раскрыла значимость интериоризации «сенсорных эталонов» (заданных и циркулирующих в «большом» мире культуры) в генезисе образов. В мире индивида, субъекта и личности по-разному действует и детерминанта общения.

Хотелось бы особо отметить, что в мире личностной регуляции, где широко проявляется интегративная (В.А. Ганзен) функция психики, предполагающая «вписывание» личностного существования в формы совместного социального бытия людей, можно говорить, на наш взгляд, не только о перцептивной (восприятие другого как личности), но и о ко-экзистенциальной стороне общения. Последняя позволяет реализовать существование личности как ее со-существование (М. Бубер), воплотить все более со-участную позицию личности в социальном бытии вплоть до достижения ответственного бытия-в-мире-миров (или «бытия-события», по М.М. Бахтину). Здесь выражается тот «пространственный» аспект общения, когда достигается все большее вписывание конкретного личностного мира в более широкий контекст «мира культурно-ментальных миров» (взгляд с позиций постнеклассики).

Учитывая роль временных (в том числе исторических) параметров личностных и субъектных миров, акцентированных рациональностью второго типа (Шадрин, 2015), можно говорить о трансляции в ходе общения знаково-зафиксированного культурного опыта поведения в исторической цепи поколений. Это обогащающее мир человека (на его личностном и субъектном уровнях) общение учителя и ученика, взрослого и ребенка, старшего и младшего и т.д. Его механизмы хорошо осмыслены в неклассической психологии Л.С. Выготского.

Поставим теперь вопрос: в чем специфика собственно личностной регуляции детерминант внутреннего мира (регуляция мотивации личности, ее образов мира, форм общения и деятельности и т.д.) по сравнению, например, с субъектной их регуляцией (или индивидуальной)?

Сейчас имеется путаница психологов в таких базовых понятиях, как индивид, субъект и личность, названная В.П. Зинченко «блужданием в трех соснах». Ее внедрение в формируемое в высшей школе профессиональное мышление будущих психологов крайне нежелательно.

В целом личностная регуляция, по-видимому, выступает как личностно-смысловая и волевая регуляция. При этом имеется в виду «проникновение» глубинных личностных смыслов существования отдельного че-

ловека не только в область мотивов, которые становятся именно мотивами-смыслами в противоположность мотивам-стимулам (А.Н. Леонтьев), но и в сферу образов мира или его фрагментов, а также в сферу общения и действия (личностный смысл деятельности).

Субъектная же регуляция проявляется как произвольная или же непроизвольная регуляция внешней и внутренней деятельности человека. Например, произвольное внимание концентрирует сознание на предмете деятельности, что является условием ее успешного осуществления субъектом. Непроизвольная регуляция в какой-то мере тяготеет также к уровню индивидуальной регуляции. Потеря (или ослабление) личностной регуляции мира человека и его редукция к субъектной и даже индивидуальной регуляции есть важный симптом отчуждения личности.

Все сказанное не должно мыслиться как некая абстрактная «методология вообще». Даже наша таблица (с учетом комментариев к ней) демонстрирует вдумчивому читателю черты комплексного, «стереоскопического видения» детерминант многоуровневого мира человека с позиций разных типов научной рациональности в психологии.

Рассмотрев особенности четырех базовых детерминант психического (образ, мотив, общение и деятельность) на разных уровнях внутреннего мира человека, поставим еще один вопрос: анализ каких из этих детерминант (или всего их комплекса) может иметь эвристическое значение для самой методологии психологии?

В методологических изысканиях классической науки «эксплуатировалась» детерминанта образа. Так, изучалось, как взаимодействуют в образе изучаемого объекта то содержание, которое присутствует в чувственном образе, и интеллектуально-понятийное содержание (споры Лейбница, Локка и т.д.). В «системно-деятельностной» же методологии Г.П. Щедровицкого «эксплуатировалась» детерминанта человеческой деятельности (хотя и в самом широком ее понимании), причем кое-что здесь бралось и из эволюционистской деятельностной методологии К. Маркса. (Впрочем, здесь учитывалось многое из того, что связано с неклассической деятельностной методологией.)

В.А. Мазиллов в своем проекте интегративной методологии психологии как коммуникативной по сути делает упор на детерминанте общения, присутствующей в деятельности научного сообщества.

Когда мы сами говорим о синтезе четырех типов научной картины мира (классическая, эволюционистская, неклассическая и постнеклассическая) (Шадрин, 2015) в формировании «стереоскопической» картины внутреннего мира человека, что частично прослежено выше, то по сути дела имеем здесь в виду роль детерминанты образа, однако в самом широком его понимании (образ мира или его больших фрагментов, с которыми имеет дело научное сообщество и т.д.).

Не настало ли для нас, психологов, время акцентировать (несмотря на «предрассудки» классической науки) роль детерминанты мотивации – в той мере, в какой она соприкасается с деятельностью психолога-практика или психолога-исследователя? (Хотя, по-видимому, детерминанта образа и, прежде всего, интеллектуального образа больших фрагментов окружающего мира останется для науки ведущей.)

Думается, детерминанта мотивации научной деятельности критична лишь на стадии формирования методологии постнеклассической науки (она находится сейчас в состоянии достаточно болезненного становления).

Действительно, для психологов ценности – это форма мотивации, причем одна из высших, а постнеклассическая методология как раз и предполагает введение ценностей в состав объяснительных моделей (Л.А. Никитич), не говоря уже о «ценностях практического психолога» и т.д.

Однако ценности, неслучайно названные Д.А. Леонтьевым максимально «генерализованными мотивами-смыслами», есть только у 1% населения (А. Маслоу). В.Н. Дружинин осмеливался даже утверждать, что ученых с подлинно научной (ценностной) мотивацией сейчас не более 0,1%! Несформированность ценностной мотивации (а также полноценных концепций ценностей) у массы психологов тормозит становление постнеклассического видения внутреннего мира человека и интегративные процессы в психологии. И надо бы начать обращать внимание на наличие хотя бы конвенционально-нормативного, а затем и «постнормативного» (ценностного) уровня мотивов занятия наукой!

Пора бы, пожалуй, уже перестать лишь «охать и ахать» по поводу падения уровня профессионализма в современном психологическом сообществе и в знаменитом пафосном восклицании Сеченова «Кому и как разрабатывать психологию?» (название одного его трактата) сделать упор именно на вопросе «Кому...?». Тем более что в условиях системного кризиса нашего социума (экономики) была бы нецелесообразной дальнейшая трата значительных материальных средств (да и просто человеческих усилий) на мало полезные «плюралистические» упражнения во имя простого умножения числа моделей психической реальности.

Литература

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002.

Кабрин В.И. Антропологическая судьба субъекта // Методология и история психологии. 2010. – №1. – С.52–69.

Логинова Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университеті, 2001.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Шадрин Н.С. Потерянный и возвращенный мир: Об отчуждении личности и путях его преодоления. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014а.

Шадрин Н.С. Мир личности и проблемы интеграции ее деятельного существования в многообразии культурно-ментальных миров // Наука и мир. 2014б. – №9. – С.159-165.

Шадрин Н.С. Дезинтеграция психологического знания как препятствие анализу отчуждения личности и поиску практических путей его преодоления // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2015. – С.494-537.

Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.

БОРЬБА ИДЕЙ КАК ГЛАВНАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Шаповаленко З.И.

Ставропольский государственный педагогический институт, Россия

В статье показано, какую роль сыграла одна из ведущих психологических закономерностей – борьба идей материализма и идеализма в трудах зарубежных и отечественных ученых в процессе развития и становления психологии как науки с античности и по настоящее время.

Ключевые слова: психологическая закономерность, материализм, идеализм, душа, идеологизация, рефлексология, деидеологизация, парапсихология, пси-феномены.

FIGHTING IDEAS AS THE MAIN DRIVING FORCE OF THE HISTORY OF PSYCHOLOGY

Shapovalenko Z.

Stavropol State Pedagogical Institute, Russia

The article shows the role played by one of the leading psychological patterns - the struggle between materialism and idealism ideas in the works of foreign and domestic scientists in the process of development and establishment of psychology as a science, from antiquity to the present time.

Keywords: psychological pattern, materialism, idealism, soul, indoctrination, reflexology, deideologization, parapsychology, psy-phenomena.

История психологии является одной из основных отраслей психологии, преподавание которой представляет особую значимость для формирования отношения современных студентов к психологии как науке, ее развитию и становлению. Знания по истории психологии, как междисциплинарной отрасли, необходимы для понимания различных направлений и теорий, возникающих и развивающихся в русле современной психологии.

Как указывал В.А. Якунин (Якунин, 2001), заметное «возвышение» истории психологии обусловлено ее особым положением, которая она как специфическая область знаний занимает в структуре психологической науки, представляя собой такую систему знаний, которая охватывает собою фундаментальные проблемы философии и методологии, естественно-научные основы психических явлений и структуру собственно психологических знаний.

В процессе преподавания психологии для студентов гуманитарной направленности особый акцент делается на основные закономерности ее развития, которые красной строкой проходят через все содержание преподаваемого курса. К ним относятся (Ждан, 2004):

1. Борьба идей: материализма – идеализма, прослеживаемая в трудах зарубежных и отечественных психологов.
2. Выработка единой теории (поиск общего объяснительного принципа для всех психических явлений).
3. Влияние экономического развития общества на развитие психологии.
4. Взаимодействие психологии с другими науками, характеризующими ее развитие на всех этапах исторического развития общества.

Борьба идей, базирующихся на материалистических и идеалистических взглядах, является одной из главных закономерностей развития психологии, прослеживаемой начиная с VI века до нашей эры по настоящее время. Материалистический подход в интерпретации психологии основывается на причинном объяснении психики и вступает в противоречие с идеалистическим подходом, рассматривающим психику и сознание как духовные субстанции.

Особо ярко данная психологическая закономерность развития психологии представлена в античный период развития психологической мысли в трудах Демокрита, Аристотеля, Платона и др. Первой формой древнегреческой философии являлось материалистическое учение о душе (VI веке до н. э.), согласно которому все существующее состоит из атомов – мельчайших субстанций, неделимых и недоступных чувствам человека. По мнению Демокрита, душа также материальна, а сущность формулы соотношения души и тела состоит в том, что душа является продуктом организации тела (Асмус, 2005).

На смену материалистическому учению о душе приходит идеалистическое учение Платона (427 – 347 гг. до н. э.) являющегося родоначальником объективного идеализма, несмотря на то, что идеалистическая тенденция в трактовке души впервые прозвучала у Сократа. Платон изучал идеи («Душа как созерцательница идей»). В его понимании соотношение идей и вещей такового, что в нем миру идей принадлежит неоспоримый приоритет. Природа души, по Платону, сродни природе идей, следовательно, душа первична (Асмус, 2005).

Аристотель, выдающийся философ, ученый-провидец, написавший первое психологическое учение «Трактат о душе», одновременно стоял на позициях идеализма и материализма. Созданная им классификация души отражает идеи материализма и идеализма. Первые две ступени: растительную и животную – он объясняет материалистически. Разумная душа (третья ступень), по Аристотелю, идеальна (Аристотель, 1983).

Борьба между материалистическими и идеалистическими взглядами продолжалась и в эпоху Нового времени. Рене Декарт – яркий представитель этого периода (середина XVI века) также придерживался одновременно позиций материализма и идеализма в рассмотрении основной проблемы психологии – соотношения души и тела. Сопоставление телесной и духовной субстанции привело Декарта к выводу о том, что чисто материальные вещи – это вся природа: небесные и земные тела, растения, животные, а также человек. Мыслящая вещь или субстанция, сущность которой заключается только в одном мышлении, – это душа (Декарт, 1989).

Представители двух разных стран: немецкие философы-идеалисты (Г. Гегель, Х. Вольф, И. Кант, И. Фихте и др.) и французские материалисты-энциклопедисты (Э. Кондильяк, Д. Дидро, Ж. Ламетри, П. Кабанис и др.) противопоставляли идеалистическое понимание психики материалистическому (Шульц, 2002); отстаивая свои взгляды в научных трудах той эпохи, в которой они жили и творили. Например, представитель немецкой эмпирической психологии Х. Вольф, выпустивший книги: «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734), предметом первой считал факты о жизни души и ее существовании. Предметом второй психологии были рассуждения о сущности, месте пребывания, свободе и бессмертии души. В свою очередь, Пьер Кабанис, представитель французской эмпирической психологии, выдвинул формулу, согласно которой сознание является функцией мозга (наблюдения из опыта французской революции). Он утверждал, что движения обезглавленного тела носят рефлекторный характер и не осознаются.

Борьба идей материализма и идеализма особо обостряется в развитии российской психологии в начале 30-х годов XX века. На первом российском съезде по психоневрологии (1923) впервые была выдвинута идея (в докладе К.Н. Корнилова) о применении марксизма в психологии, что послужило началом идеологизированной перестройки психологии как науки. Вслед за этим последовали репрессии, сопровождающиеся физическим уничтожением и изгнанием многих ученых (30-40-е годы). Развитие психологии в России в духе диалектического материализма приобретало особую актуальность, что привело к очередному кризису психологии. Научное направление, созданное еще И. М. Сеченовым, (Сеченов, 2001); выступало наиболее адекватным материалистическому мировоззрению и приобретало огромную популярность под названием рефлексологии – науки, изучающей целостное поведение человека.

И только в начале 90-х годов XX века в России произошла деидеологизация психологии, состоящая в снятии идеологических оков с психологической мысли. Главным фактором деидеологизации психологии стала реконструкция ее историографии. Все психологические учения до этого времени историки делили на два враждующих лагеря: материалистов и идеалистов. Все, что относилось к идеализму, характеризовалось как «реакционное», «антимарксистское», «буржуазное».

Всем трудам, отражающим материалистические идеи и взгляды, напротив, приписывался «знак качества». Только с 80-х годов XX века психология смогла включиться в общий поток мировой психологической мысли. Отказ от противопоставления российской психологии зарубежной – важная веха в ее развитии. Выражение «буржуазная наука», «служанка империализма» (Ждан, 2004); навсегда вышло из употребления российских психологов. С враждой между материалистами и идеалистами было покончено, но борьба идей, соответствующих материалистическому и идеалистическому мировоззрению продолжалась, тем самым давая толчок развитию психологической науки.

В современный период влияние этой закономерности не ослабляется, а только возрастает. Появилась такая отрасль знаний, как парапсихология, вначале этот термин использовался для условного обозначения некоторой области необычных явлений, объяснение которых было невозможно, с точки зрения традиционного естествознания. Однако, в современных психологических словарях указывается, что парапсихология (психотроника) – научная дисциплина, изучающая взаимодействие человека с внешним миром, не вписывающееся в общепринятую картину мира (Мещерякова, 2007, с.487).

Появляется классификация основных парапсихологических феноменов, таких, например, как: проскопия (предвидение), лозискательство (биолокационный эффект), психокинез (телекинез), полтергейст и многие другие, которые не поддаются объяснению с научной точки зрения.

Человечество в последнее время накопило неопровержимые факты, свидетельствующие о наличии парапсихологических феноменов, поэтому интерес к парапсихологии с каждым годом все больше растет. Появляются центры парапсихологии, в том числе и в России, в мире функционирует более 100 кафедр парапсихологии (Сельченков, 2004); первая из которых возникла в Калифорнийском университете Дж. Мишлофа.

В связи с этим растет и количество литературы, посвященной этой проблеме. Так, библиография небольшой книги А.П. Дубова и В.Н. Пушкина «Парапсихология и современное естествознание» (1990) включает в себя 534 литературных источника.

Созданы и разработаны различные методики, объективизирующие пси-явления и экстрасенсорные возможности человека. Среди таких методик можно отметить: аурографию по П.Ч. Гуляеву, фотографирование

биополя по С.Д. Кирлиану, уникальный метод фиксации биопотенциалов при телепатическом эффекте американца Стенли Криппнера и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что развитие психологии, как универсальной отрасли знаний, на протяжении более, чем 2,5 тысяч лет во многом обусловлено одной из движущих сил ее развития – борьбой идей материализма и идеализма, как ведущей психологической закономерности.

Литература

Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2005.

Аристотель. Соч.: В 4т. М.: Мысль, 1983.

Декарт Р. Избр. произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1989.

Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. М.: Академический Проект, 2004.

Современная парапсихология: Хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. Минск: Харвест, 2004.

Современный психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ; Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.

Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001.

Шульц Д.Н., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.

Якунин В.А. История психологии. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2001.

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Шрагина Л.И.

Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова, Украина

В контексте функционально-системного подхода рассмотрены метакогнитивные процессы, направленные на контроль и регуляцию познания.

Анализ позволил выделить особый класс управляющих систем, возникающих и функционирующих только в процессе, в частности, при потребности субъекта контролировать и управлять своими когнитивными процессами.

Ключевые слова: метакогнитивные процессы, метакогнитивная функция, функционально-системная методология, метасистема, метасистемная функция.

METACOGNITIVE PROCESSES IN CONTEXT OF SYSTEMIC METHODOLOGY

Shragina L.I.

Odessa National I.I. Mechnikov University, Ukraine

In the context of functional-systemic approach the metacognitive processes directed to control and regulation of cognition are considered. Analysis allowed identifying a particular class of control systems arising and functioning only in the process, particularly, when the subject needs to control and managing his cognitive processes.

Keywords: metacognitive processes, metacognitive function, functional-systemic methodology, metasystemic function.

Возможность психологии как науки
есть методологическая проблема прежде всего.

Л.С. Выготский

Проблемы невозможно решить,
находясь на том же уровне мышления,
на котором ты создал их.

А. Эйнштейн

Возможности выделения в целостной психике различных феноменов и их изучение, а также метод, каким будет исследоваться психическое – проблема, в первую очередь, методологическая. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна создавать новые модели (Мазиллов, 2015).

Современная системная методология психологии рассматривает человека в связи с окружающим миром. При этом возникает непростая исследовательская задача: изучать то или иное явление, учитывая его системные (интегральные) качества, связи с другими явлениями жизни и деятельности субъекта, целостный характер их развертывания во времени, разноуровневость организации, принадлежность к разным научным парадигмам (Барабанщиков, 2007).

Исследования вскрывают парадоксальную, непонятную с точки зрения классических представлений картину организации психического, считает А.В.Карпов, требующую новых, неклассических подходов самого принципа системного подхода (Карпов, 2007).

Еще более категоричен И.Е.Гарбер: «Современный этап развития общества дает психологии уникальный шанс сократить разрыв с естественными и инженерными науками. Настаивая на своем особом пути, противопоставляя методы изучения и технологии преобразования внут-

ренного мира тем, что успешно применяются во внешнем мире, психологи рискуют остаться в изоляции от других ученых...» (Гарбер, 2007, с.500).

Методологическая проблема, на наш взгляд, вызвана тем, что сама природа психического изначально является междисциплинарной, так как психология находится на пересечении естественных, технических и гуманитарных наук.

Результаты проведенных нами исследований позволяют считать, что недостаточная эффективность применения системного подхода как объяснительного принципа в психологии связана еще и с отсутствием разработанного категориального аппарата, обеспечивающего понимание функционирования психических процессов как систем (Шрагина, 2015).

Потребность в адекватной методологии привела нас к функционально-системному подходу (ФСП), разработанному в техническом творчестве для поиска решения технических проблем и реализованному в теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) (Альтшуллер, 1979; Меерович, Шрагина, 2016).

Опираясь на законы развития искусственных систем, в соответствии с которыми любая искусственная система (ИС) создается для выполнения определенной основной функции, автором данной работы (в соавторстве с М.И. Мееровичем) при разработке структуры ФСП как методологии анализа ИС были уточнены содержания базовых понятий системного подхода, в том числе понятие «системообразующая функция», и ее роль в создании искусственной системы.

Опираясь на понятие, что система – это комплекс взаимодействующих элементов, предназначенных для выполнения основной функции и создающих своим объединением новое системное свойство, системообразующую функцию можно определить, как комплекс действий, которые создают из отдельных элементов систему, обладающую необходимым системным свойством и обеспечивающую достижение системного эффекта (Шрагина, 2015).

Однако, чтобы с помощью данного комплекса действий достичь результата, необходимо осуществлять управленческо-контролирующие действия, что позволяет нам, опираясь на метасистемный подход А.В. Карпова (Карпов, 2007), ввести понятие метасистемная функция – психическая функция, выполняющая управленческо-контролирующие действия при создании субъектом искусственной системы как во внешней среде, так и в его внутреннем мире.

Содержание методологических понятий ФСП «системообразующая функция» и «метасистемная функция» в контексте психического согласуется с результатами исследований о форме и сущности функционирования психики, полученными Е.Е.Соколовой: «Если психика является функцией деятельности субъекта в мире объектов, то деятельность – субстанцией психического. Таким образом, ни в какой форме, кроме деятельностной,

психика не существует. <...> Психика как функция деятельности появляется, вообще говоря, одновременно с деятельностью, которая исходно существует лишь во внешне-практических своих формах» (Соколова, 2007, с.304).

Проблема регуляции познавательной деятельности психики и идея о наличии в психике процесса, управляющего когнитивными процессами, в различных вариантах присутствует в работах многих исследователей, особенно XX ст. На наш взгляд, вплотную к ее решению подошел Ж.Пиаже, выявив механизмы развития произвольной регуляции мыслительных процессов, но остановился на значении «внешнего фактора» как первоисточника толчка к развитию. Способность психики человека контролировать выполняемые им познавательные процессы и таким образом управлять своей познавательной деятельностью, находиться над процессом, «вне его» (meta), наиболее четко сформулировал Джон Флэйвелл, определив как метапознание – «познание о познании». В дальнейшем Флэйвелл выделил четыре компонента метапознания как четыре метакогнитивных процесса: метакогнитивные знания, метакогнитивный опыт, задачи или цели и стратегии или действия (Flavell, 1976).

Выделим, с позиций ФСП, основную функцию метакогнитивных процессов – произвольно управлять когнитивными процессами с целью достижения желаемого результата. Способность психики выполнять метакогнитивный процесс – процесс по управлению процессами – и тем самым управлять своей познавательной деятельностью включает в себя активный контроль над выполняемыми субъектом познавательными процессами по направлению к поставленной цели.

Такой подход соответствует концептуальному принципу построения систем управления, основная функция которых – выполнять комплекс действий по поддержанию заданных параметров технологического процесса. Принципиальным отличием психических систем управления от искусственных систем, созданных для управления материальными объектами, является то, что человек при необходимости контролировать и управлять своей внешней и «внутренней» психической деятельностью выступает одновременно и субъектом, и объектом управления. В качестве примера такого вида деятельности рассмотрим, как в действиях субъекта проявляется управление процессом изготовления нового изделия – материального или «идеального» (напр., поэтического образа). На первом этапе, этапе анализа, идет оценка – сравнение исходного, «чернового» варианта заготовки или образа с необходимым субъекту видом этого изделия, и выявляются различия между ними. На основании этих различий по цепи обратной связи вносится корректировка в обрабатываемый продукт, затем дальнейшая обработка и новое сравнение – до тех пор, пока параметры корректируемого «изделия» не совпадут с такими, которые необходимы субъекту.

Приведенный пример показывает, что, если элементами материальных и «идеальных» систем выступают различные устройства, детали, материалы, слова, краски, звуки и т.д., то есть элементы вещественные, то в системе управления психическими процессами в качестве элементов выступают непосредственно сами психические процессы.

С целью уточнения функционирования метакогнитивных процессов как систем управления рассмотрим их с позиции авторского ФСП и, опираясь на понятие система (Меерович, Шрагина, 2016), введем ряд определений.

Метасистема – это система психических действий субъекта, возникающая и функционирующая только при потребности субъекта контролировать и управлять своими когнитивными процессами.

Структурно метасистема представляет собой комплекс определенных психических операций (действий), взаимодействие которых создает системное свойство, обеспечивающее субъекту способность контролировать и управлять процессом.

Метасистема существует только в процессе, во время выполнения своей функции, поэтому форму ее существования можно рассматривать как метасистемную функцию – психическую функцию, выполняющую управленческо-контролирующие действия в процессах метапознания (метакогнитивные знания, метакогнитивный опыт, задачи или цели и стратегии или действия, необходимые при создании искусственной системы как во внешней среде, так и во внутреннем мире субъекта).

Элементы метасистемы – психические операции (действия) разных уровней, «участвующие» в метасистеме при ее функционировании.

Свойство элементов метасистемы – способность выполнять определенные психические операции (действия).

Системообразующий фактор метасистемы – потребность субъекта в управлении когнитивными процессами.

Системообразующая функция метасистемы – комплекс действий, которые создают из психических процессов разных уровней метасистему, обладающую необходимым метасистемным свойством и обеспечивающую достижение метасистемного эффекта (результата).

Метасистемное свойство – способность комплекса определенных психических операций (действий) совершать управленческо-контролирующую функцию над процессами, возникающая при взаимодействии выбранных операций.

Метасистемный эффект – результат действия метасистемного свойства функционирующей метасистемы, обеспечивающий функцию управления и контроля над процессами для получения нужного субъекту результата.

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Функционально-системный подход к анализу функционирования механизмов произвольной регуляции подтверждает целесообразность введения понятия «метакогнитивная функция». Это понятие относится к метакогнитивным познавательным процессам, функция которых является управленческо-контролирующей, и выступает инструментом, адекватным как содержанию и механизмам функционирования когнитивных психических процессов, так и методологии их исследования.

2. Специфика метакогнитивных процессов как процессов по управлению процессами позволяет нам определить их как особый, «идеальный» класс систем, представленных только своей функцией. Такие системы существуют только «в движении» как процесс и только при потребности субъекта контролировать и управлять своими когнитивными процессами, что, на наш взгляд, и является существенным отличительным признаком данного класса систем.

Рассмотрение метакогнитивных процессов в контексте функционально-системной методологии обусловлено внутренней логикой развития как психологии когнитивных процессов, так и развитием общепсихологических представлений о функционально-системной организации психики. Это позволило выделить особый класс систем по управлению психическими процессами, которые функционируют только при потребности субъекта контролировать и управлять своими когнитивными процессами.

Литература

Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.: Советское радио. 1979.

Барабаничиков В.А. Принцип системности и современная психология // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2007. – С.268-285.

Гарбер И.Е. Метапсихологический подход к интеграции психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2007. – С.484-502.

Карнов А.В. Предпосылки и перспективы метасистемного подхода в психологических исследованиях // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН. 2007. – С.313-329.

Мазилев В.А. Методология психологической науки: к разработке концепции психологического факта // Методология современной психологии. Вып.5. Сб. под ред. В.В. Козлова и др. М.; Ярославль: ЯрГУ; ЛКНИИ-СИ РАН; МАПН, 2015. – С.95-113.

Меерович М.И., Шрагина Л.И. Технология творческого мышления: практическое пособие. М.: Альпина Бизнес Букс. 2016.

Соколова Е.Е. Методологическое единство contra плюрализм: школа А.Н. Леонтьева против современной дихотомизации психологии // Теория

и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2007. – С.286-312.

Шрагина Л.И. Функция «системообразующей функции» в системном подходе // Психология третьего тысячелетия: II Международная научно-практическая конференция: сб. мат-лов / под общ. ред. Б.Г. Мещерякова. Дубна: Международный университет природы, общества и человека "Дубна", 2-3 апреля, 2015. Дубна, 2015. – С.416-420.

Flavell J.H. Metacognitive Aspects of Problem Solving // The Nature of Intelligence. Hillsdale / ed. by L.B. Resnick. NY., 1976

ДВЕ ПАРАДИГМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Юров И.А.

Сочинский государственный университет, Россия

В статье утверждается, что основными парадигмами отечественной психологии являются диалектико-материалистическая, вошедшая в историю как советская психология (созданная в условиях тоталитарного государства) и гуманистическая (экзистенциальная) психологии. С.Л.Рубинштейн стоял у истоков формирования обеих психологий. Анализ обеих психологий позволяет сделать выводы о том, что принципы и основные положения психологий находятся в диалектической равнозначности.

Ключевые слова: диалектико-материалистическая психология, экзистенциализм, гуманистическая психология, детерминация, единство сознания и деятельности, конгруэнтность, аутентичность, субъект, человек, бытие.

TWO PARADIGMS OF RUSSIAN PSYCHOLOGY

Yurov I.A.

Sochi State University, Russia

The article states that the basic paradigms of national psychology are dialectical materialism, known in history as the Soviet psychology (created in a totalitarian state) and humanistic (existential) psychology. S. Rubinstein was one of the beginners of the formation of both types of psychology. Analysis of both types of psychology allows making a conclusion that principles and fundamentals of both types of psychologies are dialectically equivalence.

Keywords: dialectical materialist psychology, existentialism, humanistic psychology, determinism, the unity of consciousness and activity, the existence, authenticity, subject, object, being.

Проблема государственного детерминизма и гуманистической трактовки человека остается весьма актуальной в отечественной психологии. А.В. Брушлинский пишет: «Гуманистическая трактовка человека противостоит пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося «винтиком» государственно-производственной машины, элементом производительных сил, продуктом (т.е. только объектом) развития общества. Такое антигуманистическое понимание человека, характерное для идеологии и практики тоталитаризма (в частности, для сталинизма и неосталинизма), до сих пор сохраняется – часто неосознанно – во многих (но не во всех) широко распространенных у нас теориях» (Брушлинский, 1994, с.5). Речь идет о диалектико-материалистической и гуманистической психологиях.

С.Л.Рубинштейн возражает против фундаментальных положений субъективного идеализма, материализма и «более утонченной формы натурализма – психологизма» (Рубинштейн, 1994, с.234). Таким образом, он фактически предлагает идею третьего пути, не связанного ни с субъективным идеализмом, ни с материализмом. Вслед за С. Кьеркегором он отвергает материализм и естественно-научные методы исследования гуманитарного знания.

В статье «Принцип творческой самодеятельности» Рубинштейн пишет: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1922, с.106). Из этого определения следует, что деятельность субъектна, она творческая, самостоятельная и совместная.

В идейной борьбе с идеализмом и дуализмом материализм всегда утверждал первичность материальных процессов и вторичность, производность психического, духовного. Брушлинский: «Однако принципиальная ограниченность такого метафизического (недиалектического) материализма состоит в неумении понять активность человека как субъекта, в игнорировании его деятельности» (Брушлинский, 1989, с.67). И далее: «С точки зрения механистического материализма, который критиковал К.Маркс, отражение окружающего внешнего мира в психике человека рассматривается как пассивная рецепция внешнего воздействия человеком его мозгом. Подобную точку зрения Рубинштейн характеризует как пассивизм и подвергает ее резкой и справедливой критике» (Брушлинский, 1989, с.67). Более того, Брушлинский отмечает, что при Сталине (при тоталитаризме) С.Л. Рубинштейн никогда не публиковал свои философско-психологические работы 1910-х и 20 годов.

После 1917-1921 гг. значительная часть отечественных гуманитариев, стоящих на немарксистских и непролетарских позициях, была вынуждена покинуть страну кто на «философском пароходе», а кто и просто бег-

ством за границу. Другая часть (Корнилов, Выготский, Челпанов, Залкинд, Басов, Леонтьев, Лурия, Смирнов и др.), пыталась связывать психологическую науку с позициями философии Маркса. Но эти первые попытки не увенчались успехом в связи с тем, что марксистская философская была рассмотрена неглубоко и с конъюнктурных позиций, главное, не с позиций формируемого Сталиным тоталитарного, моноидеологического государства.

Такое положение (отсутствие научно обоснованной связи марксизма с психологией) дало право одному из ведущих философов того периода, идеологическому помощнику И.В. Сталина – А.М. Деборину писать: «В высшей степени странным и непонятным является, например, то обстоятельство, что марксистские психологи до сих пор даже не подумали о том подходе, который рекомендуется Марксом в области психологии» (Деборин, 1930, с.16). Значительную, если не решающую идеологически-стимулирующую роль сыграла статья И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», которая фактически выступила в качестве социального заказа на формирование не только гуманитарных наук, но и марксистской психологии (Сталин, 1931).

Именно в это время были опубликованы «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Диалектика природы» Ф. Энгельса, «Философские тетради» В.И. Ленина, особое место занимает «Экономически-философские рукописи 1844 г.» К.Маркса, в которых он наиболее полно представляет не только свои философские, но и систему взглядов о психологии. Рубинштейн первым из отечественных философов в своей работе «Проблемы психологии в трудах К. Маркса» блестяще, научно и аргументировано (по Брушлинскому) применил марксову философию (после статьи И.Сталина?) для углубления и дальнейшей разработки своего подхода к структуре, содержанию и обоснованию психологии.

Рубинштейн, анализируя философские произведения Маркса, отмечает связь материального производства и производственных отношений между людьми (опредмечивание субъекта). В подтверждении Рубинштейн ссылается на слова Маркса: «история промышленности и возникшее предметное бытие промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией» (Рубинштейн, 1973, с.24).

Таким образом, считает Рубинштейн, в труде субъект не только объясняет, но преобразует и «очеловечивает» природу, так и сама природа (материальный мир) воздействует на человека. В подтверждение своей позиции он приводит слова Маркса: «Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной человеческой чувствительности: такие чувства, которые способны в человеческом наслаждении и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы. Ибо... человечность

чувств возникает лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря очеловеченной природе» (Рубинштейн, 1973, с.25-26). Исходя из этого, Рубинштейн отмечает, что нет ни бессубъектной деятельности, ни бездеятельного субъекта, но в деятельности проявляется единство личности и субъекта деятельности.

Рассматривая взаимодействие материального мира и субъекта деятельности, Рубинштейн предлагает новую трактовку социальности как взаимосвязей между людьми в результате совместной производственной деятельности, т.е. материальное всегда первично, а духовное, психическое вторично.

12 сентября 1938 года выходит статья Сталина «О диалектическом и историческом материализме», которая сразу же становится официальным документом для всех гуманитарных наук (Сталин, 1938). Рубинштейн не мог не руководствоваться основными положениями сталинской статьи и внес соответствующие коррективы в систему своих философско-психологических идей и положений, усилив аргументацию диалектико-материалистического принципа детерминизма и принципа единства сознания и деятельности. Это стало основанием для формирования диалектико-материалистической парадигмы отечественной психологии.

Одна из важнейших проблем – проблема свободы человека в бытии. Рубинштейн пишет: «Проблема свободы выступает в трех аспектах: а) как самоопределение – роль внутреннего в детерминации поведения на разных уровнях; б) как свобода человека в общественной жизни (свобода личности и общественное принуждение); в) как свобода в Спинозовском смысле (контроль сознания над стихией собственных влечений)... Таким образом, свобода – это не только отрицание данного, как утверждают экзистенциалисты, но и утверждение его. Свобода – это и отрицание и утверждение данного. С этих позиций и идет марксистская критика экзистенциализма» (Рубинштейн, 1973, с.360). В этом высказывании Рубинштейна явно прослеживается единая линия в работах 10-начала 20 гг. и книги «Человек и мир», т.е. фактически о философии экзистенциализма, т.е. гуманизма, ибо Ж.-П.Сартр так прямо и говорил, что «экзистенциализм – это и есть гуманизм» (Сартр, 1990, с.319).

Положения Рубинштейна позволяют Брушлинскому отмечать, что если социальные нормы и требования сводятся к принуждению, с помощью которых государство навязывает (нередко даже насильственно) индивиду определенный устав поведения и ограниченный набор духовных ценностей (от социального к индивидуальному), то это не гуманизм. В противоположность этому гуманистическая трактовка человека предполагает, что в его жизни все большее место и большее значение занимает самоформирование (внешнее через внутреннее).

Позднее Рубинштейна, только в 1927 году М.Хайдеггер в «Бытии и времени» считал, что подлинность (аутентичность) и неподлинность явля-

ются результатом выбора каждого человека. Подлинное существование у Хайдеггера связано с принятием программы жизнедеятельности. Живущий неподлинно бежит от собственной свободы и ответственности, а аутентичное существование связано с адекватной оценкой прошлого и возможностей реального (Хайдеггер, 2003).

По мнению Бинсвангера, при трансцендированном подходе следует различать содержание и понятия субъекта и объекта. Из этого следует, что Бинсвангер разводил понятия субъекта и объекта, которые отражают диалектическую теорию мира. Свое отношение к детерминации Бинсвангер выразил так: «Тот факт, что наша жизнь детерминирована силами природы – это только часть правды; другая ее часть заключается в том, что мы сами детерминируем эти силы, как и нашу собственную судьбу» (Binswanger, 1956, p.144). Этим положением фактически отрицается детерминизм психического, а его понятие свободы зиждется на индетерминизме. То есть он и как Хайдеггер стоял на позиции индетерминизма.

Босс также как и Хайдеггер и Бинсвангер относится к проблеме аутентичности/неаутентичности человека. Он пишет, что «человек должен принять свои жизненные возможности, он должен сделать их своими, собрать в собственном аутентичном Я, не удерживая в зауженном менталитете анонимного, неаутентичного «каждого». Свобода человека – в готовности принять все это и в том, чтобы позволить этому быть...» (Boss, 1963, p.48).

Ж.-П.Сартр отрицает детерминизм психического, специально подчеркивая, что сущность и существование экзистенциализма – это гуманизм человеческого существования (Сартр, 1990, с.319). По его мнению, познаваемые вещи не могут быть сведены к сознанию, он специально подчеркивает разрыв сознания и деятельности: «В сознании... все ясно и прозрачно: объект с характерной для него непрозрачностью находится перед сознанием» (Sartre, 1965, p.24).

В гуманистической (экзистенциальной) психологии основными положениями являются: принцип индетерминизма и критика пандетерминизма, связь бессознательного и деятельности, дизъюнкция сознания и деятельности, конгруэнтность– неконгруэнтность внутреннего и внешнего мира, различение объекта и субъекта, личности и субъекта, внешнее через внутреннее.

С.Л.Рубинштейн является основоположником диалектико-материалистической парадигмы, созданной в условиях тоталитаризма, а ее активными интерпретаторами А.В.Брушлинский и К.А.Абульханова-Славская. Он же стал и основоположником гуманистической парадигмы, к сожалению, не получившей должного развития в отечественной психологии. До сих пор во многих работах (и в докторских диссертациях), подготовленных в разных парадигмах (психоанализ, экзистенциализм и др.) ос-

новными принципами являются единство сознания и деятельности и принцип детерминизма (Юров, 2015).

В условиях научной конвергенции западной и отечественной психологии с целью глубокого и многомерного изучения человека необходимо отказаться от одностороннего применения принципов одной психологической парадигмы, а переходить к системному и комплексному использованию всех принципов современной психологии в их единстве и взаимосвязи (Юров, 2015).

Работы приведенных экзистенциалистов есть не что иное как, с одной стороны, повторение, а с другой – дальнейшее развитие ранних работ Рубинштейна и его позиций, изложенных в работах 1910-20 гг. и книге «Человек и мир».

Таким образом, исходя из работ Рубинштейна и экзистенциалистов можно сделать выводы о том, что принципы и основные положения психологии находятся в диалектической равнозначности: детерминизма и индетерминизма, единства сознания и деятельности, единства бессознательного и деятельности, дизъюнкции сознания и деятельности, конгруэнтность – неконгруэнтность внутреннему и внешнему миру, аутентичность – неаутентичность бытия, единства объекта и субъекта, субъекта и объекта, внутреннее через внешнее и внешнее через внутреннее, «личность» и «субъект», их интегрирующее понятие «индивидуальность».

Литература

Брушлинский А.В. С.Л. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке / С.Л.Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.:Наука, 1989. – С.61-102.

Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.

Деборин А.М. Итоги и задачи на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1930. – №6.

Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж-П. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.Яковлева. М.: Политиздат, 1990.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. 1922. – Т.11. – С.148-154.

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973а. – С.19-46.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973б. – С.255-385.

Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник 92. М., 1994. – С.230-259.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция. 1931. – №6 (113).

Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Газета «Правда», 12 сентября 1938 г.

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.

Юров И.А. С.Л. Рубинштейн: диалектико-материалистическая и гуманистическая психологии // Психолог. №4. – 2015. – С.37-84.

Binswanger L. Existential Analysis and Psychotherapy // Progress in Psychotherapy / ed. by Fromm-Reichmann and Moreno. New York: Grune&Stratton, 1956.

Boss M. Psychoanalysis and Daseinsanalysis. NY. Basic Books, 1963. – P.48-285.

Sartre J.-P. La Transcendance de I Ego // La Transcendance de I Ego. 1965. – P.24-26.

СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАТЕОРИЯ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Янчук В.А.

Академия последипломного образования, Минск, Беларусь

Констатируется состояние дезинтеграции современного психологического знания в контексте проблемы социального прогресса.

В качестве возможного решения этой проблемы предлагается социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория.

Обосновывается идея четырехмерности континуумов психологической феноменологии, системообразующим универсальным основанием которых является культура. Разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание представляется в форме трех четырехмерных континуумов. В соответствии с введенным принципом диалогического интердетерминизма обосновывается интердетерминистский характер взаимодействия составляющих их структурных элементов.

Приводятся теоретические и эмпирические обоснования инновационности метатеории.

Ключевые слова: диалогическая интердетерминация; интеграция; культура; культурно-научная традиция; метатеория; принцип диалогического интердетерминизма; психологическое знание; социальный прогресс; четырехмерные континуумы психологической феноменологии.

SOCIOCULTURAL-INTERDETERMINIST DIALOGICAL METATHEORY OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE INTEGRATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL PROGRESS PROBLEM

Yanchuk V.A.

Academy of Postgraduate Education, Minsk, Belarus

The condition of modern psychological knowledge disintegration in the context of social progress problem is stated. As this problem possible solution is proposed the sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory. The idea of a four-dimensionality of psychological phenomenology continuums which backbone universal basis is the culture locates. The heteroqualitative, multidimensional and multiparadigm psychological knowledge is represented in the form of the three four-dimensional continuums. In accordance with introduced principle of dialogical interdeterminism structural elements of the offered continuums are in condition of interdeterministic interaction. Theoretical and empirical justifications of metatheories innovativeness are presented.

Keywords: cultural-scientific tradition; culture; dialogical interdetermination; four-dimensional continuums of psychological knowledge; integration; metatheory; principle of dialogical interdeterminism; psychological knowledge; social progress.

Осуществление комплексного анализа проблемы социального прогресса предполагает прослеживание эволюции мировоззрения на протяжении истории человечества. Оно потребовало разработки конструкта «культурно-научная традиция», позволившего проследить динамику мировоззренческих оснований различных традиций (культурный синкретизм, теоцентризм, антропоцентризм, модернизм, постмодернизм), дополнив их традицией поликультурного диалогизма, нашедшей свое высшее воплощение в диалоге как условии, механизме и движителе культуры и науки в условиях многообразия (Янчук, 2009, с.264-265). На примере изменений, происходивших на протяжении истории человечества, показано поступательное движение от фрагментарного, фетишизируемого мировоззрения, к более системному, человекоцентрированному знанию, первоначально ориентированному на нахождение универсальных (объективных) законов мироустройства, а затем, столкнувшись с проблемой потенциальной исчерпаемости инновационного и эвристического ресурсов любого знания, основанного на неизменном универсальном основании, приходящего к идее необходимости и продуктивности его многообразия, многоголосости в его постижении, мультипарадигмальности и поливариантности.

Психологическое знание как раз и представляет собой ярчайший пример такой многоликости и многоголосости, правда, в ситуации разго-

вора глухих, стремящихся всеми возможными средствами навязать свою правоту и безальтернативность (Янчук, 2012). Разработка интегративно-эклетиического подхода позволила показать бесперспективность монологических решений и обосновать продуктивность подхода диалогического, предлагающего в качестве альтернативы традиционной логике доказательства или/или логику диалогическую – и/и. (Янчук, 2000). Артикуляция этой логики нашла свое воплощение в авторском определении предмета психологии, позволяющего интегрировать существующее психологическое знание во всем многообразии его представленности в различных системах парадигмальных координат (Янчук, 2006) посредством межпарадигмального диалога (Янчук, 2011). Тем самым был создан основание интеграции психологического знания, приобретшей особую актуальность сегодня в том числе и в связи с исчерпыванием ресурсов «последней надежды» на обретение статуса науки естественно-научного типа посредством использования позитивистской методологии. Наглядным примером чего явилось опубликование результатов фундаментального исследования воспроизводимости результатов 100 экспериментальных и корреляционных исследований, опубликованных в трех известных психологических журналах. Экспертная оценка, проведенная группой из 270 исследователей, показала, что лишь 39% из них могут трактоваться как относительно однозначные, да и то с существенными оговорками (Bohannon, 2015, с.910). Главный редактор журнала Перспективы психологической науки, издаваемого всемирной Ассоциацией психологической науки, Б. Спеллман охарактеризовала сложившуюся ситуацию не иначе как Революция 2.0 (Spellman, 2015, с.886).

Возможный выход предлагает развиваемый мною на протяжении ряда последних лет социокультурно-интердетерминистский диалогического метаподход к анализу психологической феноменологии, артикулированный в рамках одноименной метатеории интеграции психологического знания (Янчук 2006; 2009; 2011; 2015; Yanchuk, 2014). Исходной точкой является предложение авторского решения еще одной актуальной проблемы – интеграции психологического знания – активно обсуждаемой сегодня зарубежными исследователями (Healy, 2012; Smythe, McKenzie, 2010; Valsiner, 2009) в аспекте построения интегративной, плюралистической психологии.

В соответствии с предлагаемым подходом, разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание (в том числе и в отношении правоохранительной деятельности) может быть отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: по критерию разнокачественности природ – биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; по критерию сфер отражаемой реальности – осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; по критерию областей исследований

– личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Визуализация этих пространств представлена на рис. 1.

Рисунок 1. Четырехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое–психическое–социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное) и областей исследований (личность–окружение–активность) психологической феноменологии в контексте их культурной обусловленности

Аспект культурной обусловленности психологической феноменологии является особенно важным в контексте артикулированного В.С. Библером движения от наукоучения – к логике культуры. Многочисленные кросс-культурные исследования приносят этому исчерпывающие подтверждения (Valsiner, 2014a; 2014b).

Центральным в разработанной метатеории является вопрос взаимодействия выделенных измерений представленных континуумов. В отличие от традиционного одностороннего воздействия того или иного фактора детерминистского толка, ситуация их взаимодействия рассматривается мною в контексте комплексного интердетерминационного взаимодействия био-психо-социального или природного, психического и социального. Подтверждением чему является подход «исторической экологии», развиваемый К.Л. Крамлей (Crumley, 1994), подчеркивающий зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды. В нем утверждается, что не только человек адаптируется и регулирует свое поведение по отношению к внешней среде, но, одновременно, он прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия. Причем интердетерминистский характер такого рода взаимодействия сопровождается постоянным изменением условий достижения найденного компромисса, что и выступает одним из ведущих условий развития.

В развитие представленных подходов в рамках авторской социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания мною предложен принцип диалогического ин-

тердетерминизма. Он дополняет принцип реципрокности интердетерминантой культурной обусловленностью, носящей универсальный характер, включив ее также в континуумы биологическое–психическое–социальное и осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное. Этим преодолевается косвенно присутствующее в представленных формализациях Левина, описывающего поведение как функцию от личности и внешнего окружения двунаправленную трансформацию этой формулы в виде $V=f(P \rightleftharpoons E)$, артикулированную в принципе $V=f(P, E)$, и Бандуры предложившего частично реципрокного детерминизма. Как подчеркивает А. Бандура, «в процессе реципрокного детерминизма поведение, внутренние личностные факторы и влияние окружения – это взаимозависимые детерминанты друг друга... поведение и внешние условия функционируют как реципрокно взаимодействующие детерминанты» (Bandura, 1978, с.346). Отличительные особенности анализируемых подходов представлены на рис. 2.

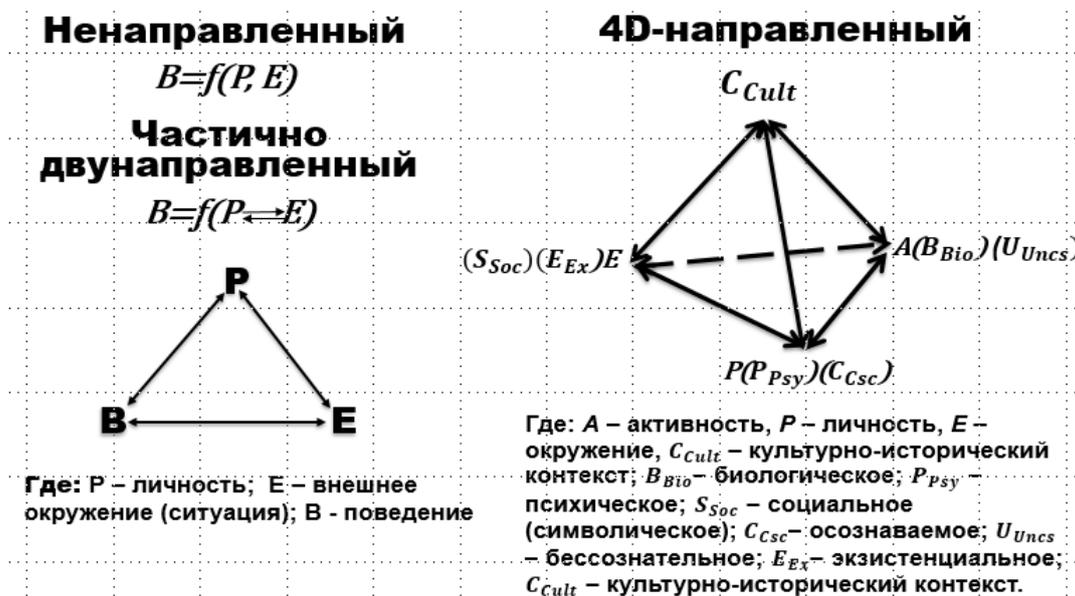

Рисунок 2. Сравнение ненаправленного (Левин), частично двунаправленного (Бандура) и полинаправленного (Янчук) взаимодействия детерминант (интердетерминант) поведения

В предлагаемом подходе это пространство скорее отражает внешнее описание, не претендуя на более глубокие пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства биологическое – психическое – социальное – культурно обусловленное расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии на их комплексность. Здесь речь идет не о состоянии однонаправленной или частично двунаправленной детерминации, а качественно отличном характере взаимодействия диалогического свойства, предполагающего исходную равнозначность, взаимообусловленность и взаимовлияние, приводящего к

формированию нового качественного состояния, не представленного в отдельно взятых детерминантах. Можно говорить о некоторой аналогии с Вертгеймеровским гештальтом, представляющим обретение целым нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей.

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самостоятельного, а только во взаимоотношении с другими.

Приставка «интер» показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровнях, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего связанного с осмыслением пространства. Значение находится ни «внутри» ни «вовне»: оно находится «между» (Mininni, с.24-25). Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, во-вторых, расширении горизонтов постижения, в-третьих, обретении нового качества взаимодействующими сторонами (Бахтин, 1994).

Комплексность природы феноменологии социального прогресса в контексте диалогической интердетерминации находит свое выражение в ряде требований к ее изучению:

- формирования толерантности к существующему многообразию подходов, создающей фундамент для интегративной эклектизации совместно принимаемых решений, вырабатываемых на диалогическом основании;
- учета культурной обусловленности психологической феноменологии с учетом ее поликультурного многообразия, предполагающего нахождение этико-имического баланса;
- акцентирования внимания на диалогической интердетерминированности, приводящей к обретению нового качества, не представленного во взаимодействующих частях, с проектированием его обретения и связанных с ним изменений, достигаемых только посредством и в процессе поликультурного диалога.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Наукова думка, 1994.

Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.

Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск: Бестпринт, 2000.

Янчук В.А. Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. – Вып.1. – С.193-206.

Янчук В.А. Прогресс в углублении понимании психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Критерии и признаки прогресса психологической науки / под ред. А.Л. Журавлева и др. М.: ИП РАН, 2009. – С.262-285.

Янчук В.А. Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Современные парадигмы психологической науки / под ред. А.Л. Журавлева и др. М.: ИП РАН, 2011. – С.253-268.

Янчук В.А. К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания / От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сб. мат-лов юбилейной конференции: В 5 т. Т.1 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-центр, 2015. – С.136-138.

Bandura A. (1978) The Self-System in Reciprocal Determinism. *American Psychologist*. 33(4), – 345-358.

Bohannon J. (2015) Many psychological papers fail replication test. *Science*, 349(6251), 910-911; 943.

Crumley C.L. (1994) Historical ecology: a multidimensional ecological orientation. In C.L. Crumley, ed., *Historical Ecology: Cultural Knowledge and Changing Landscapes*. Santa Fe, NM: School of American Research Press, pp.1-16.

Healy P. (2012) Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutico-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation. *New Ideas in Psychology*, 30, 271-280.

Mininni G. (2010). The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction IPBS: *Integrative Psychological & Behavioral Science*, 44(1), 23-29.

Smythe W. E., & McKenzie, S. A. (2010). A vision of dialogical pluralism in psychology. *New Ideas in Psychology*, 28(2), 227-234.

Spellman B.A. (2015) A Short (Personal) Future History of Revolution 2.0. *Perspectives on Psychological Science*, 10(6), pp.886-899.

Valsiner J. (2009) Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft. *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 43, pp.1-21.

Valsiner J. (2014a). Needed for cultural psychology: Methodology in a new key *Culture & Psychology*, 20(1), pp.3-30.

Valsiner J. (2014b). *An Invitation to Cultural Psychology*. SAGE Publications.

Yanchuk V. (2014) Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening. *Open Journal of Social Sciences*, 2, pp.178-191.

Международная научно-практическая конференция

**ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА:
РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(25-27 апреля 2016 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЧАСТЬ 1

Научное издание

Печатается в авторской редакции

Формирование макета сборника
Николаева Н.А., Строганова Г.В.